

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2024 Том 24 № 4

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2024 Volume 24 No. 4

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba**

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: СОЦИОЛОГИЯ

ISSN 2313-2272 (Print); ISSN 2408-8897 (Online)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (*Committee on Publication Ethics*) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

ISSN 2313-2272 (Print); ISSN 2408-8897 (Online)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (*Committee on Publication Ethics*) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 23.12.2024. Выход в свет 30.12.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 24,85. Тираж 500 экз. Заказ № 1720. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Аль Гарайбе Ф., профессор социальной работы и социальной политики, директор научно-исследовательского Института гуманитарных и социальных наук, Университет Шарджи (ОАЭ); профессор кафедры социальной работы, Университет Иордании

Базаров А. В., доктор исторических наук, профессор, академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, научный руководитель Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаривили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Горшков М.К., академик РАН, доктор философских наук, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, директор Института социологии ФНИСЦ РАН

Данилов А.Н., доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Егорышев С.В., доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Ивченков С.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета Саратовского национально-исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, заведующая лабораторией исследования здоровья населения и системы здравоохранения Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, заведующая лабораторией социологических и фокус-групповых исследований факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Чулуун С., доктор истории, академик Монгольской академии наук, Генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведческих исследований, директор Национального музея Чингисхана (Монголия)

Шастри С., доктор философии, профессор, вице-канцлер университета Джагран Лейксити (Индия)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио-Гранде-ду-Сул (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Эбзеева Ю.Н., доктор социологических наук, первый проректор-проректор по образовательной деятельности Российского университета дружбы народов

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-20-12, e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: narbut-np@rudn.

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Al Gharaibeh F., Professor of Social Work and Social Policy, Director of the Research Institute of Humanities and Social Sciences, University of Sharjah (United Arab Emirates); Professor, Department of Social Work, University of Jordan

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Scientific Director of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Bazarov A.V., D.Sc (History), Professor, Academician of Russian Academy of Sciences, Head of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of RAS (Russia)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Chuluun S., PhD (History), Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Secretary General of the International Association of Mongolian Studies, Director of the Chinggis Khaan National Museum (Mongolia)

Daniilov A.N., D.Sc. (Sociology), Corresponding Member of National Academy of Sciences of Belarus, Head of Sociology Chair, Belarusian State University (Belarus)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Ebzeeva Yu.N., D.Sc (Sociology), First Vice-Rector for Educational Work, RUDN University (Moscow, Russia)

Egoryshev S.V., D.Sc (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Head of Institute of Sociology of FCTAS of RAS (Russia)

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Ivchenkov S.G., D.Sc (Sociology), Professor, Dean of Faculty of Sociology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Russia)

Kuropjatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Laboratory for Population Health and Health System Studies, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Chair of Social Philosophy and Philosophy of History, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Laboratory of Sociological and Focus-Group Research, RUDN University (Russia)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Shastri S., PhD (Philosophy), Professor, Vice Chancellor, Jagran Lakecity University (India)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Faculty of Humanities, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*

Computer design: *Irina A. Chernova*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 1, 117198 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russian Federation

6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation

Printed at the RUDN Publishing House: 3 Ordzhonikidze St., 115419 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Кравченко С.А. Становление синергично сложного социального благополучия: фактор доверия (на англ. яз.).....	895
Капишин А.Е. Трансгрессия романтического направления в западном обществе: единство романтизма и модернизма.....	906
Мартыненко Т.С., Старостина Д.А. Трансформация функций тела в эпоху искусственного интеллекта.....	928
Троцук И.В., Цимбал М.В. Современные магические практики: эмпирический кейс (часть 2)	942
Бабич Н.С., Харун С.М. Модель вектора решений в прогнозировании социального поведения (на примере вторичного анализа данных предвыборных опросов)	959

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Коленикова Н.Д. Социальная справедливость и неравенство в зеркале российского общественного мнения	975
Майорова-Щеглова С.Н., Бессчетнова О.В., Губанова А.Ю. Взросление детей с разным уровнем здоровья: социологический анализ событийности	992
Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. Личная ответственность как фактор консолидации городского сообщества в российском приграничном регионе	1013
Чижова Л.А., Тутыгин А.Г., Стирманова Р.С. Сетевые молодежные сообщества в социокультурном пространстве северного региона: методологические и эмпирические аспекты исследования	1033
Габдрахманова Г.Ф., Галиуллин Р.Д. Российские молодежные некоммерческие организации: политика идентичности и коллективное «я»	1052
Борщевский Г.А. Социологический портрет высшей бюрократии в России (на англ. яз.).....	1068
Попов М.Ю., Тужба Э.Н. Автомобилизация в восприятии населения крупного города	1084
Мамедов А.К., Денисова Г.В., Смирнова О.В., Сапунова О.В. Гейминг как потенциальный источник конфликта с реальной жизнью: оценки молодежи (на англ. яз.)	1096
Бокерия С.А., Андропова А.Р. Особенности восприятия миротворческой деятельности в Африке местным населением (на примере Мали).....	1104

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

Назарова И.Б., Ляликова С.В. Эмоциональное здоровье: понимание и определение.....	1117
Железняков А.С., Никифоров С.В., Чулуун С. Политико-правовые основания взаимодействия России и Монголии как государств-цивилизаций	1133
Музыкант В.Л., Панча Сюркани. Социологический подход к изучению имиджа России в индонезийских средствах массовой информации (на англ. яз.)	1148

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Игнатова Т.А. VI Международная научно-практическая конференция «Социальная динамика населения и человеческий потенциал».....	1158
---	------

НАШИ АВТОРЫ	1163
--------------------------	------

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

- Kravchenko S.A.** Synergistically complex social well-being: The trust factor 895
- Kapishin A.E.** Transgression of the romantic movement in Western society: The unity of Romanticism and Modernism 906
- Martynenko T.S., Starostina D.A.** Transformation of body functions in the era of artificial intelligence 928
- Trotsuk I.V., Tsybal M.V.** Contemporary magical practices: An empirical “case” (part 2) 942
- Babich N.S., Kharun S.M.** Decision vector model in predicting social behavior (on the example of the secondary analysis of the pre-election surveys) 959

CONTEMPORARY SOCIETY:

THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

- Kolennikova N.D.** Social justice and inequality in the mirror of public opinion: Dynamics and specifics 976
- Mayorova-Shcheglova S.N., Besschetnova O.V., Gubanova A.Yu.** Eventful growing up of children with different levels of health: A sociological analysis 992
- Babintsev V.P., Gaidukova G.N., Shapoval Zh.A.** Responsibility as a consolidation factor in the urban community of the Russian border region 1013
- Chizhova L.A., Tutygin A.G., Stirmanova R.S.** Network youth communities in the social-cultural space of the northern region: Methodological and empirical aspects of the study 1033
- Gabdrakhmanova G.F., Galiullin R.D.** Russia’s youth non-commercial organizations: Identity politics and the collective “I” 1052
- Borshchevskiy G.A.** Sociological portrait of the higher bureaucracy in Russia 1068
- Popov M.Yu., Tuzhba E.N.** Automobiliation in the perception of the population of a large city 1084
- Mamedov A.K., Denissova G.V., Smirnova O.V., Sapunova O.V.** Gaming as a potential source of conflict with real life: The youth’s assessments 1096
- Bokeriya S.A., Andronova A.R.** Perception of peacekeeping activities in Africa by the local population (on the example of Mali) 1104

SOCIOLOGICAL LECTURES

- Nazarova I.B., Lyalikova S.V.** Emotional health: Understanding and definition 1117
- Zhelezniakov A.S., Nikiforov S.V., Chuluun S.** Political-legal foundations of interaction between Russia and Mongolia as states-civilizations 1133
- Muzykant V.L., Panca Syurkani.** Sociological approach to the study of Russia’s image in the Indonesian media 1148

SCIENTIFIC LIFE

- Ignatova T.A.** VI International Scientific-Practical Conference “Social dynamics of population and human potential” 1158

- AUTHORS** 1163

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-895-905

EDN: QLEMYP

Synergistically complex social well-being: The trust factor*

S.A. Kravchenko

Moscow State University of International Relations,
Vernadskogo Prosp., 76, Moscow, 119454, Russia

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35-5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Abstract. In recent decades, the social has acquired a synergistically complex nature (N.I. Lapin), which is caused both by objective determinants of the dynamic development of social, natural and technological realities, potentially increasing the production of various goods and services, and by subjective meanings of the quality of life — in their materialization, an increasing role belongs to the trust factor. Its study is determined by the civilizational crisis of trust, and its underlying causes are rooted in the formation of a qualitatively new “order out of chaos” (I. Prigogine) and in the staging of “mythical narratives” of the desired, “idealized” social well-being (J. Alexander), the false meanings of which destroy traditional values and dehumanize social relations. Under such challenges and scientific approaches to their analysis, the author designs a nationally oriented model of synergistically complex social well-being, based on the system of trust rooted in the genotype of national culture. This model includes the functional basic institutional structures of society, reproduction of traditional values of interpersonal trust, and implementation of humanistically oriented modernization. Under disequilibrium, risks and vulnerabilities, these components ensure the viability and sustainability of this type of well-being. For its sociological diagnostics, humanistically oriented interdisciplinarity is proposed, organically including both new theories of chaos, complexity and nonlinearity, and humanistic concepts of the sovereign national sociology.

*© S.A. Kravchenko, 2024

The article was submitted on 20.06.2024. The article was accepted on 14.10.2024.

Key words: synergistic complexities; “order out of chaos”; synergistically complex social well-being; culture of trust; disequilibrium; risks; vulnerabilities; humanism

The content and conceptual interpretation of social well-being are multifaceted, depending on the historical time and social-cultural space. Since the 1960-s–1970-s, social well-being has been actively studied by representatives of various sciences and sociology. In the most general form, they interpret social well-being as the unity of objective resources and subjective meanings, as a foundation of the well-built life: “it presupposes a routine, but not one that suppresses freedom, but one that accompanies it, regulating the flow of life, providing it with internal logic and predictability”. Unlike happiness, “well-being is more stable” [28. P. 6]. At the same time, well-being becomes increasingly dynamic and complex. Non-linear co-development of social, natural and technical realities have a radical impact on the nature and content of social well-being, providing its objective and subjective determinants with a qualitatively new essence, which produces the synergistically complex well-being [20]. Its multifaceted complexity is determined primarily by global trends of uncertainty. According to I.R. Prigozhin, the accelerating and increasingly complex dynamics has become a factor of this nature-society disequilibrium, which leads to the “end of certainty” [25] and to the emergence of the qualitatively new “order out chaos” [26]. This also applies to the content and nature of social well-being. Global trends of chaos have a negative impact on the content of social well-being. There is a demand to identify factors of its sustainability to reproduce not only an increasing number of material goods and services but also the value content. The most important of these factors is the trust factor.

Objective and subjective determinants of the increasingly complex dynamics of social well-being

First, it is necessary to verify the *complex causality* of the objective trends of uncertainty. V.S. Stepin revealed the nature of disequilibrium: its immanent component is self-regulating systems of a complex type, the qualities of which are not reduced to the properties of their parts. It is such systems that define the image of Russia, its future [31. P. 12]. Systems permanently become more complex, forming the previously unseen hybrids. Thus, J. Urry studies hybrids of the living and the nonliving (social and physical). He argues that the division between the physical and the social is a social-historical product that seems to collapse. This is a new view on human life as interdependent with nature, order and chaos that express a certain state of balance in which components are neither completely locked in a specific place nor completely disappear into anarchy [37. P. 18, 22]: “Society, and hence sociology, are a subject within the analyses of climate change, and more generally within a world of objects, technologies, machines and natural environments... the social and physical/material worlds are utterly intertwined and the dichotomy between the two is an ideological construct to be overcome” [36]. Thus, the content

of social well-being is determined by a multitude of co-functioning systems (many are of a hybrid type), which makes the nature of social well-being very dynamic and complex due to both new opportunities for improving the quality of life and risks of its dehumanization.

Globalization has had an ambivalent impact on social well-being, changing its criteria: on the one hand, more people have focused on benefits of the “open society”, a cosmopolitan way of life; on the other hand, a transition has begun — from nationally organized societies to “global disorganization” [21] that has a negative impact on values. Russia’s transition to openness at the end of the last century led to an increase in the number of economic and everyday benefits, labor and professional opportunities: there are activities in which the boundaries between working and non-working time are erased, and employment is increasingly precarized [33]. However, according to Z. Bauman, “openness” is mostly associated with an irresistible fate, unplanned and unintended side-effects of “negative globalization”... The perverted “openness” of societies enforced by negative globalization is the prime cause of injustice and, obliquely, of conflict and violence” [7. P. 7–8]. The result of the “collateral damage” of “openness” is the ill-being of “gated communities”: “people pay all that money in order to liberate themselves from unwanted company: to be left alone. Inside the walls and gates live loners”. They hope that walls will protect them from fears of danger and will maintain the stability of their well-being [5. P. 66].

According to U. Beck, digital freedom risks have become the basic foundations of well-being: “The more complete and total the invisible global control of information is, the more it disappears from people’s awareness and is rendered invisible”. These risks “are all collateral effects of successful modernization” which manifests the loss of the national state’s ability to ensure democratic control: “Freedom dies without human beings physically hurt” [8. P. 142, 143]. Thus, there is a civilizational crisis of trust. N. Luhmann connects the decline of trust in the modern society with the increase in uncertainties and risks [22]; J. Baudrillard — with the staging of the meanings of the “non-war” and “non-events”, creating the simulated reality [3].

The speed of change as an objective determinant of the nonlinear development of social well-being has become less stable. This produces ambivalent consequences for the quality of life: on the one hand, transformations accelerate, especially the speed of social mobility, and play an increasing role in the dominance and, accordingly, creation of new opportunities for social well-being. Today, the number of positions for which speed acts as a catalyst for a qualitative improvement in well-being has increased many times, providing more viable possibilities for education, professional growth and career. The “fetishism of movement” became a decisive factor for the development of peoples’ social potential [35. P. 197]. On the other hand, these trends sometimes entail dysfunctionality of values and norms, especially of the humanistic component of social well-being. If some people cannot cope with the increasing speed of change, do not have time to reflect on unintentional consequences that traumatize their identity, then fundamentally new, more complex

risks for their well-being may arise, especially for people who, due to their physical, mental or intellectual abilities, will not be able to adapt to the speed of progress. “The game of domination in the liquid modernity is not between the ‘bigger’ and the ‘smaller’, but between the quicker and the slower... Those who are able to accelerate beyond the catching power of their opponents’ rule” [6. P. 188]. Bauman insists on the reconsideration of progress criteria: “Instead of great expectations and sweet dreams ‘progress’ evokes insomnia full of nightmares of ‘being left behind’ — of missing the train” [7. P. 11]. Inevitably, new social risks emerge “to waste economic progress” [7. P. 70]. This can become a latent cause of stress in completely healthy people. Thus, if we do not humanize the speed of change, focusing on the humanistic direction of transformations, risks for social well-being (various uncertainties and tensions) will increase.

Subjective trends of uncertainty are also a result of human activity — they permanently complicate the nature of social well-being, and the “Giddens’s paradox” is of a particular methodological interest: the efficiency of the human activity results to improve the well-being of currently living people in one system (for instance ecological) is assessed outside the context of its self-regulation and self-reflection, i.e. its latent influence on the nature of the future generations well-being. The consequences of a pragmatic policy towards nature, devoid of humanistic meaning, are non-linear in time and space, which is clear in the ongoing climate change negatively affecting the quality of people’s lives [12. P. 2–3].

The most important subjective determinant of the synergistically complex social well-being is an increase in meanings of the quality of life, which, however, retain their national and cultural specificity. Synergistic complexity is not a cosmopolitan amorphous reality — its core is the genotype of country’s culture expressed in the “root system of moral values and life meanings, tastes and norms, criteria for a person to evaluate oneself and the world around” [2. P. 10]. The historical formation of Russians’ meanings of life has been determined by the proximity of two opposite cultures — Western and Eastern. In the genotype of Western culture, the vector of social development “is directed outward, at the transformation of the world”, while the Eastern culture’s vector of social development and social life is directed “not so much outward as inward, at self-education, self-restraint, inclusion in tradition” [29. P. 12]. There is a philosophical justification for cultural reflexivity in relation to the meanings of scientific-technological innovations, the basic principles of which are “social-cultural dimension” [30] and “value foundations” [31]. The main meanings of the Russian’s well-being are expressed in the desire “for social justice and social security, and to understand what kind of society is being built” [34. P. 31]. Underestimation of meanings rooted in the genotype of our culture leads to the belittling of nationally oriented social well-being, which is expressed, for instance, in the infantilization of the youth [27. P. 444–456].

Subjective assessments of well-being are also determined by different types of knowledge, thus, reproducing complex meanings of truth about social well-being.

M. Foucault, the author of the concept of “power-knowledge”, argues that knowledge can never be disinterested: “knowledge is both evil and power, it is animated by passions, instincts, impulses, desires and violence’ power generates knowledge, and knowledge is power” [10. P. 21]. Thus, the meanings hidden in knowledge determine not only healthy and sick state of the members of society but also legitimize the normality of well-being.

The artificially created symbolic codes, detached in meaning from specific objects, can form distorted ideas, especially about humanistic values of well-being. According to J. Alexander, meanings in the form of performances began to form a “mythical narrative” of the desired, “idealized” social well-being, creating an artificial gap between objective and subjective components of social well-being through a biased designation of good and evil and the “dramatization of consciousness”. Spectacles, whose drama is empty, are mere mystifications. “In the spectacle societies of modernity, everything is top-down; nothing comes from the bottom up. We occupy Foucaultian subject positions; we can never be active, drama-providing agents ourselves” [1. P. 2]. In presenting false meanings about society, its leaders, culture, values of human qualities, drama is a fundamental factor that sometimes leads to color revolutions, conflicts and irreparable losses for social well-being — trust, norms and standards of well-being in a particular culture are destroyed: “For participants and observers alike, revolutionary conflicts are experienced as a life and death struggle between not just social groups but social representatives, one representing the sacred, the other the profane” [1. P. 46].

The trust factor: Dynamics and sustainable development of social well-being

Trust is largely determined by the public consciousness and its basic values and does not remain unchanged as a product of history. According to E. Durkheim, trust, being a significant social fact of solidarity [9], minimizes risks of breaks and traumas to social well-being, maintaining the stability of its basic material values and its historically and culturally determined meanings. According to J. Habermas, communications are the most important social-cultural phenomenon expressing human nature, without them trust is impossible [15]. In the minds of people who communicate in a virtually closed society, confidence dominates, associated with the conviction in the immutable order of well-being. Ideas about well-being were mainly based not on rational calculation but on faith. In this context, periodic failures in the functionality of trust — unscrupulous fulfillment of community or family obligations, negligent handling of property that result in damage to well-being — were interpreted not as personal guilt that undermined the confidence in honesty and integrity of specific people but rather as a punishment or retribution from outside. Trust was based on emotional devotion to the community, fears of otherworldly forces, which does not imply rational arguments and opposes them. According to M. Weber, faith is a worldview system in the form of a practical commitment

to certain ideas, through the prism of which people look at the world; thereby, faith is a powerful incentive for social behavior, but the historical development of faith follows the path of rationalization [38].

Trust has developed from faith under the transition from the traditional society to the industrial modernity associated with industrial revolution, urbanization, and the rise of capitalism. An ever-expanding sphere of anxiety and uncertainty about life and social well-being has emerged. Since then, culture of trust includes risks as an attribute of the uncertain social well-being, the effects of which people sought to minimize by following principles of formal rationality and pragmatism. Trust, according to F. Fukuyama, is an expectation among members of the community that other members will behave more or less predictably, honestly, with attention to the needs of others and in accordance with some of their common norms [38. P. 52], i.e. a certain degree of risk is assumed. Social well-being is based on the rationalization of trust and on the transition from interpersonal to institutional trust. Rational choice of goods and services is increasingly dominant — legal contracts are a kind of insurance for well-being.

The Age of Enlightenment gave impetus to confidence in the omnipotence of scientific knowledge, which was expressed in the slogan “knowledge is power”. Trust in knowledge as a driver of renewal and increase in social well-being became especially popular. Theorists of the Enlightenment (Ch. Montesquieu, J.-J. Rousseau, etc.) advocated the dominant role of reason and rationality in thoughts and actions and the need to overcome lack of freedom, proceeding from the belief that society can become perfect and prosperous and attributing dysfunctions of ill-being to backward forms of knowledge.

At the same time, trust as the degree of trust in knowledge has gained strength, which even led to a critical revision of objective cause-and-effect dependencies that can be calculated. It was revealed that the nature of the mutual influence of trust and social well-being is determined by the type of rationality. According to Habermas, formal rationality based on goal-rational action led to an unprecedented growth of productive forces and material goods but at the same time to technological control over people’s lives. This has led to many problems, including challenges to the humanistic component of social well-being. Habermas sees their fundamental solution in opposing formal rationality with rationality of communicative action free from external coercion and violence: actions of the agents involved are coordinated not by egocentric calculations of success but through acts of understanding. Participants of the communicative action do not put their successes first — they pursue individual goals, provided that they can harmonize their action plans on the basis of common situational definitions [15. P. 286], i.e., trust and social well-being are possible provided value rationality and ethics.

According to P. Sztompka, the qualitative complication of trust and well-being occurs in the reflexively modern society subjected to becoming, which a feature of constant incompleteness of development [32]. Permanently increasing meanings

of trust related to the quality of life (objects around us, services provided, ecology) acquire an independent significance. Many such meanings are staged, i.e. socially and culturally constructed. At the same time, people are placed in conditions determining daily needs to communicate and diagnose trust, assess its degree, i.e. reliability, and decide a behavior strategy that will evidently and latently affect one's well-being. In everyday life, a person is concerned with trust/mistrust in institutions, specific people and social groups (In a doctor, in 'normality' of one's body, in relationships with family and colleagues). As a rule, the becoming complex trust involves a combination of rationality and emotional attitudes towards sincerity, which generally ensures predictable functionality of people and the predictable social well-being.

Giddens argues that the modern culture of trust is essentially an adaptive response to incalculable risks, offering security under various possible futures, which ultimately forms reflections on desirable innovations in social well-being. The complexity of trust is also manifested in the fact that it acquires reflexive specificity. Giddens identifies two dominant reflexive types of trust: the first, related to the structural-institutional reflexivity, is trust in expert systems as opposed to local knowledge; actors strive to ensure that these systems demonstrate their validity in the largest possible space, up to the global level; however, one cannot rely even on global expert systems due to the increasing uncertainty of knowledge. The second type of trust is based on individual reflexivity, relating to interpersonal relationships and assuming trust in people whom we personally know and interact face to face ("intimate others"). Each type of trust aims at minimizing risks and stabilizing social well-being. Under increasing uncertainties and risks, trust remains the most important component of social well-being, a basis of people's safety, a factor of everyday-life reliability. Trust, determined by life in a certain social and natural world, in turn determines predictability of events" "Trust originally becomes generalized from some of the same contexts as risk... Trust involves a more directly future oriented relations with whomever or whatever you are trusting... To survive in life at all you need a generalized notion of trust, and that's essentially something people get from their early emotional experiences. If you don't have that, you're in big trouble [13. P. 108–109]. Without trust, people, especially the youth, get fears that challenge social well-being they receive through socialization in their cultural environment [16. P. 102–121].

Based on the risk-assessment, people essentially choose whom to trust with their well-being — which social institutions or individuals. Both trust and risk are characterized by contingency — the possibility of another existence as a result of the decision found or the action taken. Their consequences complicate the nature of social well-being for its vulnerability depends on trust/mistrust. According to Parsons, the dynamic equilibrium of society leads to the previously unseen vulnerabilities, the most important of which are vulnerabilities to social self-sufficiency as a property of a complex social system (society) manifested not only in the ability to control internal processes but also its relationships with other systems. Without trust in social

institutions, values and norms, rational human activity to improve material well-being can reproduce vulnerabilities in the form of unintentional irrational consequences. In addition, vulnerabilities are rooted not only in risk-producing human activity but also in the absolutization of trust in science and innovative technologies, functioning on the basis of formal rationality, pragmatism and mercantilism, diminishing the humanistic component in human relationships.

B.A. Misztal identifies three types of vulnerabilities associated with the complexities of modern trust. The first is dependence on others, which an individual experiences in providing care or achieving recognition. Our body and identity need support from social actors: we are vulnerable because our well-being, respect and self-realization depend on others, whom we are forced to trust. The second is uncertainty about the future: under the growing and more complex social-cultural dynamics, both ordinary people and scientists realize the impossibility of accurate forecasts, which makes them feel the fragility, instability of social well-being and even experience fear. Fears and anxieties increase during periods of radical change. Well-being of social groups and individuals becomes more vulnerable under potential pluralism of development trends and life strategies. In general, uncertainty and insecurity of everyday life increase vulnerabilities of social well-being. The third is the irreversibility of past actions and experiences, which can be expressed in the consequences of cultural traumas of trust. Past negative experiences can limit our constructive actions to cooperate at the present time. Thus, “We should view trust, on the one hand, as a remedy for vulnerability; on the other hand, we need to account for the vulnerability of trust” [24. P. 220]. Vulnerabilities can be minimized with forgiveness that stops suspicion and mistrust: “By choosing to forgive, individuals can set aside potentially destructive feelings, such as bitterness and hatred, and they can also reduce the likelihood of an erosion of trust”. Forgiveness presupposes mutual communication (dialogue and subsequent development of cooperation). “Forgiveness is not achieved unilaterally, it requires the offender to change oneself and to show that he or she is worthy to trust... Forgiveness does not necessarily mean a return to the previous high level of trust as a sense of vulnerability tends not to disappear easily” [24. P. 229, 230].

Certainly, issues of vulnerability are not limited to interpersonal relationships, although they are very important for trust and, accordingly, for the stability of synergistically complex social well-being. For instance, today sociologists are interested in dysfunctionality of marginal groups and possibilities of their social protection, in consequences of climate turbulence/change for humans [36], in effects of genetically modified foods on health of future generations [19]. Bauman is particularly concerned about vulnerabilities determined by the growth of constant anxiety, self-reproducing political and economic structures that produce an atmosphere of phobias or “liquid fears” [4].

The ideas of normal or deficient social well-being are culturally conditioned, which is reflected in knowledge. Mannheim considers all forms of knowledge in the

perspective of the value system dynamics, in relation to which truth or falsehood is identified: “The reason for ‘one-sidedness’ and ‘falsity’ is not the intention to hide the real situation, but the difference in the structure of consciousness of subjects of different positions in the socio-historical sphere” [23. P. 220]. Russians’ public consciousness and, accordingly, the historically established interpersonal types of trust are fundamentally different from those that developed in the West with its liberal principles of formal rationality, pragmatism and mercantilism, which contributed to the formation of trust in the institutions of the market economy, private property and legally sound contracts, thereby minimizing the risks of dysfunctionality and deviation.

The nature of trust is significantly influenced by the socialization features of cultures. Types of trust are developed by primary groups and learned through such communications as games, competitions, communication with peers and adults. This is how the individual and group habitus of trust is formed — through the predisposition to communicate with others based on the risk perception. However, the basic values in the culture of trust continue to be reproduced, setting the nature of the nationally and synergistically complex social well-being.

Today we witness the development of the synergistically complex well-being, the core of which is the genotype of culture and the corresponding types of trust. Accordingly, in the contemporary society, there is a demand for a nationally oriented model of social well-being based on trust. Thus, it is necessary to support both sociological studies and political initiatives which aim at identifying and preserving those basic institutional structures that ensure sustainable reproduction of national practices of social well-being under the “order out of chaos” and geopolitical challenges. It is important to rethink the “universality” of institutional trust in bureaucratic structures: even rational results include unforeseen consequences of an irrational nature — interpersonal trust diminishes, its functionality is limited, which is important specific areas of well-being (love and family happiness as opposing the trends of loneliness). We need to replace the traditional modernization which aimed at the transition to a qualitatively new level of productive forces to satisfy the ever-increasing material needs with an alternative type — a humanistically oriented modernization [17]. For the sociological diagnostics of the synergistically complex social well-being, we need innovative theoretical and methodological tools of a synergistically complex type — open and flexible in content, combining global and national methodological approaches, based on the principles of humanistically oriented interdisciplinarity, organically including both new theories of chaos, complexity and nonlinearity and national humanistic concepts [18. P. 51–62]. On this methodological basis, promising studies of the trends in the hybridization of society, nature and new technologies are possible, taking into account their ambivalent influence on the nature and content of the synergistically complex social well-being.

References

1. Alexander J.C. *The Drama of Social Life*. Cambridge; 2017.
2. *At the Turn of the Century: Sociodynamics of Russian Culture*. M.K. Gorshkov, S.N. Komissarov, O.I. Karpushin. Moscow; 2022. (In Russ.).
3. Baudrillard J. *The Spirit of Terrorism. There Was No War in the Gulf*. Ripoll Classic; 2016.
4. Bauman Z. *Liquid Fear*. Cambridge; 2006.
5. Bauman Z. *Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age*. Cambridge; 2011.
6. Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge; 2006.
7. Bauman Z. *Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge; 2009.
8. Beck U. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge; 2016.
9. Durkheim E. *The Division of Labor in Society*. New York; 1997.
10. Foucault M. *Archaeology of Knowledge*. Saint Petersburg; 2004. (In Russ.).
11. Fukuyama F. *Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity*. Moscow; 2008. (In Russ.).
12. Giddens A. *The Politics of Climate Change*. Cambridge; 2009.
13. Giddens A., Pierson S. *Conversation with Antony Giddens. Making Sense of Modernity*. Cambridge; 1998.
14. Habermas J. *Communication and the Evolution of Society*. Boston; 1979.
15. Habermas J. *The Theory of Communicative Action. Vol. 1. Reason and Rationalization of Society*. Boston; 1984.
16. Kravchenko S.A., Svirskaya D.A. The becoming of complex fears among the youth: Reflection through the prism of the genotype of national culture. *Sociological Science and Social Practice*. 2024; 12 (2). (In Russ.).
17. Kravchenko S.A. Demand for a humanistic turn in sociology. *Sociological Science and Social Practice*. 2013 (3). (In Russ.).
18. Kravchenko S.A. Geopolitical challenges and national sociology. *Sociological Studies*. 2023; 2. (In Russ.).
19. Kravchenko S.A. Social and cultural dynamics of food: Acquisitions and vulnerabilities. *Sociological Studies*. 2015; 1. (In Russ.).
20. Lapin N.I. *Complexity in the Formation of new Russia. Anthro-Socio-Cultural Approach*. Moscow; 2021. (In Russ.).
21. Lash S., Urry J. *The End of Organized Capitalism*. Cambridge; 1987.
22. Luhmann N. *Trust and Power*. Cambridge; 2017.
23. Mannheim K. Ideology and utopia. *Diagnosis of Our Time*. Moscow; 1994. (In Russ.).
24. Misztal B.A. Trust: Acceptance of precaution against and cause of vulnerability. M. Sasaki, R.M. March (Eds.). *Trust: Comparative Perspectives*. Boston; 2012.
25. Prigogine I. *The End of Certainty*. New York; 1997.
26. Prigogine I., Stengers I. *Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*. London; New York; 2018.
27. Puzanova Zh.V., Larina T.I., Tertyshnikova A.G. Infantilization of the youth: A methodological approach to measurement. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (3). (In Russ.).
28. *Sociological Approaches to the Study of Social Well-Being*. Moscow; 2021. (In Russ.).
29. Stepin V.S. Globalization and dialogue of cultures: Value issue. *Century of Globalization*. 2011; 2. (In Russ.).
30. Stepin V.S. *Foundations of Science and Their Sociocultural Dimension*. Moscow; 1996. (In Russ.).
31. Stepin V.S. Types of scientific rationality and synergetic paradigm. *Complexity. Reason. Post-Non-Classical*. 2013; 4. (In Russ.).
32. Sztompka P. *Society in Action: A Theory of Social Becoming*. Cambridge; 1991.
33. Toshchenko Zh.T. *Precariat: From Proto-Class to New Class*. Moscow; 2018. (In Russ.).
34. Toshchenko Zh.T. Main meanings of Russians' life world. *Russians' Life World: 25 Years Late (Late 1980s — Mid-2010s)*. Moscow; 2016. (In Russ.).
35. Urry J. *Mobilities*. Cambridge: Polity Press; 2008.

36. Urry J. *Climate Change and Society*. Cambridge; 2011.

37. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge; 2003.

38. Weber M. *Sociology of Religion*. Boston; 1993.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-895-905

EDN: QLEMYP

Становление синергично сложного социального благополучия: фактор доверия*

С.А. Кравченко

Московский государственный университет международных отношений,
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Кржижановского, 24/35–5, Москва, 117218, Россия

(e-mail: social7@yandex.ru)

Аннотация. Сегодня социальные реалии обретают синергично сложную природу (Н.И. Лапин), обусловленную как объективными детерминантами динамичного развития социальных, природных и технологических реалий, потенциально увеличивающих производство многообразных благ и услуг, так и субъективными смыслами качества жизни — в их материализации все возрастающая роль принадлежит культуре доверия. Актуальность данной проблематики обусловлена возникновением кризиса доверия, глубинные причины которого коренятся в становлении качественно нового варианта происхождения «порядка из хаоса» (И. Пригожин), а также в инсценировании тех «мифических нарративов» желанного, «идеализированного» социального благополучия (Дж. Александер), ложные смыслы которых разрушают традиционные ценности и дегуманизируют человеческие отношения. С учетом перечисленных вызовов и сложившихся научных подходов к их анализу автор предлагает и обосновывает контуры национально ориентированной модели синергично сложного социального благополучия, основанной на системе доверия и своими корнями уходящей в генотип отечественной культуры. Предлагаемая модель включает в себя оптимально функционирующие базовые институциональные структуры российского общества, воспроизводство традиционных ценностей межличностного доверия и реализацию гуманистически ориентированной стратегии национальной модернизации. В нынешних условиях возрастающей неравновесности, множества рисков и разнообразных уязвимостей указанные компоненты национально ориентированной модели смогут обеспечить жизнеспособность и устойчивость синергично сложного социального благополучия. Для его социологической диагностики предложена гуманистически ориентированная междисциплинарность, органично включающая в себя как новые теории хаоса, сложности и нелинейности, так и гуманистические концепции, содержащиеся в суверенной отечественной социологии.

Ключевые слова: синергичные сложности; «порядок из хаоса»; синергично сложное социальное благополучие; культура доверия; неравновесность; риски; уязвимости; гуманизм

*© Кравченко С.А., 2024

Статья поступила в редакцию 20.06.2024. Статья принята к публикации 14.10.2024.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-906-927

EDN: QIDDTQ

Трансгрессия романтического направления в западном обществе: единство романтизма и модернизма*

А.Е. Капишин

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198 Россия

(e-mail: kapishin-ae@rudn.ru)

Аннотация. Статья представляет собой первую часть исследования и призвана быть наиболее общей. Она посвящена тезису, высказанному не впервые, но, тем не менее, не вполне проясненному и распространенному в отечественной науке: якобы в западных культурах и обществах в XIX–XX веках оформилось единое «романтическое направление», развертывающееся в несколько этапов. Романтическое направление рассматривается не в ракурсе искусствоведения (как течение в искусстве), но в более широком смысле — как направление, определяющее культуру западного общества. Романтизм («высокий романтизм») — первый представитель этого направления, в нем проявляются все его «родовые черты», рассматриваемые как принципы не только искусства, но и мировоззрения — развертываемые в философии и определяющие параметры культуры. За «высоким романтизмом» следует модернизм, в котором выделяют декаданс («поздний романтизм», модернизм конца XIX века) и модернизм XX столетия, называемый часто авангардом в широком смысле этого слова (не только направление в живописи и искусстве, но и новое мировоззрение). Романтизм, декаданс и авангард рассматриваются не просто как следующие во времени друг за другом социокультурные явления, в чем-то различные, в чем-то похожие, но как стадии развертывания единой системы принципов духовной культуры — в терминологии Т. Мана этапы единого «умственного движения». Исследование также основано на идее, что романтизм — антагонист направления, не имеющего единого названия, но смысл которого вполне определен: порой, заимствуя терминологию искусства и обозначая им все «умственное движение», его называют «реалистическим» или же, заимствуя терминологию науки, «позитивистским» (оно связано с «принципами Просвещения»). Два направления, «течения мысли» составляют пару, их борьба определяет социокультурную динамику, поэтому корректно говорить об их дуализме. Еще Ф. Ницше утверждал дуализм аполлонийского и дионисийского начал, хотя аполлоническое начало в его концепции не сводится к «Просвещению», ограничившему возможности интеллекта. Общая тема всех статей исследования — трансгрессия романтического направления в западном обществе в период с XIX до первой половины XX века. Термин «трансгрессия» можно заменить на «наступление» или «распространение», поскольку суть в том, что романтическое направление не просто сосуществует с реалистическим, меняя формы, но постепенно и необратимо вытесняет его в западных обществах, становясь в итоге доминан-

*© Капишин А.Е., 2024

Статья поступила в редакцию 04.06.2024. Статья принята к публикации 15.10.2024.

той их культуры. Если в начале XIX столетия, во время «высокого романтизма», культурной доминантой западного общества было направление «Просвещения», выразившееся в классицистском искусстве и позитивистской науке, то к концу эпохи «высокого романтизма», в середине XX, произошла смена доминант, завершившаяся утверждением постмодернизма, который также относится к романтическому направлению.

Ключевые слова: романтизм; модернизм; декаданс; искусство; культура; примитивизм; авангард; «Просвещение»; Ренессанс; позитивизм; аполлонийское начало; дионисийское начало; трансрессия

Нельзя не согласиться с тем, что модернизм — термин, объединяющий «столь многочисленные и разнородные явления искусства, что само объединение может показаться произвольным, упрощающим истинное положение дел в мире искусств. Да и не только разнородные — нередко, как кажется, и взаимоисключающие» [1. С. 131]. Тем не менее, у этих явлений можно выделить общие свойства, дающие основания для объединения в один социокультурный феномен, рассматриваемый не только как явление в искусстве, но и в более широком смысле — как особое мировоззрение, определяющее духовную культуру общества, что позволяет исследовать модернизм социологически, а не только в узком смысловом поле искусствоведения. Модернизм в этом смысле не может исследоваться сам по себе, но только как противоположность, антипод тому, что часто обозначается как реалистическое направление, поэтому следует согласиться с выраженной уже довольно давно идеей о противостоянии в культуре и обществе нового и новейшего времени реализма и модернизма [1. С. 130] как двух полюсов культуры и общества.

Данный дуализм можно обозначить иначе, сохраняя тот же смысл, — как антагонизм романтического направления и направления, основанного на принципах «Просвещения», поскольку модернизм понимается как трансформировавшийся романтизм, его прямой идейный потомок, представитель того же идейного «рода». Противоположное романтизму социокультурное направление, названное Л.Г. Андреевым реалистическим, было выражено в искусстве XVIII–XIX веков как классицизм. Однако, коренясь в принципах «Просвещения», оно имело выражение в философии и науке — в виде сенсуализма и позитивизма. Романтизм в широком смысле слова, напротив, носил антипозитивистский характер, с чем связана его иррационалистическая, порой даже мистическая репутация в интеллектуальной среде.

К.Н. Савельев в докторской диссертации писал о континууме, который тянется через весь XIX век, от романтиков к приверженцам “нового искусства” *fin de siecle* [17. С. 22]. В свое время Т. Манн обозначил связанные направления романтизма, декаданса и авангардизма как единое «умственное движение против рационализма», «бунт» против него под именем «Просвещения» в XVIII–XIX веках. К этому движению относились не только представители искусства, оно «дало нам Кьеркегора, Бергсона и многих, многих других», прежде всего Ф. Ницше [9. С. 194–195]. Манн связал этот бунт с «концом

Ренессанса» и мечтами о варварстве и примитивизме, которые должны были «омолодить культуру» [9. С. 189]. При этом конец одной эпохи и приближение новой он понимал провиденциалистски — как объективную закономерность, даже неизбежность, а не как результат сознательной деятельности. Ницше, как и идейно родственный ему (по мнению Манна) бунтарь О. Уайльд, были чувствительны подобно «стрелке сейсмографа» и уловили наступление новой эпохи [9. С. 187], выступив его пророками.

Это «движение умов», в соответствии с терминологией аналитической психологии близкого к романтическому направлению К.Г. Юнга, можно определить как ориентацию на «бессознательное». В искусстве она порой символически обозначалась как «течение в сторону южного полюса», имевшее особое мистическое значение в романтической литературе со времен «Сказания о старом мореходе» С. Колриджа и «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» Э.А. По, в которых ярко показана свойственная всему направлению «регрессия к первобытному, матери-природе» [14. С. 404–411]. Распространение влияния романтического направления в культуре сравнимо со стремительным повышением уровня моря. Характерно в этой связи выражение К. Пальи — «хтоническая волна романтизма». Такое символическое обозначение не случайно: море в традиционных культурах связывалось с женским началом, а романтизм с самого возникновения отличался ориентацией на него, поэтому установление романтической доминанты можно назвать трансгрессией (в условном смысле этого термина, используемого в естествознании, точнее в геологии, для обозначения повышения уровня моря). Ж. Батай в «Эротике», затем М. Фуко в «Предисловии к трансгрессии» наделили это понятие несколько иным смыслом — как своего рода преступление ритуального запрета, закона. Трансгрессия связана и с библейской символикой возвращения социального мира к первоначальному водному и хаотическому состоянию, привлекательному для всех форм романтизма. Устремленность назад, к «первоначалу», позволяет считать наступление романтического направления культурной инволюцией, в противоположность эволюции, утверждавшейся «Просвещением».

В социокультурной роли сменщика «Просвещения» романтизм, декаданс и авангард (как модернизм XX века) тождественны, различаясь несущественно, свойствами, носящими количественный характер. Авангард довел до завершения тенденции, проявившиеся впервые в романтизме и развернутые в декадансе. Иными словами, декаданс можно понимать как более раннюю, не столь радикальную форму модернизма и в то же время как форму более радикальную по сравнению с романтизмом. Весь модернизм, начавшийся в романтизме, — единое течение или направление мысли, осуществившееся в нескольких стадиях. Поскольку модернизм произошел от романтизма, его можно назвать романтическим условно и в широком смысле слова. Зародившись в конце XVIII столетия в предромантизме и выразив-

шись в философии Ж.Ж. Руссо, возникнув в начале XIX века как романтизм, выразившись в философии Ф.В. Шеллинга и А. Шопенгауэра, модернизм стал широко распространяться во второй половине XIX века как декаданс — еще не доминанта западной культуры, он сосуществовал с альтернативными ему направлениями в виде «Просвещения», бывшего в то время культурной доминантой, и все еще влиятельной христианской культурной традиции, некогда вытесненной Ренессансом.

В начале XX века происходит смена доминанты в западном искусстве — модернизм становится доминирующим, особенно в живописи и музыке. В сфере науки «традиции Просвещения» дольше сохраняли ведущие позиции — до второй половины XX столетия и распространения постмодернизма.

Идея социокультурного дуализма реализма и модернизма (борьбы «традиции Просвещения» и «традиции романтизма») восходит к дуализму аполлонийского и дионисийского начал, выраженному в трактате Ницше «Рождение трагедии из духа музыки». «Дионисийское начало» в концепции Ницше близко по смыслу «романтическому направлению», хотя аполлонийское начало Ницше не сводит к сенсуализму Просвещения (но концептуально оно довольно близко к тому, что впоследствии стали обозначать как традицию Просвещения). Дуализм Ницше, названный Г. Вельфлиным «стилевыми формами», оказал значительное влияние на мировоззрение декадентов и авангардистов. В «сакральной социологии» Батая он выражен как дуализм левого и правого сакрального, причем говорится о социальной динамике, цикле, в котором одно начало с характерной для него установкой духовной культуры сменяет другое. Дилемма «аполлонийства» и «дионисийства» Ницше оказала влияние и на М.М. Бахтина, писавшего о противостоянии рационалистической «официальной культуры» элит и «гротескной, карнавальной культуры социальных низов».

В основании романтизма, декаданса и авангарда «изначально... лежит чувство отрицания, ниспровержения, желание пересмотреть устоявшиеся ценности» [17. С. 34]. Поиск новизны становится определяющим для части интеллектуалов, стремившихся отрешиться от классицистской культуры, сбросить с себя ее «окаменевшие ценности», все забыть и стать «голым человеком на голой земле» [17. С. 35]. О том же писал Л.Г. Андреев, отмечая, что «модернистское новаторство замешено на терпких дрожжах нигилизма» (речь идет о нигилизме по отношению к принципам «Просвещения», выраженным в искусстве в виде классицизма и в философии в виде сенсуализма).

Многие философы, в частности Б. Рассел и В.Ф. Асмус, считали основоположником романтизма Ж.Ж. Руссо, аргументируя это тем, что он первым среди философов занял «антирационалистическую» позицию, считая, что доминирующую роль в жизни людей играет сентиментальное начало. С этим логически связаны еще две черты его мировоззрения, которые будут играть основополагающее значение как в романтизме в узком смысле слова,

так и во всем романтическом направлении — в декадансе и модернизме XIX столетия, в авангарде и модернизме XX века. Речь идет о «критике цивилизации» и культе «благородного дикаря» как человека, ею не испорченного, но принадлежащего природе-матери (женское начало): «преклоняться перед природой — значит преклоняться перед женщиной» [14. С. 288]. Идея доминирования женского начала над мужским, отличающая всю романтическую линию, в европейской философии была высказана впервые именно Руссо: «По мнению Руссо и романтиков, женское начало — абсолют. Мужчина — спутник, вращающийся вокруг женщины» [14. С. 287], и «романтический цикл был запущен Руссо» [14. С. 286].

Чтобы понять специфику романтического направления (в форме классического романтизма и декаданса) недостаточно отметить, что в центре внимания ее представителей были мифы, отличные от «авраамических культов», что они «вернулись к язычеству» [13. С. 140]. Обращение к «язычеству» было свойственно уже мыслителям Ренессанса, о чем писали многие, в частности и обстоятельно Я. Буркхардт в «Культуре Италии в эпоху Возрождения». Критика ренессансной культуры за ее отказ от христианства среди христианских консервативных мыслителей широко известна, в XX веке она будет воспроизведена, в частности в «Кризисе современного мира» традиционалиста Р. Генона. В отличие от мыслителей Ренессанса и Просвещения, апеллировавших к античной культуре как образцу с патриархальным пантеоном олимпийских богов, романтическое направление обратилось к другому «язычеству» — не античному, в котором, по их мнению, властвовали разумные мужские божества, а якобы более раннему, в котором предметом культа были матриархальные иррациональные силы (в «высоком романтизме» они еще не носили хтонического характера).

Другое существенное свойство романтизма, отличающее его от Просвещения и проливающее свет на концептуальные истоки не только романтизма, но и дуализма «романтического» и «позитивистского», состоит в том, что «романтизм просто человеческое не интересуется, цели романтиков находятся выше и ниже» [14. С. 464]. О «мистицизме» романтиков и декадентов писал еще Нордау, отмечавшей близость к ним разных форм спиритуализма, включая самую распространенную из них — спиритизм [13. С. 183–184], чего представители романтического направления не скрывали. «Аполлоническому сознанию» в вариации «традиции Просвещения» досталась только физическая сфера, ему отказано в ясном и трезвом метафизическом «взоре» на «трансцендентное». Таким образом, отбрасывается не только мир Средних веков с его метафизическим и теологическим интеллектуализмом, но и античная философская рационалистическая традиция (в частности Платон, Аристотель и неоплатоники), в которой «аполлоническое начало» венчала метафизика.

Все, что «выше или ниже» человеческого, согласно дуализму «романтического» и «просвещенческого» в западном обществе XVIII–XX веков, доста-

ется иррационалистической «дионисийской, романтической ментальности», выражаемой в искусстве оргиастической природы, часто основанном на употреблении психотропных средств, или же в спиритуализме, далеком от строгих методов верификации, принятых в позитивистской науке. При этом все, что «выше и ниже человеческого», в романтической традиции смешивается в одном термине «сакральное» во французской социологической школе или «нумизное» у Р. Отто и К.Г. Юнга. Ограничение познавательных возможностей аполлонийского начала «чувственной сферой», «полюсом животной чувственности» (Ш. Бодлер) присуще всем представителям сенсуалистической философии «Просвещения». Содержалось оно и в агностицизме Д. Юма (друга Руссо) и И. Канта — они, а не сенсуалисты оказали определяющее влияние и на предромантизм, и на романтизм. В системе Канта ум разделен на бессильный разум, направленный на сверхчувственную, ноуменальную сферу, и рассудок, могущий исследовать только поверхностный мир явлений — феноменов. В отличие от сенсуалистов Кант утверждал, что рассудок не познает действительность, объективную «подлинную» реальность: мир «вещей в себе» остается скрыт от разума людей, наука постигает не «поверхность» реальности, а вовсе ничего не постигает, поскольку «мир явлений» конструируется, а не познается рассудком. «Кант был вынужден “ограничить разум”, чтобы “освободить место вере”... это место, освобожденное от притязаний разума, оказалось “вакантным”. И занять его можно было разными “вещами”, но непременно внеразумными, внерациональными. Тем самым Кант независимо от своих намерений... распахнул дверь для внерационального и иррационального познания, понятого в самом широком смысле слова. Не случайно А. Шопенгауэру путь от рационализма Канта к собственному иррационалистическому волюнтаризму показался столь коротким» [3. С. 72].

Хотя Шопенгауэр существенно изменил философию Канта, он на ней основывался: бессознательная и слепая «Воля» Шопенгауэра (трансцендентное ядро феноменального мира представлений) заняла место непознаваемой кантовской «вещи в себе». В онтологии Шопенгауэра воля познаваема «не на основе разума и рассудка... основным способом постижения воли является интуитивное или непосредственное познание, которое реализуется через переживание мира. Отсюда следует, что высшим видом познания является не наука, а искусство, поскольку оно основано на интуиции и способно выразить объективную суть вещей» [7. С. 152]. На первое место среди искусств Шопенгауэр поставил музыку, определив ее как «исконное праискусство, отображение вещи в себе, тогда как все прочие искусства — только отображения» [12. С. 348]. Переняв от него концепцию музыки как первого искусства, отображающую «вещь в себе» и «волю», Ницше назовет музыку «дионисийским искусством», которое выше слов рассудка и образов чувственности. Повлияла на Ницше и концепция Ф.В. Шеллинга о первичности «мифа/искусства», который «бессознателен» и иррационален. У Ницше «миф» Шеллинга

становится «дионисийским духом», который заменил личного Бога и вдохновлял художников романтического направления, а музыка заняла место поэзии. Художники Ренессанса олицетворяли собой «аполлонийское искусство» и были также философами, учеными и инженерами. Но искусство в романтической традиции имеет противоположную природу: хотя не все разделяли идею первичности музыки, идея «искусства, которое выше рассудка и чувственности (образности)», была основополагающей для всех представителей романтизма, и с нею же связано отрицание реалистического понимания искусства как отображения материальной действительности.

Романтизм имел и вполне определенную социально-политическую позицию. Его общественный идеал имел эгалитарный характер и тяготел к анархизму, поскольку не принимал государство как неотъемлемую часть цивилизации. «Первобытность» (по Руссо) мыслилась романтиками как социально унитарная сущность, в которой не было места стратификациям и дифференциациям, и в этом отношении романтическая «традиция» как дионисийство противопоставлялась «аполлонической»: «Аполлон считается основателем государства и его символом. Для патриархального аполлонического общества свойственен этатизм, противоположный анархизму. Аполлоническое аристократично, монархично и реакционно» [14. С. 126]. Романтизм же обусловлен дионисийским принципом социальной организации, для которого иерархия — «репрессивная выдумка общества» [14. С. 158], т.е. романтизм эгалитарен. Поэтому Дионис — бог и символ «простонародья», а в конце социального цикла он обозначает «сброд и свалку» [14. С. 126], что связано с романтическим культом социальных изгоев. Романтизм направлен на возвращение к «первобытному хаосу» в конце цикла, в котором все формы растворяются, что станет апофеозом романтической энергии [14. С. 562].

Палья выделила в романтизме две фазы: первая — «высокий романтизм» [14. С. 528], в котором преобладали «буря и натиск», культ «юности» и гедонизм; аскетизм ему не присущ, поскольку связан с «аполлоническим духом» — ясным, мужским и волевым. Вторая фаза — «поздний романтизм», его «декадентская фаза» [14. С. 306], в котором преобладает принцип страдания. Тем самым Палья, как и многие другие исследователи, объединила романтизм и декаданс в единое идейно-художественное направление.

Хотя термин «декаданс» давно вошел в обиход социальных наук, его смысл никогда не был достаточно определенным — вывести единую формулу декаданса «неимоверно сложно» [17. С. 7], а в «в современной отечественной науке понятие декаданса в известной степени общо и неконкретно» [16. С. 3]. Тем не менее, можно выделить три смысла этого часто используемого термина: в наиболее широкой трактовке под декадансом понимается социальный кризис или упадок культуры (например, в исторической науке термин «латинский декаданс»). Во втором, более узком, смысле это обозначение кризисных явлений в западной культуре на рубеже XIX–XX веков (в Оксфордском

словаре, в социологии и культурной антропологии/культурологии). В наиболее узком смысле о декадансе говорится в искусствоведении — как об особом направлении в западном искусстве второй половины XIX — начала XX века, преимущественно в литературе. В статье понятие декаданса используется во втором смысле — как обозначение кризиса в культурной элите западного общества, преимущественно среди представителей «мира искусства», «богемы». Средние и нижние классы западного общества если и были причастны к этому кризису, то максимум на поверхностном уровне [13. С.8–11], воспринимая «декаданс» как моду. Декаденты их уничижительно именовали обывателями и буржуа, хотя их социальное положение и профессия могли быть самыми разными.

Во второй половине XIX века в западном обществе естествознание и технологии материальной культуры быстро развивались, но в искусстве и гуманитарной сфере, напротив, распространялась тема упадка и кризиса, заметная часть культурной элиты того времени, продолжив начинания романтиков, выступила против «ценностей Просвещения». Как правило, по умолчанию Просвещение утверждалось в качестве единственного идейного наследника Возрождения (что как минимум спорно). «Ценности Просвещения» — термин, требующий должного прояснения, хотя несомненно, что в искусстве их выражением был классицизм и реализм, а в философии — сенсуализм, ставший основанием позитивизма. Если речь идет о британском декадансе, нередко использовался термин «викторианские ценности» для обозначения того, чем он себя противопоставил: декаданс объединил всех, кто «противостоял викторианским ценностям не только в искусстве, но и в обществе» [17. С. 9]; стал «творческим кризисом эстетов, выдвинувших серьезные обвинения в адрес викторианской системы ценностей» [19. С.32].

Преемственность декаданса по отношению к романтизму утверждалась подавляющим большинством филологов и искусствоведов: «как художественное явление английский декаданс сложился в последнее десятилетие XIX века, и хотя современники говорили о нем как о “модерном” искусстве, все же его литературное измерение было обозначено в свое время еще романтиками... Уже на исходе XIX века Х. Джексон утверждал, что “декадентское движение в английском искусстве стало конечным результатом романтического движения”» [17. С. 113]. Позднее А. Климентов в очерке «Романтизм и декадентство. Философия и психология романтизма как основа декадентства» (1913), используя понятие «декадентский романтизм», отметил, что «параллельное изучение романтизма и декадентства и оценка тех результатов, какие дал для литературы, науки и жизни романтизм, может послужить нам точкой опоры в понимании сущности декадентства» [17. С. 115], т.е. декаданс — неоромантизм, в основе которого также лежит «мистико-философское мировоззрение», противоположное позитивизму и науке того времени. По сути, ту же позицию занимал исследователь модернизма А.М. Гофман,

считавший, что новая «романтическая эпоха» наступила после 1880-х годов, но общество, которое было не в состоянии понять своих романтиков, назвало их декадентами [17. С. 116]. «Тень романтизма превалирует в эстетике декаданса», связывает «высокий романтизм» и декаданс поколение романтиков середины XIX столетия, которое порой называют «декадентами вне декаданса» (Т. Де Квинси, Д.Г. Россетти, А.Ч. Суинберн), поскольку они заложили основу декадентского мировоззрения. Декадентов, как и романтиков, отличала «тяга к трансцендентности», обозначаемая как мистицизм, но, в отличие от романтиков, она выражалась в мрачных, демонических тонах. Такой же характер обретает у них образ женщин и их доминирования, к чему нередко присоединялась садомазохистская тематика [17. С. 21–22]. Все это обусловило образ декадентов в обществе как «детей мрака и скорби» [17. С. 98]: считалось, что «декадентская душа» представляет собой «один из “изводов” сентименталистской и романтической “души”, которая была известна еще столетием ранее» [17. С. 34].

Среди более поздних исследователей преобладает понимание декаданса как теневого или позднего романтизма — в значении «нижнего», противоположного «высокому» романтизму: декаданс — ослабленная форма романтизма, поскольку приверженцы «нового искусства» переняли от романтиков оппозиционность по отношению к капиталистическому обществу [11. С. 15]. О том, что у романтизма и декаданса «одно ядро», писал и В.М. Толмачев в работах «Декаданс: опыт культурологической характеристики» и «Романтизм: культура, лицо, стиль». [17. С. 116]. В целом «тень» романтизма превалирует в эстетике декаданса: в одних случаях она более яркая, в других менее заметна, «представляет своего рода „мерцающую“ преемственность с романтизмом, и «все же несомненна их генетическая идейная связь» [17. С. 114–115]. «Декаданс обнаруживает органическую связь с предыдущей стадией развития искусства, проистекает из тех крайностей романтической коллизии Идеала и Действительности, которые уже в недрах романтизма порождали идеал “чистого искусства” и вневременной мечты. Пресловутая “башня из слоновой кости” осталась архитектурным памятником эпохи декаданса, но ее сооружение началось в эпоху романтизма» [1. С. 134]; «искушение именовать декаданс “неоромантизмом” неудержимо» [1. С. 131].

От романтизма декаданс унаследовал основную свою черту, которую можно назвать «неприятием чувственного мира» или мистицизмом. Ш. Бодлер одним из первых декадентов отметил, что его отталкивает от реалистического направления: «Мистицизм — это полюс магнита, противоположный полюсу чувственности, который знал Катулл и его последователи, поэты грубые и животное-чувственные» [17. С. 55]. За реализм Бодлер критиковал и В. Гюго: «Слишком материалистический, слишком приверженный внешней стороне явлений». В представлении Бодлера, как и романтиков до него, классицизм и вообще реализм — материализм, знающий только

«мир явлений» (Кант) или даже «сферу мнения» (Платон; Бодлер хорошо знал философию Шеллинга и значение, которое он придавал платонизму). То, что мистицизм — «основополагающая черта декаданса» (как и романтизма), противоположная «полюсу сенсуализма/эмпиризма», нередко не упоминалось, хотя декаденты этого не скрывали. Реализм в искусстве связывался с «полюсом чувственности» и отвергался представителями романтизма за «натурализм» и материализм. Декаданс же, как и романтизм, стремился «смотреть в трансцендентное», «за горизонт», чтобы уподобиться не «животным, существующим в чувственности», но ангелам.

Из мистицизма проистекает важная для декаданса тема, которую можно обозначить как ориентацию на бессознательное, противоположную ориентации Просвещения на рассудок. Эта ориентация изначально присутствовала в романтизме, интересовавшимся концепцией и практиками Ф.А. Месмера и его учеников. Сегодня мы бы сказали о психоанализе, чаще всего его фрейдистской версии, о чем говорили и модернисты XX столетия, тогда как в XIX столетии термин «ориентация на бессознательное» имел иной смысл — не был связан с сексуальной тематикой и раскрывался скорее в теориях магнетизма, затем гипнотизма. Такого рода теории, как и спиритизм, также связаны с романтическим направлением, противопоставляя чувственности Просвещения альтернативный и непосредственный способ восприятия (у А. Бергсона это «интуиция»).

Исследователи декаданса, как и сами декаданты, отмечали, что в наибольшей мере на декаданс повлияли По и Де Квинси — романтики, погружавшиеся в бессознательное, мыслившие его мистически — как «коллективную душу» (аллюзии на «коллективное бессознательное» Юнга, родственного романтической линии, в отличие от Фрейда, не случайны). Говоря о «погружении», нельзя не упомянуть тему наркотиков, особенно в связи с творчеством Де Квинси, написавшего «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум» для такого погружения. Под влиянием Де Квинси Бодлер написал панегирик во славу опьянения: «Чтобы не чувствовать ужасной тяжести Времени, которая сокрушает ваши печали и пригибает вас к земле, надо опьяняться без устали. Но чем же? Вином, поэзией или добродетелью, чем угодно. Но опьяняйтесь». Этот панегирик можно считать манифестом всех декадентов [17. С. 120], причем «отношение к опиуму и к человеку, его употребляющему, на протяжении первых десятилетий XIX века было без негативной тональности, ставшей преобладающей позднее. Если символом французского декаданса стала “зеленая фея” — абсент, ассоциировавшийся с вдохновением, то среди английских литераторов пристрастие к опиуму можно рассматривать почти как профессиональное заболевание... в английской литературе утвердилось мнение, что лаудан (настойка опиума на алкоголе) способствует пробуждению творческого воображения» [17. С. 122]. «Эта песня сирен бессознательного... выражена

в романтизме и у прерафаэлитов как языческое буйство, движимое нередко обращением к опию» [17. С. 137].

Итак, все романтическое направление изначально ориентировано на бессознательное, как «ночное» начало психики: выражая его в искусстве, управляет им, в отличие от «дневной» части психики, женское начало. В творчестве Де Квинси, столь повлиявшем на декаданс, бессознательное представлено в виде трех «богородиц», матриархов романтического мира и творчества. Другой идейный предок «нового искусства» Д.Г. Росетти, прерафаэлит, один из первых художников, отказавшийся от канонов академической живописи (начало отхода от реализма в живописи), позиционировал себя как «поработанной идеей доминирующей женственности» [17. С.160].

Ориентация на бессознательность и женское начало в «высоком романтизме» и декадансе проявляются в разных, если не противоположных формах. В мире «языческого романтизма» женщины и любовь, как и связь с ними, были источником силы для мужских героев. Женщины воплощались в образах мудрых муз или благородных воительниц: умершая жена Росетти уподоблена музе и, подобно Беатриче у А. Данте, имеет ангельские черты; валькирии Р. Вагнера возвышают, а не подавляют мужских героев. Поэтому любовь в высоком романтизме никогда не описывается в садомазохистских образах, в отличие от декаданса как позднего романтизма: у Бодлера и Сунборна женщины имеют черты демонов или суккубов. В декадансе «эротизированный женский образ» устремлен не к жизни, а к смерти: «Отдавая предпочтение смерти, а не прокреации, декаденты отвергли биологическое продолжение рода, ассоциирующееся с женским телом. Отвергнув женщину как проявление жизни, они прославили ее как репрезентацию и изображение смерти [17. С. 184–185]. Соответственно, «языческий мир» декаданса отличается хтоническими, «темными» чертами. Мужчины в «высоком романтизме» выступали как могущественные герои (например, Зигфрида в «Кольце Нибелунгов» Вагнера), бросающие вызов судьбе и побеждающие хтонических существ. В декадансе они представлены как жертвы общества или «темных» сил, феминны, пассивны и, соответственно, неспособны на героизм. В декадансе завершается начатый в «высоком романтизме» и возвысивший роль женского начала (как минимум до равного мужскому началу) переворот: мужчина и женщина меняются ролями и статусом.

Дж.Р. Торнтон писал о «декадентской дилемме», согласно которой декадент разрываем противоположными мотивами: с одной стороны, он не может освободиться от притяжения земного мира, с другой стороны, сохраняет стремление к трансцендентности, пусть только как пассивное мечтание; несовместимость стремлений порождает декадентскую трагедию. Дилемма порождена романтизмом, но персонажи декаданса, в отличие от романтических, не чувствуют в себе силы что-либо изменить, в том числе общество, что вызывает пессимизм и эскапизм: «Романтическое двоимирие снимается:

поскольку “этот” мир теряет действительность, подменяется субъективным представлением, “тот” мир теряет идеальность. Мечта не столько противопоставляется действительности, сколько поглощает ее, тогда как идеал поглощается бездной нигилизма и пессимизма» [1. С. 134].

Поэтому в декадансе главными персонажами становятся эстетско-эскаписты — видоизмененная и ослабленная версия романтического героя. Особенно характерен главный герой романа Ж.К. Гюисманса «Наоборот», пытавшийся замкнуться в себе, изолировавшись от окружающего мира: «Гюисманс... дал ход самому понятию и термину “декаданс”, наполнив его широким, обобщающим смыслом» [2. С. 160]. Эскапизм сочетался с элитизмом и производным от него снобизмом декадентов. Показательно творчество «понтифика» французского декаданта С. Малларме, который не стремился быть понятым «буржуазным интеллектом» — «его сонеты написаны языком, не имеющим ничего общего с повседневным языком рядового читателя» [17. С. 86]. Л.Н. Толстой в трактате «Что такое искусство?», отстаивая принципы реализма в искусстве, отметил, что декаданс сознательно не стремится к тому, чтобы быть социальным, ставя асоциальность себе в заслугу. Декадент творит только для узкого круга себе подобных, «туманность, загадочность, темнота и недоступность для масс поставлены в достоинство и условие поэтичности предметов искусства» [18. С. 83]. Характерно, что концепции масс, на которые позже юдут опираться теории элит, возникли во время расцвета декаданса: концепт народа, базовый для либеральных теорий общественного договора эпохи Просвещения, в них заменен на концепт масс. Несовместим декаданс и с марксизмом с его концепцией социальных классов, что, впрочем, сочеталось у декадентов со склонностью к социализму.

Элитизм декаданса на первый взгляд противоречиво сочетается с перенятым из романтизма культом париев, изгоев: «сочувствие к отверженным, к жертвам преследования являлось одной из составляющих романтического мировосприятия и тесным образом увязано с наследием французской революции. Игра в изгнанника, в изгоя — это часто встречающееся романтическое клише» [1. С. 152]. Персонажи декаданса, как и романтики, подчас позиционировали себя как гонимых изгнанников, не имеющих места в социальном пространстве. И хотя они воспринимали себя, как и модернисты следующего столетия, в качестве шутов в абсурдном мире, образ изгнанника близок этому восприятию. Пиетет перед париями сам по себе указывает на левый характер романтического направления и декаданса в частности. Существует мнение, что декаданс, в отличие от романтизма и авангарда, аполитичен: «Что касается авангардизма, то, в отличие от аполитичного в целом декаданса, он открыто заявил о “социальной ангажированности творчества”... и часто был связан с левыми, подчас даже революционными идеями» [17. С. 39]. Хотя декаденты не выражали политической позиции столь активно и экспрессивно, как авангардисты, декларируя приверженность «чистому искусству», говорить

об их полной аполитичности неверно. Декаденты, как все представители романтического направления, были как минимум близки к социалистам и левым в широком смысле слова, о чем свидетельствует хотя бы работа О. Уальда с характерным названием «*Душа человека при социализме*». Его друг Б. Шоу был не только писателем, но и членом «фабианского общества», стремившегося к построению социализма «эволюционным путем» и основывавшегося отчасти на идеях К. Маркса (в XX веке стало ядром, аналитическим центром лейбористской партии Великобритании).

Г.В. Плеханов в «Евангелии от декаданса» спорил с тем, что «союз между символизмом и революцией — явление внутренне необходимое» (здесь символизм синонимичен декадансу). Сам факт дискуссии говорит о том, что позиция оппонентов Плеханова в этом вопросе была распространена среди социалистов. Бодлера, как всех декадентов, Плеханов воспринимал негативно: «летающий по ветру революции», слабый человек, «мечтающий о сверхчеловеке» [15. С. 478]. Хотя революция была декадентам чужда, она была притягательна своей силой, поэтому они выступали ее «попутчиками». Работа Плеханова — одно из свидетельств, что декаденты тяготели к социализму. Так, Бодлер принимал участие в революции 1848 года, его первыми переводчиками в России были социалисты-революционеры: «“Альбатроса” на русский перевел П. Якубович, член кружка «Народная воля», другие его первые русские переводчики — Д. Минаев и Н. Курочкин — тоже революционеры» [4]. Декаденты, как и романтики, были далеки от консерватизма хотя бы из-за конфликта со всеми христианскими конфессиями, а также от либерализма того времени, тесно связанного с идеями Г. Спенсера, в ком они видели апологета ненавистной им буржуазии. Близость декадентов к социалистам, левым в политике была одним из признаков единства всего романтического направления: «высокого романтизма», декаданса и авангардизма.

Пессимизм декадентов произведен от убеждения, отличавшего их от романтиков, что они живут в эпоху разложения и кризиса — декаданса. Термин первоначально использовался в исторической науке для характеристики поздней Римской Империи [17. С. 50]. В работах Д. Низара «Этюды о нравах и критика латинских поэтов декаданса» (1834) и «Г-н Виктор Гюго в 1836» состояние дел в западном искусстве того времени было впервые связано с тем, что происходило в искусстве поздней Римской империи. Взяв за основу теорию Дж. Вико о цикличности истории, Низар предложил концепцию динамики мысли в искусстве: ранний этап — примитивизм (Гомер, Данте, Шекспир) — база для последующего этапа; срединный этап — золотой век искусства (Перикл, Августин, Медини, Людовик XIV), завершает цикл декаданс — распад искусства, когда художники более не соотносят творчество со светом и разумом [17. С. 52–53]. Работы Низара оказали влияние на Ш. Готье: «В отличие от классического стиля, декадентский допускает неясности, в тени которых мы можем наблюдать зародыши суеверия, ночные страхи, угрозы»

ния совести, чудовищные мечты, мрачные фантазии — словом, все самое темное, бесформенное, неопределенно-ужасное, что таится в самых глубоких и самых низких тайниках души». У Низара Готье заимствовал и идею родства общества Римской империи, «тронутой разложением» [17. С. 53], и современного ему общества, выражением которого стал декаданс. Бодлер стилизовывал свои работы под литературу «латинского декаданса», и французские декаденты стали сравнивать свою эпоху с погрязшими в излишестве последними веками Римской Империи, с декадансом Петрония. П. Верлен написал фразу, ставшую символом французского декаданса: «Je suis l'Empire a la fin de la decadence» [17. С. 48]. Катастрофа 1870 года, когда Вторая империя Франции пала под натиском «варваров-пруссиков», эти представления усилила: французское общество жило в конце XIX столетия, когда его искусство определялось декадансом, в состоянии национального унижения. Программа французских декадентов, опубликованная в журнале с характерным названием «Le decadent», провозгласила противостояние всему «традиционному» в искусстве и «мещанской морали»: «Современный человек всем пресыщен... невроз, истерия, увлечение гипнозом и морфием, научное шарлатанство, страстное увлечение Шопенгауэром — таковы симптомы социальной эволюции» [21. С. 374–376]. Впрочем, возможно, что декаданс не столько выражал социальную среду, «дух» своего времени, сколько формировал их в качестве активной социальной силы.

Следует отличать от декаданса произошедшую от него и доступную для широких слоев декадентскую моду. Ее первыми признаками были «пессимистические настроения, отрицание веры в саму возможность чего-либо истинного» [17. С. 47], которые дополнялись модой на мистицизм, связанной с антисциентизмом всего романтического направления, что породило массовое увлечение спиритизмом. Характерно, что его распространение в массах шло параллельно трансгрессии декаданса в культурной элите. «Увлечения» морфием были связаны с этой же «культурной индукцией»: декадентам в конце XIX — начале XX века подражали, даже если не особенно понимали. Социальный круг людей, следовавших моде на декаданс, был значительно шире, чем круг декадентов: в него входили представители политических и экономических элит, многие простые «интеллектуалы», поверхностно воспринявшие декаданс, но индуцированные, зараженные модой на него.

Нигилизм и пессимизм в этой моде соединялся с эсхатологизмом: «Нам все казалось, что мир... близок к своему концу. Мы сами назвали свое время Декадансом, а его кумиров и героев — декадентами. Мы были уверены: после нас — Потоп. Кто-то готовился к последнему времени, посвятив свою жизнь очищению, кто-то столь же неистово рвал в себе со всем человеческим... И еще никогда люди так часто не топились, не вешались, не стрелялись» [17. С. 93] (имеется в виду мрачная мода на самоубийство как часть

моды на декаданс, например самоубийство кронпринца Австрии Р. Габсбурга или философа О. Вейнингера).

Неудивительно, что значительное число интеллектуалов того времени, особенно близких к науке и к медицине, воспринимали декаданс как социальную болезнь, которую необходимо излечить. Влиятельным стал медицинский в своей основе подход, понимавший декаданс как отклонение в результате нервного истощения (позднее появится термин «девиация»), — он стал защитной реакцией части интеллектуального класса и культурной элиты, приверженцев «ценностей Просвещения», носителей «позитивистской доминанты», противостоящей «романтической» [13. С. 385–389]. Данный подход был «крестовым походом» против декаданса и был впервые выражен в работах К.-М. Родо «О декадансе Франции» (1850), Б.О. Мореля «Трактат о дегенерации» (1857), Г. Рошфора «Французы периода упадка» (1866) — их объединяла идея, что декаданс — результат превращения французов в «невротиков, психически неустойчивых» [17. С. 46–47] в медицинском смысле слова.

П. Бурже в работе «Очерки современной психологии. Этюды о выдающихся писателях нашего времени» (1883–86), говоря о декадансе, исходил из распространенной в то время органицистской концепции: в жизнеспособном организме, идущем по пути эволюции, клетки-индивиды, будучи подчиненными существами, действуют с «подчиненной силой», а если этого не происходит и сила клеток становится независимой, то «существа, образующие организм, перестают подчинять свою силу силе организма, и наступающая тогда анархия вызывает упадок общества». Соответственно, декаданс — состояние общества, когда у индивида отсутствует желание стать одной из клеток общества, подчиниться «органической цели», что порождает дисгармонию (эти идеи близки сформулированной позднее Э. Дюркгеймом концепции аномии). Э. Дюркгейм в «Самоубийстве» высказывался о литературе декаданса критически: она «не выражает ничего, кроме глубокого отчаяния и тревожного состояния депрессии» [17. С. 112].

Наиболее известной и социально влиятельной критикой декаданса стала работа Нордау «Вырождение». Его концепцию нередко упрощают, смешивая с представлениями о вырождении в более поздних теориях дегенерации (например, немецких авторов первой половины XX столетия), где вырождение понималось как психический распад, умопомешательство и слабоумие, делающее «вырожденца» асоциальным персонажем, регрессирующим к животному уровню. Однако Нордау, как и Ч. Ломброзо, которому он посвятил работу и который написал книгу с характерным названием «Гениальность и умопомешательство», понимали вырождение как более сложный процесс, не исключавший того, что «дегенерат» может быть гением и влиять на культуру и общество, но при этом он должен был относиться к одной «антропологической семье» (романтики и декаденты — два ее поколения).

Используя язык психиатрии, Нордау писал, что главным отличительным признаком «вырождающегося» является несамостоятельность мысли — не в результате волевого усилия, а подчиняясь потоку «ассоциации идей, без всякой руководящей нити» [13. С. 166]. Романтики и декаденты не только этого не отрицали, но, напротив, считали признаком «вдохновения», которое якобы и выделяло их из простых смертных, исходя из трансцендентной реальности. Для Нордау как представителя направления «Просвещения» то, что Я не выступает творцом мысленных образов, утрачивая контроль над психикой и выступая объектом неких влияний, является признаком личной слабости и оценивается отрицательно. При этом он не понимал паралич индивидуальной воли как слабоумие, отмечая, вслед за Ломброзо, что вырождение не означает бездарности, вырождающийся вполне может быть гениальным [13. С. 24–25]. С деградацией воли связана зависимость романтиков, особенно декадентов, от алкоголя и наркотиков (абсента, морфия, опиума и других сильных психотропных средств, которые были во время «fin de siècle» легкодоступными). Характерно, что декаденты с фактом такой зависимости не спорили, считая ее средством обретения или поддержания «вдохновения».

Понимая эволюцию как представитель «аполлонийства» — путь от «инстинктивности к сознательности», «расширение сферы сознательного над бессознательным, усиление воли, ослабление инстинктивных влечений» [13. С. 443], а также как индивидуализацию (вслед за Г. Спенсером, которого он считал главным мыслителем современности), Нордау определял романтизм и декаданс как регрессию, инволюцию психическую и социальную. «Вырождающиеся» в его концепции — люди, психика которых соединяется в одно коллективное целое, как это было первоначально, в архаичных обществах. Работа Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни» выражает, по сути, ту же идею о первоначальной коллективной психике как «праматери» индивидуальных. В романтическом направлении движение к ней оценивалось противоположным образом. Нордау отмечал усиление социальных позиций и распространение идей «антропологической семьи» вырождающихся, назвав это «концом века» («fin de siècle») — «одна историческая эпоха клонится к закату и нарождается другая» [13. С. 9–10]. Иными словами, речь идет о конце цикла, когда «семья вырождающихся» становится доминирующей социальной группой, распространяя свое мировоззрение в виде романтизма в культуре и в виде социализма в политике и экономике.

Нордау также обратил внимание на инверсию мужского и женского начал в романтизме: мужественные, доминирующие социально женщины и, напротив, женственные и слабые мужчины стали «идеалом вырождающихся существ», стремящихся все сделать наоборот [13. С. 352]. Феминизм, фиксирующий доминирование женского начала, стал лишь одним из проявлений социальной дегенерации, второе ее проявление — феминизации мужчины (как кастрация в хтонических культах «великой матери»). В результате «ге-

рой в искусстве романтизма всегда женственен, романтическая поэзия и проза никогда не признают за мужественностью преимуществ» [14. С. 495].

На идеи Нордау ссылались как открыто, так и не указывая его фамилии. Так, Н.К. Михайловский писал о декадансе в западном обществе как о симптоме «культурного истощения» и старения, невозможном, по его мнению, в «примитивной» и молодой России [10. С. 60]. С этим, хотя и с другим обоснованием, был солидарен Плеханов, написавший разгромную в отношении модернизма статью [15]. Среди критиков «нового искусства» был и Толстой, который в трактате «Что такое искусство?» в «людях *fin de siècle*» видел «европейскую болезнь века»: как Нордау, он считал, что декадансу свойственны «все признаки вырождения», а сам он представляет «последнюю степень бессмыслия» [18. С. 99].

Сложно точно сказать, насколько принимались или отвергались в западном обществе того времени идеи декаданса, однако популярность его критики указывает на то, что как минимум не в богемной социальной среде (художественной элиты) большинство относилось к нему отрицательно. Что касается культурной элиты того времени, то она была расколота: «Вся сложность этого периода и состоит в наличии сразу нескольких направлений и течений, которые не просто существуют параллельно, а вступают в очень сложные взаимодействия даже в рамках творчества отдельного писателя» [17. С. 222]. Характеристика декаданса как перехода от эпохи классицизма к модернизму (в узком смысле) встречается во многих работах: «Декаданс... следует рассматривать в первую очередь как водораздел между уходящей культурой и нарождающейся новой» [17. С. 18]. К началу XX века он перестает существовать как самостоятельное явление и «растворяется в искусстве модернизма» [17. С. 351]. Впрочем, декаданс не просто предшественник модернизма, он готовил его появление, неся в себе его черты: «Модернистское сознание... в своих истоках декадентское. Связь наимодерного модернизма со старомодным декадансом очевидна, доказательств здесь не требуется. И связь не только по части мировоззренческих, философских, нравственных основ художественного творчества – даже по части принципов самого творчества... Связь модернизма с декадансом так очевидна, что не все избегают искушения называть декадентов – модернистами, а модернистов – декадентами» [1. С. 134]. Не случайно термин «новое искусство» обозначал как декаданс, так и позднее авангард. Единое значение имел «модернизм» у Плеханова и М.А. Лифшица — декаданс и авангард обозначались термином «модернизм» в плане противопоставления реалистическому искусству и мировоззрению. Если соединить тезис о происхождении модернизма из декаданса с тезисом о происхождении декаданса из романтизма, то модернизм XX столетия — один этапов развертывания романтического направления.

О том, что декаданс следует понимать как источник авангардизма, новое поколение модернизма, «дионисийцев» романтизма в широком смысле слова

в XX веке, свидетельствует хотя бы то, что основатели авангарда не скрывали, что их предшественниками и кумирами были декаденты. С модернизмом XX века как с «безобразным искусством» [8] (авангардизмом в широком смысле) декаданс объединяет представление об исчезновении порядка и смысла: мир авангарда — «абсурд», в котором «умерли все боги», что в литературе описано в произведениях А. Камю и Ж.П. Сартра. Наступление абсурда было провозглашено уже декадентами, обращавшихся к словам Ницше о смерти бога — модернисты XX века только развернули идеи, выраженные еще в декадансе.

Так, начала модернистской живописи были заложены в импрессионизме, который оказал определяющее влияние на авангард как одна школа живописи на другую. Импрессионисты впервые со времен Возрождения убрали трехмерную пространственность, в результате чего живопись лишается иллюзии материальной достоверности, «узнаваемость, различаемость, конкретность субстанций и форм начинает резко уменьшаться, стремясь к нулю, хотя до “нуля образности” в авангарде было еще далеко» [20. С. 59]. Процесс растворения живописных форм уже начался, и авангард только довел его до предела: для авангардной живописи отправной точкой стала живопись импрессионистов [8. С. 83]. Начиная с нее, живопись художников, противостоящих реалистической традиции в живописи, теряла изобразительность, пока не возник кубизм, полностью от нее отказавшийся. Импрессионистское противопоставление неуловимого для форм рассудка и чувственности «становления» «бытию» («миру феноменов») и апология первого типичны для романтизма, как и пиетет импрессионистов перед «первобытностью». Так, П. Гоген в «Письмах» прославляет «первобытность», интересуясь «мифологическим мышлением» как альтернативой «дряхлающей европейской цивилизации», в которую она способна влить «новую кровь» [20. С. 73–74].

Но при всей идейной близости, отождествление декаданса и авангарда неверно, так как при сущностном единстве это две разные формы и стадии развертывания одного направления: «различие эпох – переходной, рубежа веков, и современности – выявляется и в том, что для первой из них характерен декаданс, для второй – модернизм, а это не совсем одно и то же» [1. С. 131]. Одно из различий декаданса и авангарда состоит в том, что организационно был оформлен только последний: «декадентское движение... не стоит понимать буквально: как такового движения не существовало. Была группа литераторов и художников, объединенных желанием противостоять нормам и законам “викторианского искусства”» [17. С. 23]. Декаденты как индивидуалисты не могли иметь «вождя» и входить в сплоченные коллективы. Авангардисты, напротив, были в подавляющем большинстве коллективисты и входили в объединения, которые возглавляли харизматические вожди вроде А. Бретона у сюрреалистов или Ф.Т. Маринетти у футуристов. Организованность авангардистов обусловлена их социальной активностью — они стремились рабо-

тать с массами, чтобы осуществить культурную революцию, пытались стать демиургами нового мира, многие создавали общины (коммуны) во главе с вожаками, как бы воспроизводя общества первобытной эпохи.

«Примитивизм» свойственен авангарду в широком смысле слова (как модернизму XX века): в нем нет отдельного субъекта или структурированного социального мира — есть хаос и человеческий материал без определенной культурной формы как материальное начало нового общества. При этом под «примитивами» понимались не только люди «архаических обществ», но и пролетариат, свободный от влияния буржуазной культуры и потому рассматриваемый как материал для нового человека в новой, например коммунистической, эпохе. Авангардисты в большинстве своем жили ощущением происходящих и предстоящих революций. «Под “примитивным”... понимается всякое (в том числе художественное) сознание, чуждое рефлексии, в рамках которого мир и человек едины и неотделимы друг от друга. В этом случае термин употребляется в своем исконном смысле... Им обозначают искусство, свободное от “оков” ratio» [6. С. 90]. Невыделенность субъекта из социального мира, коллектива в примитивизме объясняется тем, что мир находится в начале времен, когда нет индивидуации и дифференциации. Примитива «не мучают сомнения, он не задается вопросами о смысле бытия... примитив свободен и счастлив, так как его жизнь “не испорчена” влиянием современной цивилизации и не ограничена социальными нормами и запретами, а его интуиция способна проникнуть в тайны человечества и мироздания» [6. С. 91, 94–95]. Очевидно, что идея примитивной культуры и искусства, свободных от «оков рассудка», но опирающихся на интуицию, происходит из романтизма.

Романтические корни в модернистской литературе о примитивах невозможно не заметить, например, в известной книге Д.Г. Лоуренса «Пернатый змей», где описывается регрессия от европейской цивилизации к примитивности. Покровительница и подруга авангардистов писательница Г. Стайн уподобила состояние примитивов и их интуиций «чувствованию» женщин, противопоставленному «тирании разума» мужчин. Первобытное общество примитивов мыслилось модернистами, как ранее романтиками, в виде матриархального, ведомого «чувствованиями»/интуициями шаманок/жриц. «Для писателей “романтического” направления примитив символизирует бытие и мироощущение человека, еще не испытавшего на себе влияния индустриальной, механической, рациональной цивилизации. При таком понимании в примитиве привлекает, прежде всего, синкретическое, нерасщепленное сознание, способное, в отличие от современного, мыслить бытие как целостность... примитивизм в рамках западноевропейской культуры начала XX столетия трактуется как... “вид романтизма”» [6. С. 91].

На этом имеет смысл закончить статью, посвященную введению в рассмотрение романтического направления как единого социокультурного феномена: модернизм XX столетия (авангард в широком смысле) соотносится

с «высоким» и поздним романтизмом как очередное поколение «романтического направления, наступавшего в том смысле, что его социальные позиции и влияние неуклонно, хотя и не без сопротивления, усиливались, в первую очередь среди «интеллектуалов». При различии ролей декаданса и авангарда их отнесение к одному «умственному движению» несомненно: первый играл роль уставшего, пресыщенного духа конца века/цикла, второй — примитивного духа начала новой эпохи. В следующей статье акцент будет сделан на авангарде, без предварительного рассмотрения которого объяснение деятельности «Социологического коллежа» как позднего представителя «сюрреалистической традиции» [5] в третьей статье было бы неполным. Данное объединение интересно тем, что выразило в новой дискурсивной форме, сообразной концепциям первой половины XX века, интуиции не только авангарда, но и всего романтического направления, став связующим звеном между модернизмом и постмодернизмом.

Библиографический список

1. Андреев Л.Г. Западноевропейская литература, XX век // Вопросы литературы. 1983. № 8.
2. Андреев Л.Г. Импрессионизм = Impressionnisme: Видеть. Чувствовать. Выражать. М., 2005.
3. Аркан Ю.Л., Наумова Е.И. Романтизм vs. Просвещение? // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2013. № 2.
4. Басинский П. Именно Бодлер был родоначальником «модерна» в поэзии // Российская газета. 2021. № 7.
5. Вайнгарл М. Коллеж социологии и институт социальных исследований: Беньямин и Батай // НЛО. 2004. № 4.
6. Кондрахина Г.К. Традиции примитивизма в литературе модернизма // Вестник ПГУ. Российская и зарубежная филология. 2009. № 2.
7. Кривых Е.У. Метафизика воли в иррационалистических концепциях А. Шопенгауэра, Р. Вагнера, Ф. Ницше // Вестник ЧелГУ. 2009. № 33.
8. Лифшиц М.А., Рейнгардт Л.Я. Кризис безобразия: от кубизма к поп-арту. М., 1968.
9. Манн Т. Художник и общество. Статьи и письма. М., 1985.
10. Михайловский Н.К. Литературные воспоминания и современная смута. Т. II. СПб., 1900.
11. Наливайко Д.С. Искусство: направления, течения, стили. К., 1985.
12. Ницше Ф. Рождение трагедии. М., 2001.
13. Нордау М. Вырождение. Современные французы. М., 1995.
14. Палья К. Личины сексуальности. Екатеринбург, 2006.
15. Плеханов Г.В. Евангелие от декаданса // Плеханов Г.В. Литература и эстетика: в 2 тт. М., 1958. Т. 2.
16. Покидченко И.М. Феномен декаданса в европейской культуре второй половины XIX — начала XX века: Дисс. к. культурологии. М., 2019.
17. Савельев К.Н. Литература английского декаданса: истоки, становление, саморефлексия: Дисс. д.ф.н. М., 2008.
18. Толстой Л.Н. Что такое искусство? М., 1951.
19. Хорольский В.В. Основные направления в английской и ирландской поэзии рубежа XIX–XX веков (проблемы историко-типологической дифференциации и художественной эволюции): Дисс. д.ф.н. М., 1995.

20. Якимович А.К. Рождение авангарда. Искусство и мысль: Дисс. д. искусствоведения. М., 1998.
21. Энциклопедия символизма: живопись, графика, скульптура. Литература. Музыка. М., 1998.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-906-927

EDN: QIDDTQ

Transgression of the romantic movement in Western society: The unity of Romanticism and Modernism*

A.E. Kapishin

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: kapishin-ae@rudn.ru)

Abstract. The article is the first and the most general part of the study and focuses on the thesis that has been put forward before but is not entirely clear and widespread in the Russian science: in Western cultures and societies in the 19th–20th centuries, a single “romantic movement” developed and unfolded in several stages. This romantic trend is considered not from the perspective of art history but in a broader sense — as a trend that determines the culture of Western society. Romanticism (“high romanticism”) is the first representative of this movement; all its “generic features” are manifested in it, considered as principles not only of art but also of a worldview — unfolding in philosophy and determining the parameters of culture. “High Romanticism” is followed by Modernism, in which decadence (“late Romanticism”, Modernism of the late 19th century) is distinguished from Modernism of the 20th century, often called *avant-garde* in the broader sense (not only a movement in painting and art but also a new worldview). Romanticism, decadence and the *avant-garde* are not simply social-cultural phenomena that follow one another in time, are different in some ways and similar in others, but also are stages in the development of a single system of principles of spiritual culture (according to T. Mann, stages of a single “intellectual movement”). The study is also based on the idea that Romanticism is an antagonist of the movement that does not have a single name but has a quite clear meaning: sometimes, using the terminology of art to define the entire “intellectual movement”, it is called “realistic”, or, using the terminology of science, it is called “positivist” (and associated with the “principles of the Enlightenment”). Two “directions of thought” make up a pair, their struggle determines social-cultural dynamics; therefore, we can speak of their dualism. Thus, F. Nietzsche asserted the dualism of the Apollonian and Dionysian principles, although without reducing the Apollonian principle to the “Enlightenment” that limited the capabilities of the intellect. The common issue of all articles in the study is the transgression of the romantic trend in Western society from the 19th to the first half of the 20th century. The term “transgression” can be replaced by “advance” or “spread”, since the author’s idea is that the romantic movement not only coexisted with the realistic one, changing one’s forms, but gradually and irreversibly displaced it in Western societies to eventually become the dominant of their culture. In the early 19th century, during the time of “high romanticism,” the cultural dominant of Western

*© A.E. Kapishin, 2024

The article was submitted on 04.06.2024. The article was accepted on 15.10.2024.

society was the “Enlightenment” trend expressed in classicist art and positivist science; by the end of the era of “high romanticism”, in the mid-20th century, the dominant changed and led to the development of postmodernism which also belongs to the romantic movement.

Key words: Romanticism; Modernism; decadence; art; culture; primitivism; avant-garde; “Enlightenment”; Renaissance; positivism; Apollonian principle; Dionysian principle; transgression

References

1. Andreev L.G. Zapadnoevropeyskaya literatura, XX vek [Western European literature, XX century]. *Voprosy Literatury*. 1983; 8. (In Russ.).
2. Andreev L.G. *Impressionism = Impressionnisme: Videt. Chuvstvovat. Vyrazhat* [Impressionism = Impressionnisme: To See. To Feel. To Express]. Moscow; 2005. (In Russ.).
3. Arkan Yu.L., Naumova E.I. Romantizm vs Prosveshchenie? [Romanticism vs. Enlightenment?]. *Vestnik SPbGU. Filosofiya i Konfliktologiya*. 2013; 2. (In Russ.).
4. Basinsky P. Imenno Baudelaire byl rodonachalnikom “moderna” v poezii [It was Baudelaire who was the founder of “modernism” in poetry]. *Rossiyskaya Gazeta*. 2021; 7. (In Russ.).
5. Weingartner M. Kolledzh sotsiologii i instituta sotsialnyh issledovaniy: Benjamin i Bataille [College of Sociology and Institute of Social Research: Benjamin and Bataille]. *NLO*. 2004; 4. (In Russ.).
6. Kondrakhina G.K. Traditsii primitivizma v graficheskom modernizme [Traditions of primitivism in graphic Modernism]. *Vestnik PGU. Rossiyskaya i Zarubezhnaya Filologiya*. 2009; 2. (In Russ.).
7. Krivykh E.U. Metafizika voli v irratsionalisticheskikh kontseptsiyah A. Schopenhauera, R. Wagnera, F. Nietzsche [Metaphysics of will in irrationalist concepts of A. Schopenhauer, R. Wagner, F. Nietzsche]. *Vestnik ChelGU*. 2009; 33. (In Russ.).
8. Lifshits M.A., Reingardt L.Ya. *Krizis bezobraziya: ot kubizma k pop-artu* [Crisis of Ugliness: From Cubism to Pop Art]. Moscow; 1968. (In Russ.).
9. Mann T. *Khudozhnik i obshchestvo. Statyi i pisma* [Artist and Society. Articles and Letters]. Moscow; 1985. (In Russ.).
10. Mikhaylovsky N.K. *Literaturnye vospominaniya i sovremennaya smuta* [Literary Memories and Contemporary Turmoil]. Vol. II. Saint Petersburg; 1900. (In Russ.).
11. Nalivayko D.S. *Iskusstvo: napravleniya, napravleniya, stili* [Art: Trends, Trends, and Styles]. Kyiv; 1985. (In Russ.).
12. Nietzsche F. *Rozhdenie tragedii* [The Birth of Tragedy]. Moscow; 2001.
13. Nordau M. *Vyrozhdenie. Sovremennye frantsuzy* [Degeneration]. Moscow; 1995. (In Russ.).
14. Paglia C. *Lichiny seksualnosti* [Sexual Personae]. Yekaterinburg; 2006. (In Russ.).
15. Plekhanov G.V. *Evangelie ot dekadansa* [Gospel of decadence]. Plekhanov G.V. *Literatura i estetika*: in 2 vols. Moscow; 1958. Vol. 2.
16. Pokidchenko I.M. *Fenomen desyatiletia v sfere kultury vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka* [The Phenomenon of the Decade in the Cultural Sphere of the Second Half of the 20th — Early 20th Century]: Diss. k. kulturologii. Moscow; 2019. (In Russ.).
17. Saveliev K.N. *Literatura angliyskogo dekadansa: istoki, stanovlenie, samorefleksiya* [Literature of English Decadence: Origins, Formation, Self-Reflection]: Diss. d.f.n. Moscow; 2008. (In Russ.).
18. Tolstoy L.N. *Chto takoe iskusstvo?* [What Is Art]. Moscow; 1951. (In Russ.).
19. Khorolsky V.V. *Osnovnye napravleniya v angliyskoy i irlandskoy poezii rubezha XIX–XX vekov (problemy istoriko-tipologicheskoy differentsiatsii i khudozhestvennoy revolyutsii)* [Main Directions in English and Irish Poetry in the 19th–20th Centuries (Issues of Historical-Typological Diversity and Artistic Revolution)]: Diss. d.f.n. Moscow; 1995. (In Russ.).
20. Yakimovich A.K. *Rozhdenie avangarda. Iskusstvo i mysl* [The Birth of the Avant-Garde. Art and Thought]: Diss. d. iskusstvovedeniya. Moscow; 1998. (In Russ.).
21. *Entsiklopediya simvolizma: zhivopis, grafika, skulptura. Literatura. Muzyka* [Encyclopedia of Symbolism: Painting, Graphics, Sculpture. Literature. Music]. Moscow; 1998. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-928-941

EDN: QENJUE

Трансформация функций тела в эпоху искусственного интеллекта*

Т.С. Мартыненко^{1,2}, Д.А. Старостина^{2,3}

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, стр.33, Москва, 119234, Россия,

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

³Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: ts.martynenko@gmail.com; dasha-sta@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования тела в эпоху развития и широкого внедрения цифровых технологий, прежде всего искусственного интеллекта. Сначала авторы показывают, как зарождаются исследования тела в социальных и гуманитарных науках — с периода античных представлений о теле до современных концепций, включающих широкий спектр вопросов, подходов и теорий, обращаясь к категории тела с самых разных позиций. Затем рассматриваются базовые функции тела: формирования идентичности, коммуникативная, функция культурного образца, политического контроля и формирования субъективного опыта. Обосновывается трансформация этих функций под влиянием все большего сближения тела человека с новейшими технологиями. Особое внимание уделяется функциям формирования субъективного опыта и идентичности, а также коммуникативной функции. Авторы анализируют процесс сближения тела и технических устройств, показывают, как по мере сокращения дистанции между ними возникают их гибриды. В статье обозначены основные современные смарт-технологии (смарт-часы и фитнес-браслеты, смарт-кольца, смарт-одежда, смарт-импланты, мониторы сна, VR и AR технологии) и ключевые аспекты взаимодействия индивида со смарт-устройствами с точки зрения физиологии, психологии, социального взаимодействия и рабочей эффективности. Поставлен вопрос о взаимоотношениях тела и технологий искусственного интеллекта в двух плоскостях: первая связана с трансформациями человеческого тела в эпоху развития новейших цифровых технологий, с обретением телом новых качеств и свойств; вторая касается обретения телесности технологиями искусственного интеллекта и социальных последствий сближения тела и технологий — как положительных (улучшение качества жизни и медицинской помощи, расширение возможностей отдельных социальных групп и др.), так и негативных (возникновение зависимости от технологий, рост социального неравенства и др.). В заключении делается вывод о необходимости более глубокого изучения рассматриваемых вопросов и обозначен ряд других дискуссионных вопросов в рамках взаимодействия человека и технологий.

*© Мартыненко Т.С., Старостина Д.А., 2024

Статья поступила в редакцию 02.07.2024. Статья принята к публикации 05.11.2024.

Ключевые слова: социология тела; тело; технологии; искусственный интеллект; функции тела; социальное неравенство; трансгуманизм; сингулярность

В последние годы технологии искусственного интеллекта (далее — ИИ) серьезным образом трансформируют социальную реальность: меняются трудовая сфера, система здравоохранения и образования, сфера гражданского участия и культура. Технологии ИИ порождают новые социальные практики и модели поведения, меняют способы социального взаимодействия. Более того, сегодня уровень развития технологий таков, что заставляет человека пересмотреть самого себя — появляются новые способы формирования идентичности и субъективного опыта, пересматриваются отношения человека с собственным телом: вслед за виртуальной реальностью, частью которой стал человек, появились технические решения и средства на основе ИИ, которые, с одной стороны, готовы стать частью человеческого тела, с другой стороны, по аналогии с телом человека, обрести собственную телесность, сравнимую по ряду параметров с человеческой. Особой трансформации подвергаются важнейшие функции человеческого тела, что влечет за собой значительные последствия и для общества.

Функции тела: история вопроса и современность

Изучение тела в социальных и гуманитарных науках начинается еще в античности и охватывает широкий спектр вопросов, подходов и теорий, обращающихся к категории тела с самых разных сторон. Тело становится объектом многих научных дисциплин: философии, антропологии, психологии, этнографии, социологии и др. Первые исследования тела в социогуманитарной матрице оформились в философии: еще в период Античности в древнегреческой и римской философии тело начинает рассматриваться в контексте взаимоотношений души и разума. Платон затрагивает категорию тела в нескольких диалогах, но наиболее детально в «Федоне» [12] и «Тимее» [11]. В первом диалоге Платон обсуждает природу души и тела, утверждая, что душа вечна и не подвержена смерти, а тело является лишь временной оболочкой души. Тело отвлекает душу от достижения истинного знания, и идеальная жизнь для каждого индивида — та, что направлен на развитие души и предполагает избегание телесного удовольствия. Во втором диалоге Платон описывает материю и тело в контексте космологии и создания мира: тело состоит из элементов, все материальное подвержено изменениям, а идеальная форма/идея вечна и неизменна. В этом диалоге тело предстает как рационально упорядоченная структура, в которой душа проявляет себя, и уже здесь Платон подчеркивает важность гармонии между душой и телом.

Аристотель рассматривает тело как неотъемлемую часть человеческой сущности. В его «Физике» [2] тело представлено как важная часть философского подхода к природе. Аристотель изучает движение, изменение и сущ-

ность материальных объектов, вводит концепцию четырех причин, объясняющих, почему что-либо существует: материальная, формальная, действующая и целевая причины. Тело — материя, которая принимает форму и становится конкретным объектом. В трактате «О душе» [1] Аристотель уделяет особое внимание связям между душой и телом, утверждая, что душа — это «форма» тела, первичная активность организма, определяющая его жизнь и функции. Аристотель разделяет души на растительные, животные и рациональные, связывая каждый тип с определенными телесными функциями. Здоровье тела и состояния души взаимосвязаны — содержание души влияет на телесное выражение. Тело для Аристотеля не просто материальная субстанция, а неотъемлемая часть живого существа, тесно связанная с его душой и функциями.

В Средние века фокус исследований тела смещается под влиянием христианской теологии: тело рассматривалось как временное и несовершенное, а душа считалась вечной и божественной, что создавало напряжение и развивало дистанцию между материальным и духовным. Так, Августин Аврелий подчеркивал ненадежность тела и его склонность к греху, ставя душу в центр человеческой природы. Фома Аквинский развил аристотелевскую идею о взаимосвязи души и тела: тело — «инструмент» для душевных функций [3. С. 121]. Тело также активно изучается в медицине: врачи и ученые стремились понять анатомию и физиологию человеческого тела, причины заболеваний (например, «Канон врачебной науки» Ибн Сины (Авиценны) [5]). Тело в Средневековье исследовалось в сложной взаимосвязи между философией, теологией и ранней медициной, и этот подход готовил почву для будущих изменений в понимании человеческой природы и места человека в мире.

В Новое время происходит существенный сдвиг в трактовке телесности, связанный с появлением новых научных методов, основанных на наблюдении и эксперименте, гуманистических идей и переоценкой античных знаний. В данный период анатомия, физиология и медико-натурфилософские исследования приобретают новую направленность и значимость: тело рассматривается не как временный сосуд для души, но как важный объект исследования. В гуманистической традиции акцент на человеческом опыте и индивидуальности способствовал интересу к человеческому состоянию в целом, включая физические аспекты, что привело к более глубокому изучению медицины и развитию здравоохранения. В философии Р. Декарт предложил механистическую теорию тела как сложного механизма со своими законами и принципами [14. С. 198]. Искусство и наука активно взаимодействуют: великие художники (Микеланджело) стремились к точному отражению человеческой анатомии, Леонардо да Винчи проводил анатомические исследования для создания детальных анатомических рисунков.

В XIX веке антропология начинает формироваться как самостоятельная дисциплина, и акцент смещается на культурный контекст телесности. Одновременно начинается систематизация телесных измерений разных этнических групп, что закладывает основу расовой антропологии. С началом XX века подход к телу в антропологии становится более комплексным: в антропологических исследованиях (например, Ф. Боаса) критиковались расовые классификации и подчеркивалось значение культуры и среды обитания.

В социологии тело «появляется» в начале XX века — в социологии культуры Г. Зиммеля, фигуративной социологии Н. Элиаса, теориях Дж.Г. Мида и И. Гофмана, но основоположником социологии тела считается М. Фуко. В научный оборот вводятся такие категории, как чувственно-телесное восприятие, сексуальность, стыд, самопринуждение, цивилизационный процесс, власть над телом, дисциплинарное общество, роль тела, уязвимость тела, самообладание, телесная сторона, телесно-воплощенная и бестелесная информация, идиома тела, наблюдаемость, позже их дополнили такие понятия, как контроль через тело, габитус, креативное действие, телесная схема, образ тела (благодаря П. Бурдьё и Х. Йоасу) [13. С. 489]. Тело в современной социологии рассматривается как важный элемент, играющий ключевую роль в межличностном взаимодействии и в формировании социальных структур: тело не просто биологический объект, но и социальный конструкт, через который индивид взаимодействует с окружающим миром.

Тело как значимая социальная система обладает рядом функций: формирования идентичности (через тело индивиды выражают себя и производят оценку «другого»); коммуникативная функция (тело — источник вербального и невербального общения); функция культурного образца (тело является носителем культурных норм и стандартов телесности в конкретных обществах, включая моду, представление об идеальной фигуре, уход за собой и ритуалы, связанные с телом); функция политического контроля (тело — объект контроля и регулирования посредством биополитических технологий, а также инструмент сопротивления); формирование субъективного опыта (тело — основа для проживания и аккумуляции личного опыта и формирования картины мира через телесное восприятие). Тело как система помогает понять, как индивидуальные и коллективные идентичности формируются и функционируют внутри социальной структуры, как выстраивается коммуникация между ними и осуществляется контроль. В современной социологии тела можно выделить следующие тематические: тело как объект социального контроля; вопросы пола и гендера; тело как объект потребления; тело и технологии — развитие биотехнологий, ИИ и технологий селф-трекинга [13. С. 491].

Тело и цифровые технологии: точки соприкосновения

С древнейших времен человек стремился усовершенствовать свое тело путем создания орудий и инструментов, призванных сделать человека более сильным и быстрым, способствовать ему в решении повседневных задач. Особенностью этих инструментов был их размер — сопоставимый с человеком или группой (в противном случае их использование было невозможно). Тем самым преобразованная человеком окружающая среда, включая создаваемые им технические устройства, была сопоставима с ним. Цифровые технологии, особенно технологии ИИ, создали радикальный разрыв между человеком и созданными им устройствами, поскольку «аналоговые» люди, прежде всего их тела, не могут быть в полной мере соизмеримы с цифровым пространством и соответствующими технологиями [15. С. 45]. Сегодня мы существуем в эпоху цифровой избыточности, что трансформировало взгляд на тело, его возможности и задачи. В значительной мере на это повлияли технологии ИИ — новейшие технологические решения, базирующиеся на сложных алгоритмах и способные решать человеческие задачи, адаптироваться, обучаться и взаимодействовать с человеком, в том числе при помощи системы обработки естественного языка.

Попытки человека создать полностью сопоставимый с собой интеллект начались еще в середине XX века. И хотя все еще стоит вопрос о реалистичности подобной задачи, уже сегодня ИИ способен выполнять большое количество человеческих функций, включая те, что ранее принадлежали лишь людям (эмпатия, поддержка в трудной жизненной ситуации, выполнение терапевтической функции сложными языковыми моделями). Благодаря развитию технологий стало возможным постепенное, но уверенное сближение человека и техники. Эта конвергенция реализуется как минимум в трех перспективах: цифровые технологии, включая ИИ, современные нейротехнологии и биоинженерные решения. Соответственно, возникает вопрос о социальных последствиях подобных трансформаций и минимизации их потенциальных рисков.

По мере нарастания масштабов технического прогресса ускоряется и конвергенция человека и новейших технологий в двух направлениях: с одной стороны, по мере распространения Интернета и новейших технологических решений человек все больше интегрируется в цифровое пространство. Исследуя отношения технологий с телом в исторической перспективе, можно обнаружить следующие тому подтверждения: с появлением в середине XX века первых ЭВМ, начинается взаимодействие тела с технологией — интерфейсы ввода (клавиатуры, мыши) активируют сенсорные системы человека, необходимые для управления устройствами, а графические системы способствуют восприятию информации через зрительные рецепторы. Тем не менее, первоначально такая связь тело-технология затрагивала незначительную часть индивидов, требуя высоких профессиональных компетенций, а также учитывая недоступность и дороговизну ЭВМ. С раз-

витием ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) появляется ПК (персональный компьютер), позволяющий установить более тесный контакт: ПК может стоять дома на столе и не требует специальных знаний для использования; изобретение ноутбука еще сильнее приблизило технологию к телу: индивид может брать его с собой везде — на работу, в транспорт, в путешествия и даже в кровать.

Конец XX охарактеризовался появлением смартфонов (умных телефонов) — они внедряются в повседневную жизнь индивидов, меняя формы их взаимодействия с окружающей реальностью. Физическая интеграция смартфонов в повседневность не только усиливает воспринимаемую связанность с информационными ресурсами, но и вводит новые телесные практики. Использование сенсорных экранов и тактильных интерфейсов меняет характер взаимодействия, требуя координации движений, что, в свою очередь, ведет к формированию новых эргономических привычек. Смартфоны влияют на когнитивные функции человека, изменяя способы обработки информации и восприятия мира. Смартфон работает напрямую с нашим телом и органами чувств: мы записываем голосовые сообщения, используем голосовой помощник, воспринимаем аудио информацию, разблокируем телефон с помощью отпечатка пальца или считывания лица (Face ID). Появление виртуальной реальности заставило человека инкорпорировать себя, включая свои характеристики и образ тела, в новое пространство социального взаимодействия. Аватары и цифровые двойники благодаря технологиям ИИ все больше похожи на людей, а порой существуют дольше человека: все чаще цифровых двойников используют и для того, чтобы общаться с умершими родственниками и друзьями.

С другой стороны, новейшие технологии интегрируются в тело человека (располагаясь на нем или даже внутри). В обоих случаях дистанция между телом и технологиями сокращается, и наряду с появлением умных машин возникают люди, как интегрированные в цифровую среду, так и инкорпорированные новейшие технические решения, — возникает вопрос о новом гибридном социуме [6]. Около десяти лет назад смартфон был самой близкой технологией к телу индивида, однако развитие цифровой среды меняет эту ситуацию: появляется новый вид технологий, не опосредованно взаимодействующий с телом, а напрямую с ним связанный (смарт-технологии, в том числе технологии селф-трекинга. Д. Лаптон предлагает следующую их дефиницию: «биометрические практики, направленные на регулирование, мониторинг, запись и измерение особенностей человеческого поведения, телесных функций» [17. С. 2]; а также типологию «самоотслеживаний»: личное (“private”), вынужденное (“pushed”), коммунальное (“communal”), навязанное (“imposed”) и эксплуатируемое (“exploited”). Современные смарт-технологии, напрямую взаимодействующие с телом индивида, включают в себя широкий спектр устройств и приложений, ос-

новная цель которых — улучшать качество жизни (например, отслеживать здоровье и повышать физическую активность).

Обозначим основные технологии данного типа, существующие сегодня. Во-первых, смарт-часы (умные часы) и фитнес-браслеты. Смарт-часы способны отслеживать физическую активность и уровень кислорода в крови, осуществлять мониторинг сердечного ритма и уведомлять пользователя о звонках и сообщениях. Программное обеспечение смарт-часов может работать в связке с мобильными приложениями для анализа данных о состоянии здоровья пользователя. Фитнес-браслеты сосредоточены на отслеживании физической активности (например, шагов, пройденного расстояния, сожженных калорий и т.п.); многие модели имеют функции мониторинга сна и сердечного ритма. Во-вторых, смарт-кольца — компактные устройства, которые могут измерять такие параметры жизнедеятельности организма, как сердечный ритм, уровень стресса и качество сна. В некоторые модели встроена функция борьбы с тревогой с помощью дыхательных упражнений и медитаций. В-третьих, смарт-одежда — текстильные изделия с внедренными датчиками могут отслеживать множество физиологических показателей, включая частоту сердечных сокращений, уровень дыхания и температуру, применяются в спорте, реабилитационных программах и мониторинге состояния здоровья. В-четвертых, смарт-имплантаты — в основном кардиостимуляторы, нейростимуляторы и инсулиновые помпы, встраивающиеся в тело и отвечающие за мониторинг и управление физиологическими процессами (могут отслеживать и регулировать сердечный ритм, уровень артериального давления и уровень глюкозы в крови), т.е. не только собирают данные, но и оказывают прямое воздействие на человека. В-пятых, мониторы сна — собирают данные о циклах сна и могут давать рекомендации по улучшению качества сна. В-шестых, VR и AR технологии (виртуальной и дополненной реальности) находят применение как в досуговой сфере, так и в медицине и реабилитации, позволяя проводить тренировки и восстановление в виртуальных средах.

Таким образом, современные смарт-технологии стали важным элементом повседневной жизни и оказывают значительное влияние на индивида: его социальные взаимодействия, ежедневный досуг, здоровье и профессиональную продуктивность. Можно выделить несколько аспектов взаимодействия индивида со смарт-устройствами: во-первых, физиологический аспект — смарт-устройства, как правило, интегрируют сенсоры, способные отслеживать физиологические параметры пользователя для разработки персонализированных стратегий по улучшению здоровья. Постоянный мониторинг здоровья повышает осведомленность о состоянии организма и способствует изменению образа жизни в сторону более здоровых привычек. Во-вторых, психологический аспект — с одной стороны, доступность данных о здоровье может уменьшать уровень беспокойства, с другой стороны, постоянное отсле-

живание и контроль могут усиливать тревожность (важен осознанный подход к интерпретации получаемой информации). В-третьих, социальное взаимодействие — умные технологии предоставляют индивидам возможность взаимодействовать с другими пользователями и устройствами. Функции получения уведомлений и обмена сообщениями благодаря своей оперативности способствуют поддержанию социальных связей, но также меняют коммуникативные привычки как в позитивную, так и в негативную сторону. В-четвертых, это рабочая эффективность — некоторые смарт-технологии помогают эффективно управлять временем, устанавливая напоминания и контролировать задачи, что может повысить продуктивность и упростить организацию рабочего процесса. С другой стороны, смарт-технологии могут мешать трудовой деятельности (уведомления и звонки, необходимость управлять одновременно несколькими устройствами), существенно влияя на концентрацию и производительность. В-пятых, это конфиденциальность и безопасность: сбор и хранение личной информации пользователей должны следовать этическим нормам и стандартами для предотвращения возможной утечки данных. Кроме того, неправильная работа смарт-технологий, их поломка может представлять физическую опасность для индивида.

Что касается взаимоотношений тела и технологий ИИ, то их следует рассматривать как минимум в двух плоскостях: трансформации тела в эпоху новейших цифровых технологий, обретение им новых качеств и свойств; обретении телесности ИИ. Второй вопрос остро дискуссионный, что связано не только со все расширяющимися возможностями интеллектуальных машин, но и с развитием материалов (схожими могут быть не только функции, но и мимика, жесты и др.). Внедрение технологии ИИ в сферу здравоохранения показало, что вполне просчитываемы качества, которые ранее считались сугубо или преимущественно человеческими: способность сопереживать и поддерживать, уделять внимание, реагировать на проблемы пациента. Данные исследований показывают, что «человечность» ИИ иногда превышает ту, которая характерна для врачей в силу специфики профессии. С одной стороны, это очевидно: ИИ не выгорает, обладает неограниченным временем, не нуждается в отпуске или больничном, доступен в любое время дня и ночи. С другой стороны, все это усиливает веру в рекомендации «искусственного врача», хотя они с высокой долей вероятности стандартизированы (по крайней мере при нынешнем уровне их развития). Причем даже без «тела» технологии активно включаются в коммуникацию, изымая из нее человеческое (например, сокращаются возможности общения с человеком при обращении в банк).

Одно из препятствий на пути обретения технологиями ИИ реального (пусть и механического) тела — «эффект зловещей долины»: при все большем обретении роботами человеческого обличия достигается точка, когда наши сходства начинают вызывать у человека неприятные эмоции, включая страх.

Несмотря на широкую критику этого эффекта, он активно применяется в кинематографе и мультипликации.

Таким образом, взаимодействие тела и технологий в цифровую эпоху, особенно технологий ИИ, принципиально отличается от того, как они прежде влияли на тело. С одной стороны, технологии все больше внедряются непосредственно в и на тело, с другой стороны, обретают собственную телесность и даже стремятся забрать субъектность у человека, порождая определенные социальные эффекты.

Новые телесные практики и их социальные последствия

В условиях распространения современных цифровых технологий трансформации подвергаются все функции тела, прежде всего функция формирования идентичности: тело становится далеко не единственным способом выражения идентичности. Создание собственного Я активно осуществляется в цифровой среде: индивид оформляет профили в социальных сетях с учетом того, как он хочет, чтобы его воспринимали. Часто возникает несоответствие между образом, выстроенным в интернет-пространстве, и реальностью (идентичность реальная и идентичность виртуальная не совпадают). Однако на этом изменения не заканчиваются: современные технологии позволяют создавать цифровых двойников, функционирующих не только под контролем человека, но и после его смерти. По мере развития технологий вопрос о цифровых двойниках становится все более острым, поскольку их способность коммуницировать с людьми, используя образ человека, его голос и даже воспоминания в некотором смысле может означать разделение субъектности между человеком и его двойником на базе ИИ (особенно в случае тяжело больных людей). Пока нет ни единого общественного мнения на этот счет, ни однозначного правового регулирования подобных вопросов. Пользователи считают, что общение с цифровым двойником может частично заместить реальные воспоминания об ушедшем человеке. Все более обсуждаемым становится вопрос об использовании двойников в мошеннических целях. И даже без цифровых двойников наши цифровые копии становятся все более важной частью социального взаимодействия (например, работодатели анализируют профили соискателя в социальных сетях).

Во-вторых, подвергаются изменениям способы взаимодействия, т.е. коммуникативная функция тела. Взаимодействие между индивидами часто столь опосредовано технологиями, что привычная схема коммуникации индивид — индивид заменяется на индивид — техника — индивид. Так, в текстовом сообщении технологии забирают функции невербальной коммуникации, предлагая пользователю ограниченный набор символов (например, смайликов) для выражения чувств. Техника становится не просто промежуточным звеном в общении, а полноценным субъектом коммуникации: человек может общаться с умной колонкой, получая от нее такие же ответы и вопросы, как

от реального собеседника. Подобные устройства серьезным образом трансформируют отношения человека со своим домом, включая телесные практики [7]. Однако данный тип устройств не только влияет на коммуникацию, но и становится инструментом повседневных практик. Умный дом, который может управляться и посредством голосовой колонки, позволяет заменить физические и тактильные функции тела на голосовые: чтобы вскипятить чайник, не обязательно вставать с дивана и нажимать кнопку, достаточно голосом попросить умный дом выполнить данную задачу. По сути, речь идет о постоянном переосмыслении границ собственного тела и пространства при помощи новейших технологий.

В-третьих, изменяются способы трансляции культурных стандартов и норм (функция культурного образца). Так, авторы блогов по похудению и моде создают и продают марафоны и гайды с советами: как быстрее похудеть и подтянуть мышцы или как грамотно сочетать одежду, чтобы соответствовать современным тенденциям стиля и эстетики. Все эти образцы не просто транслируются, но демонстрируются через призму технологий — фильтры и приложения для редактирования фото и видео. Образцом для подражания могут стать и виртуальные инфлюенсеры, которые все более похожи на реальных людей и даже выступают частью экономики, снимаясь в рекламах известных брендов. Подобные цифровые лидеры мнений появились еще на рубеже XX–XXI веков, но они несравнимы по своим способностям к «самовыражению» и схожести с человеком с современными. Тела таких инфлюенсеров не ограничивают их свободу «передвижения» и могут мгновенно меняться при необходимости. Будучи ориентирами для своих поклонников, они, по сути, отрицают вопросы телесности, заставляя людей испытывать негативные эмоции, связанные с собственным телом.

Радикализируется функция политического контроля, поскольку жизнь человека, пронизанная цифровыми технологиями, становится более открытой, доступной для стороннего наблюдателя. Интернет и социальные сети хранят огромное количество информации о пользователях, что делает их более уязвимыми. Важнейшим риском становится утечка конфиденциальных данных для воздействия на индивида с помощью знаний о его слабостях, страхах и привычках. В социальных сетях существуют чат-боты, хранящие информацию о каждом индивиде, имеющем цифровой след. Наша повседневность пропитана технологиями контроля: в крупных городах установлено множество камер наблюдения со встроенной функцией распознавания и запоминания лиц. Уже сегодня технологии ИИ используются, чтобы принимать решение, кого будет досматривать полиция, а кого — нет [9]. В сфере здравоохранения ИИ может быть использован для генетической инженерии, а также стать основой для нового этапа медиализации, например, отслеживая реакции человека и подвергая индивидов стигматизации.

Наконец, серьезно меняются способы формирования субъективного опыта: технологии ИИ порождают «пузыри фильтров», в которых живет индивид. Рекомендательные системы подбирают информацию, «друзей» и локации, базируясь на предшествующем опыте индивида — местоположениях, контактах, покупках и даже разговорах [8]. Наш опыт преломляется технологиями ИИ не только посредством фильтрации контента, потребляемого пользователями, но и перемещая часть нашего опыта в виртуальное пространство. Жизнь в умных городах и домах, ношение умной одежды сокращает количество телесного опыта, включая тактильные ощущения, до нажатия кнопки на смартфоне или озвучивания команды голосом. Большая часть наших взаимодействий протекает через призму технологий — смартфонов, ноутбуков и т.п. Меняется и опыт взаимодействия в образовательной среде и здравоохранении — мы можем получать образование и медицинскую помощь без обращения к реальным людям.

Таким образом, внедрение технологий ИИ меняет функции тела, вытесняя человеческую телесность и субъектность, передвигая границы пространства, меняя формы получения опыта и выстраивания идентичности, что влияет на формы контроля и санкционирования человеческой деятельности. Социальные последствия постепенного сближения человеческого тела и новейших технологий, а также трансформации функций тела имеют амбивалентный характер, поэтому в научной литературе оценки текущих эффектов и перспектив диаметрально противоположны — зависят от общих взглядов на прогресс в области новейших технологий. В самом общем виде исследователи делятся на технооптимистов и технопессимистов. Многие разработчики технологий ИИ, занимающиеся фундаментальными вопросами его конструирования, относятся к технологическим оптимистам: предполагают, что построение интеллектуальных машин, сравнимых с человеком, возможно и скорее положительно скажется на общественном развитии [4], поскольку в этой сфере возможно контролируемое развитие [10], и технологии призваны усиливать человеческие возможности, а не заменять наши функции, но для этого государство должно продвигать «политику прозрачности». Критики данного подхода считают, что подобные проекты не могут быть эффективными: хотя «политика прозрачности может помочь предотвратить наихудшие злоупотребления алгоритмическими знаниями и... является стоящим политическим проектом, сама по себе прозрачность никогда не сможет полностью устранить существующую несправедливость алгоритмов» [16].

Положительные последствия конвергенции человека и новейших технологий связаны преимущественно с улучшением качества жизни, включая борьбу с заболеваниями, повышение мобильности и доступа к образованию (например, благодаря имплантам и протезам) и др. Однако не менее значимы и негативные последствия: во-первых, увеличение социального неравенства, прежде всего в доступе социальных групп к новейшим технологиям.

Социальное неравенство предстает здесь как многоуровневый социальный феномен, поскольку прослеживается и на глобальном, и на индивидуальном уровне. Доступ к дорогостоящим технологиям чаще всего связан с экономическим положением индивидов.

Во-вторых, повышаются риски безопасности. Конвергенция, с одной стороны, дает множество возможностей человеку и обществу, а, с другой, делает их более уязвимыми (например, для кибератак). Способности современных информационных технологий моделировать не только голос, но и весь образ человека приводят к увеличению числа мошеннических схем и рисков более высокого порядка. Очевиден и риск все большей зависимости людей от новейших технологий, включая ИИ. Возникают вопросы и относительно этической стороны конвергенции человека и новейших технологий: что делать с цифровыми двойниками умерших, кто обладает правами на образ человека, следует ли наделять роботов с мощным ИИ хотя бы минимальными гражданскими правами и др. В целом потенциальная утрата человечеством прерогативы на специфические черты и качества становится все более ощутимой.

Представляется, что важнейшими шагами по минимизации указанных негативных эффектов будет постоянная актуализация данных о состоянии технологий и их последствий, а также увеличение роли государства в регулировании этой сферы (скорость развития технологий так высока, что правовая сфера с трудом поспевает за этими изменениями) посредством разработки этических кодексов и правовых норм.

Библиографический список

1. *Аристотель*. О душе. М., 2020.
2. *Аристотель*. Физика. М., 1937.
3. *Бородай Т.Ю.* Вопрос о вечности мира и попытка его решения Фомой Аквинским. М., 2010.
4. *Душкин Р.В.* На пути к сильному искусственному интеллекту: когнитивная архитектура, основанная на психофизиологическом фундаменте и гибридных принципах // Программные системы и вычислительные методы. 2021. Т. 1.
5. *Ибн-Сина Абу Али (Авиценна)*. Канон врачебной науки. Ташкент, 1954–1960.
6. *Игнатьев В.И.* Объект социологии в метаморфозе морфогенеза гибридного социума // Социологические исследования. 2022. № 4.
7. *Корбут А.М.* Одомашнивание искусственного интеллекта: умные колонки и трансформация повседневной жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1.
8. *Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е.* Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1.
9. *О'Нил К.* Убийственные большие данные. Как математика превратилась в оружие массового поражения. М., 2018.
10. *Паскуале Ф.* Новые законы робототехники. Апология человеческих знаний в эпоху искусственного интеллекта. М., 2022.
11. *Платон*. Тимей // Платон. Собрание сочинений: в 4 тт. М., 1994.
12. *Платон*. Федон. Разговор Платона. М., 1896.

13. *Старостина Д.А.* Социология тела как самостоятельное исследовательское направление: предпосылки становления и предметное поле // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 3.
14. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
15. *Hassan R.* The Condition of Digitality: A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life. L., 2020.
16. *Joque J.* Revolutionary Mathematics: Artificial Intelligence, Statistics and the Logic of Capitalism. L.; N.Y., 2022.
17. *Lupton D.* The Quantified Self: A Sociology of Self-Tracking. Malden, 2016

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-928-941

EDN: QENJUE

Transformation of body functions in the era of artificial intelligence*

T.S. Martynenko^{1,2}, D.A. Starostina^{2,3}

¹Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1–33, Moscow, 119234, Russia

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: ts.martynenko@gmail.com; dasha-sta@yandex.ru)

Abstract. The article considers the features of the body functioning in the era of the widespread introduction of digital technologies, primarily artificial intelligence. First, the authors show how body studies developed in social sciences and humanities — from the ancient ideas about the body to the contemporary concepts with a wide range of issues, approaches and theories that address the category of the body from various positions. Then the basic functions of the body are considered: identity formation, communicative, and functions of a cultural model, political control and subjective experience. The authors describe the transformation of these functions under the increasing convergence of the human body with the latest technologies, focusing on the functions of subjective experience, identity formation, and communicative function. The authors analyze the convergence of the body and technical devices, showing how their hybrids arise as the distance between them decreases. The article outlines the main smart technologies (smart watches and fitness bracelets, smart rings, smart clothing, smart implants, sleep monitors, VR and AR technologies) and key aspects of people’s interaction with smart devices in the perspective of physiology, psychology, social interaction and work efficiency. There is a dual question of the relationship between the body and artificial intelligence technologies: transformations of the human body in the era of the latest digital technologies, with the acquisition of new qualities and properties by the body; and the acquisition of corporeality by artificial intelligence technologies, including social consequences of the convergence of the body and technologies — both positive (improved quality of life and

*© T.S. Martynenko, D.A. Starostina, 2024

The article was submitted on 02.07.2024. The article was accepted on 05.11.2024.

medical care, expanded opportunities for some social groups, etc.) and negative (dependence on technologies, growth of social inequality, etc.). The conclusion highlights the need for a more in-depth study of the issues under consideration and outlines more controversial issues within the interaction between man and technology.

Key words: sociology of the body; body; technologies; artificial intelligence; body functions; social inequality; transhumanism; singularity

References

1. Aristotle. *Fizika* [Physics]. Moscow; 1937. (In Russ.).
2. Aristotle. *O dushe* [On the Soul]. Moscow; 2020. (In Russ.).
3. Borodai T.Yu. *Vopros o vechnosti mira i popytka ego reshenija Thomoi Aquinas* [The issue of world eternity and an attempt of its resolution by Thomas Aquinas]. Moscow; 2010. (In Russ.).
4. Dushkin R.V. Na puti k silnomu iskusstvennomu intellektu: kognitivnaja arkhitektura, osnovannaja na psikhofiziologicheskom fundamente i gibridnyh printsipah [On the path to strong artificial intelligence: A cognitive architecture based on psychophysiological foundations and hybrid principles]. *Programmnye Sistemy i Vychislitelnye Metody*. 2021; 1. (In Russ.).
5. Ibn-Sina Abu Ali (Avicenna). *Kanon vrachebnoj nauki* [The Canon of Medicine]. Tashkent; 1954–1960. (In Russ.).
6. Ignatiev V.I. Ob`ekt sotsiologii v metamorfoze morfogeneza gibridnogo sotsiuma [The object of sociology in the metamorphosis of morphogenesis of hybrid society]. *Sotsiologicheskie Issledovanija*. 2022; 4. (In Russ.).
7. Korbut A.M. Odomashnivanje iskusstvennogo intellekta: umnye kolonki i transformatsija povsednevnoj zhizni [Domestication of artificial intelligence: Smart speakers and transformation of everyday life]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2021; 1. (In Russ.).
8. Martynenko T.C., Dobrinskaya D.E. Sotsialnoe neravenstvo v epokhu iskusstvennogo intellekta: ot tsifrovogo k algoritmicheskomu razryvu [Social inequality in the age of algorithms: From digital to algorithmic divide]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2021; 1. (In Russ.).
9. O'Neil C. *Ubijstvennye bolshie dannye. Kak matematika prevratilas v oruzhie massovogo porazhenija* [Weapons of Math Destruction. How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy]. Moscow; 2018. (In Russ.).
10. Pasquale F. *Novye zakony robototekhniki. Apologija chelovecheskih znanij v epohu iskusstvennogo intellekta* [New Laws of Robotics: Defending Human Expertise in the Age of AI]. Moscow; 2022. (In Russ.).
11. Plato. *Phaedo*. Moscow; 1896. (In Russ.).
12. Plato. *Timaus*. Moscow; 1994. (In Russ.).
13. Starostina D.A. Sotsiologija tela kak samostojatelnoe issledovatel'skoe napravlenie: predposylki stanovlenija i predmetnoe pole [Sociology of the body as an independent research direction: Prerequisites for formation and subject field]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (3). (In Russ.).
14. Foucault M. *Nadzirat i nakazyvat. Rozhdenie tjurmy* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow; 1999. (In Russ.).
15. Hassan R. *The Condition of Digitality: A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life*. London; 2020.
16. Joque J. *Revolutionary Mathematics: Artificial Intelligence, Statistics and the Logic of Capitalism*. London; New York; 2022.
17. Lupton D. *The Quantified Self: A Sociology of Self-Tracking*. Malden; 2016.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-942-958

EDN: QDWGVW

Современные магические практики: эмпирический «кейс» (часть 2)*

И.В. Троцук^{1,2}, М.В. Цимбал²

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН,
Нахимовский просп., 32, Москва, 117218, Россия

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; marya.tsimbal@yandex.ru)

Аннотация. Статья продолжает начатое ранее описание состояния и тенденций развития магического в современном секулярном обществе. Отсутствие сложившейся социологической традиции концептуального осмысления и эмпирического изучения магического определило логику разбиения материала на две части. В первой части представлен вариант реконструкции поэтапного «магического ренессанса» как устойчивого социокультурного феномена в современной истории и обозначены наиболее очевидные и значимые черты эзотерических практик, обусловившие их нынешние массовые проявления с набором легко считываемых социальных функций (эти практики лишь притворяются традиционными и даже архаичными). В данной статье отмечен как междисциплинарный характер магического (отсюда многочисленные заимствования социологии из антропологических, религиоведческих и культурологических подходов), так и несбалансированность его концептуального осмысления (относительно стройная систематизация структурных элементов и потребностно-функциональных возможностей магических практик) и эмпирического описания в социологическом контексте. Объективный недостаток количественных и качественных эмпирических исследований магического лишь отчасти объясняется методологическими проблемами — от нас ускользает сам объект интереса (размытый, фрагментарный и отрицающий единые номинации). В статье представлена попытка его «картирования» в ходе разведывательного исследования — простейшего контент-анализа поисковых выдач по запросам «эзотерика», «магия» и «ритуальный» на трех общедоступных интернет-платформах «ресурсов» и атрибутов для эзотерических практик — маркетплейсах Wildberries, «Ярмарка Мастеров» и Авито. Оказалось, что они различаются не только соотношением самых популярных магических «инструментов» (общедоступные товары для городских светских практик на Wildberries; аутентично-профессиональные и потому значительно более дорогие товары для «посвященных» на «Ярмарке Мастеров»; востребованные психологические консультации под личиной магических ритуалов на Авито), но и доминирующими функциями представленного на них магического (соответственно, мозаичное смешение эстетически привлекательных атрибутов разных направлений, чтобы удовлетворить любой потребительский

*© Троцук И.В., Цимбал М.В., 2024

Статья поступила в редакцию 29.11.2023. Статья принята к публикации 20.05.2024.

запрос; помощь практикующим магам в том, чтобы их «камлание» было эффективным и безопасным для всех вовлеченных; психологическая поддержка людей в сложной жизненной ситуации посредством «обращения к потустороннему»).

Ключевые слова: магическое; эзотерическое; концептуализация; количественный и качественный подход; эмпирическое исследование; контент-анализ; поисковые запросы и выдачи на маркетплейсах; магические артефакты; магические услуги; доминирующие функции

В первой статье о магических практиках [29] была реконструирована общая логика возрождения эзотерического как социокультурного феномена в современной истории: выделены четыре условных периода того «магического ренессанса», что позволил эзотерическому движению обрести черты контркультурного направления, критикующего социальный порядок и предоставляющего несогласным с ним пространство для экспериментального конструирования идентичности и нонконформного самовыражения; отмечены общие черты эзотерических движений в массовом обществе потребления (высокий уровень коммерциализации, относительная институционализация, преобладание среди членов и последователей людей с высшим образованием, визуальная эстетизация, частный характер практик и др.) и рассмотрены в структурно-функциональном контексте (реакции на социальные напряженности, ответы на коллективные запросы и потребности в форме ритуализированных действий, маскирующихся под проявления архаичного магического мышления).

Магические практики, особенно их ритуальные характеристики, конституируют междисциплинарное предметное поле на стыке истории, археологии и многих других наук, но для социологического анализа наиболее значим религиозоведческий подход — как «отправная точка» концептуализации духовных практик [см., напр.: 8; 30], социально-антропологический — наиболее фундаментальные исследования в этой области [см., напр.: 14; 15; 28; 34; 40], культурологический — трактовка эзотерических знаний как элемента культурного кода [см., напр.: 1; 7; 9; 22; 25] — и социально-психологический — изучение когнитивной стороны ритуалов [см., напр.: 6; 17], помимо собственно социологических работ теоретического [см., напр.: 2; 20; 31; 39] и эмпирического характера [см., напр.: 11; 27; 33; 38]. Однако последних не так уж много — видимо, нынешняя «магическая волна» (рост популярности и все более широкое распространение магических практик) только начинает рассматриваться социологически.

Малочисленность социологических исследований магического вполне объяснима. Первоначально оно трактовалось антропологически — как «более низкая ступень» инструментов познания («нецивилизованного общества») по сравнению с современными обществами, которые и считались предметом интереса социологии. Лишь к началу XX века этот принципиальный водораздел между антропологическим и социологическим подходами (осо-

бенно на эмпирическом уровне) стал утрачивать свои четкие контуры: так, представители чикагской социологической школы применяли антропологический метод включенного наблюдения для изучения городских сообществ, дополнив его социально-интеракционистской ориентацией [см., напр.: 24], а Б. Малиновский, работы которого не теряют своей исследовательской и методологической ценности по сей день, в том числе для социологов, проводил полевые исследования и анализировал собранные данные, опираясь на функциональный подход [15; 16] т.е. рассматривая магические практики и ритуалы с точки зрения их социальных функций (передачи традиций и ремесленных навыков, эмоциональной разрядки, укрепления социальной солидарности, упорядочения жизни локального сообщества и др.).

Немаловажно и то, что научные дисциплины и магические направления неизбежно отражают особенности тех общественных систем, в которых оформились, что позволяет выделить нынешние эзотерические практики в отдельную категорию: в предшествующие исторические периоды демаркационные линии между магией, наукой и религией не были столь четкими и очевидными, как сегодня (скажем, несколько столетий назад алхимия и астрология не противопоставлялись «правильным» научным дисциплинам (химии и астрономии), а объединяли магическое и научное знание в единую систему). В то же время существуют многочисленные свидетельства ритуально-«прикладной» деятельности монотеистических религиозных конфессий, которые, в соответствии с нынешним их восприятием, не предполагают подобных магических «атавизмов» [5] (например, начертания защитных символов над дверями и окнами церквей, чтобы защитить сакральное пространство от «низкоранговой» нечисти). В результате в самых разных культурах мифы, представления о сверхъестественном, религиозные движения и эзотерические направления имеют схожую логику организации и однотипные смысловые блоки в моделях объяснения феноменов окружающего мира, а также почти идентичные ритуальные действия [13]. Соответственно, становится понятен и устойчиво мозаичный характер эзотерических движений: каждый структурный элемент магических верований и практик легко переводим на символический язык любой культуры, поэтому, например, «ведьмы» пользуются церковными свечами в отчетливо восточных ритуалах «очищения». В принципе магические практики в любой культуре формируются двумя основными факторами — структурообразующими когнитивными принципами и социальными функциями, т.е. призваны удовлетворять конкретные потребности в заданном контексте (социокультурном, социально-психологическом, политико-экономическом и др.) [7; 16; 42]. Каждая культура располагает широким спектром уникальных ритуалов, суеверий, символов и пр., которые могут казаться нелепыми или шокирующими «внешнему наблюдателю», хотя их большая часть решает примерно те же проблемы и реализует примерно те же социальные

функции, что и характерные для его культуры «нормальные» ритуалы и практики.

В качестве потребностей, на удовлетворение которых ориентированы наиболее популярные практики современной эзотерики (содержание алтаря, расклады таро, ритуалы праздников «Колеса года» и др.), можно назвать: потребность в альтернативном взгляде на общество (вследствие неудовлетворенности социальным порядком или вектором социальных изменений, разочарования в формальных институтах и недоверия им); в социальной идентичности, принадлежности к группе, ценности которой ближе по характеру к контркультурным (поиск «своих» или альтернативного жизненного пространства, позволяющего иначе воспринимать устоявшиеся социальные роли и стереотипы); в альтернативном способе конструирования (гендерной и не только) идентичности (в том числе посредством иных, чем общепринятые, телесных и сексуальных практик); в принадлежности к традиции, подтверждении правильности своих взглядов их исторической преемственностью; в восстановлении «естественной» связи с природой, образе жизни, альтернативном городскому; в интенсивной духовной деятельности, сосредоточении на своих эмоциях и мыслях; в личном пространстве (физическом и символическом); хотя бы в видимости контроля и способности принимать самостоятельные решения за пределами индивидуального влияния.

Такая потребностно-функциональная концептуализация эзотерических практик мало помогает в конструировании возможных объектов эмпирического исследования, но объясняет наличие широкого спектра социологических методик для изучения особенностей духовных практик в целом. Так, массовые опросы (количественный подход) «сегментируют» население по «религиям» и верованиям на основе ответов на вопросы, к какой конфессии себя относят респонденты, каковы ценностные, поведенческие и мировоззренческие особенности их религиозности и верований [см., напр.: 21; 23; 26]. Массовые опросы, направленные на изучение «девиантных» духовных практик, проводятся редко: с одной стороны, подобные практики не просто так называются альтернативными — количество практикующих их слишком незначительно для макро-уровневых исследований; с другой стороны, проблема концептуализации верований и понимания их распределения не теряет актуальности, поскольку многие аспекты «духовной жизни» ускользают от массовых опросов. По их данным, количество исповедующих альтернативные духовные течения незначительно, однако, согласно ВЦИОМ, в 2023 году доля католиков, протестантов и буддистов в России не превышала 1 %, и последователи этих конфессий учитываются в массовых опросах, тогда как все прочие верования сведены в пункт «другое вероисповедание», а его выбрали 5 % [23].

В качественных исследованиях, ориентированных на выявление самоидентификации информантов, возникают другие методические проблемы. Так, духовные практики необязательно религиозны — по сути, это элемен-

ты выражения культуры в постмодерне, балансирующие между сакральным и светским, что делает их почти «невидимыми» для религиозных и социальных дисциплин. Скажем, поскольку понятие «духовность» в современном смысле было сформулировано в период нью-эйджа, даже «женские тренинги» можно рассматривать как элемент эзотерических движений [11], тем более что женщины больше времени уделяют духовной жизни и чаще позиционируют себя как верующих (в монотеистического бога и/или в сверхъестественное [12; 23]). К. Партридж, вводя понятие ок-культуры (окультной культуры), рассматривал массовую культуру с точки зрения генезиса повторяющихся в ней нарративов (и закрепленных в них стереотипов) и пришел к выводу, что огромное количество субкультур и движений в своих «текстах» воспроизводят символику, сформировавшуюся в ходе первых двух этапов «магического ренессанса» (конец XIX — начало XX века и 1950-е — 1970-е годы) [20]. Иными словами, каждый человек, социализировавшийся в условном западном обществе, в какой-то степени «говорит на языке эзотерики», т.е. сегодня западное общество оперирует эзотерическими символами не менее искусно, чем библейскими, постоянно включая таковые в описание официальных и повседневных, привычных и девиантных практик даже в условиях нынешнего господства секулярной культуры.

Исследования эзотерики и магических практик представлены преимущественно качественным подходом, что объясняется относительной малочисленностью и размытостью их объектов: эзотерическое движение не структурировано, а фрагментарно, и практикующие часто не ограничивают себя одним направлением [16]). Другая методологическая трудность связана с тем, что в фокус исследований, как правило, попадают наиболее яркие «кейсы» (информанты позиционируют себя как ведьм, магов или неоязычников), тогда как ситуации, в которых ритуалы крайне секуляризованы, а принадлежность к магическим сообществам/практикам не является ключевым фактором самоидентификации, не попадают в выборку [35]. Все это усложняет изучение эзотерических сообществ (качественный подход) и социальных представлений о магическом (количественный подход). Иными словами, для проведения валидных и надежных социологических исследований квази-религиозных и секулярных духовных практик необходимо сначала «структурировать» объект изучения. Можно предположить, что своего рода контркультурное самопозиционирование современных магических практик влечет их институциональную «невидимость» и концентрацию в цифровом пространстве — социальных сетях и на маркетплейсах. Анализ последних позволит получить базовое представление о том, какие виды эзотерических практик сегодня наиболее популярны (в нашем массовом обществе потребления), а по результатам составления их «дорожной карты» можно будет сделать вывод, какие потребности сегодня не находят удовлетворения в доминантной культуре, а потому делегируются сфере «альтернативной духов-

ности». Кроме того, в дальнейшем на основе этой «карты» можно будет составить «реестр» доступных социологу методических решений для изучения конкретных «регионов» российского «эзотерического пространства».

Для составления такой условной «карты» было решено провести простейший контент-анализ результатов нескольких поисковых запросов (первых страниц выдачи, упорядоченной по критерию релевантности) на самых общедоступных источниках «ресурсов» и атрибутов для эзотерических практик. Были выбраны три маркетплейса: Wildberries — самый крупный отечественный маркетплейс, своего рода «зеркало» спроса и предложения «мейнстримных» товаров массового производства; «Ярмарка Мастеров» — «альтернативный» сервис, ориентированный на частное нишевое производство и традиционные ремесла, что принципиально важно для ведьм и виккан, поэтому на «Ярмарке Мастеров» наблюдается высокая концентрация представителей «альтернативных» духовностей (как покупателей и как продавцов-изготовителей); Авито — источник информации о спектре доступных «магических услуг». Контент-анализ носил исключительно разведывательный характер — он был призван определить наиболее популярные магические ритуалы/практики с точки зрения их социальных функций и условно оценить количественное соотношение разных видов практик и услуг.

Итак, самой популярной (частотной) категорией по поисковому запросу «эзотерика» на маркетплейсе Wildberries стали книги (каждый третий товар в поисковой выдаче), далее идут свечи (каждый пятый), товары для интерьера и светские товары, скорее всего не имеющие магического применения, но в их описаниях упоминается эзотерическая символика или функционал. Последняя категория в дальнейшем может быть рассмотрена отдельно, поскольку «сакральное» значение товаров здесь носит субъективный характер: скажем, если обложка на паспорт или чехол для телефона используются в эстетических целях, то блокнот может восприниматься как личная «книга заклинаний» или магический артефакт, работающий по принципу визуализации или вокализации желаний. Металлические пины с картами таро чаще позиционируются как украшения, однако из трех продавцов, предлагающих этот товар, один указал в описании, что «значок с Арканом наделяет тебя энергией Аркана, помогает сконцентрироваться на цели и реализовать все задуманное на 100 %... поможет усилить энергии ваших возможностей и раскрыть потенциал», т.е. значок позиционируется как своего рода магический амулет.

Что касается книг, то чаще всего по запросу «эзотерика» маркетплейс предлагает самоучители, систематизирующие знания в данной сфере, а также сборники заклинаний (нашептываний) на разные случаи жизни (28 %). Далее по популярности (частоте упоминаний) идут книги по тарологии и работе с чакрами (медитации, йога, движение энергий и др.), по астрологии и экстрасенсорике, рунологии и нумерологии (эзотерические практи-

ки доступны каждому, а экстрасенсорные способности считаются чем-то скрытым, и книги призваны помочь пробудить их в себе как некие сверхъестественные силы).

В категории «свечи» лидирует их «чакровый» тип: как правило, это наборы из семи видов свечей, каждый из которых направлен на работу с одной из семи чакр — энергетических точек человеческого тела в индуизме. Другая популярная группа свечей — «программные» или «заговоренные» для ритуалов (на очищение и защиту, любовь и привлекательность, красоту и «женскую энергию»). Практически все магические свечи имеют в составе сушеные травы, а для «заколдовывания» на них часто изображены руны. Соответственно, группа товаров для алтаря/интерьера включает подсвечники (21 %), гобелены или плакаты с тематическими изображениями (карты таро, пентаграммы и др.), скатерти для гадания и фигурки с отдельными арканами карт таро. Интересно, что колод таро и других метафорических карт не оказалось среди наиболее популярных категорий (около 5 %), но их присутствие в «эзотерической среде» невозможно не заметить. Поскольку у практикующих обычно есть «своя» карта таро (расчитанная по дате рождения или выбранная интуитивно, исходя из значения аркана и раскладов [41]), аксессуары с изображениями отдельных карт таро встречаются достаточно часто. Также популярны алтарные «фигурки-фамильяры» — небольшие статуэтки в виде животных (змея, кот и др.), очевидно апеллирующие к концепции волшебного животного — спутника и помощника ведьм [19]. Чуть менее популярная категория — минералы в «чакральных» наборах и как отдельные предметы (аметисты, горный хрусталь и др.). Самый редкий товар по запросу «эзотерика» среди наиболее популярных — руны и эфирные масла, хотя отдельные кристаллы и одиночные руны часто прикладываются к другим товарам в качестве подарка покупателю.

По поисковому запросу «магия» самыми популярными категориями вновь оказались книги (каждый второй результат) и свечи (27 %), однако в данном случае маркетплейс предлагал товары и с описанием «магический» в переносном смысле. Тем не менее, большинство книг в категории посвящены базовым магическим знаниям (более двух третей), далее идут книги по «гербологии» и «зеленому ведьмовству» (имеются в виду магические практики, связанные с растениями и получаемыми из них продуктами), магии стихий и черной магии. Среди свечей больше всего товаров для приворотов, налаживания личной жизни (28 %) и усиления «женской энергии» (14 %) (как правило, подразумевается сексуальная привлекательность и успех в отношениях с мужчинами). Как и в первом поисковом запросе, многие свечи «запрограммированы» на очищение и избавление от негативных воздействий/элементов, часто встречаются наборы свеч «универсального использования». Интересно, что наборы свеч рекламируются и как магические в эзотерическом смысле, и как «атрибут» православной молитвы.

Поисковый запрос «ритуальный» несколько меняет распределение категорий, поскольку подразумевает проведение некоего ритуала: в выдаче появляется больше товаров для «практического ведьмовства», что снижает релевантность книг-самоучителей. Соответственно, в лидеры здесь вышли предметы для алтаря как основной «рабочей поверхности» практического ведьмовства (33 %) и книги (31 %), а свечи немного отстали. Среди алтарных товаров наиболее популярны скатерти для гадания — коврики с символами (например, фазами луны или кубом Метатрона), которые упрощают расположение элементов для проведения ритуала. Среди книг, помимо «магических общеобразовательных», лидируют издания о магии свечей, а среди свечей, помимо наборов общего назначения, свечи «на любовь» и «на чистку и защиту» (встречаются и «свечи на похудение»). Данный поисковый запрос выявил и необычные предметы, например, «ритуальный ключ для восковой отливки» и «ритуальную куклу» — фигурку из лент в форме человечка. Также в топ товаров попала четверговая соль, что позволило выделить категорию «ингредиенты» (в прежних поисковых выдачах покупателю предлагались товары, уже включающие в себя все необходимое, готовые к использованию). Многие карточки товаров, даже украшений с минералами, подчеркивают, что все их «ингредиенты» собраны вручную, в соответствующую цели «продукта» фазу луны, и содержат рекомендации по использованию, конкретные заговоры и описания ритуалов. Некоторые продавцы предлагают услугу интерпретации формы воска после сгорания свечи в отзывах к товару.

Цены Wildberries на попадающие в поисковые выдачи товары относительно невысоки, т.е. это преимущественно «мейнстримные» товары широкого спроса. Однако следует помнить о рекламной функции эпитетов «магический» и «эзотерический»: некоторые сугубо «светские» товары имеют их в своих описаниях, что, видимо, повышает частоту просмотра товара и его попадание в категорию «популярных».

Маркетплейс «Ярмарка мастеров» рассчитан в большей степени на ремесленное производство, товары ручной работы, что делает их более узкоспециализированными и дорогостоящими, а саму платформу — более подходящей для эзотерических и неязыческих сообществ. По поисковому запросу «эзотерика» «Ярмарка Мастеров» чаще всего предлагает талисманы и амулеты в виде украшений: в основном это подвески и браслеты из полудрагоценных и драгоценных камней, часто встречаются обереги с резьбой в форме рун, сигиллов и других защитных знаков. Характерно, что такие обереги мало напоминают защитные украшения массовой культуры (например, браслеты от сглаза) — они позиционируются как защита мага во время практик, т.е. магия трактуется как опасное занятие, имеющее определенные риски при неправильном исполнении, поэтому защитные товары пользуются спросом и в разы дороже, чем обычные обереги для повседневного использования.

Следующие по популярности — товары для алтаря, но дорогостоящие, отличающиеся высоким качеством и мастерством исполнения. Так, «алтари» на Wildberries — пластмассовые коврики по цене в несколько сотен рублей, а «Ярмарка Мастеров» предлагает алтари из массива дерева с резными или выжженными элементами и соответствующими ценами. Здесь появляется и алтарный камень — с сигилом или рунами сродни оберегу-подвеске, но более крупных размеров — для постоянного размещения в «рабочей зоне». Цены на такие алтарные камни превышают десятки тысяч рублей. Вопреки нашему предположению, что магические услуги будут представлены только на специализированном сайте услуг (Авито), первая же страница поисковой выдачи по запросу «эзотерика» на «Ярмарке Мастеров» содержит и услуги — «консультацию таролога/расклад таро», «консультацию эзотерика» и «индивидуальный подбор камней».

По поисковому запросу «магия» почти половину товаров составляют амулеты и обереги: с кристаллами, сигилами и рунами, металлические и с элементами животного происхождения (например, с когтями медведя или рогом лося). В этой категории несколько более популярны книги: хотя «Ярмарка Мастеров» не специализируется на книжной торговле по сравнению с Wildberries, издания здесь более специализированные — на первом маркетплейсе большую часть книг можно отнести к категории «магия для чайников», а на второй платформе книги более профильные и редкие, глубоко погружающие в тему, рассматривающие магию как элемент философской системы, характеризующее положение мага и магии в мире. Встречаются на «Ярмарке Мастеров» и услуги, причем не консультации или расклады, а по большей части «образовательные программы» — курсы магии, чтения рун или «кладбищенской магии». Здесь также появилась категория «инструменты мага», товары в которой нельзя отнести к другим категориям.

Если товары на Wildberries имели более социально приемлемый (привычно-повседневный) вид (например, ключа), то товары на «Ярмарке Мастеров» презентуются как более серьезные и, вероятно, могут оттолкнуть несведущего (скажем, клубок из медвежьей шерсти и «ведьино шило» для обращения с ним, «артефакт — дух», заточенный в голове змеи или магически запечатанном сосуде). Столь специфические товары указывают на более серьезное отношение своих производителей и покупателей к магическим практикам и большую степень погружения в «теорию и практику магии».

Поисковый запрос «ритуальный» выдает разнообразные ритуальные ножи (67%), преимущественно с элементами животного происхождения (кости волка, когти медведей и росомох, рога лосей и оленей), реже из минералов или металла. Здесь появилась категория ритуальных игл, определить область применения которых затруднительно: предварительно они были отнесены к категории ритуальных ножей, но не исключено, что используются неким другим образом. Чаще всего применяются в ритуалах свечи — в основном

«для очищения», нередко заговоренные свечи — на достаток и материальное благополучие, женскую энергию и привлекательность, успех в личных отношениях. Свечи практически всегда содержат сушеные травы, реже — изображения рун. Далее идут алтарные принадлежности (посуда, венчики, подсвечники и кубки), артефакты-духи, с которыми при помощи продавца можно безопасно «заключить один контракт», обереги, защитная краска-пало для нанесения на тело, выполняющая защитную функцию, и «ритуальный балахон», основная функция которого — чтобы сакральное и профанное не пересекались, угрожая практикующему.

Товары на «Ярмарке Мастеров» выглядят более «профессионально»: продавцы часто предупреждают об опасных последствиях их неправильного использования, дают рекомендации, как обезопасить себя при работе с нестабильными высшими и низшими силами. Если на Wildberries представлены максимально простые товары с понятными функциями, а их карточки содержат подробные описания, разъяснения и инструкции, то функции эзотерических товаров на «Ярмарке Мастеров» вряд ли будут понятны несведущему: практически каждый товар приходится рассматривать отдельно, причем далеко не все карточки разъясняют, зачем нужен товар (например, описание «ритуальной кровавой иглы» сводится к тому, что «способы и масштабы ее применения безграничны!!!! кто ведает, тот понимает о чем речь!!!»).

На Авито почти в половине случаев мастера-эзотерики предлагают одновременно несколько услуг, поэтому при наполнении категорий учитывалась в первую очередь та услуга, по которой объявление выводилось в «популярные»: чаще всего это расклады на таро (в основном на любовь или перспективы в личной жизни); гадание на любовь, привороты и решение любовных проблем — вторая по частоте самостоятельная услуга. Далее идут объявления об «эзотерических услугах» в широком смысле (как правило, составление полной «матрицы судьбы» или «работа с энергиями»), услуги ясновидящих или экстрасенсов. Как и на Wildberries, разница здесь, видимо, в том, что таролог, нумеролог и другие «профильные специалисты» считаются более компетентными — обучились методике и имеют опыт работы, в то время как ясновидение — некий врожденный сверхъестественный дар. Соответственно, около 10 % объявлений — это обучение таро или гаданию, но не ясновидению (среди популярных таких предложений нет). Несколько объявлений используют термин «психология» в значении, близком к магическому, — помощь с личными проблемами (например, посредством «энергопрактик»), вероятно, поэтому некоторые эзотерики имеют в профиле сканы сертификатов и о психологической подготовке. Интересно, что из почти ста объявлений только два были опубликованы эзотериками-мужчинами. Объявления обычно включают фотографию гадалки, таролога, нумеролога и прочих «специалистов» женского пола, но объявления с магами-мужчинами не имеют фотографий «мастера», и узнать, что это

мужчина, можно только прочитав его реальное имя на сертификатах о «повышении квалификации». Два объявления предлагали услуги не эзотерика, а эзотерикам: маркетинговые консультации по продвижению «магического бизнеса», повышению заработка от раскладов таро и т.п.

По поисковому запросу «магия» оказалось больше предложений приворогов, решения проблем в личной жизни и гаданий, за ними следуют расклады на таро. По данному запросу платформа выводит намного больше объявлений мастеров-мужчин (13 % против всего двух магов по запросу «эзотерика»), и это преимущественно «специалисты по любовной магии». Здесь появилась и новая услуга — «консультация ведьмы», которая, по сути, подразумевает психологическое консультирование по личным проблемам.

Только на Авито поисковый запрос «ритуальный» дает результаты (всего семь), соответствующие бытовой трактовке термина («связанный с похоронными услугами»), но большинство объявлений предлагают расклады таро и привороты, ритуалы на очищение и избавление от негативной энергии, «помощь ведьмы» в формате психологических консультаций, обучение гаданию на таро, а также ритуалы на деторождение и переживание горя.

Таким образом, Wildberries — источник товаров для городских светских практик, не требующих большого количества ресурсов (финансовых, временных, эмоциональных и интеллектуальных), а Авито предлагает стереотипные «магические услуги» типа «сходить к бабке-гадалке», призванные помочь, прежде всего, в решении женских любовных и семейных проблем. Оба маркетплейса предлагают услуги и товары в доступной ценовой категории, тем самым репрезентируя мейнстримные представления о магических практиках — в первом случае о городских, во втором — о «традиционных». Интересно, что на Авито оказалось больше предложений расклада таро, нежели на двух других маркетплейсах (с учетом различия функционала платформ): на Wildberries отдельные арканы таро используются скорее как эстетический элемент, а на «Ярмарке Мастеров» практически не встречаются. «Ярмарка Мастеров» репрезентирует магию в более аутентично-религиозном смысле: товары редко ориентированы на рядового потребителя и требуют специфических знаний, т.е. здесь прослеживается более искренняя вера в специфические высшие/низшие силы и более серьезное отношение к магии (продавцы и покупатели уделяют практикам много времени, включают номинации «маг», «ведьма», «шаман», «жрец» и т.п. в свою самоидентификацию).

Доминирующие функции магических практик также различаются на трех интернет-ресурсах: услуги на Авито ориентированы в первую очередь на устранение любовных проблем супружеских пар, психологическую «разгрузку», помощь в принятии решений или в стрессовой ситуации. «Ярмарка Мастеров» скорее предоставляет практикующим магам специфические инструменты их деятельности, прежде всего защитные артефакты, элементы алтаря и «ингредиенты» для ритуалов. Wildberries наглядно демонстрирует

специфику светских практик последователей нью-эйджа: здесь представлено столь многокомпонентное смешение разных направлений (индуистских, буддистских, иудаистских, средневековых европейских и др.), что любой покупатель найдет что-то интересное для себя лично, в том числе эстетически привлекательное (многие товары выполняют «украшательную», декоративную функцию). Если имидж «провидицы» на Авито должен приятно удивить потенциального клиента, а товары на «Ярмарке Мастеров» скорее оттолкнуть непосвященного, то товары на Wildberries просто хотят быть проданы, поэтому выглядят современно, стильно и не всегда эзотерически.

Безусловно, в дальнейшем следует расширить рамки эмпирической работы, используя как качественные методики — для систематизации духовных движений, иерархической типологизации их практик, изучения мотивации и идентичности практикующих, понимания восприятия ими действенности практик, так и количественные — для оценки масштабов и причин распространения тех или иных магических ритуалов в «быту» и обоснования критериев фрагментации эзотерического «кругозора» (в гендерно-поколенческом и иных измерениях). Вероятно, эзотерические практики продолжают быть важной, хотя и относительно сокрытой частью нашей жизни как в своих «глобализованных» проявлениях, так и в формате локальных традиционных суеверий, поскольку, с одной стороны, сохраняют маргинально-стигматизированный статус в современной (преимущественно) рационально-секулярной культуре, а, с другой стороны, позволяют (субъективно-относительно) «решать» широкий спектр социальных и психологических проблем с помощью огромного разнообразия магических артефактов и атрибутов, доступных для самых разных социально-демографических и целевых групп на маркетплейсах. Соответственно, предметом социологического интереса должно стать соотношение положительных (в функциональном смысле) и отрицательных (манипулятивная риторика сект и шарлатанов, опасные для физического и психологического здоровья практики) аспектов современной «магии» в ее мировоззренческом и материально-предметном выражениях.

Библиографический список

1. Бекарюков М.В. Социокультурные предпосылки усиления интереса к эзотерическим учениям // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2–2.
2. Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2.
3. Верслуис А. Что такое эзотерика? Методы исследования западного эзотеризма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 4.
4. Воробьева О.Б. Quo vadis, homo spiritualis? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. № 4.
5. Госден К. История магии. От языческого шаманизма и средневековой алхимии до современного ведьмовства. М., 2023.
6. Григоренко А.Ю. Психология ритуала и колдовства // Религия. Церковь. Общество. 2013. № 2.

7. *Гришина Е.А.* Окультирные услуги в потребительском пространстве современного российского общества // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2019. № 4.
8. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. М., 1998.
9. *Зоря Е.* От заговора к ритуалу: краткий очерк трансформации понятия «магия» на постсоветском пространстве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 4.
10. *Корбут О.* Колесо года. Календарь магических дел и праздников для современной ведьмы. М., 2003.
11. *Кузнецова О.В.* Проживание духовного опыта: проблема поиска концептологических оснований (по материалам эмпирического исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53.
12. *Кузнецова О.В., Смолина Н.С.* Представления о женщине и женственности российских участниц «женских практик» // Религиоведческие исследования. 2020. № 1.
13. *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1985.
14. *Малиновский Б.* Аргонавты западной части Тихого океана. М., 2004.
15. *Малиновский Б.* Магия, наука и религия. М., 2015.
16. *Малиновский И.А.* Практики New Age у постсоветской городской молодежи как культурная форма техник заботы о себе // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 6.
17. *Михеев В.* Могут ли чувства и представления быть религиозными и секулярными? Критика современной психологии религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. Т. 36. № 3.
18. *Михельсон О.К., Тесман А.* Религия и фэнтези в контексте постсекуляризма // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2022. № 1.
19. *Неклюдова М.А.* Ведьмы в суевериях Викторианской Англии // Женщины во власти, бизнесе, науке и культуре / Отв. ред. Т.М. Гавристов. Ярославль, 2021.
20. *Носачев П.Г.* Блеск и нищета «социологии оккультного»: Теория оккультуры К. Парtridge // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. № 70.
21. О вере и суевериях, или таинственное и загадочное рядом. 2022 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-vere-i-sueverijakh-ili-tainstvennoe-i-zagadochnoe-rjadam>.
22. *Панин С.А.* Современное колдовство. Викка и ее место в культуре XX — начала XXI века. М., 2016.
23. Религия и общество. 2023 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring>.
24. *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* «Делать знакомое неизвестным...»: этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. № 1–2.
25. *Сапронов П.А.* Мифология секулярной культуры. СПб., 2023.
26. Таинственное и потустороннее, или россияне о магах и астрологах. 2024 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tainstvennoe-i-potustoronnee-ili-rossijane-o-magakh-i-astrologakh>.
27. *Таксеитова А.Р.* Коммерциализация эзотерики в российской социальной сети «ВКонтакте» // Современная социологическая наука: ключевые тренды и перспективы исследования общества. Казань, 2022.
28. *Тернер В.* Символ и ритуал. М., 1983.
29. *Троцук И.В., Цимбал М.В.* Современные магические практики: исторические основания типологизации (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 3.
30. *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Т. 1. М., 2001.
31. *Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI).* Дialeктика секуляризации. О разуме и религии. М., 2006.

32. Харитонова В.И. Тувинский (нео) шаманизм как культовая и целительская практика в современном мире // Новые исследования Тувы. 2018. № 4.
33. Хорошилов Д.А., Машков Д.С. Исследование магии в современном обществе сквозь призму биографии (на примере нарративного анализа жизненной истории) // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2022. № 4.
34. Христофорова О.Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М., 2010.
35. Bailey E. The implicit religion of contemporary society: An orientation and plea for its study // Religion. 1983. Vol. 13. No. 1.
36. Cornish H. In search of the uncanny: Inspired landscapes and modern witchcraft // Material Religion. 2020. Vol. 16. No. 4.
37. Cunningham S. Wicca: A Guide for the Solitary Practitioner. Llewellyn Worldwide, 1989.
38. Gershman B. Witchcraft beliefs around the world: An exploratory analysis // PLoS ONE. 2022. Vol. 17. No. 11.
39. Granholm K. Sociology and the occult // Occult World. N.Y., 2015.
40. Hanegraaff W. How magic survived the disenchantment of the world // Religion. 2003. Vol. 33.
41. Hofer G.M. Tarot cards: An investigation of their benefit as a tool for self-reflection. 2009 // URL: <http://hdl.handle.net/1828/1553>.
42. Medvedev N.V. The functional analysis of rituals and Wittgenstein's perspective // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 1.
43. Miller C. How modern witches enchant TikTok: Intersections of digital, consumer, and material culture (s) on #WitchTok // Religions. 2022. Vol. 13.
44. Olson P.J. The public perception of «cults» and «new religious movements» // Journal for the Scientific Study of Religion. 2006. Vol. 45. No. 1.
45. Renser B., Tiidenberg K. Witches on Facebook: Mediatization of neo-paganism // Social Media + Society. 2020. Vol. 6. No. 3.
46. White E.D. Wicca: History, Belief, and Community in Modern Pagan Witchcraft. Sussex Academic Press, 2016.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-942-958

EDN: QDWGVV

Contemporary magical practices: An empirical “case” (part 2)*

I.V. Trotsuk¹, M.V. Tsymbal²

¹RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS,

Nakhimovsky Prosp., 32, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; marya.tsymbal@yandex.ru)

Abstract. The article continues the description of the state and development of the magical in the contemporary secular society. The absence of an established sociological tradition of conceptual understanding and empirical study of the magical explains the division of the text

*© I.V. Trotsuk, M.V. Tsymbal, 2024

The article was submitted on 29.11.2023. The article was accepted on 20.05.2024.

into two parts. The first part presents a reconstruction of the stages of the “magical renaissance” as a stable social-cultural phenomenon in contemporary history and identifies the most obvious and significant features of esoteric practices, which determined their current mass manifestations with a set of easily ‘readable’ social functions and as only pretending to be traditional and even archaic. This article notes both the interdisciplinary nature of the magical (hence numerous borrowings of sociology from anthropological, religious and cultural approaches) and the imbalance of its conceptual understanding (relatively coherent systematization of structural elements and need-based-functional capabilities of magical practices) and empirical description in sociology. The objective lack of quantitative and qualitative empirical studies of the magical is only partly explained by methodological problems, since the very object of interest eludes us (as vague, fragmentary and denying unified notions). The article presents an attempt to “map” this object based on the simple content analysis of search results for the queries “esoterics”, “magic” and “ritual” on three most popular marketplaces for “inputs” and attributes for esoteric practices — Wildberries, “Masters Fair” and Avito. It turned out that three web-sites differ not only in the ratio of the most popular magical “tools” (available goods for urban secular practices on Wildberries; authentic-professional and therefore significantly more expensive goods for the “initiated” on the “Masters Fair”; the most popular social-psychological consultations under the guise of magical rituals on Avito) but also in the dominant functions of their “magical” (accordingly, a mosaic of aesthetically attractive attributes of different directions, which can satisfy any consumer demand; assistance to practicing magicians to make their “rituals” effective and safe for all involved; social-psychological support for people in difficult life situations through “an appeal to the other world”).

Key words: magic; esoteric; conceptualization; quantitative and qualitative approach; empirical research; content analysis; search queries and results on marketplaces; magical artifacts; magical services; dominant functions

References

1. Bekaryukov M.V. Sotsiokulturnye predposylki usileniya interesa k ezotericheskim ucheniyam [Social-cultural prerequisites for increasing interest in esoteric teachings]. *Izvestiya Altayskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2011; 2–2. (In Russ.).
2. Berger P. Falsifitsirovannaya sekulyarizatsiya [Secularization falsified]. *Gosudarstvo, Religiya, Tserkov v Rossii i za Rubezhom*. 2012; 2. (In Russ.).
3. Versluis A. Chto takoe ezoterika? Metody issledovaniya zapadnogo ezoterizma [What is esotericism? Methods for the study of Western esotericism]. *Gosudarstvo, Religiya, Tserkov v Rossii i za Rubezhom*. 2013; 4. (In Russ.).
4. Vorobieva O.B. Quo vadis, homo spiritualis? *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 2022; 4. (In Russ.).
5. Gosden Ch. *Istoriya magii. Ot yazycheskogo shamanizma i srednevekovoy alkhimii do sovremennogo vedmovstva* [The History of Magic. From Alchemy to Witchcraft, from the Ice Age to the Present]. Moscow; 2023. (In Russ.).
6. Grigorenko A.Yu. Psikhologiya rituala i koldovstva [Psychology of ritual and witchcraft]. *Religiya. Tserkov. Obshchestvo*. 2013; 2. (In Russ.).
7. Grishina E.A. Okkultnye uslugi v potrebitelskom prostranstve sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Occult services in the consumer space of the contemporary Russian society]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*. 2019; 4. (In Russ.).
8. Durkheim E. Elementarnye formy religioznoy zhizni [The elementary forms of religious life]. *Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya*. Moscow; 1998. (In Russ.).
9. Zorya E.V. Avtoistoriya v okkultizme: istoriya fakticheskaya i mifologicheskaya [Self-history in the occult movement: Factual and mythological histories]. *Mistiko-ezotericheskie dvizheniya v teorii i praktike. Problemy interpretatsii ezoterizma i mistitsizma*. Pod. red. S.V. Pakhomova. Saint Petersburg; 2010. (In Russ.).

10. Korbut O. *Koleso goda. Kalendar magicheskikh del i prazdnikov dlya sovremennoy vedmy* [The Wheel of the Year. Calendar of Magical Affairs and Holidays for the Today's Witch]. Moscow; 2003. (In Russ.).
11. Kuznetsova O.V. Prozhivanie dukhovnogo opyta: problema poiska kontseptologicheskikh osnovaniy (po materialam empiricheskogo issledovaniya) [Living the spiritual experience: In search of conceptual foundations (based on the empirical study)]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2020; 53. (In Russ.).
12. Kuznetsova O.V., Smolina N.S. Predstavleniya o zhenshchine i zhenstvennosti rossiyskikh uchastnits "zhenskikh praktik" [Ideas about women and femininity of Russian participants of "women's practices"]. *Religiovedcheskie Issledovaniya*. 2020; 1. (In Russ.).
13. Levi-Strauss C. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow; 1985. (In Russ.).
14. Malinowski B. *Argonavty zapadnoy chasti Tikhogo okeana* [Argonauts of the Western Pacific]. Moscow; 2004. (In Russ.).
15. Malinowski B. *Magiya, nauka i religiya* [Magic, Science, and Religion]. Moscow; 2015. (In Russ.).
16. Malinovsky I.A. Praktiki New Age u postsovetsoy gorodskoy molodezhi kak kulturnaya forma tekhniki zaboty o sebe [New-Age practices of the post-Soviet urban youth as a cultural form of self-care techniques]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya*. 2023; 6. (In Russ.).
17. Mikheev V. Mogut li chuvstva i predstavleniya byt religioznymi i sekulyarnymi? Kritika sovremennoy psikhologii religii [Can feelings and ideas be religious and secular? A critique of contemporary psychology of religion]. *Gosudarstvo, Religiya, Tserkov v Rossii i za Rubezhom*. 2018; 36 (3). (In Russ.).
18. Mikhelson O.K., Tesman A. Religiya i fentezi v kontekste postsekulyarizma [Religion and fantasy in the context of post-secularism]. *Vestnik SPbGU. Filosofiya i Konfliktologiya*. 2022; 1. (In Russ.).
19. Neklyudova M.A. Vedmy v sueveriyah Viktorianskoy Anglii [Witches in the superstitions of Victorian England]. *Zhenshchiny vo vlasti, biznese, nauke i kulture*. Otv. red. T.M. Gavristova. Yaroslavl; 2021. (In Russ.).
20. Nosachev P.G. Blesk i nishcheta "sotsiologii okkultnogo": Teoriya ok-kultury Ch. Partridga [Splendor and misery of "sociology of the occult": Ch. Partridge's theory of occulture]. *Vestnik PSTGU. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*. 2017; 70. (In Russ.).
21. O vere i sueveriyah, ili tainstvennoe i zagadochnoe ryadom [On faith and superstitions, or the mysterious and enigmatic nearby]. 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-vere-i-sueverijakh-ili-tainstvennoe-i-zagadochnoe-rjadom>. (In Russ.).
22. Panin S.A. *Sovremennoe koldovstvo. Wicca i ee mesto v kulture XX — nachala XXI veka* [Contemporary Witchcraft. Wicca and Its Place in the Culture of the 20th — Early 21st Century]. Moscow; 2016. (In Russia).
23. Religiya i obshchestvo [Religion and society]. 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring>. (In Russ.).
24. Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. "Delat znakomoe neizvestnym...": etnograficheskiy metod v sotsiologii ["Making the familiar unknown...": Ethnographic method in sociology]. *Sotsiologicheskiy Zhurnal*. 1998; 1–2. (In Russ.).
25. Sapronov P.A. *Mifologiya sekulyarnoy kultury* [Mythology of Secular Culture]. Saint Petersburg; 2023. (In Russ.).
26. Tainstvennoe i potustoronnee, ili rossiyanе o magah i astrologah [Mysterious and otherworldly, or Russians' ideas about magicians and astrologers]. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tainstvennoe-i-potustoronnee-ili-rossiyanе-o-magakh-i-astrologakh>. (In Russ.).

27. Takseitova A.R. Kommertsializatsiya ezoteriki v rossiyskoy sotsialnoy seti “Vkontakte” [Commercialization of esotericism in the Russian social network “Vkontakte”]. *Sovremennaya sotsiologicheskaya nauka: klyuchevye trendy i perspektivy issledovaniya obshchestva*. Kazan; 2022. (In Russ.).
28. Turner V. *Simvol i ritual* [Symbol, Myth, and Ritual]. Moscow; 1983. (In Russ.).
29. Trotsuk I.V., Tsimbal M.V. Sovremennye magicheskie praktiki: istoricheskie osnovaniya tipologizatsii (Chast’1) [Contemporary magical practices: Historical bases for typology (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2024; 24 (3). (In Russ.).
30. Frazer G. *Zolotaya vetv: Issledovanie magii i religii* [The Golden Bough: A Study of Magic and Religion]. Vol. 1. Moscow; 2001. (In Russ.).
31. Habermas Ju., Ratzinger J. (Benedict XVI). *Dialektika sekulyarizatsii. O razume i religii* [The Dialectics of Secularization. On Reason and Religion]. Moscow; 2006. (In Russ.).
32. Kharitonova V.I. Tuvinsky (neo) shamanizm kak kultovaya i tselitelskaya praktika v sovremennom mire [Tuvan (neo) shamanism as a cult and healing practice in the contemporary world]. *Novye Issledovaniya Tuvy*. 2018; 4. (In Russ.).
33. Khoroshilov D.A., Mashkov D.S. Issledovanie magii v sovremennom obshchestve skvoz prizmu biografii (na primere narrativnogo analiza zhiznennoy istorii) [A study of magic in the contemporary society through the prism of biography (based on the narrative analysis of life history)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie*. 2022; 4. (In Russ.).
34. Khristoforova O.B. *Kolduny i zherivy: Antropologiya koldovstva v sovremennoy Rossii* [Sorcerers and Victims: Anthropology of Witchcraft in Contemporary Russia.]. Moscow; 2010. (In Russ.).
35. Bailey E. The implicit religion of contemporary society: An orientation and plea for its study. *Religion*. 1983; 13 (1).
36. Cornish H. In search of the uncanny: Inspired landscapes and modern witchcraft. *Material Religion*. 2020; 16 (4).
37. Cunningham S. *Wicca: A Guide for the Solitary Practitioner*. Llewellyn Worldwide; 1989.
38. Gershman B. Witchcraft beliefs around the world: An exploratory analysis. *PLoS ONE*. 2022; 17 (11).
39. Granholm K. Sociology and the occult. *Occult World*. New York; 2015.
40. Hanegraaff W. How magic survived the disenchantment of the world. *Religion*. 2003; 33.
41. Hofer G.M. Tarot cards: An investigation of their benefit as a tool for self-reflection. 2009. URL: <http://hdl.handle.net/1828/1553>.
42. Medvedev N.V. The functional analysis of rituals and Wittgenstein’s perspective. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2006; 1.
43. Miller C. How modern witches enchant TikTok: Intersections of digital, consumer, and material culture (s) on #WitchTok. *Religions*. 2022; 13.
44. Olson P.J. The public perception of “cults” and “new religious movements”. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2006; 45 (1).
45. Renser B., Tiidenberg K. Witches on Facebook: Mediatization of neo-paganism. *Social Media + Society*. 2020; 6 (3).
46. White E.D. *Wicca: History, Belief, and Community in Modern Pagan Witchcraft*. Sussex Academic Press; 2016.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-959-974

EDN: QDUIKJ

Модель вектора решений в прогнозировании социального поведения (на примере вторичного анализа данных предвыборных опросов)*

Н.С. Бабич^{1,2}, С.М. Харун²

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, Москва, 117218, Россия

²Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: sociolog@mail.ru; 1032195969@rudn.ru)

Аннотация. Прогнозирование поведения людей — сложно реализуемая на практике задача в силу различий между декларируемым и реальным поведением. В статье рассмотрена модель вектора решений, при помощи которой можно аппроксимировать реальное поведение некоторыми формальными правилами, позволяющими построить алгоритмы для предсказания будущих состояний. Авторы проверили надежность предсказаний *ex post facto* на примере неудачно спрогнозированных выборов мэра Москвы в 2013 году. Исследование базируется на массивах четырех крупнейших опросных центров, которые проводили мониторинг предвыборной ситуации и представили описания намерений избирателей, существенно различающиеся и далекие от официальных итогов. Были выведены три модели вектора решения, которые позволяют подгонять прогноз, меняя коэффициенты конверсии для разных вариантов ответа. Для поиска оптимальных коэффициентов вероятности прихода респондента на избирательный участок были использованы вопросы о явке: одинаковый смысл вопросов позволил привести использованные в них шкалы к одной размерности — сгруппировав более дробные градации и получив по всем вопросам дихотомию «пойдут/не пойдут». Проведенный анализ показал, что в рамках модели вектора решений опросы, проводившиеся по разным методикам перед выборами мэра Москвы в 2013 году, дают одинаковые значения вероятности явки избирателей, с высокой точностью совпадающие с фактической явкой. Если бы соответствующие коэффициенты вероятности были известны заранее, то на выборах 2013 года можно было бы дать точный прогноз численности пришедших на выборы. Но для этого необходимо, чтобы вероятность явки можно было вычислить на основе других параметров, известных до выборов. Попытки интеграции социально-структурных переменных в модели массового поведения выглядят многообещающе, так как представляют собой переход от измерения поведенческих намерений к измерению обстоятельств, формирующих поведение, и модель вектора решений — перспективный инструмент такого перехода.

*© Бабич Н.С., Харун С.М., 2024

Статья поступила в редакцию 09.07.2024. Статья принята к публикации 14.10.2024.

Ключевые слова: модель вектора решений; прогнозирование; выборы мэра; электоральное поведение; коэффициенты конверсии; точность прогноза; нормативно-сетевое влияние; структура социальных связей

Декларируемое и реальное поведение, как было экспериментально показано еще Р. Лапьером [22], представляют собой если и не независимые, то трудно сопрягаемые переменные. Это рассогласование является ключевой проблемой социального управления, так как делает прогнозирование поведения людей сложной задачей. А объектом, поведение которого трудно спрогнозировать, трудно управлять. По этой причине было разработано множество моделей, позволяющих так или иначе аппроксимировать реальное поведение некоторыми формальными правилами, чтобы предсказать будущие состояния и действия. Одна из таких моделей — «вектор решений» [5]. Хотя она была предложена в контексте электоральной социологии, мы изложим ее в более общей форме, используя примеры из разных областей социального управления.

Допустим, нам необходимо оценить распространенность некоторой особенности социального поведения, которую мы обозначим как X . Обычная практика состоит в том, что социологи подсчитывают индивидов, которым присущ признак X . Например, если необходимо оценить распространенность исламизма, то берутся некоторые критерии «исламистов» и производится подсчет тех, кто подпадает под эти критерии. Аналогично дело обстоит с представителями среднего класса, удовлетворенными трудом, избирателями определенной политической ориентации и т.п. Но в основе этой обычной практики лежит сильное допущение, что паттерны социального поведения обладают высокой определенностью и стабильностью во времени. Иными словами, «исламист» или «коммунист» является таковым полностью и остается в этом состоянии достаточно долго (не бывает «чуть-чуть коммунистов» и «коммунистов на один день»). Нереалистичность такого предположения каждый может испытать на себе, предприняв мысленный эксперимент с перебором разных политических, религиозных и других идентичностей. Подавляющее большинство людей, несомненно, легко обнаружит для себя такую идентичность, в которой они не уверены на 100 %, и такую, к которой причисляют себя лишь в небольшой степени. То есть «чуть-чуть исламисты» и «почти коммунисты» — вполне обычное состояние тех, кто имеет какое-то отношение к исламизму и коммунизму (как и в случае других выборов и решений).

Отражающая эту особенность модель вектора решений состоит в том, что для каждого социального действия, имеющего взаимоисключающие варианты $1..n$, у каждого индивида имеется вероятность выбора $p(1)..p(n)$, причем сумма всех вероятностей составляет 1 (хоть какое-то действие индивид должен предпринять). Эта модель выглядит не просто правдоподоб-

но, а скорее тривиально, однако имеет некоторые нетривиальные следствия при простейшем агрегировании индивидуальных решений. Предположим, что в некоторой популяции ни один человек не является ярким коммунистом по убеждениям, а при использовании некоторого (допускаемого в рамках мысленного эксперимента) «измерителя коммунизма» мы обнаруживаем, что вероятность принятия решений на основе коммунистических убеждений для каждого индивида колеблется от 5 % до 45 %, в среднем составляя 30 %. Тогда такая популяция (где нет ни одного убежденного коммуниста) будет действовать так, как будто в ней 30 % придерживаются твердой коммунистической идеологии. Развивая этот пример для исламизма, можно предсказать, что если в некоторой популяции каждый индивид лишь на 1 % всерьез допускает для себя участие в исламистских террористических группировках, то с точки зрения социального поведения это эквивалентно наличию 1 % готовых к исламскому терроризму. Таким образом, мы имеем дело с аналогом квантовых событий: в радиоактивном веществе ни один атом не «готов к распаду» по внутренним структурным причинам, но в силу случайного сочетания факторов строго определенная доля атомов неизбежно распадается в строго определенную единицу времени.

Способность модели вектора решений теоретически предсказывать такого рода эмерджентные эффекты на основе простых и правдоподобных допущений может быть отнесена к ее безусловным достоинствам. В частности, модель позволяет объяснить относительную стабильность уровня самоубийств. Известно, что если этот уровень в некоторой стране в год t составляет, например, 0,01 %, то и в годы $t+1$ и $t-1$ он также с высокой вероятностью будет около 0,01 %. Но как возможна такая стабильная частота социального действия, если его каждый раз совершают новые индивиды? Ответ состоит в том, что действие совершается с вероятностью, детерминированной сочетанием факторов, которое имеет случайный характер для каждого индивида и стабильную структуру для общества в целом. Эту структуру и позволяет формализовать модель вектора решений, чтобы предсказывать социальное поведение.

Насколько такие предсказания надежны? Этот вопрос должен быть решен эмпирически, и простейшее средство такой эмпирической проверки — предвыборные опросы, для использования в которых модель вектора решений и была разработана. Статья посвящена проверке модели *ex post facto* на материале неудачно спрогнозированных выборов, чтобы понять, может ли модель дать верный прогноз там, где это не удалось сделать другими средствами. Итак, одной из показательных попыток прогнозирования социального поведения стали выборы мэра Москвы 8 сентября 2013 года, которые запомнились российским исследователям общественного мнения так называемым «фиаско социологии». Четыре крупнейших опросных центра, проводившие мониторинг предвыборной ситуации, представили описания намерений из-

бирателей, существенно различающиеся и далекие от официальных итогов. Последние опубликованные данные выглядели следующим образом: ФОМ — явка 45 %, из них за С. Собянина 60 %, за А. Навального 20 % [8]; ВЦИОМ — явка 48,4 %, за Собянина 62,2 %, за Навального 15,7 % [4]; Аналитический центр Юрия Левады¹ — явка 52 %, за Собянина 58 %, за Навального 18 % [9]; Synovate Comcon — явка 64,7 %, за Собянина 60,1 %, за Навального 21,9 % [10]. По данным ЦИК, явка составила 32,03 %, Собянин получил 51,37 % голосов, Навальный — 27,24 % [3]. Отклонение результатов опросов оказалось существенным, что потребовало объяснений. Одной из причин низкой точности опросов, по которой согласованные мнения высказали представители ФОМ, ВЦИОМ и Аналитического центра Юрия Левады, стала плохо прогнозируемая явка сторонников разных кандидатов [12]. Руководитель ФОМ А. Ослон заявил, что предсказать явку практически невозможно, и отказался от дальнейших попыток прогнозирования выборов [11].

В методической литературе нетрудно найти подтверждения, что корректный учет активности избирателей — один из ключевых факторов точности электорального прогнозирования. По подсчетам И. Креспи, произведенным на материале 416 исследований, при явке не выше 33 %, четыре из десяти опросов показывают низкую точность, против четверти с низкой точностью при явке 56 % и более [14]. Так как в выборах мэра Москвы приняли участие всего 32 % избирателей, электоральные опросы попали в зону высоких рисков, которые и не замедлили реализоваться.

Прогнозирование явки — достаточно сложная задача электоральной социологии. Ее трудность в основном связана с проблемой, центральной и для множества других направлений прогнозирования: неустранимым и глубоким различием между вербализованным намерением и реальным поведением. Сам по себе электоральный выбор в значительной степени сводится к предпочтениям, которые могут содержать множество внутренних противоречий, но не распадаются на два слабо взаимосвязанных аспекта: голосование за одну партию/кандидата не настолько отличается от голосования за другую партию, как приход на выборы от обещания прийти. Неудивительно, что экспериментальная проверка валидности предвыборных вопросов показывает сравнительно низкую корреляцию между высказанным намерением и реальным участием [6; 25]. Одним из основных искажающих факторов является то, что ответы респондентов о готовности участвовать в голосовании отражают приверженность социальной норме, а не реальные намерения [6; 21]. Впрочем, другие исследования показывают, что прямые вопросы об электоральном поведении (о намерении голосовать, участии в прошлых выборах и т.п.) в совокупности могут быть достаточно эффективными предикторами

¹ АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента

прихода на избирательный участок [13; 23]. Поэтому, несмотря на имеющиеся трудности, общий настрой исследований в области прогнозирования явки может быть охарактеризован как осторожный оптимизм. В течение нескольких десятилетий развиваются сложные многофакторные модели прогнозирования явки [2; 16; 24; 26], в некоторых случаях удается верно (хотя и ретроспективно) предсказать поведение до 80 % респондентов [23]. Тем не менее, использовавшиеся на выборах 2013 года подходы к прогнозированию не дали удовлетворительных результатов.

Благодаря социологической коллаборации «Открытое мнение» и сотрудничеству ведущих опросных организаций, работавших на выборах мэра, данные, относящиеся к этому случаю, могут быть использованы для проверки модели вектора решений. Четыре опросных центра опубликовали исходные массивы опросов, проведенных в разное время, вплоть до 7 сентября 2013 года [7]. Эти массивы позволяют провести анализ данных «задним числом» и построить прогноз, зная реальную явку на выборах, что открывает перспективы для эмпирической проверки модели прогнозирования и объяснения социального поведения. Для разработки прогноза *ex post facto* на основе модели вектора решений использовались следующие опубликованные в рамках проекта «Открытое мнение» базы данных: ФОМ — опрос 1500 человек, проведенный по месту жительства 26–31 августа 2013 года (москвичи 18+, заявленная статистическая погрешность 3,6 %); ВЦИОМ — опрос 1209 человек, проведенный 7 сентября 2013 года методом телефонного интервью (2,8 %); Левада-Центр — опрос 1000 человек, проведенный 26–29 августа 2013 года методом личного интервью у подъездов домов (4,8 %); Synovate Comcon — опрос 496 человек 5–6 сентября 2013 года методом телефонного интервью (3,8 %).

Формулировка вопросов о явке и подсказки для респондентов у каждой опросной организации были собственными, хотя и похожими по смыслу. ФОМ: «Посмотрите, пожалуйста, на карточку и уточните: Вы лично примете или не примете участие в выборах мэра Москвы 8 сентября?» (Карточка № 7, один ответ): 1) совершенно точно приму участие в выборах; 2) вероятнее всего приму участие в выборах; 3) скорее приму, чем не приму участие в выборах; 4) скорее не приму, чем приму участие в выборах; 5) вероятнее всего не приму участие в выборах; 6) совершенно точно не приму участие в выборах; 7) еще не решил (-а), затрудняюсь ответить. ВЦИОМ: «Примете ли Вы участие в выборах Мэра Москвы, которые состоятся 8 сентября? (зачитайте, один ответ)»: 1) Обязательно приму участие; 2) Скорее приму участие; 3) Скорее не приму участие; 4) Точно не приму участие; 99) Затрудняюсь ответить. Левада-Центр: «Если говорить лично о Вас, какое из следующих утверждений наиболее точно отражает ваше намерение голосовать на предстоящих выборах?» (покажите карточку 4, один ответ): 1) уверен, что не буду голосовать на выборах 8

сентября; 2) сомневаюсь, что буду голосовать; 3) не знаю, буду голосовать или нет; 4) скорее всего, буду голосовать; 5) совершенно точно, буду голосовать на выборах; 9) затрудняюсь ответить. Synovate Comcon: «Будете ли принимать участие в выборах мэра Москвы, которые пройдут 8 сентября?»: 1) Да; 2) Нет; 3) Еще не решил (а); 4) Затрудняюсь ответить; 5) Отказ.

В данном случае положения модели вектора решений таковы.

1. Все способы поведения респондента считаются имеющими некоторую вероятность — большую либо равную нулю — и такую, что сумма вероятностей всех способов поведения одного респондента составляет 1 (в итоге респондент либо пойдет, либо не пойдет на выборы, и одно из этих событий случится обязательно, поэтому сумма вероятностей достигает 1).
2. Каждому варианту ответа присваивается «коэффициент конверсии» высказанных намерений в реальную явку, отражающий вероятность (от 0 до 1) того, что респондент, выбравший этот вариант, пойдет на выборы. Варианты, отражающие готовность голосовать, получают более высокие коэффициенты, чем отражающие нежелание голосовать. Например, в массиве данных Synovate Comcon респондентам, выбравшим ответ «Да», должно присваиваться наибольшее значение вероятности, ответ «Нет» — наименьшее, а выбравшим ответ «Еще не решил (а)» — находящееся где-то между крайними точками. Варианты, эквивалентные отказу («Затрудняюсь ответить», «Отказ» и т.п.), получают коэффициент конверсии, близкий к усредненной вероятности голосования по выборке тех, кто дал содержательный ответ, хотя и не обязательно равный ей. Особенность «затруднившихся» в том, что их коэффициенты должны быть где-то между теми, кто уверен, что не пойдет на выборы, и теми, кто уверен, что пойдет. Это правило не распространяется на пункт «не знаю, буду голосовать или нет» в анкете Левада-центра, который в меньшей степени является уходом от ответа, так как коммуникативно встроен в вопрос в качестве срединного пункта шкалы, т.е. имеет вес между соседними пунктами, а не крайними точками.
3. Вероятности явки всех респондентов по массиву данных складываются, и сумма делится на общее число респондентов для вычисления прогнозной доли пришедших на выборы. Например, если бы имелось всего два респондента, каждому из которых была бы присвоена вероятность явки 0,5, то один из двух примет участие в выборах с вероятностью 1.

Модель вектора решения позволяет осуществлять подгонку прогноза, меняя коэффициенты конверсии для разных вариантов ответа. Так, если респондентам, выбравшим ответ «Да» в опросе Synovate Comcon, присвоить вероятность явки 0,8, результат будет отличаться от того, что получим при коэффициенте 0,4. Соответственно, положительный ответ на вопрос, имелась

ли у социологов информация, достаточная для точного прогноза, может быть получен, если для каждого из четырех массивов удастся найти теоретически осмысленную комбинацию коэффициентов, которая даст приемлемое приближение к реальной явке. Неудача в поиске такой комбинации, строго говоря, не будет равна отрицательному ответу (отсутствие доказательств не есть доказательство отсутствия), но все же несколько сдвинет чашу весов в его сторону.

Результаты исследования

Для поиска оптимальных коэффициентов вероятности прихода респондента на избирательный участок были использованы описанные выше вопросы о явке, ответы на которые содержатся в четырех массивах опросной информации. Все они были подвергнуты обработке в программе Excel по следующей схеме: 1) каждому варианту ответа приписывался коэффициент конверсии, означавший вероятность того, что выбравший этот вариант респондент примет участие в выборах; 2) величина коэффициентов варьировала от 0 до 1 с точностью до сотых; 3) сохранялся порядок величин коэффициентов — варианты, отражавшие готовность голосовать, получали более высокие значения, чем варианты, отражавшие нежелание голосовать; 4) величины коэффициентов менялись с помощью генератора случайных чисел; 5) после каждого изменения считался прогноз явки, значение которого сохранялось в отдельную таблицу вместе с коэффициентами; 6) их оптимальными значениями считались те, что давали наилучший прогноз явки (наименьший модуль разности реальной явки и прогноза).

Перебор коэффициентов с помощью генератора случайных чисел весьма затратен по времени, если количество вариантов ответа достаточно велико. Поэтому шаги 4 и 5 для ускорения поиска были реализованы в следующем виде: в начале значения коэффициентов случайно подбирались 1000 раз, потом из получившихся прогнозов автоматически выбирался наиболее точный, и его коэффициенты использовались в качестве «стартовых», к ним добавлялись случайные числа от -0,1 до 0,1 (но так, чтобы не нарушались допущения модели). Эта операция также проделывалась 1000 раз, затем из новых прогнозов выбирался наилучший, и уже его коэффициенты использовались в качестве стартовых. Таким образом, подгонка осуществлялась до тех пор, пока на протяжении 10 циклов по 1000 пересчетов не наблюдалось отсутствие улучшения прогноза. Для каждого из четырех массивов вся процедура поиска оптимальных коэффициентов была повторена по 5 раз, так как некоторые начальные значения коэффициентов могли теоретически дать неоптимальные, но устойчивые к улучшениям результаты. Наилучшие прогнозы с соответствующими им коэффициентами представлены в таблице 1.

**Коэффициенты конверсии намерений в явку
и прогноз по ним для исходной размерности шкал**

Организация	Варианты ответа	Абсолютные частоты	Коэффициенты	Прогноз явки, в %
ФОМ	1. Совершенно точно приму участие в выборах	651	0,57	32,03
	2. Вероятнее всего приму участие в выборах	283	0,19	
	3. Скорее приму, чем не приму участие в выборах	156	0,1	
	4. Скорее не приму, чем приму участие в выборах	67	0,09	
	5. Вероятнее всего не приму участие в выборах	58	0,04	
	6. Совершенно точно не приму участие в выборах	181	0,04	
	7. Еще не решил (-а), затрудняюсь ответить	99	0,23	
ВЦИОМ	1. Обязательно приму участие	579	0,39	32,03
	2. Скорее приму участие	332	0,38	
	3. Скорее не приму участие	109	0,12	
	4. Точно не приму участие	168	0,1	
	99. Затрудняюсь ответить.	21	0,26	
Левада-центр	1. Уверен, что не буду голосовать на выборах 8 сентября	76	0,01	32,03
	2. Сомневаюсь, что буду голосовать	80	0,01	
	3. Не знаю, буду голосовать или нет	238	0,05	
	4. Скорее всего буду голосовать	359	0,25	
	5. Совершенно точно буду голосовать на выборах	234	0,91	
	9. Затрудняюсь ответить.	13	0,32	
Synovate Comcon	1. Да	315	0,43	32,03
	2. Нет	121	0,02	
	3. Еще не решил (а)	35	0,35	
	4. Затрудняюсь ответить	10	0,35	
	5. Отказ.	15	0,35	

Одинаковый смысл вопросов позволяет привести использованные в них шкалы к одной размерности — сгруппировать дробные градации, получив дихотомию «пойдут/не пойдут». При моделировании явки для сгруппированных ответов интерес представляет не только точность прогноза, но и сопоставимость данных. Следовательно, задача может быть переформулирована: до какой степени точный прогноз может быть дан, если для всех четырех массивов будет использован один набор коэффициентов. Для дихотомизированных данных был применен тот же алгоритм подгонки коэффициентов, однако на этот раз ограничивающим условием было одинаковое значение для всех четырех массивов. Наилучшие прогнозы, полученные при этом условии, отражены в таблице 2.

Таблица 2

Коэффициенты конверсии намерений в явку и прогноз по ним для сгруппированных ответов

Организация	Варианты ответа	Абсолютные частоты	Коэффициенты	Прогноз явки, в %
ФОМ	Пойдут	1090	0,39	32,3
	Не пойдут	306	0,11	
	Затруднились	99	0,25	
ВЦИОМ	Пойдут	911	0,39	32,3
	Не пойдут	277	0,11	
	Затруднились	21	0,25	
Левада-центр	Пойдут	593	0,39	31,1
	Не пойдут	156	0,11	
	Затруднились	251	0,25	
Synovate Comcon	Пойдут	315	0,39	30,5
	Не пойдут	121	0,11	
	Затруднились	60	0,25	

Первое, на что можно обратить внимание в полученных результатах, — высокая точность прогноза *ex post facto* при одинаковых коэффициентах конверсии. Если бы каждая из организаций заранее знала оптимальные коэффициенты, то явку можно было бы предсказать с ошибкой меньшей, чем статистическая погрешность, причем эти коэффициенты одни и те же для всех четырех опросных организаций. Несмотря на различия в формулировках вопросов, все четыре массива содержали фактически одну и ту же информацию о потенциальной явке (уже 26 августа, почти за две недели до выборов), что свидетельствует о высокой прогностической силе модели вектора решений. Однако ее одной недостаточно, потому что если структура вектора заранее не задана, то и прогноз будет неверен.

Каким образом можно заранее получить информацию о структуре вектора решений? Здесь требуется дополнительная теоретическая модель для выведения соответствующих коэффициентов. Рассмотрим одну из таких моделей, которая кажется нам наиболее подходящей, поскольку опирается на ряд достоверных допущений. Во-первых, явка на выборы представляет собой результат не полностью свободного решения, а скорее следования социальной норме. Нормативное же действие может осуществляться по двум не всегда совпадающим сценариям: через следование предписывающей и описательной норме. Первая содержит общепринятое моральное обязательство («следует ходить на выборы»), а вторая относится к реальному поведению окружающих, и потому может как совпадать с моральным обязательством («большинство моих знакомых пошли на выборы»), так и противоречить ему («большинство моих знакомых не пошли на выборы»). Как было неоднократно показано экспериментально, соответствие поведения предписывающей или описательной норме в существенной степени зависит от того, к какой из них привлечено внимание человека в момент принятия решения [20]. В рассматриваемом случае предписывающая норма достаточно унифицирована (ходить на выборы считается более желательным, чем не ходить), поэтому различия в готовности предпринять соответствующее действие могут указывать на то, что респонденты принадлежат к различающимся по описательной норме сегментам сети социальных связей. Те, кто дал утвердительный ответ, относятся к сегменту с высокой явкой, неопределенный ответ — со средней, отрицательный ответ — к сегменту, в котором лишь немногие ходят на выборы.

Если голосование в качестве нормативного действия достаточно часто ориентируется на описательную норму, то превращается в коллективное сетевое поведение — когда каждое индивидуальное решение зависит от решений «соседей» по сети. Множество эмпирических исследований подтверждают такой нормативно-сетевой характер явки на выборы. В частности, она может существенно повышаться под влиянием социального давления [17], поведения окружающих [18], большего количества социальных связей [15], публикации статусов «я проголосовал» в социальных сетях [19] и т.п. Но как проверить существование таких сетевых эффектов в анализируемом случае? К сожалению, у нас нет параметров сети социальных связей московских избирателей 2013 года, и мы не можем вычислить по ним коэффициенты конверсии, чтобы сравнить их с полученными выше. Однако мы можем проверить, соответствует ли соотношение полученных коэффициентов каким-то правдоподобным допущениям о характере сети социальных связей.

Введем три таких допущения: во-первых, сегменты избирателей, соответствующих вариантам ответа «пойдут», «не пойдут» и «затруднились», представляют собой последовательные участки сети социальных связей. Иными словами, те, кто не собирался идти, в этой сети находятся в среднем дальше от собирающихся, чем от сомневающихся. Это предположение — прямое

следствие нормативно-сетевого характера явки. Если так, то доля пришедших и не пришедших на выборы должна не просто дифференцировать сегменты, но и отражать относительное расстояние между ними. Во-вторых, предположим, что плотность социальных связей в среднем одинакова во всех сегментах и между ними. Правдоподобность этого допущения связана с его простотой: в любых сравнениях при отсутствии дополнительной информации логичнее допускать равенство условий, чем их неравенство, так как последнее не может быть ничем мотивировано. Третье предположение исходит из того же принципа простоты: действия людей не на 100 % детерминированы описательными нормами, часть участников сети принимает решение самостоятельно, и доля таких участников в разных сегментах предположительно одинакова.

В ситуации, когда все три допущения верны, изменение вероятностей явки между сегментами должно иметь линейный характер. На рисунке 1 представлено 10 последовательно связанных сегментов в социальной сети избирателей. Начиная со второго сегмента формируется некоторая доля отказывающихся от участия в выборах, но еще нет ни одного человека, который подвержен описательной норме неучастия — все, кто решил не ходить на выборы (10 %), действуют самостоятельно. В третьем сегменте, где добавилось еще 10 % самостоятельно решивших не участвовать, для 10 % избирателей оказывается преобладающей описательная норма неучастия. У белого квадрата в третьем сегменте больше пропускающих, чем не пропускающих выборы контактов. И далее этот процесс развивается, обеспечивая линейное сокращение вероятности участия.

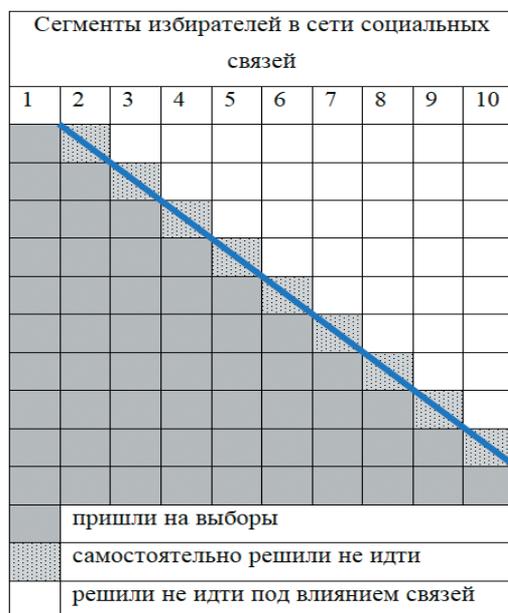

Рис. 1. Линейное изменение явки по сегментам сети социальных связей под влиянием равномерного изменения условий

Итак, предположенный нормативно-сетевой характер принятия решений о явке предсказывает линейное изменение ее вероятности между сегментами («придут», «затруднились» и «не придут»). Присвоим им упорядоченные числовые значения, соответствующие смыслу данным респондентами ответов: те, кто утверждал, что он придет на выборы, сообщал нам о вероятности такого действия, равной единице, те, кто утверждал, что не придет, предполагал вероятность равной нулю, а сомневающимся может быть приписана вероятность, равная одной второй. Тогда мы имеем зависимость, изображенную на рисунке 2.

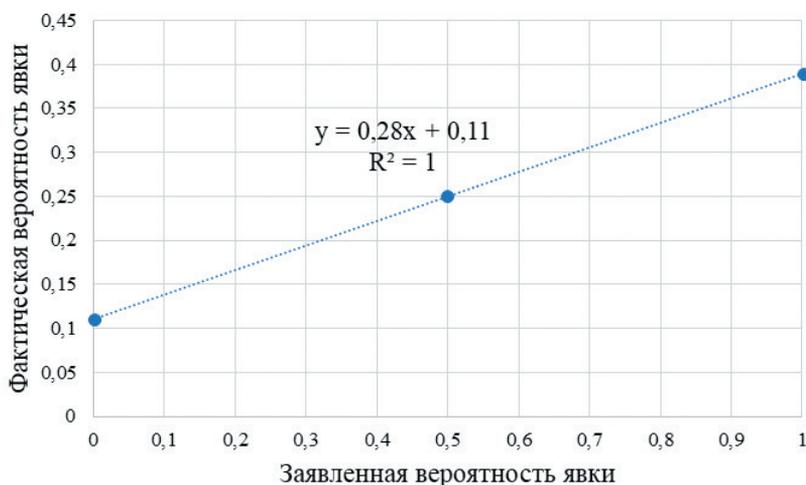

Рис. 2. Фактическое изменение явки по сегментам

Эмпирически полученные изменения вероятности явки между сегментами избирателей представляют собой идеальную прямую, аналогичную той, которая теоретически предсказана моделью нормативно-сетевого влияния. Прямолинейный характер зависимости сохранится при присвоении сегментам любых равномерных последовательных численных значений (например, 1, 2, 3), т.е. пересмотр прогноза явки на выборах мэра Москвы 2013 года свидетельствует о высокой прогностической силе модели вектора решений и о возможности сочетания ее с информацией о характере, плотности и структуре социальных связей, влияющих на принятие решений. Включение в прогнозирование социального поведения параметров плотности социальных связей, привычного поведения и намерений окружающих с высокой вероятностью позволит повысить качество предсказания. Видимо, господствующий в массовых опросах атомарный индивидуализм, рассматривающий поведение человека как обусловленное исключительно его сознанием (установками, мнениями, намерениями и т.п.) [1], не пригоден для точного прогнозирования коллективных действий. Во всяком случае попытки интеграции социально-структурных переменных в модели

массового поведения выглядят многообещающим способом преодоления проблем типа парадокса Лапьера, потому что представляют собой переход от измерения поведенческих намерений к измерению обстоятельств, формирующих поведение. И модель вектора решений кажется многообещающим инструментом, облегчающим такой переход.

Библиографический список

1. Бабич Н.С. Онтологические допущения опросов общественного мнения в социально-политическом и технологическом контексте // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 4.
2. Баскакова Ю.М., Терентьева Н.Н. «Вероятный избиратель»: эволюция и модификации модели Гэллага // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4.
3. Выборы мэра Москвы // URL: http://www.moscow-city.vybory.izbirkom.ru/region/region/moscow-city?action=show&root=1&tvd=27720001368293&vrn=27720001368289®ion=77&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=27720001368293&type=234.
4. Выборы мэра Москвы: последний прогноз. 02.09.2013 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-mera-moskvy-poslednij-prognoz>.
5. Задорин И.В. Прогнозирование итогов выборов по опросным данным на основе вероятностной модели электорального поведения. 15.04.06 // URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/b42/Prognozirovanie_itogov_vyborov_po_oprosnym_dannym_na_osnove_verojatnostnoj_modeli_jelektoralnogo_povedenija.ppt.
6. Звоновский В.Б. Прогнозирование электоральной активности на основе отчетов респондентов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 2.
7. Открытое мнение: выборы мэра Москвы // URL: https://openopinion.ru/mer_moscow.
8. Прогноз итогов голосования на выборах мэра Москвы. 02.09.2013 // URL: <http://fom.ru/Politika/11063>.
9. Результаты предвыборного опроса в Москве. 01.09.2013 // URL: <http://www.levada.ru/01-09-2013/rezultaty-predvybornogo-oprosa-v-moskve>.
10. Финальные рейтинги (29.08–02.09): больше половины москвичей верят в то, что выборы повлияют на жизнь города // URL: <http://web.archive.org/web/20130913012839/http://www.comcon-2.ru/default.asp?artID=2870>.
11. Фонд «Общественное мнение» не будет больше прогнозировать результаты выборов. 12.09.2013 // URL: <http://itar-tass.com/glavnie-novosti/675893>.
12. Электорат Собянина остался дома // Московские новости. 09.09.2013 // URL: <https://www.mn.ru/moscow/authority/88021>.
13. Bolstein R. Predicting the likelihood to vote in pre-election polls // Journal of the Royal Statistical Society. Series D. 1991. Vol. 40. No. 3.
14. Crespi I. Pre-Election Polling: Sources of Accuracy and Error. New York; 1988.
15. Fiorino N., Galli E., Pontarollo N. Does social capital affect voter turnout? Evidence from Italy // Social Indicators Research. 2021. Vol. 156. No. 1.
16. Freedman P., Goldstein K. Building a probable electorate from preelection polls: A two-stage approach // Public Opinion Quarterly. 1996. Vol. 60. No. 4.
17. Gerber A.S., Green D.P., Larimer C.W. Social pressure and voter turnout: Evidence from a large-scale field experiment // American political Science review. 2008. Vol. 102. No. 1.
18. Gerber A.S., Rogers T. Descriptive social norms and motivation to vote: Everybody's voting and so should you // Journal of Politics. 2009. Vol. 71. No. 1.
19. Haenschen K. Social pressure on social media: Using Facebook status updates to increase voter turnout // Journal of Communication. 2016. Vol. 66. No. 4.

20. *Kallgren C.A., Reno R.R., Cialdini R.B.* A focus theory of normative conduct: When norms do and do not affect behavior // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000. Vol. 26. No. 8.
21. *Karp J.A., Brockington D.* Social desirability and response validity: A comparative analysis of overreporting voter turnout in five countries // *Journal of Politics*. 2005. Vol. 67. No. 3.
22. *LaPiere R.T.* Attitudes vs actions // *Social Forces*. 1934. No. 2.
23. *Murray G.R., Riley C., Scime A.* Pre-election polling: Identifying likely voters using iterative expert data mining // *Public Opinion Quarterly*. 2009. Vol. 73. No. 1.
24. *Petrocik J.R.* An algorithm for estimating turnout as a guide to predicting elections // *Public Opinion Quarterly*. 1991. Vol. 55. No. 4.
25. *Rogers T., Aida M.* Vote self-prediction hardly predicts who will vote and is (misleadingly) unbiased // *American Politics Research*. 2014. No. 3.
26. *Traugott M.W., Tucker C.* Strategies for predicting whether a citizen will vote and estimation of electoral outcomes // *Public Opinion Quarterly*. 1984. Vol. 48. No. 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-959-974

EDN: QDUIKJ

Decision vector model in predicting social behavior (on the example of the secondary analysis of the pre-election surveys)*

N.S. Babich^{1,2}, S.M. Kharun²

¹Institute of Sociology of the FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

²RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: sociolog@mail.ru; 1032195969@rudn.ru)

Abstract. Forecasting human behavior is a difficult task due to the differences between declared and actual behavior. The article considers a decision vector model that can be used to approximate actual behavior with some formal rules that allow to construct algorithms for predicting future states. The authors tested the reliability of ex post facto predictions on the example of the unsuccessfully predicted 2013 Moscow mayoral elections. The study is based on the data from four major polling centers that monitored the pre-election situation and provided descriptions of voters' intentions, which differed significantly and were far from the official results. Three decision vector models were derived to adjust the forecast by changing conversion rates for different answers. To find optimal coefficients for the respondent's probability of coming to the polls, questions about turnout were used: the identical meaning of questions allowed to reduce their scales to one dimension — a dichotomy of “will go/won't go to the polls”. The analysis showed that within the decision vector model, surveys conducted with different methods before the 2013 Moscow mayoral elections provided the same values of the probability of voter turnout, which coincide with the actual turnout with a high degree of accuracy. If the corresponding probability coefficients had been known in advance,

*© N.S. Babich, S.M. Kharun, 2024

The article was submitted on 09.07.2024. The article was accepted on 14.10.2024.

it would have been possible to provide an accurate forecast of the turnout at the 2013 elections. But for this, we need to calculate the probability of turnout based on other parameters known before the elections. Nevertheless, attempts to integrate social-structural variables into models of mass behavior look promising, since they represent a transition from measuring behavioral intentions to measuring circumstances that shape behavior, and the decision vector model is a promising tool for such a transition.

Key words: decision vector model; forecasting; elections of the mayor of Moscow in 2013; electoral behavior; conversion rates; forecast accuracy; normative network influence; structure of social ties

References

1. Babich N.S. Ontologicheskie dopushcheniya oprosov obshchestvennogo mneniya v sotsialno-politicheskom i tekhnologicheskom kontekste [Ontological assumptions of public opinion polls in the social-political and technological context]. *Sotsiologiya Nauki i Tekhnologiy*. 2019; 10 (4). (In Russ.).
2. Baskakova Yu.M., Terentieva N.N. “Veroyatny izbiratel”: evolyutsiya i modifikatsii modeli Gallupa [“Probable voter”: Evolution and modifications of the Gallup model]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2018; 4. (In Russ.).
3. Vyборы mera Moskvyy [Moscow mayoral elections]. URL: http://www.moscow-city.vybory.izbirkom.ru/region/region/moscow-city?action=show&root=1&tvd=27720001368293&vrn=27720001368289®ion=77&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vivid=27720001368293&type=234. (In Russ.).
4. Vyборы mera Moskvyy: posledny prognoz [Moscow mayoral elections: The latest forecast]. 02.09.2013. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-mera-moskvyy-poslednij-prognoz>. (In Russ.).
5. Zadorin I.V. Prognozirovanie itogov vyborov po oprosnym dannym na osnove veroyatnostnoi modeli elektoralnogo povedeniya [Forecasting election results based on survey data using a probabilistic model of electoral behavior]. 15.04.06. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/b42/Prognozirovanie_itogov_vyborov_po_oprosnym_dannym_na_osnove_veroyatnostnoj_modeli_jelektoralnogo_povedeniya.ppt. (In Russ.).
6. Zvonovsky V.B. Prognozirovanie elektoralnoy aktivnosti na osnove otchetov respondentov [Predicting electoral activity on the basis of respondents’ reports]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2011; 2. (In Russ.).
7. Otkrytoe mnenie: vyборы mera Moskvyy [Open opinion: Moscow mayoral elections]. URL: https://openopinion.ru/mer_moscow. (In Russ.).
8. Prognoz itogov golosovaniya na vyborah mera Moskvyy [Forecast of voting in the Moscow mayoral elections]. 02.09.2013. URL: <http://fom.ru/Politika/11063>. (In Russ.).
9. Rezultaty predvybornogo oprosa v Moskvye [Results of the pre-election poll in Moscow]. 01.09.2013. URL: <http://www.levada.ru/01-09-2013/rezultaty-predvybornogo-oprosa-v-moskve>. (In Russ.).
10. Finalnye reitingi (29.08–02.09): Bolshe poloviny moskvichei veryat v to, chto vyборы povliyayut na zhizn goroda [Final ranking (29.08–02.09): More than half of Muscovites believe that the elections will affect the life of the city]. URL: <http://web.archive.org/web/20130913012839/http://www.comcon-2.ru/default.asp?artID=2870>. (In Russ.).
11. Fond “Obshchestvennoe mnenie” ne budet bolshe prognozirovat rezultaty vyborov [Public Opinion Foundation will no longer predict election results]. 12.09.2013. URL: <http://itar-tass.com/glavnie-novosti/675893>. (In Russ.).
12. Elektorat Sobyantina ostalsya doma [Sobyanin’s electorate stayed at home]. *Moskovskie Novosti*. 09.09.2013. URL: <https://www.mn.ru/moscow/authority/88021>. (In Russ.).

13. Bolstein R. Predicting the likelihood to vote in pre-election polls. *Journal of the Royal Statistical Society. Series D*. 1991; 40 (3).
14. Crespi I. *Pre-Election Polling: Sources of Accuracy and Error*. New York; 1988.
15. Fiorino N., Galli E., Pontarollo N. Does social capital affect voter turnout? Evidence from Italy. *Social Indicators Research*. 2021; 156 (1).
16. Freedman P., Goldstein K. Building a probable electorate from pre-election polls: A two-stage approach. *Public Opinion Quarterly*. 1996; 60 (4).
17. Gerber A.S., Green D.P., Larimer C.W. Social pressure and voter turnout: Evidence from a large-scale field experiment. *American Political Science Review*. 2008; 102 (1).
18. Gerber A.S., Rogers T. Descriptive social norms and motivation to vote: Everybody's voting and so should you. *Journal of Politics*. 2009; 71 (1).
19. Haenschen K. Social pressure on social media: Using Facebook status updates to increase voter turnout. *Journal of Communication*. 2016; 66 (4).
20. Kallgren C.A., Reno R.R., Cialdini R.B. A focus theory of normative conduct: When norms do and do not affect behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000; 26 (8).
21. Karp J.A., Brockington D. Social desirability and response validity: A comparative analysis of overreporting voter turnout in five countries. *Journal of Politics*. 2005; 67 (3).
22. LaPiere R.T. Attitudes vs actions. *Social Forces*. 1934; 2.
23. Murray G.R., Riley C., Scime A. Pre-election polling: Identifying likely voters using iterative expert data mining. *Public Opinion Quarterly*. 2009; 73 (1).
24. Petrocik J.R. An algorithm for estimating turnout as a guide to predicting elections. *Public Opinion Quarterly*. 1991; 55 (4).
25. Rogers T., Aida M. Vote self-prediction hardly predicts who will vote and is (misleadingly) unbiased. *American Politics Research*. 2014; 3.
26. Traugott M.W., Tucker C. Strategies for predicting whether a citizen will vote and estimation of electoral outcomes. *Public Opinion Quarterly*. 1984; 48 (1).

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-975-991

EDN: QCHUDY

Социальная справедливость и неравенство в зеркале российского общественного мнения*

Н.Д. Коленникова

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218

(e-mail: kolennikova-nina@mail.ru)

Аннотация. В статье на эмпирических данных Института социологии ФНИСЦ РАН анализируется динамика представлений россиян о социальной справедливости и ее содержательном наполнении, в том числе в контексте различных форм неравенства как производного от социальной несправедливости. Показано, что «перелом» в восприятии социальной справедливости произошел в середине 2000-х годов, и с тех пор качественных скачков не происходило. На этом фоне сохраняется запрос на улучшение ситуации с социальной справедливостью и сокращение неравенств, поскольку доля россиян, часто испытывающих чувство социальной несправедливости и видящих в последнее десятилетие ухудшения в этой сфере, превышает долю оптимистично настроенных в этом вопросе и практически не испытывающих чувства социальной несправедливости. Продемонстрирована взаимосвязь пессимистичного видения ситуации с социальной справедливостью и социальным неблагополучием, причем не только материальным. Отмечено, что социальная справедливость в российском общественном сознании ассоциируется с двумя запросами — на равенство доходов и уровня жизни и на равенство нематериальных возможностей, включая реализацию меритократических принципов. Первый запрос более характерен для наименее благополучных в материальном отношении групп и пожилых людей, второй — для представителей экономически активных групп и молодежи. Эти два видения социальной справедливости воспроизводятся и в восприятии неравенства, ключевыми формами которого для россиян выступают неравенство доходов и доступа к необходимой

* © Коленникова Н.Д., 2024

Статья поступила в редакцию 24.06.2024. Статья принята к публикации 14.10.2024.

медицинской помощи, хорошим рабочим местам и жилищным условиям. Тем из россиян, кто считает свое положение в обществе низким, свойственно обостренное восприятие неравенства, для наиболее благополучных групп характерно скорее толерантное к нему отношение. Сделан вывод о сохранении запроса на улучшение ситуации с социальной справедливостью и сокращение нелегитимных неравенств с учетом различных трактовок социальной справедливости в российском общественном сознании. В частности, локализация запросов на сокращение тех или иных видов неравенства связана со спецификой материального положения и нематериального благополучия (в том числе субъективного).

Ключевые слова: российское общество; социальная справедливость; социальное неравенство; социальное благополучие; социальный статус; социальные группы; общественное сознание

Распределение социальных благ и возможностей в современном мире и в России сильно дифференцировано [10; 18], что актуализирует вопрос о роли государства в обеспечении относительно равных условий для достижения его гражданами социального благополучия и сглаживании социальных неравенств. Основанием для таких общих «правил игры» должны служить не только объективные показатели, но и субъективные представления о ключевых принципах дифференциации и легитимности различий. В этом отношении смыслообразующим для российской социальной политики оказывается понятие социальной справедливости — центральное для доминирующей в России ценностно-нормативной модели, связанное с запросом на сглаживание социальных неравенств [5; 7; 13] и выступающее в авангарде социальной политики практически всех правовых государств [19]. Однако его теоретическое изучение и тем более эмпирическая оценка в российском исследовательском дискурсе неоднозначны [11]. Поскольку данные свидетельствуют о довольно высоком уровне монетарных (1) и немонетарных неравенств в российском обществе и высокой толерантности населения ко многим из них [18], а также то, что по Конституции наша страна является правовым государством (2), в качестве концептуальной основы исследования была выбрана теория справедливости Д. Ролза. В качестве базовых принципов, на которых строится общество, он называет: определение основных прав и обязанностей, распределение социальных преимуществ посредством честного совместного выбора и равенство возможностей (при допущении легитимных, т.е. честных, неравенств) [12]. По сути, общество само для себя определяет, что такое социальная справедливость, задавая тем самым модель государства, которая не отрицает неравенство как такое, но подразумевает снижение его чрезмерности [6]. Таким образом, социальная справедливость выступает одновременно и концептуальной схемой и практикой регулирования отношений человека и общества [9], потому подходы к исследованию этого понятия могут различаться не только дисциплинарно, но и с позиции комплексности или, напротив, концентрации на отдельных эмпирических индикаторах.

Учитывая специфику имеющихся данных, за рамками рассмотрения оставлен вопрос о правах и обязанностях в контексте социальной справедливости (к тому же он сопряжен с анализом скорее политической системы, нежели социальных отношений и социальной политики), — акцент сделан на оценке соотношения социальных преимуществ и равенства возможностей. Цель исследования — анализ представлений россиян о социальной справедливости и неравенстве посредством: рассмотрения динамики и специфики восприятия общей ситуации с социальной справедливостью в действующей социально-политической системе; определения содержательной специфики социальной справедливости в российском общественном сознании; изучения восприятия различных неравенств в зависимости от субъективных оценок собственного положения. Эмпирическая база — 15-ая волна поквартирного мониторинга, проведенного Институтом социологии ФНИСЦ РАН в апреле–мае 2024 года по общероссийской районированной квотной выборке (N=2000), репрезентирующей взрослое (18+) население по полу, социально-профессиональному статусу, образованию и типу населенного пункта. Также использовались данные опроса Института социологии, проведенного в феврале 2024 года в рамках проекта «Российское общество середины 2020-х годов: символы прошлого, ценности настоящего, ожидания от будущего». Для оценки динамики отдельных показателей привлекались данные многолетних мониторинговых опросов Института социологии, а также РНИСиНП и ИКСИ РАН, проведенных по аналогичной модели выборки (3).

Как показывают данные, ключевой перелом в восприятии россиянами социальной справедливости произошел в начале 2000-х годов, в один из наиболее благоприятных с социально-экономической точки зрения периодов. За пять лет с 2001 по 2006 годы доля часто ощущающих социальную несправедливость происходящего снизилась, а за последующие два года почти вдвое выросла доля не испытывавших таких чувств (Рис. 1). В последующие периоды, несмотря на череду экономических кризисов и социальных потрясений, доминирующим чувством в отношении социальной несправедливости оставалось ее периодическое ощущение, что, вероятно, говорит если не о полной удовлетворенности, то о приемлемости ситуации в общественном сознании.

Тем не менее, учитывая превышение доли часто испытывающих чувство несправедливости над долей тех, кто практически его не испытывал, можно сделать вывод об общем пессимистическом тренде. Наиболее значимыми социально-демографическими характеристиками, связанными с ощущением чувства несправедливости, оказались уровень индивидуального дохода и возраст (4), а из субъективных оценок — восприятие своего статуса, количество пережитых проблем за последний год и число наиболее острых лично для себя социальных неравенств (6). Так, если в группе с доходами до 0,75 медиан (5) более трети заявляют о характерном для них чувстве социальной

несправедливости (35 %), то среди относительно обеспеченных россиян с доходами выше 2 медиан таков каждый пятый (20 %), а треть (35 %) не испытывает подобного чувства. Похожие тенденции фиксируются и в возрастном срезе — среди молодежи относительно больше тех, кто не ощущает социальной несправедливости (29 %), но в каждой следующей возрастной группе эта доля снижается и минимальна среди тех, кому от 55 до 65 лет и кто перешагнул порог в 65 лет (по 18 %).

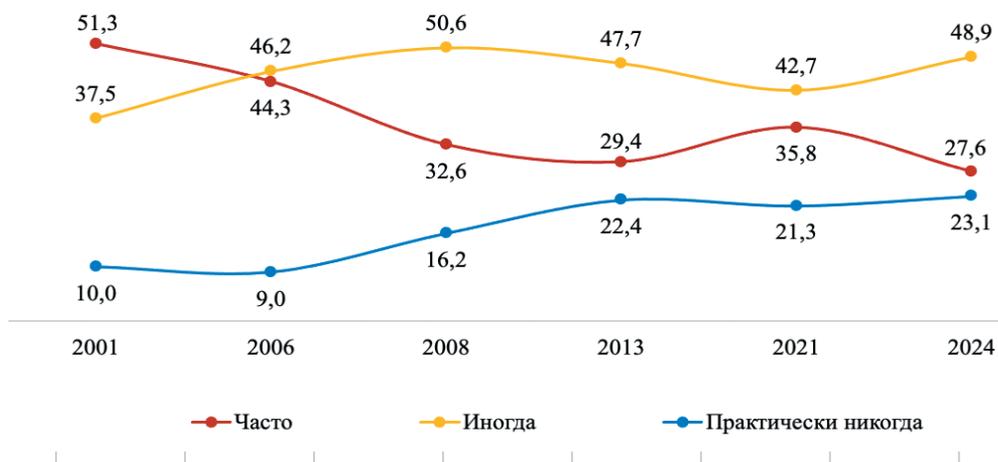

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как часто за последний год Вы переживали следующие чувства? Чувствовали несправедливость всего происходящего вокруг» (2001–2024, %)

В контексте субъективных оценок эти различия более выражены — среди считающих свой социальный статус низким более половины часто ощущают несправедливость происходящего (54 %), тогда как среди субъективно высокостатусных — каждый пятый. Чаще ощущают социальную несправедливость те, кто столкнулся в последний год со множеством (3+) проблем (7) и отметил лично для себя в качестве наиболее остро воспринимаемых не менее трех видов неравенства (по 38 %). Напротив, в группе не сталкивающихся со значимыми проблемами и не отмечающих болезненных видов неравенства доли ощущающих несправедливость происходящего вокруг существенно ниже (17 % и 15 % соответственно). Таким образом, ощущение социальной несправедливости имеет вполне определенные объективные и субъективные основания и склонно усиливаться по мере снижения уровня объективного или субъективного социального благополучия, соответственно снижаясь в благополучных группах. Общий тренд превышения долей тех, кому зачастую свойственно это чувство, над долями тех, кто практически никогда его не испытывает, воспроизводится и в контексте объективных

и субъективных характеристик, т.е. вопрос социальной справедливости не просто актуален, хотя и в разной степени, для всех групп российского населения, но и обладает значимой дифференцирующей силой — способен увеличивать дистанцию между относительно благополучными и неблагополучными группами, ставя под вопрос легитимность оснований социального благополучия.

Важно учитывать и то, как в общественном сознании преломляется не только ситуация с личными ощущениями, но и с оценками динамики социальной справедливости в стране в целом. Согласно Рисунку 2 переломные изменения в общественном сознании на этот счет не фиксировались, хотя на фоне социально-экономических кризисов наблюдались некоторые колебания в худшую сторону. Нынешние оценки вышли практически на уровень 2006 года, когда чувство социальной несправедливости в обществе стало менее интенсивным. В целом более половины россиян во все периоды наблюдений считали ситуацию с социальной справедливостью стабильной, однако доля видящих в ней ухудшения всегда превалировала над долей «оптимистов», что перекликается с тенденцией личного восприятия ситуации. Кроме того, оценки социальной справедливости на уровне всего общества тесно связаны практически с теми же характеристиками — оценкой своего статуса, количеством проблем и наиболее остро переживаемыми неравенствами (8), но несколько слабее.

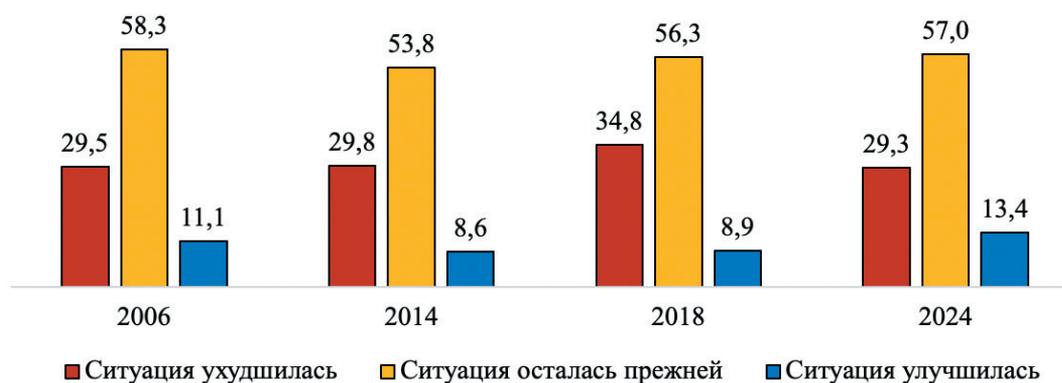

Рис. 2. Динамика оценок изменения положения дел с социальной справедливостью (2006–2024, % (9))

Например, в группе тех, кто характеризует свою позицию в обществе как низкую, сравнительно больше считающих, что ситуация с социальной справедливостью ухудшилась (27%), среди субъективно высокостатусных таковых 16%, а видящих улучшения — 28%. Схожие тенденции фиксируются и в отношении переживаемых неравенств и количества проблем: среди тех, кто отметил болезненное отношение к трем

и более неравенствам, почти каждый четвертый говорит об ухудшении ситуации с социальной справедливостью (24 %), а в группе толерантных к социальным неравенствам таковых 13 %. В группе россиян, которые за последний год столкнулись со множеством проблем, об ухудшении ситуации с социальной справедливостью также говорили относительно чаще (25 %), тогда как среди тех, кто не отметил для себя значимых проблем, таковых 13 %.

Хотя ощущение социальной несправедливости и негативная оценка ее динамики характерны в большей степени для относительно неблагополучных групп, среди благополучных в объективном и субъективном отношении такое видение свойственно не менее чем каждому десятому, т.е. проблема социальной справедливости значима для всех групп российского населения, пусть и в разной степени. Кроме того, наблюдается взаимосвязь между чувством социальной несправедливости на личностном уровне и общей оценкой ситуации с социальной справедливостью в стране (10): постоянное чувство социальной несправедливости с большей вероятностью влечет за собой негативное восприятие общей ситуации, нежели отсутствие этого чувства — позитивные оценки. Так, если среди часто испытывающих чувство социальной несправедливости 62 % говорят об ухудшении ситуации с социальной справедливостью в стране за последнее десятилетие, то в группе не испытывающих подобного чувства отмечают улучшения в этой сфере 20 % — большинство значимых изменений в этот период не наблюдало (65 %).

На этом фоне неоднозначны и мнения о будущем развитии ситуации, хотя определенная социально-демографическая специфика прослеживается (Табл. 1).

Согласно данным в Таблице 1, некоторую склонность к оптимистическому видению демонстрируют представители самых материально обеспеченных слоев, жители райцентров и некрупных городов, а также молодежь; наименее обеспеченные, жители двух столиц и представители старшей возрастной группы затрудняются с однозначной оценкой; пессимистический сценарий наименее ожидаем для всех социально-демографических групп. Здесь фактор неблагополучия утрачивает дифференцирующую силу, и доминирует во всех группах мнение об отсутствии в перспективе значимых изменений в ситуации с неравенствами и социальной справедливостью. В целом, хотя ожидания россиян в отношении динамики ситуации с социальным неравенством и справедливостью неоднородны, по большей части они не имеют конкретной позитивной или негативной направленности, что может объясняться как высокой толерантностью к неравенствам и социальной несправедливости, так и неуверенностью в векторе возможных изменений в современных условиях высокой неопределенности [3].

Таблица 1

Оценки изменения ситуации с неравенством и социальной справедливостью через 10 лет (% по строке (11))

Социальные группы	Неравенства между бедными и богатыми в России значительно сократятся, общество станет более справедливо устроенным	Разрыв между богатыми и бедными будет увеличиваться, доля бедных возрастет, а представителей среднего класса сократится	Положение в сфере равенства, состояние справедливости останутся такими же, как и сегодня	Не имеют мнения
Размер индивидуального дохода				
До 0,75 медиан	22,5	22,3	27,7	27,5
От 0,75 до 1,25 медиан	25,1	23	28,5	23,4
От 1,26 до 2 медиан	25,5	22,8	32,8	18,9
От 2 медиан и выше	27,3	18	38,7	16
Тип поселения				
Москва и Санкт-Петербург	19,4	18,3	26,6	35,7
Областные, краевые, республиканские центры	19,6	25,8	31,4	23,2
Районные центры, города не являющиеся районными	29,6	22,7	25,9	21,8
ПГТ и село	24,4	20	34,3	21,3
Возраст				
18–24 года	29,4	24,3	23,5	22,8
25–29 лет	30,2	20,1	23,9	25,8
30–35 лет	24,6	18,2	33	24,2
36–44 года	24,6	23,5	30,5	21,4
45–54 года	23,4	25,6	30,8	20,2
55–65 лет	21,7	22,1	29,7	26,5
66 лет и старше	19,9	17,9	33,3	28,9
Всего	24	22,1	30,1	23,8

Само понятие социальной справедливости ассоциируется у россиян исключительно с положительными смыслами, о чем в ходе опроса в марте 2024 года заявил 91 % респондентов. Причем это многокомпонентное понятие включает целый перечень критериев справедливости, основанных на принципе равенства (Рис. 3). В целом логика восприятия россиянами социальной справедливости соотносится с идеями Д. Ролза о приоритете равенства всех перед законом (в любом правовом государстве), далее идут наиболее важные стороны жизни, в отношении которых важно обеспечить общее равенство, не исключая при этом возможности легитимных неравенств. Примечательно, что обеспечение равного уровня жизни не вошло в тройку составляющих социальной справедливости, т.е. для основной массы россиян принципиальное значение имеет не отсутствие в справедливом обществе доходной дифференциации, а минимизация в нем неравенства возможностей, в силу которого дифференциация возникает [1].

Главные возможности, с которыми россияне связывают запрос на социальную справедливость, касаются равного доступа к необходимой медицинской помощи (55 %) и в реализации своих способностей и талантов (42 %). Выход на первый план медицины не удивителен, поскольку она традиционно упоминается и в числе наиболее болезненно воспринимаемых неравенств и среди наиболее пострадавших от социально-экономических пертурбаций сфер (включая пандемию) [2]. Высокая роль равенства возможностей самореализации в обеспечении социальной справедливости, вероятно, связана доминирующим в общественном сознании представлением, что в российском обществе личные усилия и стремления не являются ключевыми условиями жизненного успеха и высоких статусных позиций [15]. В то же время меньшинство россиян полагает, что социальной справедливости в обществе никогда не было и не будет, т.е. данное понятие не ассоциируется с утопическими идеями, а имеет конкретное наполнение, связанное с реальными запросами, имеющими под собой объективные основания.

Интересны и особенности восприятия социальной справедливости разными социально-демографическими группами. Так, ассоциация социальной справедливости с обеспечением равенства перед законом более характерна для жителей Москвы и Санкт-Петербурга (74 %) и представителей материально благополучных массовых слоев (69 % в группе с доходами от 1,26 до 2 медиан и 73 % среди тех, чьи доходы превышают 2 медианы). О равенстве доступа к необходимой медицинской помощи как составляющей социальной справедливости чаще говорят жители областных и республиканских центров (60 %) и люди старше 65 лет (63 %). Понимание справедливости как равного уровня жизни свойственно наименее материально обеспеченным (41 %) и тем, кто перешагнул возрастной порог в 65 лет (46 %). Интерпретация справедливости через зависимость социального статуса от результатов труда характерна для группы с доходами свыше 2 медиан (35 %) и молодежи в возрасте от 18

до 24 лет (30%). Социальная справедливость как равенство возможностей самореализации чаще упоминается жителями областных центров и людьми в возрасте 45–65 лет, равный доступ к хорошим рабочим местам — более молодыми поколениями (25–30 и 36–44 лет — 25%).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «В чем, на Ваш взгляд, состоит социальная справедливость?» (2024, %)

Таким образом, прослеживается взаимосвязь уровня социального благополучия и этапа жизненного цикла с интерпретацией социальной справедливости. Для наименее благополучных в материальном отношении на первый план выходит равенство в уровне жизни, для экономически активного населения и особенно молодежи — равенство в сфере труда и самореализации. С точки зрения места жительства примечательны Москва и Санкт-Петербург, в большей степени озабоченные вопросами равенства перед законом, а также областные центры, для которых приоритетно равенство возможностей (медицина, образование, реализация способностей) (12). Можно сделать вывод, что понятие социальной справедливости довольно динамично и пластично — не только в высокой степени обусловлено социально-политической моделью государства и спецификой общественной ситуации, но и меняется по мере изменений в уровне и качестве жизни, а также на разных биографических

этапах. Тем не менее, равенство возможностей и, следовательно, сокращение неравенств (прежде всего нелегитимных) выходит для россиян на первый план в вопросе обеспечения социальной справедливости.

Острота различных неравенств в восприятии россиян с 2013 года значимым образом не изменилась, за исключением неравенства в жилищных условиях и доступе к хорошим рабочим местам, о которых стали говорить чаще (Табл. 2). Усиление этих неравенств на фоне рекордно низкой безработицы (13) и рекордно высоких показателей ввода жилья в последние годы вызвано не столько отсутствием жилья или работы, скорее неудовлетворенностью их качеством и доступностью.

Таблица 2

Динамика восприятия разных форм неравенства (2013/2024, % (14))

Неравенства	Самые болезненные для общества		Самые болезненные лично для них	
	2013	2024	2013	2024
Доходов	71,3	75,4	50,9	46,7
Жилищных условий	38,1	45	18,3	27,8
В доступе к медицинской помощи	46,9	44,6	27,1	37,5
В доступе к образованию	28,4	24,1	6,8	19,1
В досуговых возможностях	10	12,1	9,7	11,1
В доступе к хорошим рабочим местам	31,9	37,5	19,4	28,1
В возможностях для детей из разных слоев	27,1	29,7	10,6	21,3
В обладании собственностью	15,9	19	10	13
<i>Таких неравенств нет</i>	<i>4,1</i>	<i>8,4</i>	<i>24,4</i>	<i>14,1</i>

На это указывает и несколько иная динамика восприятия неравенств на индивидуальном уровне — отмечен существенный рост доли россиян, упоминающих о них, и практически вдвое снизилась доля тех, кого не беспокоили применительно лично к ним те или иные неравенства. Локализация неравенств в разных группах обретает особое значение — рост остроты разных форм неравенства на индивидуальном уровне может быть сигналом об усилении процессов поляризации и дифференциации общества. Поскольку последние исследования показывают рост значимости нематериальных и субъективных факторов в процессах дифференциации [14], рассмотрим одну из ключевых субъективных характеристик индивида, связанную с его определением своего социального статуса и выделением четырех статусных групп (15).

Итак, мнения представителей всех статусных групп о наиболее болезненных формах неравенства как для общества в целом, так и для себя лично

по большей части совпадают (Табл. 3): в тройку лидеров для общества в целом входит неравенство по доходам, жилищным условиям и в доступе к медицинской помощи; для себя лично — неравенство по доходам, в доступе к медицинской помощи и к хорошим рабочим местам (представители субъективных средних слоев и высокостатусной группы значительно чаще говорят об отсутствии беспокоящих лично их неравенств). В группах с разным субъективным статусом просматриваются разные тенденции в отношении значимых неравенств на коллективном и индивидуальном уровнях: в первом случае нарастает острота доходного и образовательного неравенства среди всех групп, поскольку образовательное неравенство иногда косвенно, а иногда и напрямую сказывается на последующей отдаче от человеческого капитала (его основа закладывается в разных группах с учетом доминирующих в них ценностей) [4]. За последнее десятилетие разного рода кризисов, адаптироваться к которым лучше удастся представителям наиболее благополучных в образовательном и профессиональном отношении групп [16], связка между образованием и доходом стала четче осознаваться в обществе. Интересно также, что рост внимания к жилищному неравенству фиксируется во всех группах, за исключением субъективных «низов», а острота неравенства в обладании собственностью, напротив, возросла во всех группах, за исключением субъективно высокостатусной. Впрочем, данный вид неравенства осознается скорее как значимый для общества, а не на индивидуальном уровне. Вероятно, это связано с большим отрывом массовых слоев от условных «верхов», которые характеризуются высокой воспроизводимостью своего состава [8].

Просматриваются и тенденции сглаживания статусных различий по некоторым осям неравенства: например, снижение с 2013 года остроты неравенства в доступе к медицинской помощи для «низов» и переходной группы и относительное увеличение значимости этого вида неравенства для тех, кто охарактеризовал свой статус как высокий, привело к схожему его восприятию в разных статусных группах. Относительно «сгладилось» и восприятие общественно значимых неравенств, связанных с доступом к хорошим рабочим местам или возможностям для детей, хотя о первом чаще упоминают представители субъективных средних слоев, а о втором — высокостатусной группы. На индивидуальном уровне динамика восприятия неравенств менее выражена. Тем не менее, «социальные низы» и переходную группу значительно чаще беспокоит ситуация с доходами и доступом к хорошим рабочим местам, значение которых для этих групп за последнее десятилетие возросло. Представители двух групп чаще отмечают в качестве болезненного для себя лично неравенство возможностей для детей из разных слоев. Кроме того, чем более благополучной индивид считает свою статусную позицию, тем выше вероятность субъективного восприятия им общества как относительно справедливого и менее болезненного лично по переживаниям существующих форм неравенства.

Таблица 3

Динамика восприятия разных форм неравенства для себя лично и для общества (2024, % (16))

Виды неравенств	«Низы»				Переходная группа				Средние слои				Высококатегорные	
	2013	2024	2013	2024	2013	2024	2013	2024	2013	2024	2013	2024	2013	2024
<i>Самые болезненные для общества в целом</i>														
Неравенство доходов	74,1	80,5	73	82,5	69,8	74,5	62,9	69						
Неравенство жилищных условий	39,8	39	31	40,3	40,5	46	37,1	50,5						
Неравенство в доступе к медицинской помощи	51,4	45,8	52	44	44,4	45,1	33,7	42,4						
Неравенство в доступе к образованию	24,7	34,3	29,6	39,2	30,3	39,2	21,3	31,3						
Неравенство в досуговых возможностях	8,5	1,3	8	3,7	10,8	7,7	16,9	6,7						
Неравенство в доступе к хорошим рабочим местам	31,8	19,5	36,2	20,5	30,8	26	25,8	22,9						
Неравенство в возможностях для детей из разных слоев общества	26,7	10,6	27	8,2	27,7	12,1	23,6	16,2						
Неравенство в обладании собственностью	16,2	32,6	15,8	28,0	15	30,3	22,5	26,3						
<i>Таких неравенств нет</i>	2,3	4,2	4,9	4,1	4,2	8,9	6,7	13,1						
<i>Самые болезненные для себя лично</i>														
Неравенство доходов	58,2	72,5	43,1	65,3	44,6	47,7	34,8	34						
Неравенство жилищных условий	29	17,4	26,4	21,6	28,4	18,9	22,5	13,1						
Неравенство в доступе к медицинской помощи	48,6	43,2	42,8	38,8	32,1	22,4	21,3	21,5						
Неравенство в доступе к образованию	15,1	15,3	21	20,5	20,5	16,2	14,6	9,1						
Неравенство в досуговых возможностях	12,5	9,3	9,5	12,3	10,9	10,7	14,6	9,1						
Неравенство в доступе к хорошим рабочим местам	26,1	43,2	33,3	38,8	27,7	22,4	19,1	21,5						
Неравенство в возможностях для детей из разных слоев общества	23	21,2	26,4	29,9	19,3	18,2	12,4	13,5						
Неравенство в обладании собственностью	11,4	7,6	12,4	6,7	14,1	10,7	12,4	11,8						
<i>Таких неравенств нет</i>	6,5	7,6	12,1	8,6	16,9	27	25,8	41,4						

Таким образом, динамика и специфика восприятия россиянами социальной справедливости и неравенств показывают довольно высокую актуальность обоих показателей для общественного сознания. Последний качественный скачок здесь произошел еще в середине 2000-х годов на фоне стремительного экономического роста, который существенно снизил остроту восприятия социальной несправедливости, и после ситуация значимым образом не менялась. Доминирование тех, кто часто испытывает чувство социальной несправедливости и отмечает ухудшения с социальной справедливостью, над теми, кому практически не свойственны эти чувства, свидетельствует о том, что запрос на значимые улучшения ситуации с социальной справедливостью и неравенством. Косвенно на это указывают и данные мониторинга Института социологии за 2017 год, согласно которым 39 % россиян считали российское общество несправедливым. Для сравнения: об эпохе СССР (при Брежневе) аналогичным образом высказывались 7 %, о периоде Ельцина — 53 %. Хотя ситуация с социальной справедливостью и неравенством не воспринимается как катастрофическая, запрос на ее улучшение сохраняется преимущественно у наименее благополучных слоев, причем не только с точки зрения уровня жизни, но и с позиции таких характеристик, как количество переживаемых проблем, восприятие социальных неравенств и субъективный социальный статус.

Социальная справедливость воспринимается в российском обществе как многокомпонентная — подразумевает стремление к равенству с точки зрения уровня жизни, нематериальных возможностей и правовых практик. По-разному преломляется понятие социальной справедливости в группах, различающихся степенью социального благополучия, возрастом и местом проживания. Наименее благополучные в материальном отношении и пожилые отдают предпочтение равенству уровня жизни, а экономически активные слои — равенству возможностей. Заметные отличия демонстрируют жители двух столиц и областных центров: для первых в приоритете равенство перед законом, для вторых — равные возможности в доступе к медицинской помощи и реализация меритократических принципов. В целом в российском общественном сознании четко выделяются две интерпретационные схемы социальной справедливости — равенство доходов и уровня жизни и равенство возможностей, которые воспроизводятся и в восприятии неравенства. Так, среди наиболее болезненных для общества в целом и для индивида упоминаются доходное неравенство и неравный доступ к медицинской помощи, хорошим рабочим местам и жилищным условиям. Неблагополучные даже с субъективной точки зрения (самооценки) группы гораздо острее воспринимают существующие неравенства, а наиболее благополучные,

напротив, чаще демонстрируют толерантность к ним. Получается, что довольно четкий запрос на улучшение ситуации локализован в разных (преимущественно склонных к полюсу неблагополучия) группах, но его содержательное наполнение меняется в зависимости от разных факторов социального неблагополучия.

Информация о финансировании

Исследование выполнено за счет средств Фонда Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) «FMUS-2024-0015. Преодоление избыточных неравенств как условие построения в России справедливого социального государства» в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук.

Примечания

- (1) Социально-экономическое положение России // URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2024.pdf>.
- (2) Конституция Российской Федерации. Глава 1 // URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>.
- (3) Исследования проводились под руководством академика РАН М.К. Горшкова.
- (4) Соответствующие коэффициенты корреляции Спирмена: 0,125 и 0,114. Все приведенные в статье коэффициенты значимы на уровне 0,01.
- (5) Соответствующие коэффициенты корреляции Спирмена: 0,211, 0,234 и 0,25.
- (6) Классификация по доходам строилась в русле относительного подхода с учетом типа поселения [17].
- (7) «Приходилось ли Вам за последний год сталкиваться со следующими проблемами?» (множественный выбор).
- (8) Соответствующие коэффициенты корреляции Спирмена: 0,157, 0,178 и 0,164.
- (9) В разные годы в вопросе фигурировала разная временная перспектива. Так, в 2006 и 2014 году предлагалось оценить динамику ситуации за время президентства В.В. Путина (в 2014 году — последнего президентства В.В. Путина), в 2018 году — за последние 5 лет, в 2024 — за последние 10 лет. Доли затруднившихся с ответом на рисунке не представлены.
- (10) Коэффициент корреляции Спирмена составил 0,346.
- (11) Фоновой заливкой отмечены показатели, превышающие средние по стране не менее чем на 5 %.
- (12) Работа правительства // URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2475>.
- (13) Социально-экономическое положение России // URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-02-2024.pdf>.
- (14) Фоном в таблице выделены показатели, которые выросли более чем на 5 % по отношению к 2013 году, жирным шрифтом — те, что снизились. Сопоставление приведено по доступным в рамках двух опросов вариантам, поскольку их список в 2024 году был шире и включал также неравенство в наличии знакомств с «нужными людьми» (19 % отметили его как болезненный для общества, 10 % — для себя лично), в физических возможностях (7 % и 2,6 %), доступности нужных мест на общественном транспорте (17 % и 9 %), Интернета и компьютера (6,5 % и 8 %).
- (15) Для выделения статусных групп использовался вопрос: «В нашем обществе есть люди, которых скорее можно отнести к верхушке общества, и люди, которых скорее можно отнести к низам общества. Куда бы Вы поместили на этой шкале самого себя в настоящее время?»: 1–3 балла — «низы», 5–7 баллов — средние слои, 8–10 — высоко-

костатусные, 4 балла — переходная группа. Границы групп устанавливались исходя из взаимосвязи позиции на «социальной лестнице» с оценками своего положения в обществе как хорошего, удовлетворительного или плохого.

- (16) Фоном выделены показатели, которые выросли по отношению к 2013 году более чем на 5%, жирным шрифтом — те, что аналогичным образом снизились.

Библиографический список

1. Горшков М.К. Социальная справедливость в массовом восприятии и ценностных ориентациях россиян // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 6.
2. Коленникова Н.Д. Воздействие пандемии на социально-психологическое самочувствие и поведение россиян // ИНАБ. Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2.
3. Коленникова Н.Д. Образы «России будущего» в представлениях граждан // Социологические исследования. 2023. № 10.
4. Константиновский Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). М., 2008.
5. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. Субъективное восприятие социального неравенства — мнение населения о социальной справедливости // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9. № 4.
6. Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. Экстремальные неравенства и социальное государство (Часть 1) // Социологические исследования. 2020. № 1.
7. Мареева С.В. Справедливое общество в представлениях россиян // Общественные науки и современность. 2013. № 5.
8. Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. Сверхбогатые в России: состав и динамика группы // Мир России. 2024. Т. 33. № 1.
9. Пациорковский В.В. Социальная справедливость — основа общественного согласия в современном обществе // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 1.
10. Пикетти Т. Общества неравенства. М., 2023.
11. Попова И.П. Социальная справедливость в научных дискуссиях 1990–2010-х годов // Мир России. 2016. Т. 25. № 3.
12. Ролз Д. Теория социальной справедливости. М., 2010.
13. Российское общество и вызовы времени. Книга 6. М., 2022.
14. Российское общество и вызовы времени. Книга 7. М., 2024.
15. Тихонова Н.Е. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 4.
16. Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль адаптации к новым условиям // Социологические исследования. 2016. № 10.
17. Тихонова Н.Е., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Аникин В.А., Каравай А.В., Слободенюк Е.Д. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения. М.; СПб., 2018.
18. Тихонова Н.Е., Мареева С.В., Аникин В.А., Лежнина Ю.П., Каравай А.В., Слободенюк Е.Д. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России. М., 2022.
19. Черныш М.Ф. Социальная справедливость и ее миражи // Мир России. 2012. № 2.

Social justice and inequality in the mirror of public opinion: Dynamics and specifics*

N.D. Kolennikova

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35, bldg. 5, Moscow, Russia, 117218

(e-mail: kolennikova-nina@mail.ru)

Abstract. The article considers the dynamics of Russians' ideas about social justice and its content, including in the context of various forms of inequality as a derivative of social injustice, based on the empirical data of the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. The author argues that the “turning point” in the perception of social justice occurred in the mid-2000s, and since then there have been no qualitative leaps. However, there is still a demand for improving the situation with social justice and reducing inequalities, since the share of Russians who often feel social injustice and see deterioration in this area over the past decade has exceeded the share of those who are optimistic and practically do not feel any social injustice. The article describes the relationship between a pessimistic perception of the situation and social justice and ill-being (not only material), noting that social justice in the Russian public consciousness is associated with two demands — for equality of income and living standards and for equality of non-material opportunities, including implementation of meritocratic principles. The first demand is more typical for the most materially disadvantaged groups and the elderly, the second — for economically active groups and the youth. These two interpretations of social justice are also reproduced in the perception of inequality, the key forms of which for Russians are income inequality and unequal access to necessary medical care, good jobs and housing conditions. Those Russians who consider their position in society to be low tend to perceive inequality more acutely, while the most advantaged groups show a rather tolerant attitude towards it. The author insists on the preservation of the request for improving the situation with social justice and reducing illegitimate inequalities, taking into account various interpretations of social justice in the Russian public consciousness. In particular, requests for reducing certain types of inequality are associated with material status and non-material well-being (including their subjective types).

Key words: Russian society; social justice; social inequality; social well-being; social status; social groups; public consciousness

Funding

The research was carried out at the expense of the Fund of the Expert Institute for Social Research (EISR) “FMUS-2024-0015 Overcoming excessive inequalities as a condition for building a just social state in Russia” at the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

*© N.D. Kolennikova, 2024

The article was submitted on 24.06.2024. The article was accepted on 14.10.2024.

References

1. Gorshkov M.K. Sotsialnaya spravedlivost v massovom vospriyatii i tsennostnyh orientatsiyah rossiyan [Social justice in Russians' mass perception and value orientations]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*. 2022; 11 (6). (In Russ.).
2. Kolennikova N.D. Vozdejstvie pandemii na sotsialno-psikhologicheskoe samochuvstvie i povedenie rossiyan [The impact of the pandemic on Russians' social-psychological well-being and behavior]. *INAB. Rossiyskoe Obshchestvo v Usloviyah Pandemii: God Spustya (opyt sotsiologicheskoy diagnostiki)*. 2021; 2. (In Russ.).
3. Kolennikova N.D. Obrazy "Rossii budushchego" v predstavleniyah grazhdan [Images of "future Russia" in representations of its citizens]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2023; 10. (In Russ.).
4. Konstantinovskiy D.L. *Neravenstvo i obrazovanie. Opyt sotsiologicheskikh issledovaniy zhiznennogo starta rossiyskoy molodezhi (1960-e gody — nachalo 2000-h)* [Inequality and Education. A Sociological Study of the Life Starts of the Russian Youth (1960s — Early 2000s)]. Moscow; 2008. (In Russ.).
5. Korchagina I.I., Prokofieva L.M. Sub`ektivnoe vospriyatie sotsialnogo neravenstva — mnenie naseleniya o sotsialnoj spravedlivosti [Subjective perception of social inequality — public opinion about social justice]. *Demograficheskoe Obozrenie*. 2022; 9 (4). (In Russ.).
6. Lapin N.I., Ilyin V.A., Morev M.V. Ekstremalnye neravenstva i sotsialnoe gosudarstvo (Chast 1) [Extreme inequalities and the social state (Part 1)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 1. (In Russ.).
7. Mareeva S.V. Spravedlivoe obshchestvo v predstavleniyah rossiyan [Russians; perception of social justice and inequalities]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 2013; 5. (In Russ.).
8. Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D. Sverhbogatye v Rossii: sostav i dinamika gruppy [Super-Rich in Russia: Composition and dynamics of the group]. *Mir Rossii*. 2024; 33 (1). (In Russ.).
9. Patsiorkovskiy V.V. Sotsialnaya spravedlivost — osnova obshchestvennogo soglasiya v sovremennom obshchestve [Social justice — the basis of social consensus in the contemporary society]. *Narodonaselenie*. 2021; 24 (1). (In Russ.).
10. Piketti T. *Obshchestva neravenstva [Capital and Ideology]*. Moscow; 2023. (In Russ.).
11. Popova I.P. Sotsialnaya spravedlivost v nauchnykh diskussiyah 1990–2010-h godov [Social justice in the scientific discussions of the 1990–2010s]. *Mir Rossii*. 2016; 25 (3). (In Russ.).
12. Rawls J. *Teoriya sotsialnoj spravedlivosti [A Theory of Justice]*. Moscow; 2010. (In Russ.).
13. *Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga 6* [Russian Society and Challenges of the Time. Book 6]. Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow; 2022. (In Russ.).
14. *Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga 7* [Russian Society and Challenges of the Time. Book 7]. Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow; 2024. (In Russ.).
15. Tikhonova N.E. Faktory zhiznennogo uspekha i sotsialnogo statusa v soznanii rossiyan [Factors of life success and social status in Russians' perception]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2018; 9 (4). (In Russ.).
16. Tikhonova N.E., Karavay A.V. Resursy rossiyan v usloviyah krizisa: dinamika i rol adaptatsii k novym usloviyam [Russians' resources under crisis: Dynamics and role in adaptation to new conditions]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016; 10. (In Russ.).
17. Tikhonova N.E., Lezhnina Yu.P., Mareeva S.V., Anikin V.A., Karavay A.V., Slobodenyuk E.D. *Model dokhodnoj stratifikatsii rossiyskogo obshchestva: dinamika, faktory, mezhranovye sravneniya* [Income Stratification Model for the Russian Society: Dynamics, Factors, Cross-Country Comparison]. Moscow; Saint Petersburg; 2018. (In Russ.).
18. Tikhonova N.E., Mareeva S.V., Anikin V.A., Lezhnina Yu.P., Karavay A.V., Slobodenyuk E.D. *Obshchestvo neravnykh vozmozhnostej: sotsialnaya struktura sovremennoj Rossii* [Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Contemporary Russia]. Moscow; 2022. (In Russ.).
19. Chernysh M.F. Sotsialnaya spravedlivost i ee mirazhi [Social justice and its mirages]. *Mir Rossii*. 2021; 21 (2). (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-992-1012

EDN: PZRMGK

Взросление детей с разным уровнем здоровья: социологический анализ событийности*

С.Н. Майорова-Щеглова¹, О.В. Бессчетнова^{2,3}, А.Ю. Губанова⁴

¹Московский государственный психолого-педагогический университет,
ул. Сретенка, 29, Москва, 127051, Россия

²Государственный университет управления,
Рязанский просп., 99, Москва, 109542, Россия

³Российский национальный исследовательский медицинский университет
имени Н.И. Пирогова,
ул. Островитянова, 1, Москва, 117513, Россия

⁴Российское общество социологов,
ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия

(e-mail: sheglova-s@yandex.ru; besschetnovaov@mgupp.ru; alexandra.gubanova@gmail.com)

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена требованиями научного осмысления и интерпретации особенностей взросления социально ювенальных групп с разным уровнем здоровья. Современные тенденции распространения идей универсального дизайна социальной инклюзии и постепенной смены медицинской модели на социальную в решении проблем лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) стимулировали изучение влияния уровня здоровья на социализацию российских детей и подростков. Оригинальность авторского подхода состоит в том, что, в отличие от большинства проектов, исследование ориентируется на субъектность ребенка, изучаются мнения представителей ювенальной группы о детстве и здоровье. Цель статьи — выявление специфики детских событийных траекторий у лиц с нарушениями здоровья и без них. Были проанализированы данные опроса молодежи о детстве и произведен поиск ответов на следующие исследовательские вопросы: зависимость доли имеющих проблемы со здоровьем в детстве от социально-демографических характеристик; ограничения в прохождении некоторых эпизодов стандартной событийности респондентами с ОВЗ в конкретный период детства; различия в возрасте проживания знаковых личностных событий; влияние фактора здоровья на самоопределение в этот период жизни и его характеристику как счастливого. В исследовании использовался биографически-событийный анализ с уточнением возможностей и ограничений онлайн-опроса респондентов 17–23 лет, проведенного в 2023 году в 8 федеральных округах (N=1210). Сравнительный анализ двух групп показал отличия ситуаций по ряду параметров, что доказывает ограничения или особенности детства респондентов с ОВЗ: более раннее субъективное ощущение окончания детства; интенсивная выработка навыков самообслуживания, успешность медицинской социализации; освоение практик эмпатии, взаимопомощи и ответственности. Дети с ОВЗ не отстают от здо-

*© Майорова-Щеглова С.Н., Бессчетнова О.В., Губанова А.Ю., 2024

Статья поступила в редакцию 23.07.2024. Статья принята к публикации 15.11.2024.

ровых сверстников в интернет-практиках и даже демонстрируют развитие дополнительных навыков и компетенций (например, чаще имеют интернет-друзей). В то же время подтверждается тезис о запаздывании у детей с ОВЗ самостоятельного освоения географических, образовательных и культурных пространств. Неравномерный опыт освоения событий детства в процессе взросления влияет на социальную компетентность и, вероятно, этим можно объяснить более низкую самооценку благополучия в период детства.

Ключевые слова: дети; взросление; молодежь; здоровье; события детства; дети с ограниченными возможностями здоровья; социальная субъектность

Процесс взросления — важный этап жизненного пути и объект изучения в психологии, социологии, культурологии, антропологии и целом ряде других наук, каждая из которых рассматривает его со своих позиций, используя собственные методы сбора и анализа эмпирических данных. До сих пор в социологии нет единого понимания, что является доминирующим в этом процессе. По мнению Б. Колера, взросление связано с историческими событиями, временем и местом, а не с биографией [27; 29]. Если взросление рассматривается как интерпретативное и активное взаимодействие с доминирующими, коллективно разделяемыми нарративами взрослости, то оно ассоциируется с нормативными ролями и ожиданиями, которые создают определенные формы воспроизводства моделей жизни и неравенства [29]. В других случаях подчеркивается, что взросление превращает индивида в социального актора, способного сформировать устойчивый способ интерпретации окружающих событий и принятия решений [16]. Исходя из этой позиции, взросление определяют через сочетание микро- (личные возможности, навыки, выборы) и макро- (политические, социокультурные, структурные) факторы, которые непосредственным образом оказывают влияние на жизненный путь индивида, поколения или когорты.

Особенности взросления социально ювенальных групп с разным уровнем здоровья требуют дополнительного научного осмысления в связи со сменой парадигм в обществе — распространением идеи и универсального дизайна социальной инклюзии, постепенной сменой медицинской модели на социальную в решении проблем лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее — ОВЗ), преодолением стереотипов мышления и стигматизации, порождая вопросы о влиянии здоровья на социализационные процессы детей и подростков. Доказательный подход требует совмещения в эмпирических исследованиях социокультурной теории нетипичности (Е.Р. Ярская-Смирнова [24]), теории стигматизации (Г. Беккер, И. Гофман [26; 28]), теории дискриминируемого меньшинства (М. Оливер, Т. Шекспир [36; 37]) и теории девальвации (В. Вольфенсбергер [39]). Особое значение обретает и изучение влияния урбанизма и доступности городской среды на вхождение ювенальных групп с инвалидностью и ОВЗ в социум (Э.К. Наберушкина [13]).

Сегодня в научной литературе широко используются понятия «инвалид» (лица с инвалидностью) и лица с ограниченными возможностями

здоровья. Несмотря на то, что оба понятия описывают те или иные ограничения здоровья (физические или ментальные), они не тождественны и не могут употребляться как синонимы. С юридической точки зрения «ребенок-инвалид» — это социальный статус, который присваивается решением медико-социальной экспертизы на основе медицинского заключения о состоянии здоровья, перенесенных заболеваниях, полученных травмах и предусматривает выполнение индивидуальной программы реабилитации для улучшения или стабилизации функций организма. Наличие социального статуса обуславливает получение пенсии по инвалидности, а также предусмотренных для данной категории граждан социальных льгот. Термин «ограниченные возможности здоровья» (ОВЗ) шире, он предполагает, что ребенок имеет в результате медицинских обстоятельств ограничение жизнедеятельности и потерю социальных ориентиров, что потребовало создание специальных условий для обучения и взросления. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ признает препятствия для получения образования и необходимость создания специальных условий для обучающихся с ОВЗ. В качестве ограничений могут выступать нарушения речи, слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата, расстройства аутистического спектра, задержка психического и психоречевого развития, умственная отсталость и др. (статья 79).

Особое внимание ученые обращают на связь между показателями ограничения здоровья (физическими и ментальными) и включения детей с ОВЗ в социум, указывая на замедление их социализации в связи с проблемами со здоровьем. Так, приобретенные в юном возрасте заболевания ведут к неравномерности социализационных процессов по скорости и объему вследствие статуса «больного» [6], что объясняется установками и деятельностью ближайшего социального окружения (родители, родственники, педагоги), которые накладывают ограничения на передвижение, обучение, трудоустройство, круг друзей и знакомых, стремление к самостоятельной жизни в ущерб типичным социализационным траекториям. Г.В. Жигунова [7] рассматривает проблемы лиц с ОВЗ через совокупность институциональных факторов социальной зависимости и вынужденной изоляции, видя пути их преодоления в создании учреждений и институтов образования, интеллектуального развития, спорта, творчества, досуга и коммуникации со сверстниками: дети с нарушениями здоровья имеют те же потребности, что и их нормотипичные сверстники, однако фокус их социализации смещается взрослыми на лечение и реабилитацию, оставляя на периферии те важные процессы, которые оказывают непосредственное влияние на их самосознание и личную идентичность.

И здесь возникает, помимо основного вопроса о сложности признания лиц с ОВЗ полноценными субъектами социальной жизни, вопрос о субъектности ребенка. Под социальной субъектностью лиц с нарушениями здоровья понимается «способность осуществлять сознательный, самосто-

ятельный выбор в поле социальных отношений и выстраивать ценностное отношение к важнейшим сторонам общественной жизни» [5. С. 2]. Иными словами, с одной стороны, лица с ОВЗ обладают социальной субъектностью как совокупностью социально-психологических качеств личности, позволяющих им осуществлять осознанный выбор жизненных стратегий и моделей взаимодействия со средой на основе усвоенной нормативно-ценностной картины мира. С другой стороны, социальная субъектность проявляется как способность и возможность выступать в качестве полноценного субъекта общественных отношений, позволяя определять направленность и задавать вектор социальной активности с учетом преодоления социокультурных, структурных и институциональных барьеров, а также ограничений, связанных со здоровьем. Присвоение социальной субъектности происходит в ходе социализации — становления деятельности, взаимодействий и общения, а также самосознания личности. Так считают исследователи, развивая теории субъектности детей и подростков в сфере здравоохранения [2; 3; 33; 35], инклюзивного общего и дополнительного образования [21; 23].

В этой связи представляется крайне важным включение в научный анализ в качестве социальных детерминант позиций и действий детей и подростков, имеющих проблемы со здоровьем. Несмотря на обилие работ о разных аспектах жизнедеятельности детей и молодых людей с ОВЗ, большая их часть ориентирована на выявление специфики социализации в детстве. К сожалению, пока не определены те реперные точки в детских биографиях, где фиксируются различия. Мы предлагаем использовать биографическо-событийный анализ детства, признавая важным разнообразие специфических ситуаций, случаев и практик для процесса взросления и выстраивания жизненных траекторий в дальнейшей жизни. Помимо освоения этих практик возраст их начала и масштабы распространения/ограничения показывают дополнительные черты современного взросления, позволяя оценить качество жизни детей и их уровень подготовки ко взрослой жизни.

Цель исследования — выявление специфики событийных траекторий детей на основе описания ситуаций, доказывающих ограничения или особенности детства у лиц с нарушениями здоровья. При анализе эмпирических данных были сформулированы следующие исследовательские вопросы/задачи: зависит ли доля имеющих серьезные проблемы со здоровьем в детстве от социально-демографических характеристик, в частности, от состава и материального положения семьи? Действительно ли молодые люди с ОВЗ в конкретный период детства фиксируют ограничения в переживании некоторых эпизодов, ситуаций стандартной событийности? Одновременно ли происходят знаковые личностные события у нормотипичных детей и детей с ОВЗ? Имеются ли доказательства отставания или, напротив, опережения во времени в каких-либо событиях? Влияет ли фактор здоровья на самоопределе-

ние молодежи и самоощущение возраста перехода от детства к взрослости? Можно ли говорить об инфантилизации или о более раннем взрослении конкретной социально-демографической группы?

Была разработана онлайн-анкета: было размещено открытое приглашение ее заполнить в социальных сетях, а также приглашения в образовательных учреждениях (поскольку молодежь 17–23 учится и характеризуется высоким уровнем активности в информационном пространстве). Выборка неслучайная потоковая, при помощи двух процедур отсева массив был скорректирован — в него вошли только представители молодежи определенного возраста, которые провели детство во всех восьми территориально-административных округах. Дополнительная корректировка массива была проведена на основе контрольной перепроверки — исключения анкет с неправдивой информацией (одинаковый возраст в большинстве событий, указание на невладение навыками работы в Интернете, хотя заполнялась электронная анкета). После ремонта выборки для анализа использовались 1210 анкет, около 80 % из них заполнили студенты высшей школы, 12,6 % — обучающиеся системы специального профессионального образования (СПО), остальные — работающая или безработная молодежь. 1/5 часть провела свое детство в городах-миллионниках, чуть более 30 % — в малых и средних городах, у двух близких по объему групп (по четверти опрошенных) детский период прошел в сельской местности и в крупных городах. Большинство оценили уровень дохода своих родительских семей как средний, около 15 % — как высокий, 28 % — как низкий; в полных семьях хотя бы часть своего детства провели 3/4 респондентов.

Потоковая выборка по биографическим данным всегда имеет ряд особенностей, поскольку у женщин лучше развита нарративная память и они готовы делиться воспоминаниями открыто и подробно. Поэтому гендерный перекос в пользу анкет молодых женщин воспринимается, с одной стороны, как закономерный, с другой стороны, ставит задачу дополнительного вычленения гендерных различий [15].

В анкете, после основных социально-демографических данных, располагалась просьба отметить, в каком возрасте происходило впервые какое-то событие детства из 100 предложенных вариантов (Табл. 1), т.е. возможный вариант ответа по любому эпизоду был ограничен промежутком от 3 до 18 лет. Далее рассчитывался средний возраст прохождения каждого из событий (до десятых значений), проводилось сравнение по медиане и по децилям. Сравнение в подгруппах по социально-демографическим и иным социальным характеристикам проводилось, если они были сопоставимы по объему, достаточно наполнены содержательными ответами (более 75 %), а при оценке распределения ответов не обнаруживалась концентрация экстремально низких или высоких значений [см. подробнее в: 9].

Пример инструкции по заполнению анкеты

Сообщите, пожалуйста, с какого возраста с Вами происходили указанные ниже события. Если Вы сомневаетесь отметить точно (например, что-то, как Вам вспоминается, началось с 6–7 лет), то выберите, пожалуйста, более старший возраст (отметьте 7). Если какого-то события не было, то отметьте последний пункт — не произошло

Примеры вопросов:

Я впервые влюбился/влюбилась в возрасте:

3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	Не произошло
---	---	---	---	---	---	---	----	----	----	----	----	----	----	----	----	--------------

Я попробовал (а) спиртное в возрасте:

3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	Не произошло
---	---	---	---	---	---	---	----	----	----	----	----	----	----	----	----	--------------

Я впервые участвовал (а) в вечеринке без взрослых: в возрасте:

3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	Не произошло
---	---	---	---	---	---	---	----	----	----	----	----	----	----	----	----	--------------

Крайне важным было решение, что считать значимой разницей в среднем возрасте прохождения событий при сопоставлении подгрупп. Мы ориентировались на данные возрастной психологии, которая считает полгода значимой разницей в освоении некоторых психических функций ребенком, например, при определении готовности к школе, установлении границ пубертатного созревания [22; 24]. В изучении некоторых феноменов детского периода ученые рассматривают и минимальные различия в один месяц [37]. Учитывая сложившуюся практику, мы фиксировали в качестве интервала 0,3 года, считая значимой разницу в 0,5 года и более.

Помимо социально-демографического блока в анкету был включен вопрос о наличии в детстве серьезных проблем со здоровьем. Выбранная методика событийности имеет свои преимущества для изучения детства с ОВЗ ввиду своей латентности, поскольку в анкетах не делался акцент на различиях с нормотипичными детьми. Сложности сравнения видятся в том, что сам по себе событийный ряд является слабо исследуемым аспектом, и пока мы не имеем достаточно данных, чтобы судить о некоторой стандартной, нормативной модели проживания значимых небиографических событий. Все представляемые данные сопоставлялись только между группами нормотипичной молодежи и респондентов с ОВЗ в детстве, исключив группу тех, кто не помнит или по какой-то причине не захотел об этом сообщить (11 %; 15 % имели проблемы со здоровьем в детстве; 74 % — нет).

Исходя из первого исследовательского вопроса, мы попытались выявить долю молодых людей с ОВЗ, обращая внимание на некоторые социально-демографические характеристики — различия по составу и социально-экономическому положению семьи, роду занятий на момент опроса. Установлено, что в детстве респонденты с ОВЗ реже проживали в полных семьях, в неполных материнских — четверть (Рис. 1). Современные россий-

ские и зарубежные исследователи отмечают риски распада семьи при рождении ребенка с ОВЗ. Среди основных причин: трудности принятия одним из родителей (как правило, отцом) сложившейся ситуации, невозможность адаптации к новым жизненным обстоятельствам; повышенная концентрация матери на потребностях больного ребенка при одновременно высоком уровне психо-эмоциональной и физической нагрузки, стигматизации и/или самостигматизации, тревожности, чувства вины (что приводит к дисгармонии супружеских отношений, ослаблению интеракций и коммуникаций) [18]. Неполные семьи, в которых воспитываются дети с особенностями развития, составляли от 30 % до 40 % [1]. Мы получили меньшую долю неполных семей, что может быть объяснено процедурой исследования: в выборку онлайн-анкетирования не могли попасть молодые люди с тяжелыми нарушениями и ментальными особенностями.

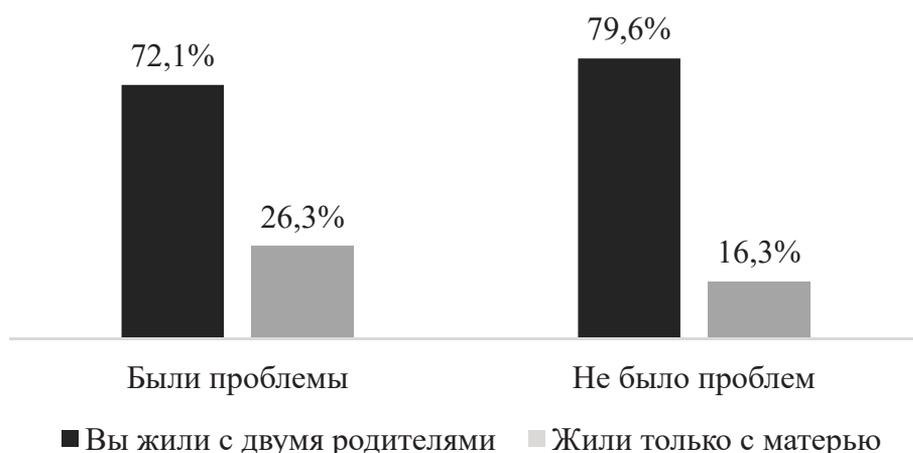

Рис. 1. Полная/неполная семья и наличие у ребенка проблем со здоровьем в детстве, %

К особенностям семей с детьми с ОВЗ отнесем также развод родителей в более раннем возрасте (средний возраст пережитого развода — 8,2 года, у нормотипичных ровесников — 8,9), что, вероятно, служит дополнительным доказательством, что отношения супругов с больными детьми подвергаются большему риску, результатом часто становится уход отца из семьи. Кроме того, была выявлена зависимость наличия проблем со здоровьем и материально-экономического состояния родительской семьи (Рис. 3), поскольку лечение ребенка — дополнительное бремя для семейного бюджета: большинство респондентов с ОВЗ живут в семьях с низким и средним доходом. Так, доля прожиточного минимума ребенка-инвалида, покрываемая ежемесячным пособием, составляет не более 30 % необходимых затрат; возможно, семья не в состоянии обеспечить лечение, реабилитацию, развитие и образование ребенка в силу того, что отец часто оставляет семью, а мать не может работать, так как осуществляет уход и присмотр за ребенком [17. С. 66].

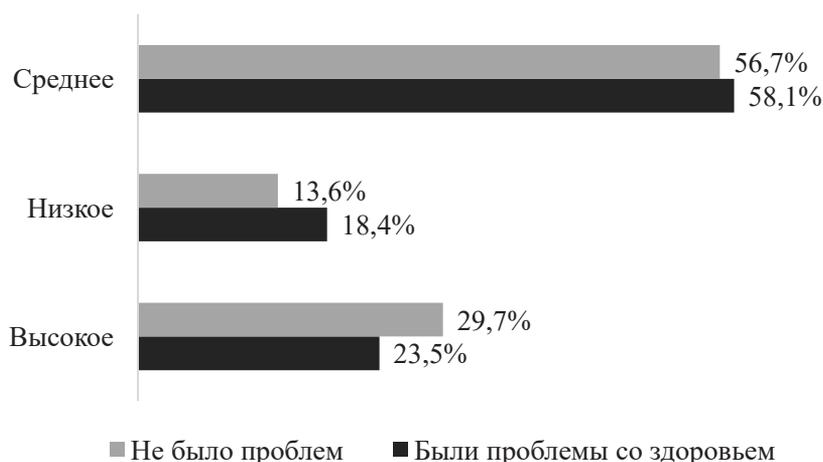

Рис. 2. Материально-экономическое положение семьи и наличие проблем со здоровьем в детстве, %

Проблемы со здоровьем ограничивают возможности в получении образования, «снижая» его уровень и качество: среди студентов высшей школы респондентов с ОВЗ меньше, но больше среди обучающихся в системе СПО (Табл. 2).

Таблица 2

**Вид деятельности в настоящее время
и наличие проблем со здоровьем в детстве, %**

Вид деятельности сейчас	Были проблемы со здоровьем	Проблем не было
Выполнение домашних обязанностей (например, молодая мама, уход за родственниками)	0,6	0,8
Обучение краткосрочное (курсы, тренинги, переобучение, повышение квалификации)	4,5	2,1
Работа	5	3,7
Обучение в СПО	13,4	11,9
Обучение в ВУЗе	76	81,3

Следующим шагом было вычленение из всей совокупности ключевых групп событий взросления, влияющих на успешное протекание социализации в детстве или на отклонение от некоторой распространенной модели. Ниже последовательно изложены краткие результаты анализа по группам событий, связанных с самостоятельностью в семье, заботой о здоровье, включением в сообщество ровесников, освоением информационно-коммуникационных технологий, мобильностью и т.д. Средний возраст событий показал, что две трети ситуаций происходили в сравниваемых группах в одно время.

Внутри семьи респонденты с ОВЗ в детстве были окружены большим уходом, заботой и контролем, что приводит в некоторых случаях к более поздней самостоятельности: стали самостоятельно выбирать, в каком кружке, секции, клубе заниматься в 9,8 лет, в то время как нормотипичные сверстники — в 9,3 года; их мнение стало учитываться при покупке одежды в 10,2 года, у второй группы — уже в 9,4 года. Через освоение некоторых ситуаций у групп респондентов с ОВЗ стимулируется вид социализации, которая может быть, по нашему мнению, названа медицинской. Это процесс усвоения совокупности присущих социальной роли пациента норм, ценностей, символов, моделей поведения, формирование представлений о диагностике, лечении и профилактике заболеваний, функционале медицинских работников, правилах и стандартах, принятых в амбулаторно-поликлинических, стационарных организациях и на дому. Дети с ОВЗ, интегрируя их в структуру личности под влиянием значимых социальных факторов, адаптируют свое поведение и деятельность к состоянию здоровья.

Условно здоровые дети и дети с ОВЗ имеют несколько различные жизненные траектории, отличающиеся насыщенностью, частотой и концентрацией событий, глубиной погружения в сферу здоровьесбережения (Табл. 3). Опыт взаимодействия здоровых детей с системой здравоохранения чаще всего ограничивается плановыми или эпизодическими (при возникновении заболевания) посещениями врача и прививочных кабинетов, редкими либо единичными случаями пребывания в медицинском стационаре (при необходимости оперативного вмешательства, инфекционном заболевании, сложных травмах и пр.), которые не оказывают существенного влияния на самооценку, ценности, установки и цели нормотипичных респондентов.

Таблица 3

**Средний возраст начала событий медицинской социализации
и наличие проблем со здоровьем в детстве, лет**

Событие	Были проблемы со здоровьем	Проблем не было
Самостоятельное пребывание дома при болезни	11,5	12,1
Самостоятельное лечение дома, прием лекарств, выполнение лечебных процедур по рекомендации врача, родителей	12,6	13,4
Самостоятельное посещение врача, медицинских учреждений без родителей	14,4	14,9

Вместе с тем дети с ОВЗ могут иметь более широкий спектр теоретических знаний и практических навыков, касающихся конкретного заболевания, его симптомов, лечения, профилактики, по сравнению с более здоровыми респондентами, поскольку значительно чаще сталкиваются со сферой здраво-

охранения, проходя лечение как амбулаторно, так и в стационаре, пребывая там длительное время, постепенно привыкая и самостоятельно адаптируясь к условиям медицинской организации, ее распорядку дня, требованиям и правилам, расписанию обходов и процедур, находя друзей и социализируясь под влиянием специфических обстоятельств. Они постигают новый опыт, опережая своих сверстников в знаниях о медицинской сфере, которые, однако, не являются «обязательными», характерным для большинства детей или усваиваются уже во взрослом возрасте. Респонденты с проблемами здоровья в детстве прошли через события манипуляций с телом также в среднем раньше, более чем на полгода, чем представители другой группы (сделали себе пирсинг в 14 лет против 14,7, впервые пошли к косметологу/дерматологу/другому специалисту для коррекции внешности в 14,2 года против 15). Нахождение в одиночку дома при болезни стимулирует и развитие навыков самообслуживания: респонденты с ОВЗ раньше научились готовить еду себе, а потом и другим (средний возраст 12,1 против 12,7). В некоторых случаях у них ранее чем на полгода происходило освоение практик эмпатии, взаимопомощи, ответственности (Табл. 4). Мы также зафиксировали значимую разницу в возрасте дебюта обращения к специалистам психологической поддержки: у нормотипичных респондентов — 14,8 лет, в группа с ОВЗ — на целый год раньше, в 13,8 года.

Таблица 4

Средний возраст начала событий эмпатии и ответственности и наличие проблем со здоровьем в детстве, лет

Событие	Были проблемы со здоровьем	Проблем не было
Получение ответственного задания (например, стал (а) старостой класса, ведущим мероприятия и т.д.)	11,1	11,7
Участие в волонтерском проекте (помогал (а), организовывал (а) что-то без денег, от души)	13,6	14,1

Эмпирические данные свидетельствуют, что, несмотря на ограничения, у имевших проблемы со здоровьем в детстве не наблюдается отставания в прохождении ряда событий взросления в сообществе ровесников. В ряде случаев фиксируется опережение в освоении некоторых практик, например, при контактах в компаниях сверстников, включении в субкультурный контекст, апробировании «недетских сфер» (Табл. 5). Одно из возможных объяснений состоит в том, что дети с ОВЗ испытывают особую потребность в общении с ровесниками, что мотивирует их на преодоление комплексов и стимулирует компенсировать некоторые пробелы коммуникации. Вероятно, участие респондентов с ОВЗ в такого рода событиях выступает как технология изменения позиции «исключенных».

**Средний возраст начала событий и наличие проблем со здоровьем
в детстве, лет**

Событие	Были проблемы со здоровьем	Проблем не было
Первая влюбленность	11,9	12,4
Проба спиртного	13,7	14,4
Первое участие в вечеринке без взрослых	14,1	14,6
Прогулки ночью с друзьями, любимым/любимой	15,1	15,7

В исследованиях последнего десятилетия уделяется особое внимание особенностям использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в работе с детьми с ОВЗ. В частности, были выделены специфические интернет-риски [4; 30; 32] и сделан вывод, что данная социальная группа в большей степени склонна к проявлению «ролевой виктимности» и игровой зависимости, в том числе в связи с проблемой понимания и управления личным временем. Однако большинство отечественных и зарубежных исследований вновь опираются на данные опросов родителей и профессионалов [4; 11; 25; 38], заметно реже учитывая мнение детей и молодежи. Результаты нашего исследования показывают, что наличие или отсутствие проблем со здоровьем оказывает разновекторное влияние на событийность в сфере ИКТ: не наблюдается серьезных различий между группами в предоставлении родителями технологических устройств (телефонов, планшетов и др.) — эти вещи стали реальными атрибутами поколения, их имели почти 100 % опрошенных (от 95 % до 99 %) независимо от наличия/отсутствия проблем со здоровьем. Однако все гаджеты дети с ОВЗ получают немного раньше: так, возраст появления первого мобильного телефона отличается менее чем на 0,3 года — у детей без проблем со здоровьем он появлялся в 8,6 лет, у детей с проблемами — в 8,9 лет; планшет с доступом в Интернет также появляется почти одновременно (10,2 и 10,6 лет соответственно); чуть раньше первый компьютер, ноутбук появлялся у тех, кто не имел проблем со здоровьем (12,1 и 12,4 года), однако в обоих случаях после окончания начальной школы.

Что касается ИКТ-навыков у сравниваемых групп, то раньше всего дети начинают играть в компьютерные игры (9 лет), а уже затем смотреть мультфильмы, фильмы, ролики. Для данных практик средний возраст начала немного ниже у тех, кто заявляет об отсутствии проблем со здоровьем в детстве. Тенденция к минимальным отклонениям сохраняется: отличия в первом опыте игр на компьютере составляют 0,2 года (9,2 и 9 лет соответственно), в просмотре видео на электронном носителе — 0,3 (9 и 8,7 лет). Отметим, что опыт первой онлайн-покупки у обеих групп произошел достаточно рано — в 8,9 лет у тех, кто заявил о наличии проблем со здоровьем в детстве, и в 8,6 у тех, у кого

проблем не было. Первый опыт самостоятельного поиска информации связан с появлением мобильного телефона и планшета — соответственно в 10,9 и 10,8 лет. И в данном случае отличие в среднем возрасте появления интернет-аккаунта минимально — 10,8 и 10,6 лет. Фотографии с друзьями появляются у обеих групп после 10 лет, но у тех, кто имел проблемы со здоровьем, чуть позже (10,5 против 10,1). Онлайн-испытания те, у кого были проблемы со здоровьем, начинали проходить чуть позже (13,1 против 12,9 лет). Также в 13 лет обе группы начинали вести блоги, каналы в Интернете (13,3 против 13,1).

Самый значительный разрыв между группами наблюдается в вопросе о фотографиях с друзьями — больше респондентов, имевших проблемы со здоровьем в детстве, указали, что у них таких фотографий в сети нет (7 % против 3 %). Возможно, дети с некоторыми нозологиями не склонны фиксировать визуально свои контакты. Друзья по Интернету появились у обеих групп одновременно — в 12,9 лет, но почти треть респондентов, имевших проблемы со здоровьем в детстве, заявили об отсутствии интернет-друзей (29 % против 37 % нормотипичных ровесников). Вероятно, онлайн-общение более значимо для молодых людей с ОВЗ, что мотивирует их на поиск друзей в сети (71 % против 62 % среди нормотипичных детей) (Табл. 6).

Таблица 6

Значимые события в ИКТ сфере и наличие/отсутствие проблем со здоровьем в детстве

Событие	Произошло, %		Средний возраст, лет	
	Были проблемы со здоровьем	Проблем не было	Были проблемы со здоровьем	Проблем не было
<i>ИКТ-навыки</i>				
Занятия на онлайн-курсах	68,2%	63,2%	15,2	15,8
Просмотр на электронном носителе мультимедиа, фильмов, роликов	97,2%	96,8%	9	8,7
<i>Самостоятельные практики в информационном пространстве</i>				
Появление фотографий с друзьями	92,7%	97,1%	10,5	10,1
Появление интернет-друзей	70,9%	62,3%	12,9	12,9

Таким образом, сравнивая поведение детей в сфере ИКТ, можно сделать вывод, что это поколение проходит «цифровую социализацию». Абсолютное большинство, независимо от состояния здоровья, заводит аккаунт в сети (99 %) и более половины пробует вести свою страницу или даже канал/блог. В обеих группах наблюдается идентичная событийность (последовательность событий) в освоении и использовании ИКТ, отсутствие значимых (более полугода) опережений или отставаний по среднему возрасту событий. Исключения составляют дебюты обучения на онлайн-курсах: у респондентов

с ОВЗ по сравнению с нормотипичными ровесниками это событие произошло на полгода раньше (15,2 против 15,8 лет), но это единственное интернет-событие, произошедшее на полгода раньше у группы тех, у кого были проблемы со здоровьем. Однако необходимо учитывать историко-социальный контекст: опрошенные в 2023 году 18-летние респонденты учились в школе во время пандемии 2020–2021 годов, что оказало влияние на их повседневные практики и на общий процесс взросления, однако дистантные формы обучения в большей степени затронули детей с ОВЗ.

В научной литературе довольно часто в объяснении эксклюзии группы с ОВЗ упоминаются серьезные ограничения мобильности [14], а детская мобильность играет важную роль в развитии и становлении личности, с одной стороны, предоставляя больше возможностей для осуществления проб новых общений, игр, фантазий, получения новых компетенций в освоении городского ландшафта и правил социума, а, с другой стороны, формируя самостоятельность и независимость [3; 10]. Данные нашего исследования показывают, что более половины событий из предложенного списка, связанных с мобильностью, осваивались информантами с ОВЗ с отставанием, хотя и незначительным, например, практически одновременно — в 8 с небольшим лет — дети начинали гулять во дворе, без сопровождения взрослых посетили библиотеку, в 10 лет впервые осуществили самостоятельные поездки по населенному пункту, городу (в школу, к бабушке и т.д.), и наблюдается отставание в 0,3 и более года в дебютах самостоятельных поездок в другой населенный пункт и за границу, посещения театра (Табл. 7).

Таблица 7

Значимые события мобильности и наличие проблем со здоровьем в детстве, сравнение по среднему возрасту, лет

События	Были проблемы со здоровьем	Проблем не было
Первые поездки за границу с семьей, родителями или родственниками	8,9	8,6
Посещение театра	10	9,6
Первые поход или экскурсия с группой (одноклассников, друзей, каким-либо коллективом и т.п.) без родителей	10,6	10,3
Поездка в лагерь, центр на каникулах без родителей	10,9	10,6
Поход за грибами, на рыбалку, охоту без родителей	12,4	13,1
Самостоятельное вождение небольшого транспортного средства (мотоцикла, скутера, моторной лодки и т.п.)	13,6	14,4
Поездка за границу самостоятельно или с группой ровесников	14,4	13,8

Интересен тот парадоксальный факт, что информанты с ОВЗ могут демонстрировать опережение в «индивидуальном» освоении удаленных локаций, требующих ориентации в городском/сельском пространстве, построении логистических маршрутов в лесу, для рыбалки или охоты за пределами населенного пункта. Вероятно, сдерживание мобильности не во всех случаях обусловлено нозологией заболевания, а зависит от многих факторов: объективных (органических или ментальных ограничений) и субъективных (барьеры взрослых, собственные страхи, некомпетентность).

Мы предложили респондентам в анкете дать обобщающую ретроспективную оценку детского периода своей жизни (Рис. 3). Данные свидетельствуют, что отсутствие в детстве серьезных проблем со здоровьем тесно связано с ощущением детского периода как счастливого (среди респондентов с ОВЗ таких меньше на 10%), высок и коэффициент связи по сравнению с иными выявленными зависимостями между оценками детства как счастливого и социально-демографическими характеристиками.

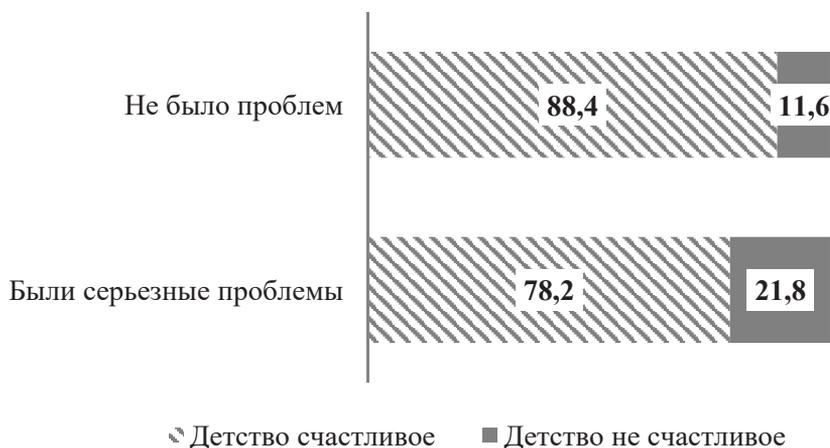

Рис. 3. Взаимосвязь оценки детства как счастливого/несчастливого и наличия проблем со здоровьем в детстве, %

Противоречиво, на первый взгляд, выглядит то, что молодежь с ОВЗ назвала более раннюю субъективную границу окончания детства — 13,6 года (против 14,4), и это не может быть объяснено общепринятым мнением, что дети, пережившие болезнь, взрослеют раньше. Мы полагаем, что это закономерный результат дополнительного социального опыта, овладения компетенциями в опережающих ситуациях взаимодействия с разновозрастными детьми в медицинских организациях, со специалистами в больницах, реабилитационных учреждениях и НКО, а также формирования дополнительной ответственности за свое самосохранительное поведение.

Полученные результаты подтверждают значимость исследования событийности молодежи с ОВЗ в период детства для понимания особенностей социального конструирования исключения людей с разным уровнем здоровья. Помимо физических и психических особенностей детей с ОВЗ, (не) доступности физического пространства, неготовности общества принимать и поддерживать особых детей прослеживается специфика усвоения и интериоризации социального опыта, практик и навыков, но мы не можем утверждать, что эта специфика линейно влечет лишь замедление процессов адаптации и интеграции в систему общественных отношений. Респонденты, имеющие проблемы со здоровьем, чаще проживают в неполных и низкодоходных семьях, чей уровень благосостояния не позволяет получить дорогостоящие медицинские услуги по их лечению и реабилитации. Несмотря на развитие идей инклюзивного образования, молодежь с ОВЗ реже поступает в вузы, чаще выбирая систему СПО. Событийные практики молодых людей с ОВЗ в большинстве случаев существенно не отличаются по времени наступления тех или иных дебютов взросления, характерных для нормотипичных сверстников. Тем не менее, фиксируются некоторые различия: с одной стороны, респонденты, чей период взросления был детерминирован проблемами со здоровьем, раньше отмечают период окончания детства, выработку навыков самообслуживания, приготовления пищи, приема лекарственных средств, освоение практик эмпатии, взаимопомощи и ответственности. Молодежь с ОВЗ в детстве не только не отстает от здоровых сверстников в интернет-практиках, но и демонстрирует развитие дополнительных навыков и компетенций (в сфере ИКТ, например, имеют чаще друзей в сети Интернет). Наблюдается и ранняя медицинская социализация — в результате не только ситуаций адаптации к работе системы здравоохранения из-за частых посещений специалистов и не только в форме более продвинутых знаний о причинах конкретного заболевания, его течении и лечении, но и в ходе освоения роли пациента через активные навыки самостоятельного пребывания и лечения дома.

С другой стороны, молодые люди с ОВЗ несколько позже осваивают локальные географические, образовательные и культурные пространства за пределами школы и дома. Неравномерный опыт прохождения событийности детства оказывает влияние на социальную компетентность и приводит к более низкой самооценке своего благополучия в период детства. Помимо четко выделенных зон благополучия/неблагополучия, определяемых возрастом, местом проживания, достатком и рядом иных факторов [11], на формирование удовлетворенностью жизнью влияет состояние здоровья и опосредованный им багаж социальных практик, приобретаемый в детстве. Это необходимо учитывать и в исследованиях субъективного благополучия,

и в разработке технологий по укреплению самостоятельности и сужению секторов инфантилизации молодого поколения, эмоциональной стабилизации в современном российском обществе.

Библиографический список

1. Безрукова О., Самойлова В. Как поддерживать отцов и семьи, воспитывающих детей с инвалидностью? // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22. № 2.
2. Бессчетнова О.В., Майорова-Щеглова С.Н. Освоение социальной роли пациента в период детства // Социологические исследования. 2023. № 7.
3. Бочавер А.А., Поливанова К.Н., Павленко К.В. Гулять или не гулять? Как современные родители организуют независимую мобильность детей // Городские исследования и практики. 2020. Т. 5. № 3.
4. Волкова И.П., Машкова А.В. Взаимосвязь виктимного поведения и зависимости от Интернета подростков с ограниченными возможностями здоровья // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2022. № 204.
5. Дарган А.А. Социологическая интерпретация социальной субъектности людей с инвалидностью // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 2.
6. Деточенко Л.С. Специфика социализации инвалидов: опыт нарративной реконструкции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 2.
7. Жигунова Г.В. Ювенальная инвалидность в России: теоретический и эмпирический анализ институциональной организации и социальных практик: Дис. д.с.н. Новочеркасск, 2012.
8. Левченко И.Ю., Ткачева В.В. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии. М., 2008.
9. Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А., Губанова А.Ю. Событийность детства: к вопросу об эмпирических доказательствах новой теории поколений // Социологические исследования. 2020. № 3.
10. Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А., Губанова А.Ю. Маршруты оффлайн и онлайн-жизни детства: событийный анализ // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3.
11. Мареева С.В. Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4.
12. Медведева Е.А., Данилова Ю.Н. Системно-историческая ретроспектива социального статуса семьи ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Системная психология и социология. 2022. № 4.
13. Наберушкина Э.К. Обзор социальных проблем инвалидности в контексте занятости, социальной политики и социальных дистанций // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2.
14. Наберушкина Э.К., Бессчетнова О.В. Социальное самочувствие студентов с инвалидностью в городе // Научные результаты в социальной работе. 2023. Т. 4. № 2.
15. Осипова И.С., Никишов С.Н., Андриянова А.В. Особенности функционирования автобиографической памяти студентов с различным уровнем социального интеллекта // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7. № 1.
16. Павленко Е.С. Взросление как процесс формирования идентичности: возможности анализа нарративов // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 2.
17. Петрулевич И.А., Снежко Г.Е. Социокультурные ресурсы семьи для создания платформы самореализации детей с ОВЗ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3.

18. *Разенкова Ю.А., Павлова А.В., Корниенко Т.Ю.* Современная семья ребенка с нарушением зрения: анализ материалов всероссийского опроса // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2023. № 207.
19. *Селигман М., Дарлинг Р.* Обычные семьи, особые дети. М., 2007.
20. *Сухарева Л.М., Надеждин Д.С.* Сравнительный анализ психофизиологической и психосоциальной готовности к школе первоклассников 7 и 8 лет // Новые исследования. 2012. № 1.
21. *Федорцева М.Б., Литвинова Ю.А., Кречетова Н.М., Фрезе Н.В.* Инклюзивная образовательная среда как условие развития и социальной адаптации детей с особыми образовательными потребностями // Современное дошкольное образование. 2017. № 3.
22. *Хохлов В.А.* Половые различия в состоянии высших психических функций у детей и подростков 4–17 лет // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2021. № 1.
23. *Шаповал И.А.* Диспозиции социальных субъектов инклюзии и интеграции лиц с инвалидностью в общество // Ценности и смыслы. 2019. № 4.
24. *Ярская-Смирнова Е.Р.* Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1997.
25. *Akgun F.* Parents' attitudes and opinions towards their children's use of technology // International Journal of Research in Education and Science (IJRES). 2023. Vol. 9. No. 3.
26. *Becker H.* Outsiders: Studies in Sociology of Deviance. N.Y., 1963.
27. *Cohler B.J., Hammack P.L.* The psychological world of the gay teenager: Social change, narrative, and "normality" // Journal of Youth and Adolescence. 2007. Vol. 36.
28. *Goffman E.* Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs, 1963.
29. *Hammack P.L., Toolis E.* Narrative and the social construction of adulthood // New Directions in Child and Adolescent Development. 2014. Vol. 145.
30. *Hammond S.P., D'Arcy J., Polizzi G.* Connection brokers: How educators work within and between social networks to cultivate community digital resilience to support children with disabilities using the Internet // New Media & Society. 2023 // URL: <https://ueaeprints.uea.ac.uk/id/eprint/91271>.
31. *Ibrahim S., Vasalou A., Benton L., Clarke M.* A methodological reflection on investigating children's voice in qualitative research involving children with severe speech and physical impairments // Disability & Society. 2022. Vol. 37. No. 1.
32. *Kocamaz E.B., Akça K., Uygun Ş.* The use of Internet and technological devices in children with disability from the perspective of parents // Technology and Disability. 2021. Vol. 33. No. 3.
33. *Lewis-Dagnell S., Parsons S., Kovshoff H.* Creative methods developed to facilitate the voices of children and young people with complex needs about their education: A systematic review and conceptual analysis of voice // Educational Research Review. 2023. Vol. 39.
34. *Mills C.M., Goldstein T.R., Kanumuru P., Monroe A.J., Quintero N.B.* Debunking the Santa myth: The process and aftermath of becoming skeptical about Santa // Developmental Psychology. 2024. Vol. 60. No. 1.
35. *Montreuil M., Carnevale F.A.* A concept analysis of children's agency within the health literature // Journal of Child Health Care. 2016. Vol. 20. No. 4.
36. *Oliver M.* Social policy and disability: Some theoretical issues // Disability, Handicap & Society. L., 2007.
37. *Shakespeare T.* The social model of disability: An outdated ideology? // Research in Social Science and Disability. 2001. Vol. 2.
38. *Sorbring E., Kuczynski L.* Children's agency in the family, in school and in society: Implications for health and well-being // International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-Being. 2018. Vol. 13. Supplement 1.
39. *Wolfensberger W.* Advanced Issues in Social Role Valorization Theory. Plantagenet, 2012.

Eventful growing up of children with different levels of health: A sociological analysis*

S.N. Mayorova-Shcheglova¹, O.V. Besschetnova^{2,3}, A.Yu. Gubanova⁴

¹Moscow State Psychological and Pedagogical University,
Sretenka St., 29, Moscow, 127051, Russia

²State University of Management,
Ryazansky Prospekt., 99, Moscow, 109542, Russia

³Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov,
Ostrovityanova St., 1, Moscow, 117513, Russia

⁴Russian Society of Sociologists,
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: sheglova-s@yandex.ru; besschetnovaov@mgupp.ru; alexandra.gubanova@gmail.com)

Abstract. The relevance of the study is determined by the requirements of scientific understanding and interpretation of the peculiarities of growing up of socially juvenile groups with different levels of health. Contemporary trends in the dissemination of ideas of universal design of social inclusion and gradual replacement of its medical model with a social one in solving problems of persons with disabilities stimulated the study of the influence of health on the socialization of Russian children and adolescents. The authors focus, unlike most projects, on the subjectivity of the child, on the opinions of representatives of the juvenile group about childhood and health. The article aims at identifying the specifics of childhood event trajectories in groups with and without disabilities. The authors analyzed the data of the survey of young people about childhood to find answers to the following research questions: the dependence of the share of those with health problems in childhood on social-demographic characteristics; limitations in the passage of some episodes of standard eventfulness for respondents with disabilities in a specific period of childhood; differences in the age of living significant personal events; the influence of the health factor on self-determination in this period of life and on its definition as happy. The study was based on a biographical-event analysis given the possibilities and limitations of the online survey of respondents aged 17–23, conducted in 2023 in 8 federal districts (N=1210). The comparative analysis of two groups showed differences in event situations in a number of parameters, which proves the limitations or features of childhood with disabilities: an earlier subjective feeling of the end of childhood; intensive development of self-care skills, success of medical socialization; mastering practices of empathy, mutual assistance and responsibility. Children with disabilities do not lag behind healthy peers in online practices and even demonstrate additional skills and competencies (for example, they have more online friends); at the same time, there is a delay in their mastering of geographic, educational and cultural spaces. Uneven sequence of events in childhood affects social competence and, probably, can explain lower assessment of childhood well-being.

Key words: children; growing up; youth; health; childhood events; children with disabilities; social subjectivity

*© S.N. Mayorova-Shcheglova, O.V. Besschetnova, A.Yu. Gubanova, 2024

The article was submitted on 23.07.2024. The article was accepted on 15.11.2024.

References

1. Bezrukova O., Samojlova V. Kak podderzivat ottsov i sem'i, vospityvayushchih detej s invalidnostiyu? [How to support fathers and families raising children with disabilities?]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoj Politiki*. 2024; 22 (2). (In Russ.).
2. Beschetnova O.V., Mayorova-Shcheglova S.V. Osvoenie sotsialnoy roli patsienta v period detstva [Mastering the social role of the patient during childhood]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2023; 7. (In Russ.).
3. Bochaver A.A., Polivanova K.N., Pavlenko K.V. Gulyat ili ne gulyat? Kak sovremennye roditeli organizuyut nezavisimuyu mobilnost' detey [To walk or not to walk? How today's parents organize independent mobility of children]. *Gorodskie Issledovaniya i Praktiki*. 2020; 5 (3). (In Russ.).
4. Volkova I.P., Mashkova A.V. Vzaimosvyaz viktimnogo povedeniya i zavisimosti ot Interneta podrostkov s ogranichennymi vozmozhnostyami zdoroviya [The relationship between victim behavior and Internet addiction among adolescents with disabilities]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. 2022; 204. (In Russ.).
5. Dargan A.A. Sotsiologicheskaya interpretatsiya sotsialnoy sub'ektnosti lyudey s invalidnostiyu [Sociological interpretation of social subjectivity of people with disabilities]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2020; 2. (In Russ.).
6. Detochenko L.S. Spetsifika sotsializatsii invalidov: opyt narrativnoy rekonstruktsii [Specifics of socialization of disabled people: A narrative reconstruction]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 2020; 23 (2). (In Russ.).
7. Zhigunova G.V. *Yuvenalnaya invalidnost v Rossii: teoretichesky i empirichesky analiz institutsionalnoy organizatsii i sotsialnykh praktik* [Juvenile Disability in Russia: Theoretical and Empirical Analysis of Institutional Organization and Social Practices]. Novocherkassk; 2012. (In Russ.).
8. Levchenko I.Yu., Tkacheva V.V. *Psihologicheskaya pomoshch' seme, vospityvayushchej rebenka s otkloneniyami v razvitiy* [Psychological Assistance to the Family Raising a Child with Developmental Disabilities]. Moscow; 2008. (In Russ.).
9. Mayorova-Shcheglova S.N., Kolosova E.A., Gubanova A.Yu. Sobytiynost detstva: k voprosu ob empiricheskikh dokazatelstvakh novoy teorii generatsiy [Childhood eventfulness: On the empirical evidence of generational theory]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 3. (In Russ.).
10. Mayorova-Shcheglova S.N., Kolosova E.A., Gubanova A.Yu. Marshruty offlayn i on-laynzhizni detstva: sobyitnyy analiz [Offline and online routes of childhood: An event analysis]. *Oikumene. Regionovedcheskie Issledovaniya*. 2020; 3. (In Russ.).
11. Mareeva S.V. Zony sub'ektivnogo blagopoluchiya i neblagopoluchiya v rossiyskom obshchestve [Zones of subjective well-being and ill-being in the Russian society]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (4). (In Russ.).
12. Medvedeva E.A., Danilova Yu.N. Sistemno-istoricheskaya retrospektiva sotsialnogo statusa sem'i rebenka s ogranichennymi vozmozhnostyami zdoroviya [Systemic-historical retrospective of the social status of the family with a child with disabilities]. *Sistemnaya Psikhologiya i Sotsiologiya*. 2022; 4. (In Russ.).
13. Naberushkina E.K. Obzor sotsialnykh problem invalidnosti v kontekste zanyatosti, sotsialnoy politiki i sotsialnykh distantsiy [Review of social problems of disability in the context of employment, social policy and social distances]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoj Politiki*. 2017; 15 (2). (In Russ.).
14. Naberushkina E.K., Beschetnova O.V. Sotsialnoe samochuvstvie studentov s invalidnostiyu v gorode [Social well-being of students with disabilities in the city]. *Nauchnye Rezultaty v Sotsialnoy Rabote*. 2023; 4 (2). (In Russ.).
15. Osipova I.S., Nikishov S.N., Andrianova A.V. Osobennosti funktsionirovaniya avtobiograficheskoy pamyati studentov s razlichnym urovnem sotsialnogo intellekta [Features of the autobiographical memory functioning of students with different levels of social intelligence]. *Mir Nauki. Pedagogika i Psikhologiya*. 2019; 7 (1). (In Russ.).

16. Pavlenko E.S. Vzrosleniye kak protsess formirovaniya identichnosti: vozmozhnosti analiza narrativov [Growing up as an identity formation: Possibilities of narrative analysis]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (2). (In Russ.).
17. Petrulevich I.A., Snezhko G.E. Sotsiokulturnye resursy sem'i dlya sozdaniya platformy samorealizatsii detej s OVZ [Social-cultural resources of the family for ensuring self-realization of children with disabilities]. *Gumanitarnye, Sotsialno-Ekonomicheskie i Obshchestvennyye Nauki*. 2018; 3. (In Russ.).
18. Razenkova Yu.A., Pavlova A.V., Kornienko T.Yu. Sovremennaya semiya rebenka s narusheniem zreniya: analiz materialov vserossijskogo oprosa [Today's family of the child with visual impairment: Analysis of the all-Russian survey data]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. 2023; 207. (In Russ.).
19. Seligman M., Darling R. *Obychnyye sem'i, osobyete deti* [Ordinary Families, Special Children]. Moscow; 2007. (In Russ.).
20. Sukhareva L.M., Nadezhdin D.S. Sravnitelny analiz psikhofiziologicheskoy i psikhosotsialnoy gotovnosti k shkole pervoklassnikov 7 i 8 let [A comparative analysis of psychophysiological and psychosocial readiness for school of 7–8-year-old first-graders]. *Novye Issledovaniya*. 2012; 1. (In Russ.).
21. Fedortseva M.B., Litvinova Yu.A., Krechetova N.M., Freze N.V. Inklyuzivnaya obrazovatel'naya sreda kak usloviye razvitiya i sotsialnoy adaptatsii detey s osobymi obrazovatel'nymi potrebnyami [Inclusive educational environment as a condition for the development and social adaptation of children with special educational needs]. *Sovremennoe Doshkolnoe Obrazovanie*. 2017; 3. (In Russ.).
22. Khokhlov V.A. Polovye razlichiya v sostoyanii vysshih psikhicheskikh funktsiy u detey i podrostkov 4–17 let [Gender differences in the higher mental functions of 4–17-year-old children and adolescents]. *Vestnik po Pedagogike i Psikhologii Yuzhnoy Sibiri*. 2021; 1. (In Russ.).
23. Shapoval I.A. Dispozitsii sotsialnykh sub'ektov inklyuzii i integratsii lits s invalidnostiyu v obshchestvo [Dispositions of social subjects of inclusion and integration of persons with disabilities into society]. *Tsennosti i Smysly*. 2019; 4. (In Russ.).
24. Yarskaya-Smirnova E.R. *Sotsiokulturny analiz netipichnosti* [Social-Cultural Analysis of Otherness]. Saratov; 1997. (In Russ.).
25. Akgun F. Parents' attitudes and opinions towards their children's use of technology. *International Journal of Research in Education and Science (IJRES)*. 2023; 9 (3).
26. Becker H. *Outsiders: Studies in Sociology of Deviance*. New York; 1963.
27. Cohler B.J., Hammack P.L. The psychological world of the gay teenager: Social change, narrative, and "normality". *Journal of Youth and Adolescence*. 2007; 36.
28. Goffman E. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. Englewood Cliffs; 1963.
29. Hammack P.L., Toolis E. Narrative and the social construction of adulthood. *New Directions in Child and Adolescent Development*. 2014; 145.
30. Hammond S.P., D'Arcy J., Polizzi G. Connection brokers: How educators work within and between social networks to cultivate community digital resilience to support children with disabilities using the Internet. *New Media & Society*. 2023. URL: <https://ueaeprints.uea.ac.uk/id/eprint/91271>.
31. Ibrahim S., Vasalou A., Benton L., Clarke M. A methodological reflection on investigating children's voice in qualitative research involving children with severe speech and physical impairments. *Disability & Society*. 2022; 37 (1).
32. Kocamaz E.B., Akça K., Uygun Ş. The use of Internet and technological devices in children with disability from the perspective of parents. *Technology and Disability*. 2021; 33 (3).
33. Lewis-Dagnell S., Parsons S., Kovshoff H. Creative methods developed to facilitate the voices of children and young people with complex needs about their education: A systematic review and conceptual analysis of voice. *Educational Research Review*. 2023; 39.

34. Mills C.M., Goldstein T.R., Kanumuru P., Monroe A.J., Quintero N.B. Debunking the Santa myth: The process and aftermath of becoming skeptical about Santa. *Developmental Psychology*. 2024; 60 (1).
35. Montreuil M., Carnevale F.A. A concept analysis of children's agency within the health literature. *Journal of Child Health Care*. 2016; 20 (4).
36. Oliver M. Social policy and disability: Some theoretical issues. *Disability, Handicap & Society*. London; 2007.
37. Shakespeare T. The social model of disability: An outdated ideology? *Research in Social Science and Disability*. 2001; 2.
38. Sorbring E., Kuczynski L. Children's agency in the family, in school and in society: Implications for health and well-being. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-Being*. 2018; 13 (Supplement 1).
39. Wolfensberger W. *Advanced Issues in Social Role Valorization Theory*. Plantagenet; 2012.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1013-1032

EDN: PWOHJI

Ответственность как фактор консолидации городского сообщества в российском приграничном регионе*

В.П. Бабинцев¹, Г.Н. Гайдукова², Ж.А. Шаповал¹

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия

²Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС,
Средний просп. В.О., 57/43, Санкт-Петербург, 199178, Россия

(e-mail: babintsev@bsuedu.ru; gaydukova-gn@ranepa.ru; shapoval@bsuedu.ru)

Аннотация. Ответственность (социальная) выступает одним из наиболее важных ценностных оснований консолидации сообществ разного уровня. Только при ее утверждении в массовом сознании в качестве неперемennого качества личности консолидационный процесс может стать реальным. Несмотря на давнюю традицию обсуждения проблематики ответственности, она мало разработана в современном социально-гуманитарном знании. Кроме того, на практике зачастую фиксируется дефицит индивидуальной и коллективной ответственности, определяющий жизнедеятельность сообществ разного уровня и препятствующий объединению. Цель статьи — оценка роли ответственности личности в консолидации городского населения приграничного региона. Выбор объекта исследования объясняется не только значимостью паттерна ответственности для консолидации, но и спецификой ситуации в регионе-фронтире, на которую оказывает существенное влияние специальная военная операция на Украине. Она обуславливает особую актуальность ответственности человека, превращается в феномен, имеющий экзистенциальное значение для большой группы. Работа опирается на результаты авторского социологического исследования, проведенного в 2022–2023 годы методом анкетирования городских жителей Белгородской, Курской и Воронежской областей, экспертного опроса и фокус-групп. Исследование показало неоднозначность и даже парадоксальность распространенных среди горожан суждений относительно того, в какой мере они готовы отвечать за себя и общество в современных условиях. Первый парадокс — противоречие между относительно высокой символической значимостью для горожан установки на социально ответственное поведение и неспособностью воплотить ее на практике. Второй парадокс проявляется в конфликте между индивидуалистически и коллективно ориентированными поведенческими моделями: подавляющее большинство горожан беспокоятся о состоянии дел в своей «локации» (находится в экстремальной ситуации), об окружающих и близких, но одновременно почти две трети респондентов согласились с утверждением, что человек несет ответственность только за себя и свои действия. Третий парадокс связан с тем, что, вопреки распространенным

*© Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А., 2024

Статья поступила в редакцию 24.02.2024. Статья принята к публикации 14.10.2024.

стереотипам о преимущественно индивидуалистической ориентации молодежи, доля молодых людей, считающих, что человек несет ответственность только за себя и свои действия, оказалась ниже, чем в других возрастных группах.

Ключевые слова: социальная консолидация; социальная солидарность; социальная ответственность; социальная конъюнкция; социальная дизъюнкция; локальное сообщество; городское сообщество; Белгородская область; приграничный регион

Одним из результатов проведенных нами исследований консолидации локальных сообществ [3] стал вывод об особой значимости для осмысления социальной конъюнкции (1) (консолидация — одна из ее форм) ценностных оснований интеграции. Важность ценностного компонента для консолидации подчеркивается и другими авторами [12; 3; 18; 20; 25; 27], однако в конкретизации детерминирующего ее набора ценностей мнения расходятся и часто упрощают проблему: речь должна идти не о перечислении отдельных ценностей, а об определении ценностно-смысловых паттернов, в рамках которых «ценность-ядро» органически связана с периферийными смыслами, и в комплексе они составляют паттерны — устойчивые конфигурации ценностных ориентаций, контролирующее поведение субъектов и описывающих его в параметрах единого семантического ряда.

На основании исследований, проведенных в приграничных с Украиной регионах России, в том числе в ходе разработки и реализации Стратегии формирования регионального солидарного общества до 2025 года в Белгородской области к числу наиболее значимых паттернов можно отнести идентичность, справедливость, доверие и ответственность. Применительно к проблематике консолидации они в той или иной мере проанализированы в научной литературе [11; 15; 18; 33; 34; 35], за исключением паттерна ответственности — она лишь упоминается в ряде работ в связи с влиянием на консолидацию глобальных аспектов развития [18. С. 263], позиции государства [23. С. 161] и участия бизнеса [2. С. 16]. В известной степени это можно объяснить тем, что, несмотря на давнюю традицию обсуждения проблемы ответственности (в том числе социальной), она мало разработана в современном социально-гуманитарном знании: «В социологии как науке, изучающей социальные явления и процессы, вопрос понимания социальной ответственности почти не разработан... Понимание ответственности как социального и философского понятия разработано недостаточно» [14. С. 48]. Лишь отдельные аспекты этой проблемы рассмотрены в публикациях отечественных и зарубежных авторов [см., напр.: 5; 10; 24; 30; 38; 39; 40; 41]. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что в общественном мнении ответственность часто получает односторонне-негативную трактовку, поскольку «современное общество характеризуется узким восприятием понятия “ответственность” как фактора, ограничивающего поведение индивида, а не как образующего компонента его деятельности во всех сферах взаимодействия внутри социума» [31. С. 34].

Мы полагаем, что ответственность не просто выступает одним из оснований консолидации — только при ее утверждении в массовом сознании как неперемного качества личности станет возможен реальный консолидационный процесс в локальных сообществах. Определяется это тем, что ответственность является необходимым условием достижения коллективных целей, что предполагает участие разных акторов, точно выполняющих закрепленные за ними роли (веберовская концепция «этики ответственности» [8]); служит базисом для налаживания прочных межличностных и институциональных коммуникаций, основанных на взаимном доверии, а доверять можно лишь тем контрагентам, которые выполняют принятые на себя обязательства; позволяет личности осуществлять саморегуляцию и самоконтроль, предотвращая возможные социальные отклонения, вызванные внешними обстоятельствами и деформированными потребностями и интересами. На практике зачастую фиксируется дефицит индивидуальной и коллективной ответственности, определяющий жизнедеятельность сообществ различного уровня самоорганизации и препятствующий их объединению. В частности, в проведенном нами в 2022 году исследовании «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды» 32 % экспертов объяснили низкий уровень готовности горожан к объединению с другими людьми нежеланием брать на себя ответственность. Эта причина вошла в число трех главных оснований низкой ориентации на объединение наряду с недостатком свободного времени (32 %) и дефицитом взаимного доверия (32 %).

Характерная черта современного российского общества — неравномерное распределение «инстанции ответственности» в ее социальной направленности. По данным исследования Левада-центра¹, проведенного в июле 2023 года, «россияне в большей степени ощущают ответственность и свою возможность повлиять на то, что происходит в их семье и доме/дворе, в меньшей степени — на то, что происходит в стране... Больше всего россияне чувствуют ответственность за то, что происходит в семье: 85 % чувствуют ответственность в полной или значительной мере. Ответственность за происходящее в доме или во дворе, а также на работе, чувствуют 54 % и 48 % соответственно. Еще 36 % говорят об ответственности за ситуацию в городе или районе, чуть меньше — 32 % — за то, что происходит в стране. При этом с конца прошлого года снизилась доля чувствующих ответственность по всем категориям» [36]. «Асимметрия инстанции ответственности» не может не отразиться на перспективах консолидации локальных сообществ разного уровня. Однако недостаток теоретических разработок и эмпирических данных не позволяет составить ясное представление о том, как воспри-

¹ АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента.

нимают личную ответственность представители разных сообществ, и в какой мере она оказывает влияние на их отношение к идее консолидации.

Статья обобщает результаты исследований в приграничных с Украиной регионах-фронтах — Белгородской, Курской и Воронежской областях, проведенных до и в самом начале специальной военной операции. Эти области различаются по величине и уровню социально-экономического развития, но их объединяет наличие границы с Украиной (большей или меньшей протяженности), пребывание в течение почти трех лет в зоне непосредственной военной опасности, а также в прошлом довольно прочные связи с украинскими территориями. Одно исследование было проведено авторами в апреле 2022 года методами массового анкетирования городских жителей (N=1518, по 506 человек в каждой области, выборка квотная по параметрам пола, возраста, места проживания), экспертного опроса (50 экспертов) и фокус-групп (6 групп, 57 участников) среди представителей молодежи, работников бюджетной сферы, органов муниципального управления, пенсионеров, предпринимателей (самозанятых) и безработных (частично занятых). Поскольку ситуация во фронтальном регионе характеризуется высоким уровнем социальной динамики, в 2023 году была предпринята попытка уточнить полученные данные. Однако близость Белгородской области к театру военных действий не позволила провести массовый анкетный опрос. Нам пришлось ограничиться серией фокус-групп в июне 2023 года (6 групп, 36 участников).

В рамках исследований учитывалось наличие несколько философских концепций ответственности [4; 6], начало формирования которых связано с работами Платона и Аристотеля [17]. Однако «социологическое измерение» проблемы имеет специфику, которая заключается в анализе ответственности как взаимоотношения рационально действующей личности со своими контрагентами с учетом трех показателей:

Наличие или отсутствие у человека такого качества субъектности, как способность принимать самостоятельные решения и быть независимым в своих действиях: «как носитель ответственности субъект обязан быть самостоятельным и свободным, а главное, в состоянии предусмотреть последствия своих действий. Это возможно только тогда, когда он действует самостоятельно и конструирует свои действия, чей характер не задан изначально, а последствия могут быть предсказуемы» [4. С. 14].

Обладание или не обладание возможностью свободного выбора, осуществляемого добровольно и по инициативе самого субъекта: «ответственность должна пониматься и в полной мере восприниматься как высший морально-этический принцип, основной закон, определяющий общий характер и направленность человеческой деятельности во всех ее сферах за счет индивидуально проявляемой свободы выбора определенного характера поведения и практической деятельности; как принятие и неукоснительное соблюдение ценностных критериев своего присутствия и своего права жить в об-

ществе; как стремление личности к осознанию последствий своего поведения и как средство внешнего и внутреннего контроля и регуляции деятельности, когда должное выполняется сознательно и добровольно (по долгу и совести); как механизм ощущения вины за свои поступки и действия, совершенные не во благо общества; как фундаментальное нравственное качество личности, обеспечивающее воспитание подрастающего поколения» [6. С. 13].

Способность/неспособность к рефлексии собственного познавательного и предметно-практического опыта, которая логически вытекает из предыдущих утверждений. Если первые два признака в решающей степени зависят от внешних обстоятельств, то последний — в первую очередь от самого субъекта.

На основе предложенных признаков можно свести интерпретации ответственности к трем моделям. Возможно, их названия выбраны не всегда удачно, но они отражают концептуальную идею и ее следствия (модели редко встречаются в «чистом виде», их отдельные элементы эклектически соединяются, образуя гибридные конструкции).

1. *Ответственность — социальная функция.* Строго говоря, данная модель характеризует скорее «квазиответственность», поскольку в ее основе лежит представление об ответственности как о способности и готовности человека точно следовать социальным нормам, быть дисциплинированным и исполнительным. Следовательно, источник ответственности лежит «вовне», но это противоречит исходному положению об ответственности как личном сознательном выборе. Важнейший индикатор ответственного поведения в этой интерпретации — установка личности на предотвращение социальных девиаций в соответствии с представлением о должном: «Ответственность представляет собой стремление принимать участие в преодолении негативных последствий общественных проявлений» [29. С. 78]. Ответственность не сводится только к этому аспекту, а определяется готовностью соблюдать предписанные социальные роли «добропорядочной» личности. Но при всей ее важности и востребованности, реализация этой функции существенно ограничивает субъектность человека и свободу выбора, предполагая минимальный уровень рефлексии — точное следование нормам не побуждает к критической самооценке. Однако это не означает, что модель «ответственности-функции» изначально неприемлема и ущербна.

2. *Ответственность — миссия.* Здесь ответственность трактуется не столько как исполнительность и дисциплинированность субъекта, недопущение им поступков, оцениваемых как социальные девиации, сколько как понимание того, что составляет общественное благо и как можно содействовать его практической реализации, предотвращая нежелательные последствия деятельности социальных институтов и индивидов. В этом случае ответственность неизбежно принимает коллективный характер и становится социальной, т.е. превращается в «социальное качество личности» [4. С. 15]. При этом

она выступает результатом добровольного выбора, определяемого не внешними обстоятельствами, а нравственной позицией личности, ее совестью и убеждениями. Степень свободы в данном случае существенно возрастает, и на стадии выбора общественного блага и его символических компонентов человек проявляет высокий уровень субъектности, который ограничивается лишь в последующих действиях в результате включения в конкретное сообщество и принятия типичных для него стандартов мышления и поведения. Рефлексия здесь обретает односторонний (идеологизированный) характер, поскольку базируется на принципах, коими «нельзя поступиться».

3. *Ответственность — саморегуляция.* Данная модель учитывает двойственный характер ответственности: «это, с одной стороны, такой уровень личностной саморегуляции, на котором значимость и иерархичность актуализированных высших ценностей оставляют за субъектом свободу выбора поведения, предполагающую ответственность перед собой, другими людьми за сделанный выбор, действие и его результаты; а с другой — повиновение личности общественным нормам и государственным законам, препятствующим их нарушению» [7. С. 147]. Модель базируется на утилитарно-прагматическом отношении к социальной реальности и признании максимально допустимой для конкретного социума автономизации личности. Здесь ответственность — это способность и готовность личности выполнять добровольно принятые на себя обязательства. Человек сам решает, за что он намерен отвечать, руководствуясь своими потребностями и интересами и тем самым демонстрируя высокий уровень субъектности и свободу выбора. Он постоянно рефлексивирует над своим социальным опытом, как правило, мало беспокоясь об общественных интересах или даже не имея о них четкого представления. Эта модель максимально ориентирована на практический результат, но при этом стимулирует социальную дизъюнкцию — процессы «расстройства, рассогласования, распада интеграционных средств», ведущие к проблематизации «основной цели интеграции — социального воспроизводства общества» [19. С. 11].

Существенные расхождения в интерпретациях ответственности находят логичное продолжение в установках массового сознания, оказывая несомненное влияние на перспективы консолидации. В ходе проведенных опросов была выявлена неоднозначность и даже парадоксальность распространенных среди горожан оценок и суждений относительно их готовности отвечать за себя и общество в условиях современной гибридной реальности. Первый парадокс — неочевидных деклараций: в его основе лежит довольно очевидный факт высокой пассивности горожан, лишь эпизодического их включения в решение общих дел и в микропрактики солидарности. Так, в них принимали участие лишь около половины городских жителей Белгородской области. При этом основными общественными мероприятиями стали субботники, благоустройства дома, микрорайона или населенного пункта (49 %), т.е. практики, оставшиеся от советского прошлого, носящие

разовый характер и не предполагающие включения в процесс принятия решений. В собраниях жильцов дома участвовали лишь 31 % респондентов; 30 % — в безвозмездной помощи людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию; 27 % — в выборах; 23 % — в ремонте дома или общественных зданий и помещений (школа, детский сад, поликлиника и т.п.); 22 % организовывали мероприятия среди жильцов дома, района, города. Реже всего горожане работали волонтерами (16 %), собирали подписи и обращения к властям и органам местного самоуправления (16 %), участвовали в обсуждении городских проблем (11 %), участвовали в деятельности общественных объединений и партий (8 %), наблюдали за порядком в составе добровольных народных дружин и на выборах (7 %), участвовали в митингах, пикетах и акциях протеста (4 %), а 5 % вообще не участвовали за последние два-три года ни в каких общественных акциях (Рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «В каких общественных мероприятиях (делах) из указанного списка Вы принимали участие за последние 2–3 года?», %

Ответственность наиболее полно реализуется и объясняется через деятельность [17], и было бы логичным предположить, что дефицит коллективных (солидаристских) практик свидетельствует о низком уровне ответственности. Однако 47 % респондентов, проживающих в городах Белгородской области, заявили, что ощущают ответственность в отношении происходящего в их городе, 27 % таковую не ощущают, а 26 % затруднились с ответом на этот вопрос. Учитывая, что в последние десятилетия в обществе преобладали дизъюнктивные процессы, полученный показатель достаточно высок, что довольно неожиданно в контексте представлений об индивидуализме как типичной черте современного общества, который существенно усилился в ходе гибридизации социума: «ответственность за собственное поведение» граждане «склонны возлагать на внешних регуляторов, например модераторов обществ... То есть человеку уже даже не обязательно задумываться над границами допустимого и последствиями своих действий, рефлексировать по их поводу, за него это делает машина. Так, если в “реальных” играх участники должны сами контролировать соблюдение правил, невольные или сознательные их нарушения, то в компьютерных играх правила являются встроенными алгоритмами, не рефлекслируемыми участниками» [16. С. 9–11].

Сопоставление показателя чувства ответственности с показателями участия в решении общих проблем показало его относительную адекватность только для участия в субботниках, и это примечательное (хотя и не абсолютное) совпадение. На примере субботников можно проиллюстрировать типичную смешанную модель ответственности жителей современного города в приграничье. Она сочетает черты модели-миссии и модели-саморегуляции, поскольку в реальных условиях субботники воспринимаются как приемлемый, требующий минимальных затрат, но вместе с тем одобряемый и демонстрационный вариант общественного участия. В то же время они рассматриваются в качестве нормы, сочетая добровольный характер и административную инициативу. Такой подход к микропрактикам солидарности предопределяет преимущественно символическое отношение к консолидации, восприятие ее как красивой идеи, но не повседневной практики.

Безусловно, полученные нами данные должны восприниматься критически, поскольку часть респондентов склонна давать социально одобряемые ответы. Вероятно, по меньшей мере на уровне деклараций ответственные отношения в городском сообществе не являются чем-то исключительным, хотя и в разной мере типичны для представителей конкретных групп. Так, молодежь до 29 лет заметно реже других возрастных когорт ощущала ответственность за происходящее в своем городе (39 % против примерно 50 % в более старших группах) (Табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Ощущаете ли Вы ответственность за происходящее в Вашем городе?» по возрасту, %

Варианты ответа	Ваш возраст:					Итого
	До 29	30–39	40–49	50–59	60+	
Да	39,1	49,2	47,5	52,1	48	47,1
Нет	32,2	24,2	26,3	26,6	25,7	27
Затрудняюсь ответить	28,7	26,6	26,4	21,3	26,3	25,9

В условиях российского фронта, где и проводился опрос, появляются дополнительные факторы, стимулирующие ответственность жителей городов и их консолидацию. Показательны в данном отношении результаты фокус-групп, в ходе которых постоянно высказывались суждения о консолидирующей роли СВО в российском приграничье: *«Мне кажется, что это [стремление к объединению, сплоченности] связано с последними событиями. Люди стали ближе. Если бы Вы этот вопрос задали полгода назад, я бы дал иной ответ, но в нынешней ситуации больше согласия». «В связи с последними событиями люди более сплоченными стали... Если в пандемию можно было сказать по-другому, что люди были, наоборот, разобщеннее, отдалились друг от друга, то сейчас ситуация кардинально поменялась». «Внешнеполитическая ситуация заставила людей немножко сплотиться». «В связи с нынешними событиями люди стараются друг другу помогать. Мы не берем, конечно, во внимание драки за сахар в магазинах. А так все гуманитарную помощь собирают. Ну и в принципе все друг к другу терпимее начали относиться, лояльнее».*

Можно утверждать, что активные военные действия внесли значимые коррективы в соотношение индивидуалистических и коллективистских ориентаций населения региона. Эти изменения выражаются прежде всего в обостренном чувстве сопричастности к их участникам, а также к пострадавшим от вооруженных акций, что особенно характерно для старших возрастных когорт: *«Очень ощущаю [ответственность]. Душа болит от обстрелов, что гибнут молодые ребята. Хочется им помочь чем могу».*

Парадоксально, что большинство участников фокус-групп продолжают мыслить в рамках традиционного подхода — выражая скепсис в отношении необходимости отвечать не только за себя, но и за других. По их мнению, повышенную ответственность должны нести органы власти: *«Я не занимаюсь административными вопросами нашей области и никоим образом не участвую в ее жизни». «Ну, мы вроде никакого отношения к администрации и организации жизни города не имеем, у нас есть органы власти, налоги платим, поэтому повышенной ответственности точно не ощущаю».*

Единственное, быть воспитанным и не рушить то, что создается — это как бы тоже ответственность».

Безусловно, нарастание военных действий активизировало часть горожан — они вступили в отряды территориальной самообороны, принимают участие в строительстве оборонительных сооружений, сборе средств для нужд армии и в иных формах оказания помощи (2). Но это лишь часть населения: многие городские жители отреагировали на военную ситуацию только активным обсуждением ее в социальных сетях, демонстрируя отчужденность от городского сообщества. Вероятно, здесь важны оценка справедливости организации городской жизни и уровень доверия. В частности, корреляционный анализ показал взаимосвязь ощущения ответственности и социальной справедливости (коэффициент 0,914 — очень сильная связь; у тех, кто считает, что в городе нет справедливости, он составляет 0,526). Примечательно, что связь между показателями у тех, кто уверен, что жизнь в городе организована справедливо, и признает безусловную важность интересов городского сообщества, характеризуется показателем 0,893, у тех, кто говорит о несправедливости жизни, — 0,465.

Зависимость ощущения ответственности от уровня доверия выражена не менее отчетливо, но скорее в отношении ближнего окружения (родственники, друзья и знакомые). Так, коэффициент корреляции между показателем доверяющих родственникам и ощущающими ответственность за происходящее в городе составил 0,864, среди не доверяющих — 0,571; друзьям и знакомым — соответственно 0,675 и 0,479. Но в отношении дальнего окружения такая зависимость отсутствует: коэффициенты корреляции между долей респондентов, доверяющих жителям города в целом, 0,491, и 0,399 между не испытывающими доверия и ощущающими ответственность. В случае институционального доверия картина выглядит неоднозначной: в отношении органов местной власти коэффициенты составили соответственно 0,526 и 0,317, т.е. можно говорить о влиянии уровня доверия к местной власти на ощущение ответственности горожан. Но этого нельзя сказать об относительно новой институции (групп в социальных сетях) — 0,288 (не доверяющие) и 0,264 (доверяющие).

Отрицают свою социальную ответственность те, кто исходит из постулата о тотальной несправедливости жизни: они обосновывали свою позицию ссылками на неоправданную социально-экономическую дифференциацию, взаимное отчуждение бедных и богатых, нежелание последних вкладываться в поддержку армии. *«Я тоже склоняюсь к несправедливости [организации жизни в городе]. Если уж мы затрагиваем тему СВО, то тогда пример: бабушка несет помощь солдатам, все что было у нее, по своим возможностям. Но никто из наших миллионеров не предлагал помощи. Основные причины несправедливости в том, что очень много говорится, но почти ничего не делается, а в докладах все хорошо». «Несправедлива [жизнь], если*

честно. Высокие цены, низкие зарплаты. Вот, даже когда освещали события в Шебекино, помните ролик, где бабушка рассказала, почему не хочет уезжать из-под обстрелов? Она знает, что она никому не нужна, она рассказала историю, как много лет проработала на заводе и до сих пор стоит в очереди на квартиру. Разве это справедливо? Не думаю. Слишком большое расслоение в обществе». «Вообще несправедлива [жизнь в городе]. Потому что бандиты кругом. Такую страну разрушили. Вот после развала Союза, что стало лучше? Где все заводы? Люди работали на благо родины. Вот, даже в Шебекино какие предприятия были. А сейчас ничего нет, пустота». «Несправедлива [жизнь в городе]. Почему, например, не привлечь малый бизнес к обеспечению армии? Разве мы бы были против, кто-то бы не переквалифицировался? Но это же невозможно! Все госконтракты отдаются тому, кому нужно, вот и все».

Представление о социальной несправедливости не только снижает чувство ответственности, но и создает своеобразный барьер для понимания всей сложности и опасности для общества и личности ситуации в российско-украинском приграничье. В некоторой степени ощущение несправедливости компенсируется ростом доверия в ответ на рост опасностей и угроз. *«Доверие всегда актуально. Возможно вы, как и я, слышали рассказы своих родителей о том, что люди могли не закрывать двери, что ходили друг другу в гости; когда уезжали на длительное время, могли оставить ключи соседям, например. Возможно ли такое сейчас? В условиях СВО, конечно, доверие актуально, ведь так будет больше желающих помогать фронту: люди будут знать, что их не обманут, что помощь дойдет адресату. В конце концов, доверие нужно и для бдительности. Как? Ну вот, например, дружный двор — кто-то видит подозрительных людей, сообщает об этом в общий чат, не беспокоясь о напаках со стороны окружающих. Ведь доверие — это, в том числе, возможность высказывать свои опасения». «Я считаю, что в условиях СВО доверие является основной категорией во взаимоотношениях людей. Ведение общих дел, помощь окружающим, победа страны — гораздо легче всего этого достичь вместе. А как можно работать вместе без доверия? Я уверен, что никак, поэтому в эту непростую ситуацию для страны доверие необходимо. Но при этом доверять следует не всем, а только проверенным людям».*

Относительно небольшой «радиус доверия», который характерен для России [9; 28; 30; 33; 35; 37], не способствует расширению пространства ответственности.

Не менее значим следующий парадокс — конфликт поведенческих моделей. На первый взгляд, результаты опроса дают основание утверждать, что многие горожане ориентированы на ответственность-миссию, поскольку беспокоятся о состоянии дел в своего региона (который нахо-

дится в экстремальной ситуации), об окружающих и особенно о близких (Рис. 2). В то же время 60 % респондентов согласились с утверждением, что человек несет ответственность только за себя и свои действия (модель саморегуляции).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы со следующими утверждениями? Ответьте по каждому утверждению», %

Выявленное противоречие свидетельствует о наличии в массовом сознании латентного ценностного конфликта: с одной стороны, индивидуализация социальных практик побуждает человека ориентироваться на собственные интересы; с другой стороны, сложность ситуации в приграничье ведет к пониманию невозможности их реализовать лишь своими усилиями, без взаимодействия с окружающими, что объективно стимулирует ответственность, одновременно порождая новый парадокс. Признавая важность для себя интересов жителей города (90 %, 94 % среди тех, кто придерживается мнения об ответственности человека за место проживания), большинство горожан затрудняются определить, в чем они состоят, что именно должен отстаивать горожанин и за что отвечать. Наличие ясного представления об этом объединяет людей, но ни один из предложенных вариантов таких интересов не получил поддержки половины респондентов. Чаще всего к основным общественным интересам респонденты относили: создание комфортной городской среды (49 %) и обеспечение высокого уровня и качества жизни населения (44 %). Остальные варианты (в том числе предполагающие участие в решении городских проблем и реализации собственных инициатив) набрали меньше 30 % (Рис. 3). Очевидно, заявления о наличии объединяющих интересов — в большей степени декларации, что подтверждает и декларативный характер социальной ответственности значительной части горожан.

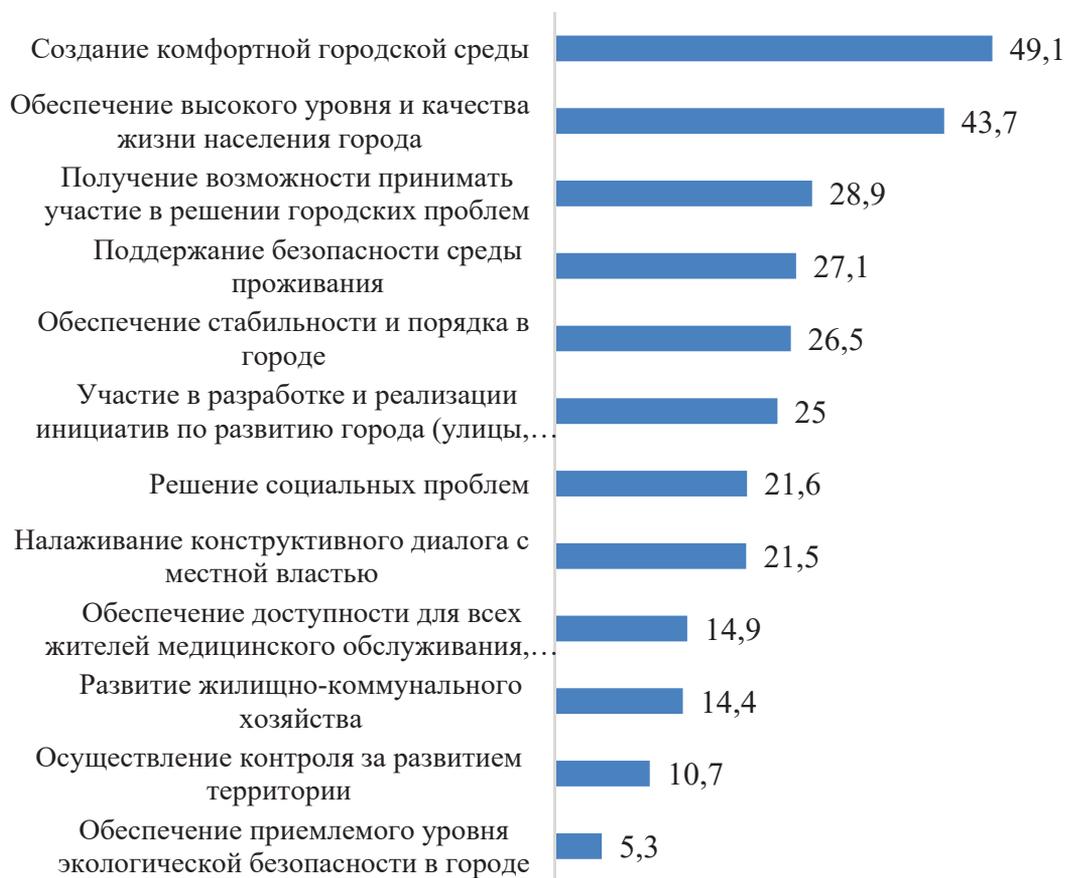

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «В чем, на Ваш взгляд, состоят основные общественные интересы горожан?», %

Наконец, парадоксальным представляется то, что вопреки распространенным стереотипам о преимущественно индивидуалистической ориентации молодежи доля молодых людей, считающих, что «человек несет ответственность только за себя и свои действия», оказалась ниже, чем в других возрастных группах: так считают 62 % респондентов до 29 лет и 68 % в возрасте 50–59 лет. 89 % опрошенных молодых людей полагают, что «человек должен соблюдать договоренности между людьми». Безусловно, это не опровергает наличия преимущественно индивидуалистической и прагматической ориентации молодежного сознания, но дает основание считать, что все не так однозначно, как не однозначна и проблема ответственности, рассматриваемая в контексте консолидации городских сообществ.

Таким образом, жизнедеятельность современных городских сообществ в приграничных российских регионах подвержена влиянию од-

новременно конъюнктивных и дизъюнктивных тенденций, соотношение между которыми постоянно меняется. Эти изменения в приграничных с Украиной регионах России связаны с внутренними, а в последнее время и с внешними обстоятельствами, которые буквально подталкивают к объединению как естественной реакции на нарастание опасностей и угроз. Последние становятся фактором социальной консолидации, влияние которого довольно очевидно, но его трудно считать оптимальным, поскольку он имеет внешнее по отношению к городскому сообществу происхождение, неизбежно носит временный характер и предполагает преимущественно административное воздействие, тогда как наиболее перспективная модель консолидации основана на ценностном консенсусе, в том числе в отношении социальной ответственности.

Это хорошо понимают наиболее дальновидные руководители государственных и муниципальных органов, представители гражданского общества. Многие из них заявляют о необходимости формирования и повышения уровня ответственности граждан и предпринимают соответствующие шаги, но необходима также оценка состояния ответственности представителей городских сообществ и понимание тенденций эволюции этого качества личности. Неадекватная исходная установка, выражающаяся, в частности, в игнорировании сложного сочетания разных моделей ответственности и непонимании их специфики, чревата значительными социальными рисками. Утверждая принципы ответственности в обществе, необходимо представлять себе всю их парадоксальность, связанную с переплетением элементов разных моделей ответственности, что и продемонстрировало наше исследование. Главным его итогом стало представление об ошибочности негативных оценок личной ответственности членов городских сообществ, поскольку здесь наблюдается ряд парадоксов: противоречие между относительно высокой символической значимостью для горожан установки на социально ответственное поведение и недостаточной способностью воплотить ее на практике; конфликт между индивидуалистически и коллективно ориентированными поведенческими моделями; несоответствие распространенного стереотипа о преимущественно индивидуалистической (в соотношении с другими возрастными когортами) ориентации молодых людей реальным установкам молодежного сознания. Эти парадоксы минимизируют возможности консолидации горожан на основе ценностного консенсуса как наиболее приемлемой модели и дают основание рассматривать в нынешних условиях как наиболее реалистичную административную модель (объединение горожан с использованием ресурсов государственной и муниципальной власти). Однако следует помнить об ограниченности административной модели и работать над созданием ценностных оснований социальной консолидации.

Примечания

- (1) Социальная конъюнкция — процесс, ориентированный на просоциальное воспроизводство и основанный на консистентной солидарности, обеспеченной полноценными потоками социальной консолидации во всех структурных элементах общества [1; 2; 19; 20; 21; 22], а также необходимое условие воспроизводства общества. Обратным процессом является социальная дизъюнкция — «расстройство, рассогласование и распад интеграционных средств, сопровождающийся ослаблением консолидационных потоков и проблематизацией основной цели интеграции – социального воспроизводства общества» [19. С. 11]. Диалектическое взаимодействие социальной конъюнкции и дизъюнкции наиболее адекватно характеризует развитие современного общества.
- (2) См., напр.: В Белгородской области сформировали семь батальонов территориальной обороны // URL: <https://www.kp.ru/online/news/5284738>; Плечом к плечу. Как в Белгородской области помогают военным и беженцам // URL: <https://fonar.tv/article/2023/03/06/plechom-k-plechu-kak-v-belgorodskoy-oblasti-pomogayut-voennym-i-bezhencam>; «Пусть наши ребята знают, что мы их тыл»: как жители Белгорода поддерживают российских военных // URL: <https://russian.rt.com/russia/article/987670-volontery-pomosch-belgorod>; Тепло и уют «Солдатского привала»: как волонтеры Белгородской области помогают военнослужащим // URL: <https://rg.ru/2023/06/09/reg-cfo/teplo-i-uyut-soldatskogo-privala-kak-volontery-belgorodskoj-oblasti-pomogaiut-voennoslužhashchim.html>; Покинувшим свои дома жителям Курской области помогают студенты-волонтеры // URL: <https://www.pnp.ru/social/pokinuvshim-svoi-doma-zhitelyam-kurskoy-oblasti-pomogayut-studenty-volontery.html>.

Библиографический список

1. *Аносов С.С.* Консолидация как социальный феномен: социально-философский анализ: Дис к.ф.н. Чита, 2019.
2. *Аносов С.С.* Эффективность консолидации: социальная политика государства // Социология. 2021. № 2.
3. *Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А.* Консолидация городских сообществ: предпосылки и ограничители // *НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право.* 2021. Т. 46. № 3.
4. *Белов А.В.* Понятие социальной ответственности в современной социальной философии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. Т. 47. № 3.
5. *Биричева Е.В.* Экзистенциальные основания феномена социальной ответственности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4.
6. *Бобрышов С.В., Горбатовская Н.Н.* Феноменология и функциональное предназначение ответственности по регулированию взаимоотношений личности с самой собой и обществом // Известия ВГПУ. Серия: Педагогические науки. 2016. № 6.
7. *Василенко И.В.* Социальная ответственность: методологический анализ // *Logos et Praxis.* 2008. № 1.
8. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия. М., 2018.
9. *Веселов Ю.В., Скворцов Н.Г.* Трансформация культуры доверия в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1.
10. *Виттенберг Е.Я.* Социальная ответственность бизнеса в России: вопросы теории // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 4.
11. *Вольтер В.О.* Национальная идеология как фактор консолидации российского общества в условиях формирования нового миропорядка // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2021. № 3.
12. *Воронцов С.А., Понеделков А.В., Шарков Ф.И.* О ценностных основаниях и коммуникативных факторах консолидации современного российского общества // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 3.

13. *Гофман А.Б.* Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник — 2012 / Ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М., 2013.
14. *Дик В.П., Сандакова Л.Г., Постников А.Н.* Свобода и ответственность: разграничение смежных понятий // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 3.
15. *Дьякова В.В.* Солидарность в контексте анализа региональной идентичности (по результатам социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. 2021. № 12.
16. *Зарубина Н.Н.* Теория рационализации Макса Вебера как методология понимания современных социокультурных процессов // Социологические исследования. 2020. № 6.
17. *Иванова И.В.* К вопросу о подходах к изучению категории «социальная ответственность» // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4.
18. *Капто А.С.* Объединяющие ценности социальной консолидации // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 3.
19. *Кармадонов О.А.* Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. 2015. № 2.
20. *Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д.* Ресурсы социокультурной консолидации российского общества. Иркутск, 2017.
21. *Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д.* Социальная конъюнкция в ресурсном аспекте // Вестник Института социологии. 2016. № 2.
22. *Ковригина Г.Д.* Социальная солидарность как метаинститут: Дис. д.ф.н. Иркутск, 2020.
23. *Коньков А.Е.* Актуальные механизмы гражданской солидарности в условиях вызовов цифровизации // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16–1.
24. *Костина Е.Ю., Орлова Н.А.* Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодежи // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 1.
25. *Кошарная Г.Б., Корж Н.В.* Ценностные основы консолидации населения России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 1.
26. *Кузнецов В.Н.* О социологическом смысле идеологии консолидации: геокультурный аспект // Безопасность Евразии. 2003. № 3.
27. *Кузнецов И.М.* Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление // Социологические исследования. 2021. № 8.
28. *Миронова А.А.* Доверие, социальный капитал и субъективное благополучие индивида // Общественные науки и современность. 2014. № 3.
29. *Мишурова О.И.* Методологические подходы к изучению социальной ответственности // Сервис в России и за рубежом. 2016. № 9.
30. *Неверов А.В., Давыденкова Е.С.* Социальная ответственность организаций малого и среднего бизнеса в России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 1.
31. *Пазина О.Е.* Социальная ответственность личности в современном обществе: Дис. к.ф.н. Нижний Новгород, 2007.
32. *Реутов Е.В., Реутова М.Н.* Социальное доверие в российском обществе: тенденции и противоречия // Россия и современный мир. 2014. № 1.
33. *Рогачев С.В., Ильичева М.В., Иванов А.В.* Социальное доверие и процесс консолидации общества: новые возможности и риски // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 1.
34. *Узунов В.В.* Факторы социальной консолидации в региональных сообществах на Юге России // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4. № 2.
35. *Черкашин М.Д.* Доверие населения к органам власти как фактор социальной консолидации общества // Коммуникология. 2019. Т. 4. № 3.
36. Чувство ответственности и возможности влияния на ситуацию. 2023 // URL: <https://www.levada.ru/2023/08/03/chuvstvo-otvetstvennosti-i-vozmozhnosti-vliyat-na-situatsiyu-2>.

37. Шабунова А.А., Косыгина К.Е., Белехова Г.В. Доверие и социальное неравенство: российский кейс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4.
38. Björnsson G., Bengt B. Normative responsibilities: Structure and sources // Parental Responsibility in the Context of Neuroscience and Genetics. Springer, 2017.
39. Hu Y., Ding X. The application of social responsibility in enterprises // International Journal of Global Economics and Management. 2024. Vol. 3. No. 2.
40. McKenna M. Conversation and Responsibility. Oxford Academic, 2012.
41. Steiner V.L. Environmental, social and governance (ESG) or corporate social responsibility (CSR): Encouraging sustainable consumption // Revista Contemporânea. 2024. Vol. 4. No. 9.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1013-1032

EDN: PWOHJI

Responsibility as a consolidation factor in the urban community of the Russian border region*

V.P. Babintsev¹, G.N. Gaidukova², Zh.A. Shapoval¹

¹Belgorod State National Research University,
Pobedy St., 85, Belgorod, 308015, Russia

²North-West Institute of Management – branch of RANEPА,
Sredny Pros. V.O., 57/43, Saint Petersburg, 199178, Russia

(e-mail: babintsev@bsuedu.ru; gaidukova-gn@ranepa.ru; shapoval@bsuedu.ru)

Abstract. Responsibility (social) is one of the most important value bases for consolidation of communities of different levels. Only if it is established in the mass consciousness as a personal essential quality, consolidation can become real. Despite the long-standing tradition of discussing responsibility, it still seems undeveloped in social-humanitarian knowledge. In addition, insufficient individual and collective responsibility often determines the life of communities of different levels and hinders unification. The article aims at assessing the role of personal responsibility in the consolidation of the urban population in the border region. This aim is determined not only by the significance of the responsibility pattern for consolidation but also by the special situation in the frontier region, which is influenced by the special military operation in Ukraine, i.e., responsibility acquires existential significance. The article is based on the results of the authors' sociological study conducted in 2022–2023 using the survey of urban residents in the Belgorod, Kursk and Voronezh Regions, expert survey and focus groups. The study showed the ambiguity and even paradoxical nature of common judgments regarding the extent of responsibility for oneself and society. The first paradox is the contradiction between the relatively high symbolic significance of the attitude towards socially responsible behavior and the inability to realize it. The second paradox is manifested in the conflict between individualistic and collectively oriented behavioral models: most urban residents worry about the situation in their “location”, about others and loved ones, but at the same time almost two-thirds agree that a person is responsible only for oneself and one's actions. The third paradox is that contrary to widespread stereotypes about the predominantly individualistic orientation of the youth the share of young people who believe that a person is responsible only for oneself turned out to be lower than in other age groups.

*© V.P. Babintsev, G.N. Gaidukova, Zh.A. Shapoval, 2024

The article was submitted on 24.02.2024. The article was accepted on 14.10.2024.

Key words: social consolidation; social solidarity; social responsibility; social conjunction; social disjunction; local community; urban community; Belgorod Region; border region

References

1. Anosov S.S. *Konsolidatsiya kak sotsialny fenomen: sotsialno-filosofsy analiz* [Consolidation as a Social Phenomenon: A Socio-Philosophical Analysis]. Chita; 2019. (In Russ.).
2. Anosov S.S. Effektivnost konsolidatsii: sotsialnaya politika gosudarstva [Efficiency of consolidation: Social policy of the state]. *Sotsiologiya*. 2021; 2. (In Russ.).
3. Babintsev V.P., Gaidukova G.N., Shapoval Z.A. Konsolidatsiya gorodskih soob-shchestv: predposylki i ogranichiteli [Consolidation of urban communities: Prerequisites and constraints]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2021; 46 (3). (In Russ.).
4. Belov A.V. Ponyatie sotsialnoy otvetstvennosti v sovremennoy sotsialnoy filosofii [The concept of social responsibility in contemporary social philosophy]. *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*. 2010; 47 (3). (In Russ.).
5. Biricheva E.V. Ekzistentsialnye osnovaniya fenomena sotsialnoy otvetstvennosti [Existential foundations of the phenomenon of social responsibility]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (4). (In Russ.).
6. Bobryshov S.V., Gorbatovskaya N.N. Fenomenologiya i funktsionalnoe predna-znachenie otvetstvennosti po regulirovaniyu vzaimootnoshenij lichnosti s samoy soboy i obshchestvom [Phenomenology and functional significance of responsibility for regulating the relationship with oneself and society]. *Izvestiya VGPU. Seriya: Pedagogicheskie Nauki*. 2016; 6.
7. Vasilenko I.V. Sotsialnaya otvetstvennost: metodologicheskyy analiz [Social responsibility: A methodological analysis]. *Logos et Praxis*. 2008; 1. (In Russ.).
8. Weber M. *Politika kak prizvanie i professiya* [Politics as a Vocation]. Moscow; 2018. (In Russ.).
9. Veselov Yu.V., Skvotsov N.G. Transformatsiya kulturny doveriya v Rossii [Transformation of the trust culture Russia]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2023; 1. (In Russ.).
10. Wittenberg E.Ya. Sotsialnaya otvetstvennost biznesa v Rossii: voprosy teorii [Social responsibility of business in Russia: Theoretical issues]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika*. 2015; 4. (In Russ.).
11. Volter V.O. Natsionalnaya ideologiya kak faktor konsolidatsii rossijskogo obshchestva v usloviyah formirovaniya novogo miroponyadka [National ideology as a factor of the consolidation of the Russian society under the developing new world order]. *Vestnik Armavirskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*. 2021; 3. (In Russ.).
12. Vorontsov S.A., Ponedelkov A.V., Sharkov F.I. O tsennostnykh osnovaniyakh i kommunikativnykh faktorakh konsolidatsii sovremennogo rossijskogo obshchestva [On the value foundations and communicative factors of the consolidation of the contemporary Russian society]. *Kommunikologiya*. 2018; 6 (3). (In Russ.).
13. Gofman A.B. Solidarnost ili pravila, Durkhejm ili Hayek? O dvuh formakh sotsialnoy integratsii [Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration]. *Sotsiologicheskyy ezhegodnik–2012*: Red. N.E. Pokrovsky, D.V. Efremenko. Moscow; 2013. (In Russ.).
14. Dik V.P., Sandakova L.G., Postnikov A.N. Svoboda i otvetstvennost: razgranichenie smezhnykh ponyatij [Freedom and responsibility: The distinction between related concepts]. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Filosofiya*. 2019; 3. (In Russ.).
15. Dyakova V.V. Solidarnost v kontekste analiza regionalnoy identichnosti (po rezultatam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Solidarity in the analysis of regional identity (based on the results of the sociological study)]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2021; 12. (In Russ.).
16. Zarubina N.N. Teoriya ratsionalizatsii Maxa Webera kak metodologiya ponimaniya sovremennykh sotsiokulturnykh protsessov [Max Weber's theory of rationalization as a methodology for understanding contemporary social-cultural processes]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 6. (In Russ.).

17. Ivanova I.V. K voprosu o podkhodah k izucheniyu kategorii “sotsialnaya otvet-stvennost” [On the approaches to the study of the category “social responsibility”]. *Yaroslavsky Pedagogichesky Vestnik*. 2011; 4. (In Russ.).
18. Kapto A.S. Obiedinyayushchie tsennosti sotsialnoy konsolidatsii [Unifying values of social consolidation]. *Sotsialno-Gumanitarnye Znaniya*. 2015; 3. (In Russ.).
19. Karmadonov O.A. Solidarnost, integratsiya, koniyunktsiya [Solidarity, integration, conjunction]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 2. (In Russ.).
20. Karmadonov O.A., Kovrigina G.D. *Resursy sotsiokulturnoj konsolidatsii rossijskogo obshchestva* [Resources of the social-cultural consolidation of the Russian society]. Irkutsk; 2017. (In Russ.).
21. Karmadonov O.A., Kovrigina G.D. Sotsialnaya koniyunktsiya v resursnom aspekte [Social conjunction in the resource perspective]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2016; 2. (In Russ.).
22. Kovrigina G.D. *Sotsialnaya solidarnost kak metainstitut* [Social Solidarity as a Meta-institution]. Irkutsk; 2020. (In Russ.).
23. Konkov A.E. Aktualnye mekhanizmy grazhdanskoj solidarnosti v usloviyah vyzovov tsifrovizatsii [Actual mechanisms of civil solidarity under digitalization]. *Rossiya: Tendentsii i Perspektivy Razvitiya*. 2021; 16–1. (In Russ.).
24. Kostina E.Yu., Orlova N.A. Sotsialnaya aktivnost i sotsialnaya otvetstvennost v predstavleniyah i praktikah sovremennoj molodezhi [Social activity and social responsibility in the ideas and practices of the contemporary youth]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2022; 13 (1). (In Russ.).
25. Kosharnaya G.B., Korzh N.V. Tsennostnye osnovy konsolidatsii naseleniya Rossii [Value foundations for consolidation of the Russian population]. *Izvestiya Vysshih Uchebnyh Zavedenij. Povolzhsky Region. Obshchestvennye Nauki*. 2015; 1. (In Russ.).
26. Kuznetsov V.N. O sotsiologicheskom smysle ideologii konsolidatsii: geokulturny aspekt [On the sociological meaning of the consolidation ideology: A geocultural aspect]. *Bezopasnost Evrazii*. 2003; 3. (In Russ.).
27. Kuznetsov I.M. Osnovaniya tsennostnoj konsolidatsii rossiyan: traditsionalizm i obnovlenie [Foundations of the value consolidation of Russians: Traditionalism and renewal]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2021; 8. (In Russ.).
28. Mironova A.A. Doverie, sotsialny kapital i sub`ektivnoe blagopoluchie individa [Personal trust, social capital and subjective well-being]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 2014; 3. (In Russ.).
29. Mishurova O.I. Metodologicheskie podkhody k izucheniyu sotsialnoy otvetstvennosti [Methodological approaches to the study of social responsibility]. *Servis v Rossii i za Rubezhom*. 2016; 9. (In Russ.).
30. Neverov A.V., Davydenkova E.S. Sotsialnaya otvetstvennost organizatsij malogo i srednego biznesa v Rossii [Social responsibility of small and medium-sized business in Russia]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (1). (In Russ.).
31. Pazina O.E. *Sotsialnaya otvetstvennost lichnosti v sovremenном obshchestve* [Individual social responsibility in the contemporary society]. Nizhny Novgorod; 2007. (In Russ.).
32. Reutov E.V., Reutova M.N. Sotsialnoe doverie v rossijskom obshchestve: tendentsii i protivorechiya [Social trust in the Russian society: Trends and contradictions]. *Rossiya i Sovremennyy Mir*. 2014; 1. (In Russ.).
33. Rogachev S.V., Ilyicheva M.V., Ivanov A.V. Sotsialnoe doverie i protsess konsolidatsii obshchestva: novye vozmozhnosti i riski [Social trust and social consolidation: New opportunities and risks]. *Izvestiya Tul'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki*. 2022; 1. (In Russ.).
34. Uzunov V.V. Faktory sotsialnoy konsolidatsii v regionalnyh soobshchestvah na Yuge Rossii [Factors of social consolidation in regional communities in the South of Russia]. *Caucasian Science Bridge*. 2021; 4 (2). (In Russ.).

35. Cherkashin M.D. Doverie naseleniya k organam vlasti kak faktor sotsialnoy konsolidatsii obshchestva [Public confidence in authorities as a factor of social consolidation]. *Kommunikologiya*. 2019; 4 (3). (In Russ.).
36. *Chuvstvo otvetstvennosti i vozmozhnosti vliyaniya na situatsiyu* [A sense of responsibility and the possibility of influencing the situation]. 2023. URL: <https://www.levada.ru/2023/08/03/chuvstvo-otvetstvennosti-i-vozmozhnosti-vliyat-na-situatsiyu-2>. (In Russ.).
37. Shabunova A.A., Kosygina K.E., Belekova G.V. Doverie i sotsialnoe neravenstvo: rossijsky kejs [Trust and social inequality: The Russian case]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2021; 4. (In Russ.).
38. Björnsson G., Bengt B. Normative responsibilities: Structure and sources. *Parental Responsibility in the Context of Neuroscience and Genetics*. Springer; 2017.
39. Hu Y., Ding X. The application of social responsibility in enterprises. *International Journal of Global Economics and Management*. 2024; 3 (2).
40. McKenna M. *Conversation and Responsibility*. Oxford Academic; 2012.
41. Steiner V.L. Environmental, social and governance (ESG) or corporate social responsibility (CSR): Encouraging sustainable consumption. *Revista Contemporânea*. 2024; 4 (9).

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1033-1051

EDN: PWICFT

Сетевые молодежные сообщества в социокультурном пространстве северного региона: методологические и эмпирические аспекты исследования*

Л.А. Чижова¹, А.Г. Тутьгин¹, Р.С. Стирманова²

¹Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
им. академика Н.П. Лаверова Уральского отделения РАН,
Никольский просп., 20, Архангельск, 163020, Россия

²Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
Наб. Северной Двины, 17, Архангельск, 163002, Россия

(e-mail: chijova.mila@yandex.ru; andgt64@yandex.ru; r.s.stirmanova@gmail.com)

Аннотация. Трансформации в современном обществе и социокультурном пространстве существенно изменили основанные на ретроспективных установках процессы социальной активности и принятия решений. Особенно ярко это проявляется в поведении локальных групп молодежных сообществ в онлайн пространстве. В ходе исследования авторы исходили из того, что локальные молодежные сообщества северных регионов (Архангельской области) обладают своеобразной территориальной и ментальной спецификой. Проведенный анализ сообществ экологической и музыкальной (культурной) направленности, представленных в наиболее популярной в России социальной сети «ВКонтакте», позволил выявить ряд характеристик для последующего изучения модели конформного (порогового) поведения. Так, расчет коэффициентов общности П. Жаккара показал, что структурные характеристики молодежных экологических сетевых сообществ, отчасти наполненных протестной тематикой, на сегодняшний день не критичны и не достигли пороговых ограничений, а следовательно, не предвещают перехода из онлайн в офлайн пространство. В качестве перспективного модельного представления для дальнейшего изучения молодежных сетевых сообществ авторами выбран теоретико-игровой подход как наиболее соответствующий эмпирическим характеристикам социальных интернет-сетей. Предложенный и проиллюстрированный на примерах подход может быть применен в изучении поведения в социальных сетях сообществ разной тематической направленности, с различающимися возрастными, гендерными, образовательными и иными характеристиками. В дальнейшем авторы планируют верифицировать модели для оценки и прогнозирования поведения локальных групп в социальных сетях на примере сообществ северных регионов и разработать систему кейсов для принятия решений в интересах формирования общественно-политических и социальных установок у молодежи.

*© Чижова Л.А., Тутьгин А.Г., Стирманова Р.С., 2024

Статья поступила в редакцию 06.07.2024. Статья принята к публикации 14.10.2024.

Ключевые слова: социокультурное пространство; социальные сети; Интернет; молодежные сообщества; северные регионы; локальные группы; модели конформного поведения; теоретико-игровые модели

Социокультурное пространство представляет собой совокупность коммуникационных связей и отношений между людьми и социальными группами, формируемую жизненными приоритетами индивидов, средой их обитания и ее социальной организацией. Социокультурное пространство находится под влиянием разных факторов и в то же время воздействует на различные сферы — науку, технику, искусство, политику, экономику, экологию и т.д. [23. С. 5]. На протяжении своей истории человек, принимая решения, в той или иной форме, может быть даже неосознанно, всегда выстраивал следующую причинно-следственную цепочку: «как было — как есть — как будет». Однако современные трансформационные процессы вмешиваются в эту логику, нарушая непрерывность ее связей. Причем чем меньшей историко-эмпирической памятью обладает та или иная часть общества, тем более мощное воздействие на нее оказывают трансформационные шоки: «будущее не вырастает само по себе из нашего прошлого. Мы его призваны конструировать, моделировать, причем модели и конструкты будут сидеть в нас самих. Какой конструкт построим — в таком и будем жить» [22. С. 25]. В первую очередь сказанное относится к молодым поколениям.

Молодежные сообщества как объект исследования достаточно давно находятся в поле внимания отечественной и зарубежной науки, поскольку от жизненных установок их участников, общественно-политических взглядов, приоритетов и системы ценностей зависит будущее государства и общества [20]. Анализ социальных процессов в молодежных сообществах позволяет выделить определенные закономерности их возникновения, развития, трансформации и исчезновения [11; 12]. Особое внимание сегодня уделяется неформальным молодежным сообществам, поскольку некоторые из них могут стимулировать девиантное, аморальное и антисоциальное поведение, формировать молодежные движения в формате стихийных, не поддающихся управлению и контролю. По имеющимся данным, в социальной сети «ВКонтакте» среди неформальных молодежных сообществ не так давно наиболее многочисленными были националистические объединения, анимэшники, панки, готы, околоспортивные объединения, растаманы и хип-хоп сообщества [2. С. 56]. Очевидно, что этот список далеко не исчерпывающий, в частности, в нем не нашли отражения многие особенности отдельных молодежных групп. Соответственно, необходимы новые подходы к исследованию поведения молодежных сообществ в социальных сетях, в том числе с учетом ментальной и территориальной специфики их участников, которая характерна для ряда регионов. Например, территориально-локальные особенности социокультурного пространства северных территорий России — это, прежде

всего, низкая плотность населения, малые по численности города, поселки и села, большие расстояния и слабо развитая транспортная инфраструктура между населенными пунктами.

В связи с этим представляется крайне важным решение следующих задач: с позиции существующих теоретических подходов оценить возможности модели порогового (конформного) поведения и теоретико-игровой модели в изучении локальных сообществ в социальных сетях; описать типовые локальные группы представителей молодежных сообществ северных регионов в социальных сетях; обозначить их статистические характеристики для последующего моделирования. В статье рассмотрены как методологические особенности, так и практические аспекты изучения поведения локальных групп молодежных сообществ в социальных сетях.

Сетевые сообщества и социальные коммуникации

В настоящее время цифровая трансформация общества представляет собой технологическое изменение коммуникативных форм, что преобразует и содержание социальной коммуникации (общения). Цифровая трансформация меняет социальное поведение целых поколений пользователей глобальной информационной сети, порождая новые формы идентичности, в том числе виртуальной [14. С. 93]. Не секрет, что каналы социальной коммуникации, в первую очередь социальные сети, активно используются для информационно-психологического влияния на личность, группы и общество. При изучении его многочисленных социальных аспектов, таких как вовлеченность, иерархия и стратификация, формирование групп широко применяется метод сетевого анализа [43]. Отметим, что только за 2023 год число пользователей социальных сетей в мире увеличилось на 5,6 %: в 2023 году зарегистрировалось 266 млн новых пользователей, на начало 2024 года их общее количество в мире достигло 5,04 млрд, т.е. в среднем в мире появлялось 8,4 новых пользователя социальных сетей в секунду (1). В 2023 году 81 % россиян использовали Интернет ежедневно (2). По данным ВЦИОМ, российские пользователи соцсетей и мессенджеров в возрасте от 16 до 64 лет проводят в них в среднем 8 часов 21 минуту в день (2). Наиболее активная аудитория — молодежь 18–24 лет (92 %) и 25–34 лет (94 %). Наиболее популярные в России платформы — YouTube, «ВКонтакте», Telegram, TikTok и «Одноклассники», в среднем пользователь имеет аккаунты в семи соцсетях, но больше всего времени проводит в сети «ВКонтакте».

Основными социальными последствиями распространения и развития сетей в информационном пространстве выступают виртуализация социальных коммуникаций, увеличение количества коммуникативных каналов и формирование особого «цифрового поколения» [13. С. 210]. Изучение социальных сетей проводится на разных уровнях — от индивидуальных участников и небольших групп (микроуровень) до крупных (мезоуровень)

и глобальных (макроуровень) сообществ [1; 7; 39]. Основные задачи таких проектов — определение статистических характеристик сетей и создание их моделей, предсказание поведения сетей на основе структурных свойств и локальных правил управления узлами, мониторинг соцсетей (3). Один из наиболее эффективных методов изучения социальных сетей — моделирование: формирование и развитие сетей как объектов, распространение информации и контент сетей, поведение сетевых сообществ и др. При моделировании социальных сетей важным требованием выступает соблюдение таких специфических условий, как малый диаметр, безмасштабность, кластеризация и ассортативность. В нашем исследовании мы рассматриваем социальные сети с точки зрения относительно небольших (локальных) сообществ людей, имеющих причины для непосредственного общения, и их поведения.

Вопросы, связанные с поведением в социальных сетях, изначально рассматривались в контексте социометрии Я.Л. Морено, затем Дж. Барнс в середине прошлого века ввел в научный обиход сам термин «социальные сети» [29], С. Милгрэм предложил теорию «тесного мира» [42], М. Грановеттер — концепцию «силы слабых связей» [37] и т.д. Так, проведенный Милгрэмом почтовый эксперимент для проверки гипотезы «о шести рукопожатиях» был неоднократно и успешно повторен с использованием электронной почты и социальных сетей [28; 35; 41; 45; 46]. Также исследуется стохастическая структура сетей [27; 30; 31; 32; 33; 36] и моделируются случайные графы [21]. Особый интерес представляют разные классы моделей информационного влияния, к которым можно отнести модели с линейными порогами, независимых каскадов, просачивания и заражения, по типу Изинга, клеточных автоматов, цепей Маркова, игровые модели и комбинации классических моделей конформного (порогового) поведения и теоретико-игровых моделей [5]. С точки зрения системного подхода вполне естественно в качестве концептуальной основы моделирования динамики сетевых сообществ принять гипотезу, что эти сообщества зарождаются, развиваются, кластеризуются или разделяются, исчезают и т.д. по определенным законам. Так, для описания сегрегационных процессов, в ходе которых сетевые сообщества разделяются на группы, можно прибегнуть к модели Т. Шеллинга, формализованной с помощью цепей Маркова [47].

Модель конформного коллективного поведения, в которой агенты осуществляют бинарный выбор (действовать или бездействовать) была предложена Грановеттером [38] и получила развитие как за рубежом, так и в работах отечественных ученых [8; 9]. Однако концепция Грановеттера основывается на идеях солидарного общества, а связи в нем рассматриваются только как положительные [25], хотя между отдельными агентами могут быть и связи конфликтного типа, что относится к теории игр [6]. Вопросы игрового подхода, а также идентификации пороговых моделей поведения для ряда

социальных сетей были представлены в программном докладе В.В. Бреера и Д.А. Рогаткина в 2015 году (4).

В изучении социальных сетей с позиции рациональности агентов (выгоды-затраты) при формировании сетевых сообществ необходимо рассматривать ситуации игрового равновесия, складывающиеся при взаимодействии людей. Существенная часть исследований социального взаимодействия затрагивает малые группы и в большей степени отражает социально-психологические аспекты взаимодействия [17. С. 86]. Наиболее перспективная модель с точки зрения соответствия эмпирическим характеристикам социальных онлайн-сетей — модель Боргса-Чайес-Динга-Люсье [34], которая опирается на идеи сети аффилиации — агенты создают сообщества, в результате чего связи между агентами, участвующими в одних и тех же сообществах, образуются при некоторых условиях. В частности, полезность агентов определяется локально, и игроки организуют сетевые мероприятия, стоимость которых растет с количеством участников. При этом выгода распределяется равномерно между участниками, а между любыми двумя игроками, которые вступают во взаимодействие не менее определенного количества раз r за определенный период времени, формируется связь. Полученный граф связей и есть социальная сеть модели. Равновесие по Нэшу анализируется для случая, когда каждый игрок получает от соседей в сети выгоду $a > 0$, а затраты организатора мероприятия линейны и составляют $b + cL$, где $b > 0$, $c > 0$, L — количество приглашенных. При условии $a > cr$ и достаточно малых b все равновесия по Нэшу имеют полный граф. Если же $a < cr$, то равновесия соответствуют классу сетей с существенной кластеризацией, и ее коэффициент ограничен величиной, обратной средней степени вершин. Для любой последовательности степеней с конечным средним и ограниченного количества вершин степени не выше двух можно построить равновесие по Нэшу, создавая социальную сеть с заданными условиями [34].

Молодежные сетевые сообщества

Молодежные сетевые сообщества структурно крайне неоднородны, отличаются по интересам, возрасту, гендеру, уровню образования и т.д. Как следствие, появляются, трансформируются, исчезают, а нередко и возрождаются в новом качестве обособленные группы молодежи, редко пересекающиеся в информационном пространстве, развивающиеся в особой информационной и культурной среде. Специфика виртуальной активности молодежи порождает «сжатую» форму коммуникации, деформирует когнитивную сферу, обуславливая фрагментарные знания и «клиповое» мышление. Таким образом, обостряется угроза размывания традиционной системы ценностей, базирующейся на объективных реалиях и историческом опыте [13. С. 210]. Активное использование молодым поколением социальных сетей накладывает отпечаток и на его социально-психологические характеристики.

Например, для активных молодых пользователей сети «ВКонтакте» зачастую характерны непостоянство и неорганизованность, склонность недооценивать себя и свои возможности, свобода от социальных норм, что может приводить к нарушениям в поведении этой социальной группы [10. С. 80]. Также необходимо учитывать превалирующую роль образовательного контекста для многих молодых групп, особенно в специфических территориальных условиях Севера и Арктики [4; 16; 18; 24; 44]. В социальных сетях молодежь часто реализует свой протестный потенциал, в том числе маргинальные политические практики, которые при определенных условиях переходят в плоскость реальных действий. При этом протест может быть устойчивой личностной характеристикой, реакцией на определенную ситуацию, следствием субъективного переживания несправедливости, угрозы потери благ, унижения и т.п. [3. С. 25]. Протестные настроения молодежи в случае негативных изменений или значимого социально-психологического повода могут активизироваться, обретя широкий масштаб не только в виртуальных социальных сетях, но и офлайн — на улицах городов [15. С. 40].

В качестве гипотезы мы выдвинули предположение, что наиболее актуальные вопросы в сетевых сообществах — экологические и культурные, в том числе экологический и культурный протест, который не может не привлекать молодежь. Поэтому анализ протестной компоненты сетевой активности молодежи имеет крайне важное значение в изучении поведения молодежных сообществ и групп. Кстати, озабоченность состоянием окружающей среды и ее жизнеспособностью ранее была зафиксирована как одна из основных тенденций в развитии сетевых сообществ [19. С. 63].

В качестве объекта анализа была выбрана социальная сеть «ВКонтакте» как одна из наиболее массовых в России: ежемесячно ею пользуются 89 миллионов человек (5). После анализа имеющегося программного обеспечения для анализа социальных сетей (более двух десятков сервисов), в качестве потенциальных инструментов были рассмотрены несколько (Табл. 1). В итоге как наиболее подходящий был выбран сервис «VK.BARKOV.NET» (6). Его функционал включает такие скрипты, как «все подписчики групп»; «поиск групп»; «фильтр групп по их данным» (город, последний пост на стене и т.д.); «полная информация о группах»; «администраторы групп»; «обсуждения в группах»; «вывод записей из социальной сети с ключевыми словами»; «поиск по упоминаниям» и ряд других. Сервис может применяться для определения статистических показателей сообществ или пользователей, распределение участников по возрасту, полу, месту проживания, среднему количеству времени в сетях, устройствам доступа, наличию аккаунтов в других социальных сетях. В качестве базы первого этапа рассматривались локальные сетевые сообщества Архангельской области с ярко выраженной эколого-просветительской и эколого-протестной направленностью в сравнении с аналогичными общероссийскими группами.

Выбор программного обеспечения для эксперимента

Программное обеспечение	Сфера применения	Требования для использования	Стоимость	Ссылка
Pepper-ninja	Сбор данных, мониторинг, поиск сообществ, пользователей	Доступ к сети, профиль для авторизации	Есть демоверсия, полный доступ от 490 руб.	https://pepper.ninja/
VK.BARKOV.NET	Сбор данных, мониторинг, парсинг информации	Доступ к Интернет, профиль для авторизации	Есть бесплатный доступ, полный функционал от 399 руб.	https://vk.barkov.net/
TargetHunter	Сбор данных, мониторинг, парсинг информации	Доступ к сети	Есть бесплатный доступ, полный функционал от 1999 руб. за 3 месяца	https://targethunter.ru/
Segmento Target	Сбор данных, мониторинг, парсинг информации	Доступ к сети	Есть бесплатный доступ, полный функционал от 399 руб.	https://segmento-target.ru/
Brand24	Поиск упоминаний по веб-ресурсам и социальным сетям, анализ тональности сообщений, построение отчетов в виде инфографики	Доступ к сети, для эффективной работы необходимо изучить встроенные уроки	Есть бесплатный доступ, основные тарифы от \$79	https://brand24.com

Сообщество «Экология России» (7) включает в себя около 333 тысяч участников, из них порядка 82% — молодежь в возрасте до 35 лет. Географию сообщества можно условно разделить на четыре группы: к первой, наиболее многочисленной, относятся Москва и Санкт-Петербург, ко второй — Воронеж, Краснодар и Ростов-на-Дону (своего рода южный кластер), к третьей — промышленные города Екатеринбург, Новосибирск, Омск, Пермь, Самара и Челябинск, к четвертой, немногочисленной, но с ярко выраженной экологической повесткой, попадают центры горнорудного и металлургического производства — Курск, Липецк, Магнитогорск, Новокузнецк, Череповец, машиностроения — Тольятти, нефтяной промышленности — Тюмень, целлюлозно-бумажной — Архангельск и т.д. В данном сообществе

активно обсуждаются природоохранные проекты, вопросы экологического туризма, эколого-просветительской деятельности.

Экологическое движение «Раздельный Сбор» (8), в котором состоит более 88 тысяч участников, в основном из Санкт-Петербурга, ратует за установку контейнеров для сбора вторсырья, занимается экопросветительством как среди взрослого населения, так и детей, помогает наладить раздельный сбор мусора на массовых мероприятиях и в офисах компаний. Доля молодежи — 45 %.

«Всероссийское зоозащитное движение» (9) объединяет более 61 тысячи участников — зоозащитников и любителей животных со всей России, а также зоозащитные общественные и некоммерческие организации, преимущественно из Москвы и Санкт-Петербурга. Доля молодежи до 35 лет составляет порядка 38 %.

Сообщество «Экология» (10) состоит из более 19 тысяч участников, 44 % — молодежь до 35 лет. Сообщество позиционирует себя как центр общественного мониторинга проблем экологии и защиты леса. За исключением традиционно представленных Москвы и Санкт-Петербурга по активности участников также лидируют Казань, Краснодар, Нижний Новгород и Новосибирск.

Переходя на региональный уровень, отметим сообщество из более чем 4 тысяч экоактивистов (преимущественно из Архангельской области) «Чистый Север — чистая страна» (11), в котором доля молодежи до 35 лет составляет 54 %. Основные теги сообщества — #чистыйсевер, #Архангельск, #чистаястрана, #экология. Другое региональное сообщество, объединяющее более 3 тысяч неравнодушных жителей в основном из Архангельска, Северодвинска и Новодвинска, радеет за сохранение природы и красоты — «За экологию Архангельской области!» (12). Доля молодежи в нем существенно ниже, чем в предыдущих группах, — 18 %.

Сообщество «Экология Поморья. Северо-Запад» (13) (более 9,6 тысяч участников, в том числе 43 % — до 35 лет) — это открытая группа творческого коллектива журнала «Экология Поморья» и общественного сайта «Эколог29» (14). Основные теги — #ЭкологияПоморья и #Экология_Поморья_полезная_информация. Основную долю участников составляют жители Архангельска, на втором месте — Москва, на третьем — Санкт-Петербург. Вероятно, участники группы из обеих столиц — выходцы из Поморья, сохранившие северную ментальность (предположение основано на общеизвестной отрицательной динамике миграции населения из северных регионов).

Создание и функционирование сообщества «Поморье — не помойка» (15), несомненно, связаны с экологическими протестными настроениями последних нескольких лет, которые были вызваны попытками реализации крупных «мусорных» проектов на юге Архангельской области, а также вблизи «большой агломерации» Архангельск — Северодвинск — Новодвинск. Из 29 ты-

сяч участников (доля молодежи — 30 %) значительную часть за пределами архангельского региона составляют жители Санкт-Петербурга и Москвы, а также Республики Коми. Что касается соседней с Архангельской областью Республикой Коми, то экологический протест, вызванный проектом технопарка Шиес, в значительной степени всколыхнул и этот регион. Среди наиболее популярных тегов сообщества лидируют #МусорнаяРеформа, #Шиес, #ЭкоИнтегратор, #АрхангельскаяОбласть.

Из общего числа молодых людей в возрасте до 35 лет (360475 человек) 6975 состоят одновременно в двух и более из перечисленных сообществ. Матрица пересечений участников до 35 лет по группам представлена в Таблице 2.

Таблица 2

**Матрица пересечений эко-сообществ в сети «ВКонтакте»
(участники до 35 лет)**

Сообщества	A	B	C	D	E	F	G	H
A: Экология России	273295	1595	746	1354	172	33	73	182
B: Экологическое движение «Раздельный Сбор»	1595	39933	388	943	159	25	33	310
C: Всероссийское зоозащитное движение	746	388	23073	92	17	7	12	17
D: «Экология»	1354	943	92	8459	47	12	42	76
E: «Чистый Север – чистая страна»	172	159	17	47	2200	65	81	168
F: «За экологию Архангельской области!»	33	25	7	12	65	547	47	131
G: Экология Поморья. Северо-Запад	73	33	12	42	81	47	4157	147
H: «Поморье — не помойка»	182	310	17	76	168	131	147	8811

Упомянутые экологические сообщества Архангельской области в социальной сети «ВКонтакте» имеют общую аудиторию в примерно 46 тысяч человек (уникальных аккаунтов, исключая дублирование участников в разных сообществах), но доля молодежи до 35 лет составляет порядка 34 %, что существенно меньше, чем у общетематического сообщества «Экология России», но вполне сопоставимо с аналогичными показателями общероссийских сетевых сообществ «Раздельный Сбор», «Всероссийское зоозащитное движение» и «Экология», специализирующихся на разных аспектах экологической тематики. Две основные сетевые группы экологического толка, контекстно привязанные к Архангельской области, — сообщества «Поморье —

не помойка» и «Экология Поморья. Северо-Запад», причем число их общих участников незначительно, поскольку они представляют альтернативные точки зрения или имеют разные области экологических интересов. Также у двух сообществ «Чистый Север — чистая страна» и «За экологию Архангельской области!» количество подписчиков на порядок меньше, чем у двух основных, и около четверти подписчиков каждой из этих групп состоит в сообществе «Поморье — не помойка». В каждой из двух малых групп есть участники сообщества «Экология Поморья. Северо-Запад», но незначительное число.

Наглядной иллюстрацией схожести сообществ может служить матрица бинарных коэффициентов общности П. Жаккара [39], которые рассчитываются по формуле:

$$K_J = \frac{c}{a + b - c},$$

где a и b — количества элементов в группах, c — количество элементов в их пересечении. $0 \leq K_J \leq 1$, т.е. 0 означает полное отсутствие общих элементов в группах, а близость к 1 — совпадение групп. Расчет коэффициентов Жаккара для молодежных эко-сообществ в социальной сети «ВКонтакте» представлен в Таблице 3 (наибольшее значение $K_{EF} = 0,0242$ у региональных сообществ Е: «Чистый Север — чистая страна» и F: «За экологию Архангельской области!»).

Таблица 3

**Коэффициенты П. Жаккара для экосообществ
в социальной сети «ВКонтакте» (участники до 35 лет)**

	A	B	C	D	E	F	G	H
A	1	0,0051	0,0025	0,0048	0,0006	0,0001	0,0003	0,0006
B	0,0051	1	0,0062	0,0199	0,0038	0,0006	0,0007	0,0064
C	0,0025	0,0062	1	0,0029	0,0007	0,0003	0,0004	0,0005
D	0,0048	0,0199	0,0029	1	0,0044	0,0013	0,0033	0,0044
E	0,0006	0,0038	0,0007	0,0044	1	0,0242	0,0129	0,0155
F	0,0001	0,0006	0,0003	0,0013	0,0242	1	0,0101	0,0142
G	0,0003	0,0007	0,0004	0,0033	0,0129	0,0101	1	0,0115
H	0,0006	0,0064	0,0005	0,0044	0,0155	0,0142	0,0115	1

Приведенные выше принципы мониторинга и организации методики расчетов могут быть применены и к другим северным регионам, но пока были апробированы для сетевых молодежных сообществ Архангельской области. Можно с определенной долей уверенности предположить, что структурные

характеристики экологических сетевых сообществ, хотя бы отчасти наполненных протестной тематикой, с точки зрения участия молодежи до 35 лет, не являются критическими и не достигли пороговых ограничений, а потому не предвещают перехода из онлайн в офлайн. Однако это не означает, что протестно-экологическая повестка безразлична локальным молодежным сообществам, участники которых проживают на северных территориях. Более того, при технологически правильном выстраивании сетевых взаимодействий с разными группами, активная молодежная составляющая сообществ может быть резко увеличена за относительно короткое время.

С использованием аналогичного подхода мы рассмотрели сетевые музыкальные сообщества как самый представительный компонент молодежной культурной среды. Этот выбор не случаен: музыкальная среда наиболее подвержена культурным трансформациям, чрезвычайно мобильна и одновременно крайне неустойчива к взлетам и падениям своих кумиров. Достаточно вспомнить, что знаменитые Beatles начинали свою музыкальную карьеру в никому не известном портовом ресторане, как и многие входящие в топ российского шоу-бизнеса высокооплачиваемые исполнители (16). Сегодня на их место приходит следующее поколение представителей музыкальных субкультур — блогеров, по сути «продуктов» сетевых сообществ. Музыкальной сфере присущи высокие темпы динамики, которые по возрастным характеристикам аудитории свойственны преимущественно ее молодежной части. Данные по количеству участников таких музыкальных сообществ приведены в таблице 4.

Таблица 4

Характеристика сообществ музыкальной направленности в сети «ВКонтакте»

№	Наименование сообщества	Количество участников	Доля молодежи, %
1	Новинки Музыки 2024 Новая Музыка	15682680	56,6
2	Музыка vkmuz (17)	5585163	57,2
3	Музыка mzk (18)	3412696	64,7
4	Новинки Музыки 2024	2920798	50,5
5	Афиша концертов Архангельска. Interfest	12992	36,8
6	BE HAPPY! cover band	7383	35,2
7	КультАрх29 концерты/выставки/кино	8034	36,1
8	Архангельский музыкальный колледж	18353	37,9

Из общего числа молодых людей в возрасте до 35 лет (15,8 млн) в рассмотренных сообществах 3,1 млн состоят одновременно в двух и более из них. Матрица пересечений групп участников до 35 лет представлена в Таблице 5.

Таблица 5

**Матрица пересечений музыкальных сообществ в сети «ВКонтакте»
(участники до 35 лет)**

Сообщество	A	B	C	D	E	F	G	H
A: Новинки Музыки 2024 Новая Музыка	8879266	984011	846588	551888	869	375	308	927
B: Музыка vkmuz	984011	3193562	322155	161913	226	116	75	264
C: Музыка mzk	846588	322155	2206459	226874	222	148	81	225
D: Новинки Музыки 2024	551888	161913	226874	1474449	184	78	78	181
E: Афиша концертов Архангельска. Interfest	869	226	222	184	4 779	344	210	252
F: BE HAPPY! cover band	375	116	148	78	344	2597	117	214
G: КультАрх29 концерты/выставки/кино	308	75	81	78	210	117	2 901	209
H: Архангельский музыкальный колледж	927	264	225	181	252	214	209	6 959

Музыкальные сообщества Архангельской области в социальной сети «ВКонтакте» имеют общую аудиторию порядка 47 тысяч человек, и доля молодежи до 35 лет здесь порядка 37%, что значительно меньше, чем у общетематических сообществ. Коэффициенты общности для этих групп приведены в Таблице 6. Следует учитывать, что у молодежи северных регионов присутствует свойственная этим территориям местная идентичность, которая связана со сложными природными и социально-экономическими условиями [26]. Наибольшее значение коэффициента Жаккара $K_{AB} = 0,0887$ приходится на пару сообществ — A: «Новинки Музыки 2024 | Новая Музыка» и B: «Музыка <https://vk.com/vkmuz>», а также A и C: «Музыка <https://vk.com/mzk>» ($K_{AC} = 0,0827$). Можно заметить достаточно высокую степень общности групп A, B, C и D, не имеющих выраженной региональной направленности. Среди региональных групп существенная степень общности отмечена у E: «Афиша концертов Архангельска. Interfest» и F: «BE HAPPY! cover band» ($K_{EF} = 0,0489$), а также, что вполне объяснимо, у E и G: «КультАрх29 концерты/выставки/кино» ($K_{EG} = 0,0281$).

Таблица 6

Коэффициенты П. Жаккара для музыкальных сообществ в сети «ВКонтакте» (участники до 35 лет)

	A	B	C	D	E	F	G	H
A	1	0,0887	0,0827	0,0563	0,0001	0	0	0,0001
B	0,0887	1	0,0634	0,0359	0,0001	0	0	0,0001
C	0,0827	0,0634	1	0,0657	0,0001	0,0001	0	0,0001
D	0,0563	0,0359	0,0657	1	0,0001	0,0001	0,0001	0,0001
E	0,0001	0,0001	0,0001	0,0001	1	0,0489	0,0281	0,0219
F	0	0	0,0001	0,0001	0,0489	1	0,0217	0,0229
G	0	0	0	0,0001	0,0281	0,0217	1	0,0217
H	0,0001	0,0001	0,0001	0,0001	0,0219	0,0229	0,0217	1

Значения коэффициентов общности в дальнейшем предполагается использовать в качестве исходных реберных весов графов межгрупповых взаимодействий для имитационного моделирования [см., напр.: 44], а также для определения пороговых значений полезности в теоретико-игровой модели Боргса-Чайес — Динга — Люсье.

Трансформации в современном обществе существенно изменили основанные на ретроспективных установках процессы социальной активности и принятия решений. Зачастую накопленная «база знаний» уже не помогает — возникающие и самоорганизующиеся офлайн и онлайн сообщества начинают жить и развиваться по иным правилам, не всегда, казалось бы, укладывающимся в «прокрустово ложе» традиционной системной динамики. Но это только кажущийся на первый взгляд «разрыв шаблона». Основные принципы современного прогнозирования позволяют нивелировать данные противоречия и предлагают инструменты для их разрешения. В качестве одного из таких инструментов выступает метод сетевого анализа, успешно применяемый сегодня для исследования коммуникационной среды в разных фрагментах социума. Для анализа сетевых структур разработан широкий спектр программных сервисов, выбор которых диктуется как спецификой решаемых задач, так и предпочтениями исследователей. С коммуникационной точки зрения портретом современного общества в определенной степени может выступать его сетевая динамическая структура, достаточно подробно изучаемая с позиций социальных наук и математики, по крайней мере, с середины прошлого века. Модельные представления коммуникационных процессов, несмотря на все их разнообразие, сегодня так или иначе базируются на соблюдении ряда специфических требований, таких, как малый диаметр сетей, их безмасштабность, кластеризация и ассортативность.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках государственного задания. НИР «Трансформация социокультурного пространства регионов Арктической зоны Российской Федерации в современных условиях». № государственной регистрации 122012100405–4.

Примечания

- (1) См.: URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2024-v-mire-i-v-rossii>.
- (2) См.: URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechenosti-i-predpochtenija>.
- (3) См.: Девять лучших сервисов для мониторинга социальных сетей // URL: <https://www.unisender.com/ru/blog/idei/monitoring-sotsialnyh-setey>.
- (4) См.: *Бреер В.В., Рогаткин А.Д.* Модели порогового поведения в социальных сетях // URL: http://www.mathnet.ru/php/seminars.phtml?option_lang=rus&presentid=10838.
- (5) См.: URL: <https://mediascope.net/data>.
- (6) См.: Сервис поиска целевой аудитории в социальных сетях // URL: <https://vk.com/barkov.net>.
- (7) См.: Экология России // URL: https://vk.com/russia_ecology.
- (8) См.: Экологическое движение «Раздельный Сбор» // URL: <https://vk.com/rsbor>.
- (9) См.: Всероссийское зоозащитное движение // URL: <https://vk.com/zakonseichas>.
- (10) См.: «Экология» // URL: <https://vk.com/ecoonf>.
- (11) См.: «Чистый Север — чистая страна» // URL: https://vk.com/chist_sever.
- (12) См.: «За экологию Архангельской области!» // URL: https://vk.com/ecology_29.
- (13) См.: Экология Поморья. Северо-Запад // URL: <https://vk.com/ecologist29>.
- (14) См.: Эколог29 // URL: <https://ecolog29.ru>.
- (15) См.: «Поморье — не помойка» // URL: https://vk.com/pnp_29.
- (16) См.: Экономика шоу-бизнеса // URL: <https://kp-ru.turbopages.org/kp.ru/s/daily/26993/4054751>.
- (17) См.: URL: <https://vk.com/vkmuz>.
- (18) См.: URL: <https://vk.com/mzk>.

Библиографический список

1. *Батов А.В., Бреер В.В., Новиков Д.А., Рогаткин А.Д.* Микро- и макромоделли социальных сетей. Ч. 2. Идентификация и имитационные эксперименты // Проблемы управления. 2014. № 6.
2. *Бердникова Э.Н., Рыженкова Н.А.* Динамика развития неформальных молодежных объединений в социальной сети «ВКонтакте» // Труды института бизнес-коммуникаций. 2017. Т. 1.
3. *Блинова О.А., Горбунова Ю.А.* Стратегии политической коммуникации молодежи в цифровом пространстве: возможные исходы // Вопросы управления. 2021. № 3.
4. *Блынская Т.А., Малинина К.О.* Анализ мотивации поколения Z к осознанному выбору жизненной стратегии (на примере г. Архангельска) // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 10.
5. *Бреер В.В.* Теоретико-игровая модель неанонимного порогового конформного поведения // Управление большими системами. 2010. № 31.
6. *Бреер В.В.* Теоретико-игровые модели конформного коллективного поведения // Автоматика и телемеханика. 2012. № 10.
7. *Бреер В.В., Новиков Д.А., Рогаткин А.Д.* Микро- и макромоделли социальных сетей. Ч. 1. Основы теории // Проблемы управления. 2014. № 5.
8. *Бреер В.В.* Модели конформного поведения Ч. 2. Математические модели // Проблемы управления. 2014. № 2.
9. *Бреер В.В., Рогаткин А.Д.* Вероятностная модель порогового поведения в многоагентных системах // Автоматика и телемеханика. 2015. № 8.

10. Голубь О.В., Лысенко Е.С. Социально-психологические особенности молодых людей-пользователей социальных сетей // Поиск. 2018. № 1.
11. Громов Д.В. «Моральная паника» как механизм развития ряда молодежных сообществ Советского Союза и России // Историческая психология и социология истории. 2012. № 1.
12. Давыдов А.В., Коряковцева О.А. Молодежные организации и движения в России: история и современность // PolitBook. 2014. № 3.
13. Зеленина Е.В., Порецкая Т.Ю. Медиакультура молодежных интернет-сообществ // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. Т. 2. № 2.
14. Курбатов В.И., Волков Ю.Г., Воденко К.В. Молодежная субкультура в сетевых сообществах: приоритеты молодежи в социальных сетях и трансформация социально-информационного поведения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10.
15. Леньков Р.В., Колосова О.А., Ковалева С.В. Социально-психологическая диагностика и прогнозирование протестного поведения молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. 2021. Т. 4. № 1.
16. Маркин В.В., Силин А.Н., Воронов В.В. Образовательные траектории молодежи коренных малочисленных народов Севера: социально-пространственный дискурс // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5.
17. Мусатов Д.В., Савватеев А.В., Меликов С.Г., Давыдов Д.В. Теория и эмпирика социальных интернет-сетей и их экономические приложения // Экономическая наука современной России. 2015. № 2.
18. Недосека Е.В., Шарова Е.Н. Особенности жизненных стратегий молодежи в условиях Арктики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3.
19. Нугрохо Я., Сарпатас О. Увидеть и осознать невидимое. Сканирование, сетевой и сценарный анализ // Форсайт. 2011. Т. 5. № 3.
20. Подоплёкин А.О. Городская молодежь европейского сектора АЗРФ: поведение в информационном пространстве, ценности и политические ориентации в 2021–2022 годах (на примере Поморья) // Россия: общество, политика, история. 2023. № 2.
21. Райгородский А.М. Модели случайных графов и их применения // Труды МФТИ. 2010. Т. 2. № 4.
22. Смирнов С.А. Форсайт: от прогноза к социальной инженерии // Вестник НГУЭУ. 2014. № 3.
23. Социокультурное пространство арктического макрорегиона России в современных экономических условиях. Архангельск, 2023.
24. Тутыгин А.Г., Чижова Л.А., Регета А.И. Малый бизнес в Арктике: предпосылки для смены парадигмы управления // Арктика и Север. 2020. № 39.
25. Фитисова А.В. Проблема фундаментальной концептуализации социальной связи в исследованиях М. Грановеттера // Universum: общественные науки. 2017. № 11.
26. Чернышева Н.С., Андреева А.С., Кузинер Е.Н. Переосмысляя локальные идентичности на Русском Севере: молодежь в поисках чистоты // Социологические исследования. 2023. № 12.
27. Albert R., Jeong H., Barabasi L.-A. Diameter of the world-wide web // Nature. 1999. Vol. 401.
28. Backstrom L., Boldi P., Rosa M., Ugander J., Vigna S. Four degrees of separation // Proceedings of the 4th ACM International Conference, 2012.
29. Barnes J.A. Class and committees in a Norwegian island parish // Human Relations. 1954. Vol. 7. No. 8.
30. Barabasi L.-A., Albert R. Emergence of scaling in random networks // Science. 1999. No. 286.
31. Barabasi L.-A., Albert R., Jeong H. Scale-free characteristics of random networks: The topology of the world-wide web // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2000. Vol. 281.
32. Bollobás B., Erdős P. Cliques in random graphs // Mathematical Proceedings of the Cambridge Philosophical Society. 1976. Vol. 80.

33. *Bollobás B.* Random Graphs. Cambridge University Press, 2001.
34. *Borgs C., Chayes J., Ding J., Lucier B.* Hitchhiker's guide to affiliation networks: A game-theoretic approach // Proceedings of the ICS, 2011.
35. *Cheng A.* Six Degrees of Separation. Twitter Style, 2010.
36. *Erdős P., Rényi A.* On random graphs // Publicationes Mathematicae. 1959. Vol. 6.
37. *Granovetter M.* The strength of weak ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. No. 6.
38. *Granovetter M.* Threshold models of collective behavior // American Journal of Sociology. 1978. Vol. 83. No. 6.
39. *Hedström P., Sandell R., Stern C.* Mesolevel networks and the diffusion of social movements: The case of the Swedish Social Democratic Party // American Journal of Sociology. 2000. Vol. 106. No. 1.
40. *Jaccard P.* Distribution de la flore alpine dans le Bassin des Dranses et dans quelques regions voisines // Bulletin de la Societe Vaudoise des Sciences Naturelles. 1901. Vol. 37.
41. *Leskovec J., Horvitz E.* Worldwide buzz: Planetary-scale views on an instant-messaging network // Proceedings of the 17th International Conference on World Wide Web. Beijing, 2008.
42. *Milgram S.* The small world problem // Psychology Today. 1967. Vol. 1. No. 1.
43. *Scott J.* Social Network Analysis: A Handbook. L., 2000.
44. *Tutygin A.G., Chizhova L.A.* Local-group behavior of the business community and the institutional environment of the region // Journal of Environmental Treatment Techniques. 2020. Vol. 8. No. 1.
45. *Watts D., Strogatz S.* Collective dynamics of “small-world” networks // Nature. 1998. Vol. 393.
46. *Watts D.* Six Degrees: The Science of a Connected Age. N.Y., 2004.
47. *Zhang J.* Tipping and residential segregation: A unified Schelling model // IZA Discussion Papers, 2009.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1033-1051

EDN: PWICFT

Network youth communities in the social-cultural space of the northern region: methodological and empirical aspects of the study*

L.A. Chizhova¹, A.G. Tutygin¹, R.S. Stirmanova²

¹ N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of RAS,
Nikolsky Prosp., 20, Arkhangelsk, 163020, Russia

² Lomonosov Northern (Arctic) Federal University,
Nab. Severnoj Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia

(e-mail: chijova.mila@yandex.ru; andgt64@yandex.ru; r.s.stirmanova@gmail.com)

Abstract. Transformations in the contemporary society and social-cultural space have significantly changed social activity and decision-making based on retrospective attitudes, which is especially evident in the behavior of local groups of youth communities in the online space. In this

*© L.A. Chizhova, A.G. Tutygin, R.S. Stirmanova, 2024

The article was submitted on 06.07.2024. The article was accepted on 14.10.2024.

study, the authors proceeded from the fact that local youth communities in northern regions (like Arkhangelsk) have unique territorial and mental features. The conducted analysis of environmental and musical (cultural) communities in the most popular social network in Russia “VKontakte” allowed to identify a number of characteristics for the subsequent study of the conformal (threshold) behavior model. Thus, P. Jaccard’s community coefficients showed that the structural characteristics of the youth environmental online communities, partly filled with protest ideas, are not critical enough and have not reached threshold limits, i.e., there is no threat of protest transition from online to offline space. As a promising model for further studies of the youth online communities, the authors propose the game-theoretical approach as the most relevant for the empirical characteristics of online social networks. The proposed and illustrated approach can be applied in the study of the behavior of online communities of different thematic focus, with different age, gender, educational and other characteristics. In the future, the authors will verify models for assessing and predicting the behavior of local groups in social networks using the example of communities in northern regions and will provide a system of cases for decision-making in the interests of developing social-political and social attitudes of the youth.

Key words: social-cultural space; social networks; Internet; youth communities; northern regions; local groups; conformal behavior models; game-theoretic models

References

1. Batov A.V., Breer V.V., Novikov D.A., Rogatkin A.D. Mikro- i makromodeli sotsialnyh setej. Ch. 2. Identifikatiya i imitatsionnye eksperimenty [Micro and macro models of social networks. Part 2. Identification and simulation experiments]. *Problemy Upravleniya*. 2014; 6. (In Russ.).
2. Berdnikova E.N., Ryzhenkova N.A. Dinamika razvitiya neformalnyh molodezhnyh ob'edinenij v sotsialnoj seti “VKontakte” [Dynamics of the development of informal youth associations in the VKontakte social network]. *Trudy Instituta Biznes-Kommunikatsij*. 2017; 1. (In Russ.).
3. Blinova O.A., Gorbunova Y.A. Strategii politicheskoy kommunikatsii molodezhi v tsifrovom prostranstve: vozmozhnye iskhody [Strategies for political communication of the youth in the digital space: Possible outcomes]. *Voprosy Upravleniya*. 2021; 3. (In Russ.).
4. Blynskaya T.A., Malinina K.O. Analiz motivatsii pokoleniya Z k osoznanomu vyboru zhiznennoy strategii (na primere g. Arkhangelska) [Analysis of the generation Z motivation to make a conscious choice of life strategy (on the example of Arkhangelsk)]. *Alma Mater*. 2020; 10. (In Russ.).
5. Breer V.V. Teoretiko-igrovaya model neanonimnogo porogovogo konformnogo povedeniya [A game-theoretic model of non-anonymous threshold conformal behavior]. *Upravlenie Bolshimi Sistemami*. 2010; 31. (In Russ.).
6. Breer V.V. Teoretiko-igrovyje modeli konformnogo kolektivnogo povedeniya [Game-theoretic models of conformal collective behavior]. *Avtomatika i Telemekhanika*. 2012; 10. (In Russ.).
7. Breer V.V., Novikov D.A., Rogatkin A.D. Mikro- i makromodeli sotsialnyh setej. Ch. 1. Osnovy teorii [Micro- and macro-models of social networks. Part 1. Basics of theory]. *Problemy Upravleniya*. 2014; 5. (In Russ.).
8. Breer V.V. Modeli konformnogo povedeniya Ch. 2. Matematicheskie modeli [Models of conformal behavior. Part 2. Mathematical models]. *Problemy Upravleniya*. 2014; 2. (In Russ.).
9. Breer V.V., Rogatkin A.D. Veroyatnostnaya model porogovogo povedeniya v mnogoagentnyh sistemah [Probabilistic model of threshold behavior in multi-agent systems]. *Avtomatika i Telemekhanika*. 2015; 8. (In Russ.).
10. Golub O.V., Lysenko E.S. Sotsialno-psikhologicheskie osobennosti molodykh lyudej-polzovatelej sotsialnyh setej [Social-psychological features of young social networks users]. *Poisk*. 2018; 1 (8). (In Russ.).

11. Gromov D.V. “Moralnaya panica” kak mekhanizm razvitiya ryada molodezhnyh soobshchestv Sovetskogo Soyuz a i Rossii [“Moral panic” as a mechanism for the development of some youth communities in the Soviet Union and Russia]. *Istoricheskaya Psikhologiya i Sotsiologiya Istorii*. 2012; 1. (In Russ.).
12. Davydov A.V., Koryakovtseva O.A. Molodezhnye organizatsii i dvizheniya v Rossii: istoriya i sovremennost’ [Youth organizations and movements in Russia: History and the present time]. *PolitBook*. 2014; 3. (In Russ.).
13. Zelenina E.V., Poretskaya T.Yu. Mediakultura molodezhnyh internet-soobshchestv [Media culture of the youth online communities]. *Vestnik Volzhskogo Universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 2018; 2 (2). (In Russ.).
14. Kurbatov V.I., Volkov Yu.G., Vodenko K.V. Molodezhnaya subkultura v setevykh soobshchestvakh: priority molodezhi v sotsialnykh setyakh i transformatsiya sotsialno-informatsionnogo povedeniya [Youth subculture in online communities: Priorities of the youth in social networks and transformation of social-informational behavior]. *Gumanitarnye, Sotsialno-Ekonomicheskie i Obshchestvennye Nauki*. 2019; 10. (In Russ.).
15. Lenkov R.V., Kolosova O.A., Kovaleva S.V. Sotsialno-psikhologicheskaya diagnostika i prognozirovanie protestnogo povedeniya molodezhi v tsifrovoy srede [Social-psychological diagnostics and forecasting of the youth protest behavior in the digital space]. *Tsifrovaya Sotsiologiya*. 2021; 4 (1). (In Russ.).
16. Markin V.V., Silin A.N., Voronov V.V. Obrazovatelnye traektorii molodezhi korenykh malochislennykh narodov Severa: sotsialno-prostranstvennyy diskurs [Educational trajectories of the youth of the northern indigenous peoples: A social-spatial discourse]. *Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*. 2019; 12 (5). (In Russ.).
17. Musatov D.V., Savvateev A.V., Melikov S.G., Davydov D.V. Teoriya i empirika sotsialnykh Internet-setej i ih ekonomicheskie prilozheniya [Theory and empirics of social Internet networks and their economic applications]. *Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoj Rossii*. 2015; 2. (In Russ.).
18. Nedoseka E.V., Sharova E.N. Osobennosti zhiznennykh strategiy molodezhi v usloviyakh Arktiki [Features of the youth life strategies in the Arctic]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2020; 3. (In Russ.).
19. Nugrokho Ya., Saritas O. Uvidet i osoznat nevidimoe. Skanirovanie, setevoy i stsennyy analiz [To see and understand the invisible. Scanning, network and scenario analysis]. *Foresight*. 2011; 5 (3). (In Russ.).
20. Podoplekin A.O. Gorodskaya molodezh evropejskogo sektora AZRF: povedenie v informatsionnom prostranstve, tsennosti i politicheskie orientatsii v 2021–2022 godakh (na primere Pomoriya) [Urban youth of the European sector of the Russian Arctic: Behavior in the information space, values and political orientations in 2021–2022 (on the example of Pomorye)]. *Rossiya: Obshchestvo, Politika, Istoriya*. 2023; 2 (7). (In Russ.).
21. Raygorodsky A.M. Modeli sluchajnykh grafov i ih primeneniya [Random graph models and their applications]. *Trudy MFTI*. 2010; 2 (4). (In Russ.).
22. Smirnov S.A. Forsajt: ot prognoza k sotsialnoj inzhenerii [Foresight: From forecasting to social engineering]. *Vestnik NGUEU*. 2014; 3. (In Russ.).
23. *Sotsiokulturnoe prostranstvo arkticheskogo makroregiona Rossii v sovremennykh ekonomicheskikh usloviyakh* [Social-Cultural Space of Russia’s Arctic Macro-Region in Contemporary Economic Conditions]. Arkhangelsk; 2023. (In Russ.).
24. Tutygin A.G., Chizhova L.A., Regeta A.I. Maly biznes v Arktike: predposylki dlya smeny paradigmy upravleniya [Small business in the Arctic: Prerequisites for changing the management paradigm]. *Arktika i Sever*. 2020; 39. (In Russ.).
25. Fitisova A.V. Problema fundamentalnoy kontseptualizatsii sotsialnoj svyazi v issledovaniyakh M. Granovettera [Fundamental conceptualization of social communication in M. Granovetter’s research]. *Universum: Obshchestvennye Nauki*. 2017; 11. (In Russ.).

26. Chernysheva N.S., Andreeva A.S., Kuziner E.N. Pereosmyslyaya lokalnye identichnosti na Russkom Severe: molodezh v poiskah chistoty [Rethinking local identities in the Russian North: Youth in search of purity]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2023; 12. (In Russ.).
27. Albert R., Jeong H., Barabasi L.-A. Diameter of the world-wide web. *Nature*. 1999; 401.
28. Backstrom L., Boldi P., Rosa M., Ugander J., Vigna S. Four degrees of separation. *Proceedings of the 4th ACM International Conference*; 2012.
29. Barnes J.A. Class and committees in a Norwegian island parish. *Human Relations*. 1954; 7 (8).
30. Barabasi L.-A., Albert R. Emergence of scaling in random networks. *Science*. 1999; 286.
31. Barabasi L.-A., Albert R., Jeong H. Scale-free characteristics of random networks: The topology of the world-wide web. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 2000; 281.
32. Bollobás B., Erdős P. Cliques in random graphs. *Mathematical Proceedings of the Cambridge Philosophical Society*. 1976; 80.
33. Bollobás B. *Random Graphs*. Cambridge University Press; 2001.
34. Borgs C., Chayes J., Ding J., Lucier B. Hitchhiker's guide to affiliation networks: A game-theoretic approach. *Proceedings of the ICS*; 2011.
35. Cheng A. *Six Degrees of Separation*. Twitter Style; 2010.
36. Erdős P., Rényi A. On random graphs. *Publicationes Mathematicae*. 1959; 6.
37. Granovetter M. The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*. 1973; 78 (6).
38. Granovetter M. Threshold models of collective behavior. *American Journal of Sociology*. 1978; 83 (6).
39. Hedström P., Sandell R., Stern C. Mesolevel networks and the diffusion of social movements: The case of the Swedish Social Democratic Party. *American Journal of Sociology*. 2000; 106 (1).
40. Jaccard P. Distribution de la flore alpine dans le Bassin des Dranses et dans quelques regions voisines. *Bulletin de la Societe Vaudoise des Sciences Naturelles*. 1901; 37.
41. Leskovec J., Horvitz E. Worldwide buzz: Planetary-scale views on an instant-messaging network. *Proceedings of the 17th International Conference on World Wide Web*. Beijing; 2008.
42. Milgram S. The small world problem. *Psychology Today*. 1967; 1 (1).
43. Scott J. *Social Network Analysis: A Handbook*. London; 2000.
44. Tutygin A.G., Chizhova L.A. Local-group behavior of the business community and the institutional environment of the region. *Journal of Environmental Treatment Techniques*. 2020; 8 (1).
45. Watts D., Strogatz S. Collective dynamics of “small-world” networks. *Nature*. 1998; 393.
46. Watts D. *Six Degrees: The Science of a Connected Age*. New York; 2004.
47. Zhang J. Tipping and residential segregation: A unified Schelling model. *IZA Discussion Papers*; 2009.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1052-1067

EDN: PUEFED

Молодежные некоммерческие организации России: политика идентичности и коллективное «я»*

Г.Ф. Габдрахманова¹, Р.Д. Галиуллин²

¹Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
ул. Батурина, 7, Казань, 420111, Россия

²Санкт-Петербургский горный университет имени императрицы Екатерины II,
Васильевский остров, 21 линия, 2, Санкт-Петербург, 199106, Россия

(e-mail: medi54375@mail.ru; rd.galiullin@gmail.com)

Аннотация. Последнее десятилетие в России характеризуется становлением институционального общественного активизма, что выражается в появлении его новой, законодательно закреплённой формы — социально ориентированной некоммерческой деятельности. Задачи статьи — понять основания групповой идентичности молодежных социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) и выявить значимые для них социальные идеи, лежащие в основе идентичности российской молодежи. Исследование опирается на концепцию идентичности, интерпретирующую смысловые идеи движений, и на модель мобилизации ресурсов, позволяющую изучить коллективное «я» молодежных СОНКО. Такая методологическая рамка представляет активизм российской молодежи как многоуровневую систему коллективного действия. Эмпирическую базу исследования составили: перечень заявок, поданных СОНКО в Фонд президентских грантов для получения финансовой поддержки в 2017–2023 годы; интервью с лидерами молодежных организаций Республики Татарстан; включенное наблюдение на церемониях открытия и закрытия летних лагерей двух молодежных объединений; авторский опрос молодежи Республики Татарстан и опросы молодежи России, проведенные ВЦИОМ и Левада-центром (1). Как показали результаты исследования, в повестку СОНКО входит формирование социальной (в плане социализации), локальной и национально-гражданской идентичности молодого поколения. Так, четкая ассоциированность с Россией, несмотря на разную тематику организаций, обязательно прослеживается в значимых мероприятиях благодаря государственной символике и выступлениям лидеров. Общественники готовы повышать компетенции по отдельным профессиям и участвовать в формировании пула молодых активистов как отдельной профессиональной группы с соответствующими знаниями и умениями. Основанием групповой идентичности молодежных СОНКО выступает их самовосприятие в качестве посредника между властью и молодым поколением, способного выявлять, актуализировать и прививать молодежи разнообразные интересы. Дальнейшее влияние СОНКО на социализацию молодежи и ее идентичность будет в значительной степени определяться отношением населения России к новому типу общественного активизма.

*© Габдрахманова Г.Ф., Галиуллин Р.Д., 2024

Статья поступила в редакцию 12.07.2024. Статья принята к публикации 14.10.2024.

Ключевые слова: молодежь; социально ориентированные некоммерческие организации; политика идентичности; групповая/коллективная идентичность; смыслы; ресурсы; активизм

В России после 2010 года были приняты поправки к Федеральному закону «О некоммерческих организациях», благодаря которым в политико-правовом поле появилось понятие «социально ориентированная некоммерческая организация» (далее — СОНКО). Для таких объединений очерчен круг деятельности и утверждена обязанность органов государственной власти и местного самоуправления по оказанию им приоритетной поддержки. Такая легитимизация — признак восприятия СОНКО властью в качестве институтов гражданского общества [3. С. 277]. Поскольку механизмы диалога властных структур с гражданским обществом задают общие «правила игры», формируют общественную систему с ее влиянием на ценности, коллективную идентичность, доверие и солидарность [13. С. 6], необходимо изучать репертуар идей и групповых действий нынешних СОНКО как задающих повестку на ближайшее будущее страны. По состоянию на 12 марта 2024 года в реестр СОНКО входят 51541 общественных союзов (2), и доля молодежных объединений среди них составляет четверть [17. С. 9]. Внимание к таким союзам со стороны Президента России В.В. Путина (3) подчеркивает их субъектность в поле политики и участие в формировании гражданственности подрастающих поколений.

Для выявления оснований групповой идентичности молодежных СОНКО перспективным видится изучение изменений во взаимоотношениях общественных движений и государства на разных уровнях [26. С. 382], связанных с появлением новых средств коммуникации, транснациональных сетей и «политических возможностей» [28]. Наблюдается постепенный отказ от нормативных оценок и привязки типов гражданства к политическому режиму, фиксируется изменчивость типов активизма в разных политических системах [8. С. 177], его включенность в повседневную жизнь [14. С. 21]. Активисты реже ставят перед собой экономические или политические цели, больше озадачиваясь поиском оснований автономии, идентичности и солидарности в поле институциональных структур постиндустриального общества [16. С. 138]. Активисты конкурируют с государством за право производить и распространять ценности и идентичности. Само появление концепта «идентичность» связано с развитием общественных движений в странах Западной Европы [6. С. 495] с акцентом на поиске и обретении нового «я», с установкой на постиндустриальные ценности [5. С. 110]. А. Мелуччи, размышляя о причинах новой волны общественной мобилизации, вслед за А. Туреном, придавшим групповой идентичности качество центральной характеристики общественных движений [29. С. 393], предложил инструментальную модель их коллективного «я»: групповая идентичность состо-

ит из когнитивного (представления об общих целях, средствах и сферах деятельности), коммуникативного (переговорный процесс между участниками движения о его смыслах) и эмотивного (эмоциональные контакты как основа связности движения) компонентов [25. С. 343]. Этот подход применялся и в России [4].

Методологическим основанием для выявления значимых для СОНКО социальных идей, определяющих идентичность российской молодежи, видится концепт «политика идентичности», т.е. смысловые значения активизма, распространяемые посредством событий и акций [26. С. 198; 9. С. 10]. Среди акторов политики идентичности выделяют гражданских активистов и общественные организации, иницирующие значимые темы идентичности [19. С. 172] и приобретающие тем самым «символический капитал» для конструирования социального пространства [2]. Поле политики идентичности характеризуется конкуренцией идентичностей конкретных групп и выражается в их целенаправленных действиях [9. С. 10]. Анализ политики идентичности с позиций социального конструктивизма оказывается весьма плодотворным для изучения производства идентичности молодежи.

Оценка движений как неотъемлемого спутника общества, действующего с позиции рациональной оценки ресурсов, — причина изучения их организационной структуры и политических возможностей для удовлетворения социальных интересов. Ресурсы — возможности, предоставляемые движению обществом, а мобилизация ресурсов — их получение и использование [5. С. 65]. На то и другое влияет структура политических возможностей: в России она связана с историей советского активизма [21], демократическими инновациями на раннем постсоветском этапе [20], обусловившими появление новых акторов в общественной жизни [7], особенностями взаимодействия организаций граждан и государственных структур [10; 12]. В США и Западной Европе политико-культурный контекст общественных движений определил специфичный дизайн их институционализации и этноцентричный характер теорий [5. С. 5, 7], нацеленных на оценку результативности активизма для изменения политических режимов, поэтому важны социокультурные последствия активизма, т.е. конструируемая политики идентичности.

В качестве источника данных о современном активизме в России была выбрана открытая база заявок СОНКО за 2017–2023 годов (N=126587), поступивших в Фонд президентских грантов (4). На сайте фонда размещены сведения о грантозаявителях и темы заявок, которые были рассмотрены как социальные идеи для воплощения в общественной работе. Такие идеи влияют на идентичность молодежи, т.е. она конструируется акторами на основе доступных им культурных материалов для переопределения своего положения в обществе и трансформации его структуры [23. С. 8]. Мы прибегли к возможностям искусственного интеллекта — редактору ReplitAI и чат боту chatGPT. Оба инструмента использовались для напи-

сания специального кода на языке Python. ReplitAI выполнял задачу написания кода для фильтрации проектов на первой, обобщенной стадии, chatGPT давал возможность их конкретизации, уточнения. На первом этапе кодирования осуществлялась загрузка модели обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP) с использованием библиотеки spaCy. Код должен был считывать перечень ключевых, определенных нами слов и преобразовывать их в лемматизированные формы для улучшения точности поиска. Затем определялась функция, которая использовалась NLP для определения, связан ли проект с какой-то конкретной или общей темой. База заявок на получение президентских грантов представляла собой таблицу Excel, поэтому функция применялась к каждому проекту в датафрейме (таблицах).

Разработанная методика позволила в течении 15 минут обработать базу заявок и получить желаемую информацию. Самым трудным оказалось составление списка ключевых слов, направленных на «выявление порождающей модели содержания текста» [18. С. 74], и латентное кодирование, ориентированное на поиск имплицитных значений [15. С. 68]. На первом этапе по основам слов «молод», «молодеж» удалось быстро выделить из базы проекты, связанные с молодежью (N=16852). На втором этапе потребовалось многократное обращение к перечню названий проектов для уточнения списка ключевых слов и определения принципов их объединения. Отдельный вопрос — последовательность перечня тем: наиболее эффективной стала фильтрация от меньшего к большему, т.е. в начале выделялись малочисленные темы. Несмотря на сложности, специально написанный код оказался эффективен для автоматического отбора и классификации проектов на основе ключевых слов.

Для изучения оснований группой идентичности молодежных СОНКО были проведены интервью с лидерами таких организаций в Республике Татарстан (N=14). Регион отличается высокой общественной активностью (в 2023 году занял 6 место в России по финансированию СОНКО) (4), а его полиэтничный характер может влиять на молодежные объединения. Также были проведены включенные наблюдения на церемониях открытия и закрытия летних лагерей двух молодежных СОНКО — национально ориентированного «Сэлэт» и «Скаутов Татарстана». Наблюдение за мероприятиями объясняется значением праздников, ритуалов и церемоний для легитимации политических сообществ [21]. Наблюдение предполагало полное и детальное описание «текста» события — фиксацию речей организаторов и используемых ими технических средств для репрезентации продвигаемых идентичностей [24]. В статье используются данные опросов ВЦИОМ, Левада-центра и авторского опроса молодежи Татарстана (2019, N=1250), проведенного по квотной выборке (параметры — пол, возраст, национальность, место проживания).

СОНКО в политике идентичности

Российские СОНКО, работающие по молодежной тематике, — обязательные участники конкурсной кампании Фонда президентских грантов. Их доля колеблется от 12 % в 2022 году до 15 % в 2018 году. До 2020 года наблюдался рост СОНКО, связанных с молодежью, снижение их численности в 2023 году объясняется уходом западных кампаний, финансировавших третий сектор, и повышением конкуренции между организациями вследствие введения новых высоких требований Фондом [1]. Анализ тем проектов показывает разнообразие повестки политики идентичности молодежи, выдвигаемой СОНКО. В тройку самых популярных входят проблемы инклюзивности, локальных территорий и девиации: ежегодно это каждый четвертый-пятый проект, за исключением 2023 года, когда первой проблеме было посвящено 42 % заявок (Табл. 1).

Таблица 1

Тематика заявок молодежных СОНКО, поданных в Фонд президентских грантов, ед.

Темы	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Всего
Инклюзия	450	614	568	865	767	808	545	4426
Локальная территория	361	514	521	616	544	534	252	3342
Девиация	328	454	398	581	466	518	224	2969
Здоровый образ жизни	160	275	261	340	296	272	139	1743
Образование, просвещение, soft skills	217	271	274	239	287	253	153	1694
История	122	161	167	188	157	146	70	1011
Гражданственность	85	140	91	86	73	73	30	578
Культура	35	54	56	47	69	58	22	341
Экология	31	55	40	44	49	67	19	305
Этническое и межнациональное	31	44	34	37	33	36	21	236
Другое	23	38	34	35	28	32	17	207
Всего	1843	2620	2444	3078	2769	2797	1301	16852

Значимый акцент молодых общественников на проблемах исключаемых социальных групп (лиц с редкими заболеваниями и их семей, тех, кто оказывается в трудной жизненной ситуации — людей с ограниченными возможностями, детей-сирот, воспитанников детских колоний и интернатов, детей из неблагополучных семей) подчеркивает стремление активистов к привитию

молодым поколениям базовых ценностей, связанных с заботой и поддержкой уязвимых социальных групп. Связаны с вопросами формирования социальной идентичности молодежи и проекты, посвященные работе с девиантами и профилактике отклоняющегося поведения в молодежной среде. СОНКО готовы организовывать досуг исключаемых, реабилитационные и кризисные центры, службы поддержки, создавать безбарьерную городскую среду, осуществлять социальное сопровождение и защиту прав с помощью объединения данных категорий, их вовлечения в спорт, социальные и культурные проекты и особенно их обучения в специальных школах, лагерях и центрах дополнительного образования, а также подготовки специальной литературы по адаптации и привитию профессиональных компетенций исключаемых.

Другая часто встречающаяся тема — локальная территория. Молодые общественники озабочены перспективами развития городских и сельских территорий, видят решение в активизации местного предпринимательства и освоении населением современных технологий. Тем самым проблематизируется идентификация молодежи с местом проживания, миграция в города и закрепление в местах проживания.

Отдельная группа молодежных проектов посвящена пропаганде здорового образа жизни с помощью спортивных и туристических мероприятий. Нередко в их названии прилагательные «спортивный» и «здоровый» употребляется одновременно со словами «патриотический» и «Россия», что подчеркивает заявку СОНКО на участие в политике гражданской идентичности. Активисты продвигают ассоциацию молодого гражданина России с человеком, ведущим здоровый образ жизни.

СОНКО акцентирует роль в гражданской идентичности молодежи истории — ей посвящены просветительские проекты о значимых событиях и личностях. Среди употребляемых слов-событий и слов-символов доминируют: Великая Отечественная война, победа, партизан, Невский, реконструкция, следопыт, битва, ВЛКСМ, память, Петр I, солдат, история ТАССР, космос, история славы, защитник, Ржевская битва. Военно-патриотическая направленность проектов подчеркивается эмоциональными формулировками — «молодежные элиты», «будущее России», «Россия вперед». Нередко к проектам привлекается казачество, офицеры в запасе, ветераны МВД — для воспитания молодежи через военную историю России. Связана с гражданской идентичностью и идея общественной дипломатии: СОНКО готовы участвовать в укреплении межгосударственных связей, в продвижении интересов России за рубежом.

Наконец, весьма распространена заявка СОНКО на выполнение просветительских, образовательных функций и на формирование лидеров из числа молодежи. Для этого предлагается организовывать площадки для подготовки молодежи к выбору профессии, наращиванию профессиональных компетенций, развитию soft skills. Общественники готовы учить молодежь навыкам проектной деятельности, в том числе социально ориентированной.

Новое содержание активизма подчеркивает название одного из проектов — «Молодежные НКО. От энтузиазма к профессионализму». Много внимания в заявках уделяется объединению профессиональных сообществ из числа активной молодежи — предпринимателей, ученых, педагогов, юристов, рабочих, «будущих политиков».

В тройку наименее распространенных тематик вошли «культура», «экология», «этническое и межнациональное». Активисты заинтересованы в организации спектаклей и творческих фестивалей, создании мультфильмов, открытии мастерских и студий. Экологическая тематика представлена в основном просветительскими проектами по привитию экологической культуры детям и молодежи. Изучение народных промыслов и ремесел, поддержка русского языка и языков народов России, социокультурная адаптация иностранных студентов, проведение форумов православной, старообрядческой, мусульманской, финно-угорской молодежи и этнических сообществ — значимые для общественников направления работы, связанные с гармонизацией межэтнических отношений.

Молодежные СОНКО «изнутри»

Анализ интервью с лидерами молодежных СОНКО Татарстана позволил выявить когнитивные основания их коллективного «я». Общая цель активистов — создание посреднического *«звена между молодежью и государством»*, *«нейронов, которые их связывают»*. Однако чаще во время интервью они апеллировали к категории «интерес», считая его формирование у молодежи своей приоритетной задачей — чтобы *«каждый был при деле»*, участвовал *«в чем-то созидательном»*, мог *«найти себя»*. СОНКО сравнили с теплицей, в которой *«выращиваются»* интересы молодежи, с *«площадкой для развития инициатив»*, который общественники должны *«слышать, чувствовать и использовать»*.

Для формирования и развития интересов молодежи активисты прибегают к событийной стратегии и социальному проектированию: организуют мероприятия локального (например, для одного школьного класса) и регионального уровня с разным охватом (от 3–5 до тысячи человек). Мероприятия могут быть постоянными (студенческая весна, скаутские подходы) или спонтанными (акции в память о трагедии), иметь разную форму (акции, творческие фестивали, конкурсы, специализированные лагеря, соревнования), проводиться на средства грантов или по заказам крупных предприятий для популяризации труда рабочего, сельского образа жизни, привития компетенций. Лидеры учат новичков организовывать *«мероприятия под ключ»*, придумывать проекты, прокачивают их на тренингах и мастер-классах, подчеркивая, что главное — наличие *«объединяющей идеи»*.

Еще одна цель активистов — диагностика интересов молодежи. Для этого они прибегают к наблюдению, личному и групповому офлайн и онлайн об-

щению, целевой работе с потенциальными членами организаций (например, победителям школьных олимпиад рассылаются приглашения на мероприятия). Так улавливаются современные молодежные тренды, а организации *«подстраиваются под них»*. Свою наставнически-диагностическую миссию лидеры объясняют отсутствием *«единой системы развития от школьной скамьи до университета»*, дефицитом дружеского окружения у детей и молодежи. Они готовы *«помочь молодым людям найти свой путь, реализовать себя»*, стремятся настроить молодежь *«на то, что любой вопрос можно решить честно»*, отвлечь подростков от негатива и заняться их просвещением.

Наряду с общими когнитивными основаниями коллективного «я», в молодежных СОНКО прослеживаются специфические представления о целях общественной деятельности, которые задает территориальный статус и тематическая направленность организаций. Можно выделить пять типов групповой идентичности СОНКО Татарстана: гражданско-патриотический тип характерен для отделений федеральных движений «Юнармия», «Волонтеры Победы», «Молодая гвардия Единой России» и ряда республиканских организаций (например, объединения «Отечество»); профессиональный тип — для филиалов общероссийских организаций (российские студенческие отряды) и местных инициатив (Аграрное молодежное объединение, Союз молодежи предприятий и организаций РТ); связанный с интеллектуальным развитием и творчеством (Созвездие-Йолдызлык, КВН РТ, Академия творческой молодежи, «Свободная территория» в Набережных Челнах); национально-языковой (Молодежная ассамблея народов Татарстана, Всемирный форум татарской молодежи, Молодежный общественный фонд «Сэлэт», «Безнең яшьләр»); ситуативный — когда *«направления меняются, исходя из интересов членов организации»* (Лига студентов, Молодежный комитет Альметьевского района). Повестка коллективной идентичности СОНКО определяет направленность задач: одни лидеры заинтересованы в развитии территорий, другие — в популяризации науки, развитии творческих способностей, воспитании чувства гордости за этническую общность, повышении знаний и престижа татарского языка путем создания среды общения, третьи — в объединении работающей молодежи, занятой в разных отраслях и не знающей *«где себя проявлять»*.

Гайд интервью содержал просьбу дать оценку работы влиятельных молодежных СОНКО, и серьезная дискуссия возникла по поводу союзов гражданско-патриотической направленности. Их лидеры нацелены на военно-направленные проекты, приуроченные к событиям из истории страны, организацию специальных лагерей для изучения азов военной науки, поисковых экспедиций и архивной работы, поддержку ветеранов, посещение военных музеев, оборонных заводов и исторических реконструкций. По мнению экспертов, после участия в поисковых работах *«у ребят взгляды меняются... более взрослые, осознанные становятся»*, и 70 % участников военно-патриотических организаций поступают в военные учебные заведе-

ния. Активисты из других СОНКО считают, что *«одной военкой не возьмешь: я должен сначала полюбить страну, потом пойти на парад, а не пойти на парад, чтоб полюбить страну»*. Для них *«патриотизм — это любить свою Родину, знание традиций, осознание истории своей семьи, любовь к родному краю, малой родине»*; когда *«люди знают свое место в жизни... себя в этой стране видят»*, и личные достижения — главный показатель любви к Отечеству. Информанты допускают возможность привития патриотизма молодежи через культуру, детский туризм, видеопродукцию, интерактивные проекты, но форм *«к сожалению, мало»*, и *«очень многое зависит не от центра (Москвы)... делать будут местные власти»*.

Несмотря на разные тематические основания коллективного «я» молодежных СОНКО, все они на значимых мероприятиях придерживаются обязательных атрибутов — иницилируемых лидерами церемоний торжественного поднятия флагов России и Татарстана, совместного исполнения гимнов страны и республики, унифицированной, отражающей принадлежность участников движения к России и к организации одежды, требования к которой прописаны в уставах объединений. Так, на открытии лагеря «Белый волк» принятые в организацию ребята были одеты в синие рубашки: на левом плече расположена эмблема государственного флага, на левом рукаве — полукруглая нашивка организации «Скауты Татарстана», ниже — эмблема одного из действующих в Казани скаутских отрядов. Над карманом находится круглая нашивка «РСО» (Российская скаутская организация) и «годовые звезды» (маленькая звезда — один год членства, большая — пять лет, большая и маленькая — шесть), на кармане — бронзовая, серебряная или золотая эмблема («скаутская лилия»). Выступления лидеров организаций на важных церемониях всегда содержат упоминания России в контексте ее поступательного развития, что подчеркивает интенцию к формированию чувства сопричастности к общественной организации, продвижению общероссийской идентичности в молодежной среде.

Коммуникация в СОНКО построена по сетевому, вертикально-горизонтальному, офлайн/онлайн принципу. Каждая организация Татарстана имеет представительства в городах и районах республики (например, у «Юнармия» 49 муниципальных штабов, Аграрного молодежного объединения — филиалы в 39 районах, Молодежной ассамблеи народов Татарстана — 15 представительств). В распоряжении активистов отдельные помещения в школах, центрах дополнительного образования, вузах и Домах дружбы народов. В штат на постоянной основе могут входить бухгалтер, специалист пресс-центра и по социальным сетям, пиар-менеджер и офисный менеджер. СОНКО взаимодействуют с федеральными, республиканскими и муниципальными структурами, получают федеральные гранты, а также финансовую и организационную помощь от руководства региона, вузов, колледжей, крупных компаний, предпринимателей, родителей и иных частных лиц. Молодежные СОНКО Татарстана плотно взаимодействуют благодаря общим

интересам, стимулирующим участие общественников в мероприятиях друг друга. Нередко лидеры дружат и направляют потенциальных участников в специализированные организации. Однако была отмечена слабость межрегиональных связей между СОНКО — важно *«масштабировать конкретную практику с одной территории по другим»*.

СОНКО представлены во всех мессенджерах, нередко имеют прямую связь с местными СМИ и учебными заведениями, проводят пресс-конференции на крупных городских мероприятиях, выезжают в районы для самопрезентации и знакомства с местной молодежью. Агитация в социальных сетях оценивается как *«самое лучшее»*, хотя будущих членов молодежных организаций приводит и старшее поколение, родители, нередко имеющие опыт общественной работы.

Эмоциональные связи в молодежных СОНКО часто выстраиваются на чувстве долга и *«зове души»*. Одна часть СОНКО — *«люди с активной гражданской позицией, которые что-то хотят реально изменять»*, другой части *«интересно что-то новое»*, третьи руководствуются рациональными целями: *«В крупных общественных объединениях очень велика вероятность, что после определенного опыта деятельности могут забрать в исполнительный комитет»*. Организуемое некоторыми СОНКО стажерство в органах государственной и муниципальной службы оценивается как *«шанс показать себя»*: *«мало кого из общественников потом не забирали на работу»*, т.е. СОНКО — *«структура, дающая молодые, перспективные кадры для многих отраслей»*. Кстати, высокое значение участию в общественных организациях для социальной мобильности придают 76 % россиян (5).

Готово ли российское общество и молодежь к новой общественной активности?

В России растет запрос на вовлечение молодежи в общественно-политическую жизнь (в 2019 году — 90 % респондентов), и все большее число россиян соглашается с необходимостью государственной поддержки общественных организаций: в 2022 году по сравнению с 2012 годом доля респондентов, считающих, что власти должны поддерживать инициативы молодежи, увеличилась на 13 % и составила 82 % (5). За это же время на 9 % увеличилось число тех, кто стал замечать общественную активность российской молодежи (хотя 48 % таковой не видят вовсе (6)). 69 % имеющих детей/внуков до 30 лет хотели бы видеть их в общественных организациях (7).

В то же время социологические данные показывают несколько противоречий в развитии нынешней общественной активности молодежи. Во-первых, отсутствует консенсус в отношении того, какие идеи молодого поколения должно поддерживать государство [11]. Мнения опрошенных в 2022 году разделились поровну: одни высказались за поддержку всех начинаний молодежи, другие — только самых значимых проектов (по 41 %) (8). Во-вторых, от-

существует единое понимание, кто должен руководить молодежными СОНКО: половина видит в этом качестве представителей среднего возраста, 18 % — старшего, 24 % — молодежь. Статистически значимых различий в ответах возрастных групп практически не наблюдается, т.е. даже молодое поколение пока не претендует на руководящую роль в СОНКО.

Относительно взаимодействия государства с молодежью мнения россиян разделяются практически в равных долях: 42 % считают, что молодежные организации и движения должны находиться под контролем государства (чем старше респонденты, тем активнее поддерживают эту точку зрения), 47 % — что «государство должно способствовать развитию таких организаций, но не вмешиваться в их работу» (62 % среди 18–24-летних). Для опрошенных в нашем исследовании эта проблема связана с правом выбора молодежи, включения/исключения ее из общественных отношений: *«Если оно [право выбора] есть, они чувствуют себя хозяевами судьбы, и они будут это делать [проявлять активность]. Если же этого выбора нет, они либо погаснут, либо будут выражать протест»*. Как найти баланс между патернализмом и обеспечением конструктивной свободы молодого поколения — вопрос, который пока остается без ответа.

Еще один сложный вопрос — включение молодого поколения в СОНКО. В 2018 году 55 % 18–35-летних и 30 % респондентов средних и старших возрастов заявили об участии в общественных и политических организациях (9). В 2019 году 40 % 18–24-летних и 44 % 25–34-летних отметили, что им неинтересна деятельность молодежных общественных организаций (по стране 28 %) (7). В нашем опросе молодежи Татарстана членство в общественных организациях подтвердили 40 %, а те, кто не участвует в них, объяснили свою позицию тем, что им *«не интересна общественная работа»*, *«не хочу заниматься бесплатно»*, *«мне не нравятся существующие организации»*, *«не нравятся лидеры»*, *«не устраивает деятельность существующих организаций»*, *«есть печальный опыт участия в общественной работе»*, *«мне там скучно»*, *«просто не хочу ничего делать»* (от 3 % до 12 %). Каждый третий такой респондент указал на *«нехватку времени из-за работы, семьи»* и отсутствие информации об общественных организациях, что подчеркивает необходимость поиска *«особых форм информационного взаимодействия»* СОНКО и молодежи.

Лидеры СОНКО отметили и дефицит тематик активности: как показал наш опрос, она ассоциируется у молодого поколения преимущественно с волонтерским движением, заметно реже со спортивными объединениями, творческими союзами, благотворительностью, экологическими организациями, религиозными и национально-культурными объединениями. Формирование и тиражирование разнообразных и внятных смыслов общественной активности будет способствовать самореализации молодежи не только в плане личной и социальной полезности обществу, но и в части накопления образовательного, профессионального и иных капиталов. Важность последнего

подчеркнули активисты, указавшие на высокую заинтересованность молодежи в саморазвитии. В числе причин отсутствия интереса молодежи к СОНКО лидеры назвали дублирование и имитационный характер некоторых общественных проектов, *«общественный туризм», выражающийся в участии подрастающего поколения в мероприятиях под административным давлением и в понимании “что их используют”*», перетягивание министерствами и ведомствами деятельных молодых людей и появление у них усталости, в целом *«массовое безразличие»* молодежи (хотя отмечалось, что активизм не может быть всеобщим по определению).

Последнее десятилетие в России характеризуется появлением нового типа активизма. Его черты — институционализация и обновление коллективного «я», продвигаемых идей и коллективных действий, позволяющих общественникам претендовать на завоевание социального пространства с помощью специфических смыслов и средств. В повестку конструируемой молодежными СОНКО политики идентичности входит, прежде всего, включение в общественные отношения и привитие базовых общероссийских ценностей, далее следует формирование локальной и национально-гражданской идентичности. Для укрепления гражданской компоненты идентичности активисты, как правило, прибегают к военно-патриотической тематике и к пропаганде здорового образа жизни. Значимой частью политики идентичности российской молодежи, продвигаемой СОНКО, выступает ориентация на образовательную деятельность и продвижение профессиональных идентичностей. Активисты готовы повышать компетенции по отдельным профессиям, участвовать в формировании пула активистов как профессиональной группы с соответствующими знаниями и умениями, т.е. СОНКО становятся ресурсом пополнения профессионального и властного слоев российского общества. Крайне необходимая в условиях глобальной турбулентности тема консолидации российского общества дополняется в молодежной среде политикой локальной идентичности, ее сосредоточением на местных, повседневных проблемах молодого поколения.

Примечания

- (1) АНО «Левада-Центр» внесена Министерством юстиции в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.
- (2) Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций, сформированный в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2021 года № 1290 // URL: <https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko>.
- (3) Видеообращение Президента Республики Татарстан к участникам первого съезда Российского движения детей и молодежи 18 декабря 2022 года // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/70097>.
- (4) Распределение грантов по регионам в 2023 году // URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--plai/public/regional-finance-result/2023>.

- (5) Расширенная подборка данных ВЦИОМ к тематическому выпуску «Гражданский активизм» // URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/rasshirennaya_podborka_dannyh_wciom_032021.pdf.
- (6) База результатов опросов россиян «Спутник» // URL: <https://clck.ru/3BrZH3>.
- (7) Молодежный активизм = общественная польза? // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodyozhnyj-aktivizm-obshchestvennaya-polza>.
- (8) Общественная активность молодежи // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi>.
- (9) Гражданский активизм российской молодежи // URL: <https://www.levada.ru/2020/10/01/grazhdanskij-aktivizm-rossijskoj-molodezhi>.

Библиографический список

1. Акулич М. Тренды в развитии и барьеры некоммерческого сектора // Социодиггер. 2023. Т. 4. № 10.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
3. Васильева Е.А., Рубцова М.В. Мотивация государственной службы к взаимодействию с гражданским обществом: опыт республики Саха (Якутия) // Материалы X Международной социологической Грушинской конференции «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности». М., 2020.
4. Здравомыслова Е. Политика идентичности правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» // Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения. М., 2009.
5. Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993.
6. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика. Общество. Культура. М., 2020.
7. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М., 2010.
8. Ключарев Г.А., Трофимова И.Н. Несколько «уроков» теории и практики гражданского образования // Политические исследования. 2016. № 1.
9. Малинова О.Ю. Политика идентичности как борьба за смыслы: Проблемы концептуализации // Символическая политика / Под ред. О.Ю. Малиновой. Вып. 5: Политика идентичности. М., 2017.
10. Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества. М., 2007.
11. Омельченко Е.Л., Лисовская И.В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2.
12. Патрушев С.В., Жаворонков А.В. Мерсиянова, И.В. Недяк И.Л. Трансформация политического, социального и гражданского в условиях господства: российский случай // Россия реформирующаяся: ежегодник / Под ред. М.К. Горшкова. Вып. 19. М., 2021.
13. Романов П., Ярская-Смирнова Е. «Две стороны одной монеты или одна сторона — двух...» (Предисловие) // Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М., 2009.
14. Савельева Е.А. Гражданская активность молодежи: варианты концептуализации понятия // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2013. № 2.
15. Семенова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения. М., 2010.
16. Скокова Ю.А. Социология общественных движений: возможности и ограничения основных теоретических концепций // Социологические исследования. 2014. № 3.
17. Современные молодежные организации России. Материалы VIII молодежного слета молодежного актива. М., 2018.

18. *Таршиш Е.Я.* Перспективы развития метода контент-анализа // Социология: 4М. 2002. № 15.
19. *Фадеева Л.А.* Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал // Политическая наука. 2016. № 2.
20. *Халий И.А.* Современные общественные движения. Инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М., 2007.
21. *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1.
22. *Яницкий О.Н.* Фазы развития российского экологического движения // История и современность. 2007. № 2.
23. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society, and Culture. The Power of Identity. Wiley, 2010.
24. *De Liddo A., Souto N.P., Plüss B.* Let's replay the political debate: Hypervideo technology for visual sensemaking of televised election debates // International Journal of Human Computer Studies. 2020. Vol. 145.
25. *Melucci A.* Getting involved: Identity and mobilization in social movements // International Social Movement Research. 1988. Vol. 1.
26. *Schlembach R., Nulman E.* Advances in social movement theory since the global financial crisis // European Journal of Social Theory. 2018. Vol. 21. No. 3.
27. *Snow D., Benford R.* Ideology, frame resonance and participant mobilization // International Social Movement Research. 1988. No. 1.
28. *Tarrow S.* Power in Movement: Social Movements, Collective Action and Politics. Cambridge University Press, 1994.
29. *Touraine A.* Production de la societe. Paris, 1973.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1052-1067

EDN: PUEFED

Russia's youth non-commercial organizations: Identity politics and the collective "I"*

G.F. Gabdrahmanova¹, R.D. Galiullin²

¹Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences,
Baturina St. 7, Kazan, 420111, Russia

²Empress Catherine II Saint Petersburg Mining University,
Vasilievsky Island, 21st line, 2, Saint-Petersburg, 199106, Russia

(e-mail: medi54375@mail.ru; rd.galiullin@gmail.com)

Abstract. The last decade in Russia is characterized by the formation of the institutional public activism, which is expressed in the emergence of its new, legislative form — socially oriented non-commercial activity. The article aims at examining the foundations of the group identity of the youth in such socially oriented non-commercial (non-governmental) organizations (SONGOs) and at identifying those significant social ideas that underlie the identity of the Russian youth. The study is based on the concept of identity, interpreting the ideas of youth movements, and on the resource mobilization model which allows us to study the collective "I" of the youth SONGOs. This

*© G.F. Gabdrahmanova, R.D. Galiullin, 2024

The article was submitted on 12.07.2024. The article was accepted on 14.10.2024.

methodological framework presents the Russian youth's activism as a multi-level system of collective action. The empirical base of the study consisted of the following: a list of applications submitted by SONGOs to the Presidential Grant Foundation for financial support in 2017–2023; interviews with leaders of youth organizations in the Republic of Tatarstan; participant observation at the opening and closing ceremonies of summer camps of two youth associations; the authors' survey of the youth in the Republic of Tatarstan and surveys of the Russian youth conducted by WCIOM and Levada Center (1). As the results of the study showed, the agenda of SONGOs focuses on social (in terms of socialization), local and national-civil identity of the younger generation. Thus, despite different tasks of youth organizations, a clear association with Russia is traced in all their significant events through state symbols and leaders' speeches. Social activists are ready to improve their competencies in certain professions and participate in the formation of a pool of young activists as a separate professional group with the relevant knowledge and skills. The basis of the group identity of youth SONGOs is their self-perception as an intermediary between the authorities and the younger generation, capable of identifying, actualizing and developing diverse interests of the youth. The further influence of SONGOs on the youth socialization and identity will be largely determined by the attitude of the Russian population to the new type of social activism.

Key words: youth; socially oriented non-commercial (non-governmental) organizations; identity politics; group/collective identity; meanings; resources; activism

References

1. Akulich M. Trendy v razvitiy i bariery nekommercheskogo sektora [Development trends and barriers of the non-profit sector]. *Sotsiodigger*. 2023; 4 (10). (In Russ.).
2. Berger P., Luckmann T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow; 1995. (In Russ.).
3. Vasilyeva E.A., Rubtsova M.V. Motivatsiya gosudarstvennoj sluzhby k vzaimodejstviyu s grazhdanskim obshchestvom: opyt respubliki Sakha (Yakutiya) [Motivation of public service to interact with civil society: The example of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Materialy X Mezhdunarodnoy sotsiologicheskoy Grushinskoy konferentsii "Zhit v Rossii. Zhit v mire. Sotsiologiya povsednevnosti"*. Moscow; 2020. (In Russ.).
4. Zdravomyslova E. Politika identichnosti pravozashchitnoj organizatsii "Soldatskie materi Sankt-Peterburga" [Identity politics of the human rights organization "Soldiers' Mothers of Saint Petersburg"]. *Obshchestvennye dvizheniya v Rossii: tochki rosta, kamni pretknoveniya*. Moscow; 2009. (In Russ.).
5. Zdravomyslova E.A. *Paradigmy zapadnoj sotsiologii obshchestvennykh dvizhenij* [Paradigms of the Western Sociology of Social Movements]. Saint Petersburg; 1993. (In Russ.).
6. Castells M. *Informatsionnaya epokha. Ekonomika. Obshchestvo. Kultura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow; 2020. (In Russ.).
7. Clement C., Miryasova O., Demidov A. *Ot obyvatelej k aktivistam. Zarozhdayushchiesya sotsialnye dvizheniya v sovremennoj Rossii* [From Ordinary People to Activists. Emerging Social Movements in Contemporary Russia]. Moscow; 2010. (In Russ.).
8. Klyucharev G.A., Trofimova I.N. Neskolko "urokov" teorii i praktiki grazhdanskogo obrazovaniya [Several "lessons" on the theory and practice of civil education]. *Political Studies*. 2016; 1. (In Russ.).
9. Malinova O.Yu. Politika identichnosti kak borba za smysly: Problemy kontseptualizatsii [Identity politics as a struggle for meaning: Issues of conceptualization]. Malinova O.Yu. (Ed.). *Simvolicheskaya politika. Vyp. 5: Politika identichnosti*. Moscow; 2017. (In Russ.).
10. Mersyanova I.V., Yakobson L.I. *Obshchestvennaya aktivnost naseleniya i vospriyatye grazhdanami uslovij razvitiya grazhdanskogo obshchestva* [Social Activity of the Population and Citizens' Perception of the Conditions for the Development of Civil Society]. Moscow; 2007. (In Russ.).

11. Omelchenko E.L., Lisovskaya I.V. Molodezh kak barometr budushchego? Molodezhnaya povestka v sovremennoy Rossii skvoz mneniya ekspertov po molodezhnoy politike [Youth as a barometer of the future? The youth agenda in contemporary Russia in the perception of the youth policy experts. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2022; 2. (In Russ.).
12. Patrushev S.V., Zhavoronkov A.V., Mersiyanova I.V. Nedyak I.L. Transformatsiya politicheskogo, sotsialnogo i grazhdanskogo v usloviyah gospodstva: rossijsky sluchaj [Transformation of the political, social and civil under domination: The Russian case]. Gorshkov M.K. (Ed.). *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik. Vyp. 19*. Moscow; 2021. (In Russ.).
13. Romanov P., Yarskaya-Smirnova E. “Dve storony odnoj monety ili odna storona — dvuh...” (Predislovie) [“Two sides of one coin or one side of two...” (Preface)]. Romanov P., Yarskaya-Smirnova E. (Eds.). *Obshchestvennye dvizheniya v Rossii: tochki rosta, kamni pretkoveniya*. Moscow; 2009. (In Russ.).
14. Savelyeva E.A. Grazhdanskaya aktivnost molodezhi: varianty kontseptualizatsii ponyatiya [Civil activity of the youth: Options for conceptualization]. *RUDN Journal of Sociology*. 2013; 2. (In Russ.).
15. Semenova A.V., Korsunskaya M.V. *Kontent-analiz SMI: problemy i opyt primeneniya* [Content Analysis of the Media: Problems and Application]. Moscow; 2010. (In Russ.).
16. Skokova Yu.A. Sotsiologiya obshchestvennykh dvizhenij: vozmozhnosti i ogranicheniya osnovnykh teoreticheskikh kontseptsij [Sociology of social movements: Possibilities and limitations of basic theoretical concepts]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2014; 3. (In Russ.).
17. *Sovremennye molodezhnye organizatsii Rossii. Materialy VIII molodezhnogo sleta molodezhnogo aktiva* [Youth Organizations in Contemporary Russia. Proceedings of the VIII Meeting of Youth Activists]. Moscow; 2018. (In Russ.).
18. Tarshis E.Ya. Perspektivy razvitiya metoda kontent-analiza [Prospects for the development of content analysis]. *Sotsiologiya: 4M*. 2002; 15. (In Russ.).
19. Fadeeva L.A. Identichnost kak kategoriya politicheskoy nauki: issledovatel'skoe pole i kognitivnyy potentsial [Identity as a category of political science: Research field and cognitive potential]. *Politicheskaya Nauka*. 2016; 2. (In Russ.).
20. Khaliy I.A. *Sovremennye obshchestvennye dvizheniya. Innovatsionnyy potentsial rossijskikh preobrazovaniy v traditsionalistskoy srede* [Contemporary Social Movements. Innovative Potential of Russian Transformations in the Traditionalist Environment]. Moscow; 2007. (In Russ.).
21. Hobsbawm E. Izobretenie traditsij [The invention of traditions]. *Vestnik Evrazii*. 2000; 1. (In Russ.).
22. Yanitsky O.N. Fazy razvitiya rossijskogo ekologicheskogo dvizheniya [Phases of the development of the Russian environmental movement]. *Istoriya i Sovremennost*. 2007; 2. (In Russ.).
23. Castells M. *The Information Age: Economy, Society, and Culture. The Power of Identity*. Wiley; 2010.
24. De Liddo A., Souto N.P., Plüss B. Let's replay the political debate: Hypervideo technology for visual sensemaking of televised election debates. *International Journal of Human Computer Studies*. 2020; 145.
25. Melucci A. Getting involved: Identity and mobilization in social movements. *International Social Movement Research*. 1988; 1.
26. Schlembach R., Nulman E. Advances in social movement theory since the global financial crisis. *European Journal of Social Theory*. 2018; 21 (3).
27. Snow D., Benford R. Ideology, frame resonance and participant mobilization. *International Social Movement Research*. 1988; 1.
28. Tarrow S. *Power in Movement: Social Movements, Collective Action and Politics*. Cambridge University Press; 1994.
29. Touraine A. *Production de la societe*. Paris; 1973.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1068-1083

EDN: PTIRUV

Sociological portrait of the higher bureaucracy in Russia*

G.A. Borshchevskiy

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vernadskogo av., 82, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: borshchevskiy-ga@ranepa.ru)

Abstract. The article considers the sociological aspects of the senior bureaucrats' appointment in the Russian federal ministries in recent five years. The study aims at identifying the prevailing recruitment model and at assessing the efficiency of policies, the necessity of which is determined by the high influence of bureaucracy in the Russian society and by the negative reputation of the civil service. The theoretical framework of the study consists of the theories of bureaucracy by Max Weber, Karl Marx, and Michel Crozier. The predictor variables describe personal characteristics of senior executives and the mode of their recruitment. The author tested two hypotheses about the predominance of one of two higher bureaucrats' recruitment models: patrimonial (political, patronage) or meritorious; the second model seems to prevail. Based on the Russian dataset, the author also examined the connection between the recruitment model of senior bureaucrats and the efficiency of ministries in implementing government programs, information openness and contribution to the national economic growth. In all three cases, ministries headed primarily by career (meritorious) bureaucrats turned out to be more effective. The primary data on 381 senior civil servants' biographies obtained was collected from the personal pages of official ministerial websites with the method of content analysis. The data on the ministries' efficiency was collected from the annual ministry reports, public indices of informational openness, reports about the state programs implementation, and economic input of each ministry in the sectoral GDP. Quantitative methods such as regression analysis and statistical analysis were used to interpret the data. The author concludes that the Russian system of governance needs a special body to administer its higher bureaucracy (recruitment, remuneration, payment, retirement, etc.) structurally resembling the senior civil service in the OECD countries.

Key words: bureaucracy; civil service; meritocracy; Max Weber; new public management; senior civil servants; recruitment; career trajectory

Sociology of bureaucracy has strong historical roots in the works of Karl Marx, Max Weber and Michel Crozier. In the Russian society, due to its statism, the state bureaucracy has always played a prominent role, although with a traditionally unfavorable reputation [15]. There are different research fields in sociology of bureaucracy, and one of them is the study of the highest level of bureaucracy

*© G.A. Borshchevskiy, 2024

The article was submitted on 14.10.2023. The article was accepted on 20.10.2024.

[see, e.g.: 1; 5; 18; 22] — senior civil servants, and there are special bodies in some countries for recruiting and assessing such officials (e.g., Senior Executive Service in the USA). This stratum occupies an intermediate position between public employees and political elites [10], which is why the terms “political elite” and “administrative elite” are used [13]. Social structure and political organization determine the higher bureaucracy’ features in each country. A sociological study of the high-level bureaucrats’ biographical characteristics allows understand the relationships between civil servants and politicians: are they homogeneous stratum or not, are they principals and agents or, on the contrary, bureaucracy rules, while politicians only “reign”? In addition, such studies shed light on the national public service system: do higher bureaucrats stand out from professionals or there is a “glass ceiling” effect, and only political appointees or representatives of patrimonial clans can make a career? The answers to these questions have both theoretical and applied meaning. I focus on the biographies of the higher civil servants of the Russian federal ministries to identify the prevailing recruitment strategies and career trajectories and compare them with the ministries’ results to find out what type of bureaucracy maximizes the managerial effect.

The concept of bureaucracy proposed by Vincent de Gournay in 1745 covers types of hierarchical management, a set of negative characteristics, and a professional group of administrative employees. Max Weber introduced the concept of rational bureaucracy, separating decision-making (politics) from professional work (administration). The classics of management philosophy, such as Henri Fayol and Michel Crozier, analyzed both state and corporate bureaucracies as having much in common. In Russia, the term “bureaucracy” is used mainly for civil servants [see, e.g.: 15]. Neither the parliament nor judges or law enforcement agencies belong to bureaucracy, since it is usually synonymous with executive power.

Two groups of publications were analyzed: first, traditional long-term studies of senior civil servants in European countries, which combine group surveys and expert interviews with such officials. The theoretical framework of such works is based on the concept of public service proposed by Christopher Hood and Martin Lodge [11] — relation models of senior civil servants and politicians. These models can be described as principal–agent, partnership, expert, etc. Laurenz Ennser-Jedenastik [5] examined the party affiliation of general secretaries (deputy ministers) and suggested that the main drivers of party politicization in elite bureaucracy were a demand for ideological consensus and a representation of major parties in the higher civil service. Alexandre Belloir and Caspar van den Berg [1] wondered what skills — political-strategic, substantive or procedural — senior civil servants consider the most important, and used the concepts of loyalty, responsiveness and responsibility to check how the party-political background of senior civil servants influences their decision-making [4]. Rodney Lowe and Hugh Pemberton considered the evolution of parliamentary select committees to resolve the potential contradiction between bureaucracy and parliamentary democracy [14].

Natacha Gally argues that administrative labor markets as institutions are the result of the interaction of three collective actors: professional groups, administrative organizations and politicians [8]. Katarina Staroňová and Marek Rybar study the patronage type of bureaucratic career — when political parties appoint candidates to public administration [20]. Guy Peters and Jon Pierre showed the consequences of populist politics for public administration and the role of bureaucracy in it [18].

There are many such studies in Asian countries, for instance, in Japan, the tradition promoted by the Meiji Restoration made public administration follow principles of legitimacy, consensus, and seniority [23]. A study of senior Indonesian government officials based on the principal-agent theory showed the likelihood of a hypothetical government official accepting a bribe was lower when strong leaders monitor and impose sanction, while peers refuse bribes [19]. Among Iranian ministers, there are such predominant professional strata as bureaucrats, scientists and specialists, Shiite clergy and political activists [22].

Russian research in the field have been insufficient for a long time. One of the first was Olga Kryshtanovskaya, who proved the continuity of the Soviet management personnel (so-called *nomenklatura*) in contemporary Russia [13]. Some researchers revealed these aspects in the gender and regional perspectives [12]. The higher federal bureaucracy was studied through its recruitment channels and career trajectories [21], through its biographical data and career in federal ministries [7], through neopatrimonial practices and the criteria for the promotion, including links with the boss [9]. According to the publications on the higher bureaucrats' efficiency, the Weberian (professional) type of bureaucracy promotes economic growth [3; 6], and government programs run by professional officials are more effective than those run by political appointees [10].

Many authors emphasize the role of social environment in bureaucrats' efficiency, which should reflect the relationships of officials with politicians, citizens, firms, and non-governmental organizations [2]. Catherine Owen argues (based on the data from Russia and China) that participatory authoritarianism allows public sector reforms while channeling increased civil engagement into secure channels [17]. Ervin McDonnell concludes that in developing countries lacking the ethos of bureaucracy it may develop through observation, imitation and experience, including special projects to change the bureaucratic mentality [16].

Higher bureaucrats are referred to as civil service elite or administrative elite, therefore, we should check the compliance of Russian higher bureaucrats with the sociological understanding of elite (Max Weber, Vilfredo Pareto, Gaetano Mosca, and Robert Michels), and its variety of theories can be reduced to two. The first defines the elite as self-reproducing layer that prevents strangers from entering it (see, e.g., Mosca's altimetry theory of elites). The second interprets the elite as a sum of the most capable and talented professionals from all walks of life (see, e.g., axiological theory of elites, dating back to Pareto). When applied to the civil service, the altimetry theory is expressed in the patrimonial (protectionist) bureaucracy (also

known as the “spoils system”), i.e. appointees are nominated by political leaders and parties, and loyalty takes priority over professional qualities. The axiological theory means meritocratic recruitment and promotion by personal merits, not by origin or social connections. Thus, the first theoretical hypothesis (H.1) is that the higher bureaucracy is the elite of the Russian society. In addition, two technical hypotheses were proposed about the higher bureaucracy correspondence to the patrimonial bureaucracy (H.1.1) or meritocracy (H.1.2).

H.1.1 will be confirmed by the prevalence in the sample: natives of large cities (obviously have the best starting positions for promotion); youngsters with little professional experience (an opportunity to take a high administrative position through patronage); lack of civil service experience and/or tenure in the ministry (immediate leadership positions after the transfer with the minister’s team from another government agency or company); representatives of one university or education profile (an extractive recruiting channel, which provides disproportionate advantages). H.1.2 implies the following characteristics of higher bureaucrats: education profile and/or work in the past correspond to the ministry position (senior civil servants are experts in the professional field); a long professional tenure and/or civil service experience and/or tenure in the ministry (qualification level corresponds to the position); state awards and/or academic degrees (personal achievements confirm the leadership position; however, awards and degrees can be a part of the patrimonial model). The simultaneous presence of several signs would confirm one hypothesis. Patrimonial or meritocratic bureaucracy can have other features, but the limited set of initial data makes their identification difficult, and this limitation can probably be overcome in future research.

The data was collected from personal pages on the federal ministries’ websites as of 2018. Since the number of senior civil servants is relatively small, the sample covers the entire population or a large part of it. The following positions were considered as higher bureaucrats (senior civil servants): federal minister (government members); first deputy and deputy federal minister; department director (the largest ministerial divisions). According to the Russian law, ministers are not civil servants; they are appointed by the president with the consent of parliament and resign after the next elections. The remaining categories are civil servants of the highest group, they are appointed by the government with the minister’s recommendation or by him. They have the right to resign with the appointment of a new minister or continue service until retirement. There are many similarities in the work of these employees, which allows to consider them as a single group in the study.

When identifying the prevailing career strategy, we will test another hypothesis based on previous research [10]: H.2 — ministries led primarily by career bureaucrats (meritorious recruitment) demonstrate greater efficiency than those led by political appointees (patrimonial recruitment). We evaluate the

ministries' efficiency by the following criteria: H.2.1 — government programs implementation. In Russia, public administration is carried out through long-term budget financed sectoral programs, which are supervised by one or more ministries (one is always the main), and there is a government methodology for the annual monitoring (the use of budget funds, the share of target indicators achieved, etc.), the results of which are published (official reports) and allows to compare all ministries' efficiency. We used the official reports for four years before the study. If one ministry is responsible for more than one program, average indicators of effectiveness were used (arithmetic average). H.2.2 — informational openness (transparency) is a part of the New Public Management and a standard developed by the Russian government as mandatory for all ministries (publication of ministry documents and annual reports, the state of the official website, responses to citizens' requests, etc.). H.2.3 — development of the regulated sphere: real changes in gross value added by type of economic activity and the dynamics of the each type of economic activity's contribution to the GDP; an increase in the GDP is a sign of more efficient work given all other things being equal.

Many factors influence the ministry efficiency besides social-demographic characteristics of senior civil servants, and any sectoral development depends not only on federal ministries but also on regional and local administrations, public and non-profit companies. However, under the “power vertical” and the command-style tradition in Russia we expect senior bureaucrats' characteristics to be associated with the sectoral ministries' performance. We collected data from official documents, ministries' evaluations, and biographies, then applied statistical methods to calculate percentages, averages and increases in indicators, and linear OLS regressions for models consistent with our hypotheses. See Table 1 for sets of dependent (DVs) and independent variables (IVs).

Table 1

Description of the empirical model: DVs and IVs

Dependent variables (DVs)	Independent variables (IVs)
Ministry's index of the government programs implementation (<i>Min_effect</i>)	Mode of recruitment: patrimonial (<i>Political</i>) or meritorious Recruitment from within the government or from the outside
Ministry's rank for informational openness (<i>Openness</i>)	Years of service at the ministry University Education profile PhD State awards
Dynamics of development (share of the GDP) in the sphere of ministry's regulation (<i>GDP input</i>)	Tenure in current position Promotions within the ministry Government employment duration Age Gender

Note: Code names of variables that are further used in regression models are given in italics

The total number of analyzed positions was 454: personal pages on the ministerial websites lacked data for 73 department directors, thus, the sample size was 84 % of the general population, and its structure is presented in Table 2.

Table 2

Composition of the sample

Position	Total number	Available data	Coverage	Sample share
Federal minister	21	21	100 %	6 %
(First) deputy minister	138	138	100 %	36 %
Department director	295	222	75 %	58 %
Total	454	381	84 %	100 %

To test H.1, we conducted a descriptive analysis of higher bureaucrats’ social-demographic characteristics. We considered this group as social elite primarily by the birthplace (large cities with better education opportunities) and the university rank.

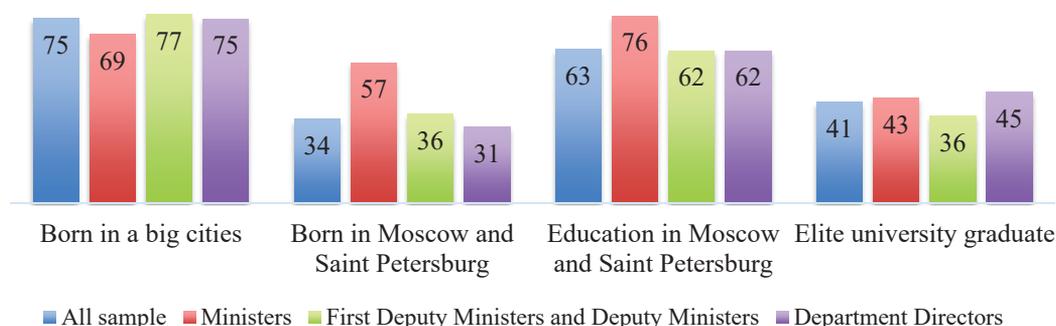

Figure 1. Higher bureaucrats’ birthplaces and education, in % (Elite University = Top Global Universities in the QS Ranking)

Figure 1. supports H.1, since most higher bureaucrats (76 %) were born in large cities. Distribution by region with the share of regions in the Russian population is shown in Figure 2. The largest groups of senior officials are from the Central (43 %) and Northwestern (13 %) regions, which significantly exceeds the share of these regions in the country’s population. Since the largest cities — Moscow and Saint Petersburg — are in these regions, their natives have disproportionately high opportunities for a career. 62 % graduated from Moscow and Saint Petersburg universities, 41 % — from the highest rank universities such as Moscow State University, Moscow State Institute of International Affairs, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg

State University, Higher School of Economics and Financial University under the Government of the Russian Federation. 30 % have liberal arts diplomas, 24 % are economists or managers, 12 % have degrees in engineering, less than 9 % began a military career, and 8 % have degrees in natural sciences. About 5 % have more than one college degree, 33 % have university diplomas in two or more majors. 1 % studied abroad. Almost 34 % have academic degrees of candidate or doctor of sciences, and 48 % received state awards. These indicators are significantly higher than the average for civil servants

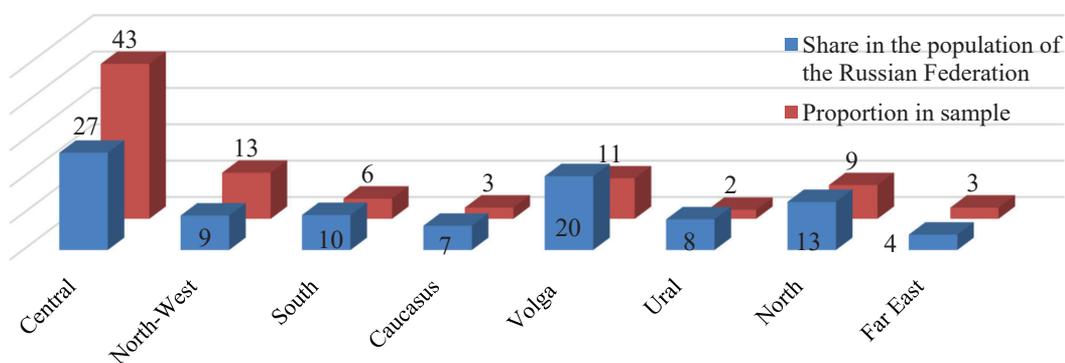

Figure 2. Higher bureaucrats' birthplaces and the population of Russian regions (federal districts), in %

In Figure 3, there are approximately equal shares of the top bureaucrats aged 30–39, 40–49, and 50–59. There is no significant age increase in relation to the position: the share of 30–39-year-olds among senior bureaucrats is even higher than among line managers.

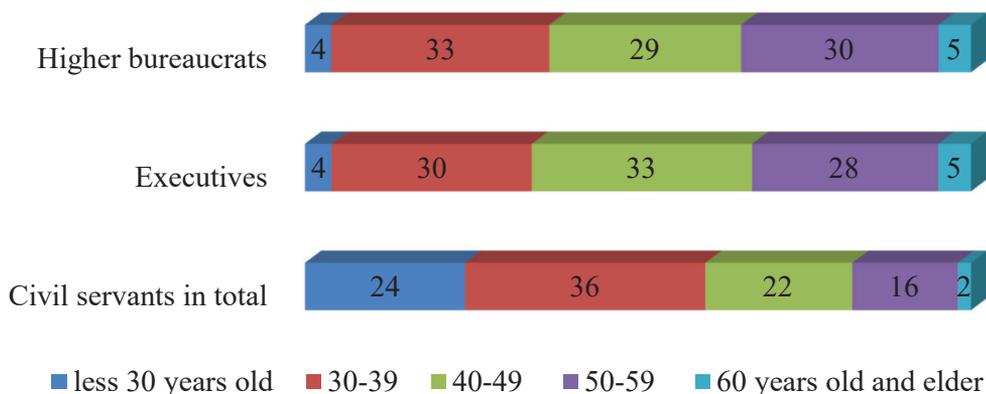

Figure 3. Age groups, in %

The share of women among higher bureaucrats is only 18 % (63 % among line managers and 72 % among civil servants in general), i.e., there is a gender asymmetry explained by “sticky floor” effect — workers of a certain class (women) stay longer in lower positions.

In Figure 4, we see a high share of senior bureaucrats (24 %) with more than 30 years in civil service and 25 % of those with less than 10 years of service.

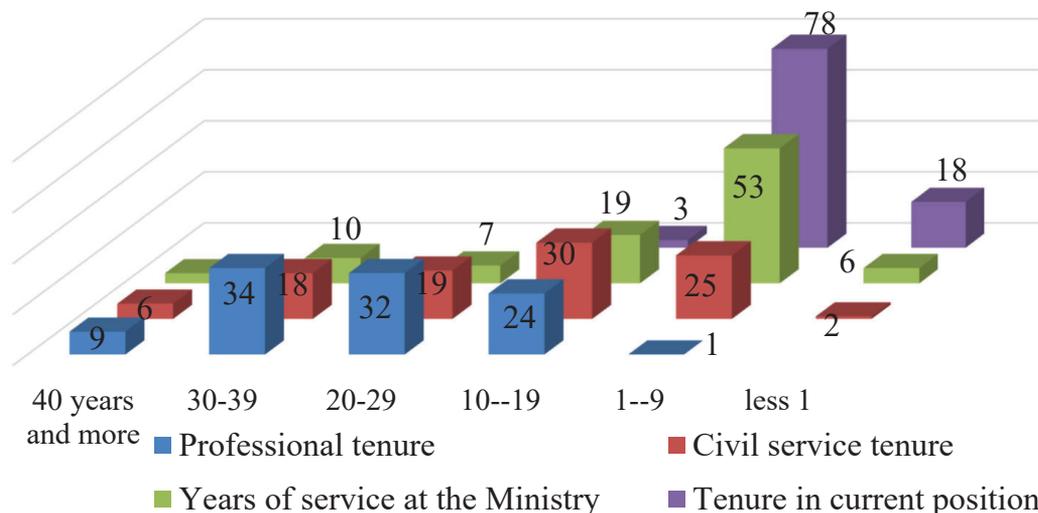

Figure 4. Higher bureaucrats’ tenure, in %

The most common tenure in this ministry (70 %) ranges from 2 to 6 years (one presidential term or the current government). Only 18 % worked at the ministry for more than 6 years, and another 18 % less than a year. Top bureaucrats tend to hold only one (current) position (33 %), 26 % held one other position, 17 % — two positions, 8 % — three, and 17 % — four and more. Educational profile and previous workplace correspond to the ministry specialty for 54 %, the highest educational and career tracks correlation is in the Foreign Affairs Ministry (91 %, including the minister, have diplomas in international affairs and a significant foreign service experience), then come ministries of finance (83 %), internal affairs and sports (75 % each), construction and housing (70 %). The minimum correspondence was found in ministries of defense (17 %), Far East development (22 %), and justice (25 %).

Higher bureaucrats’ previous jobs are presented in Figure 5: every third did not work anywhere else except the ministry, 27 % came from another federal ministry. Transfers from army or police are not common, rather there are transfers from regional authorities (11 %) or business (14 %) to the federal government.

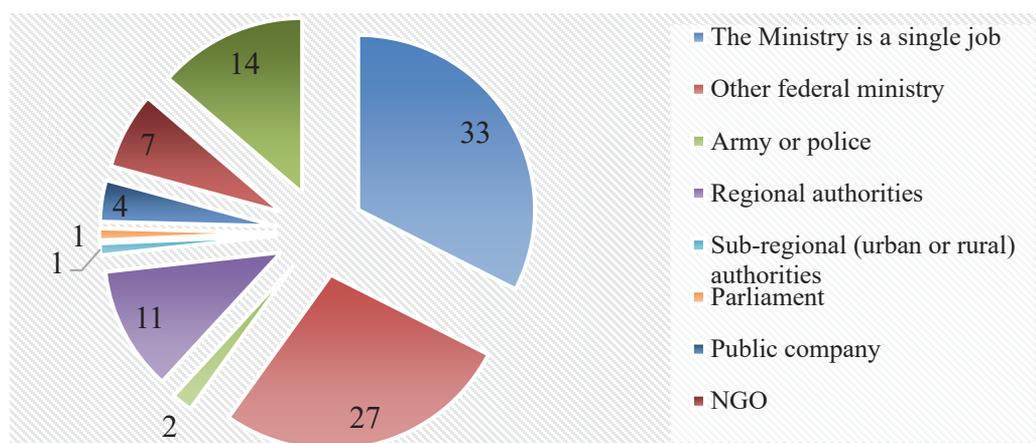

Figure 5. Higher bureaucrats' previous job, in %

The study of higher bureaucrats' biographies and recruitment mode allowed two suggest two explanatory variables for the government efficiency: career bureaucrats (Weberian or meritorious) and political appointees. To conduct a regression analysis, two modes of recruitment were recoded as follows: Career — 0 and 1, and Political — 0 and 1. Two out of three DVs have normal distribution, while one DV has a set of 0s that describes the absence of efficiency for one ministry and creates a non-normal data distribution. All dependent variables are aggregate rather than individual, and the measures were composed for ministries rather than for employees, which creates the problem of autocorrelation. To avoid erroneous interpretation, we compared the intercepts, because the size of the intercept is an expected mean value of Y when all $X=0$, which is the case in our model with three IVs used to explain the DVs. We used linear regression, but instead of undertaking slopes interpretation we interpret the intercepts, which provide valuable information about the values of Y at $X=0$. Three regression models explain 24 %, 17 % and 13 % of variation in three numerical DVs. In our model the intercept is the mean of Y for the reference group (at $X_1=0$) for both predictor groups. Thus, the intercept becomes meaningful and useful for testing hypotheses. Other IV values in the model indicate the difference between the reference group IV mean and the means for two compared predictor groups. The constant (intercept=110,436) in the model below is the mean value of the reference IV — Career, which was automatically excluded from the analysis as the reference category. The values of Bs for the Political group will be compared against the intercept, which reflects the Y mean value for the reference group Career.

First regression in Table 3 presents predictor IVs means as negative -11.815 for the Political group. It was compared to the intercept (constant) which was the mean value of the Career reference group. Based on the comparisons of the intercepts, we argue that the Political method of recruitment reduces the national GDP input by 11.815 % on average.

Table 3

Coefficients for the DV – GDP input

Model	Unstand. Coeff.		Stand. Coeff.	t	Sig
	B	SE	β		
(Constanr)	110.436	0.728		151.687	0
Political	-11.815	1.08	-0.554	-10.941	0

The regression results support the hypothesis that the recruitment mode makes a difference, in particular that the recruitment of Career bureaucrats leads to the higher government efficiency measured as the GDP share of the ministry input. While other modes of recruitment decrease efficiency as compared to the Career mode (the difference is statistically significant — $p < 0.0001$). Table 4 presents another measure of efficiency — the ministries’ openness: Openness rate — DV, and the modes of recruitment — IVs: the results also confirm the hypothesis that Career mode of recruitment leads to more effective government, measured as the ministries’ Openness rate.

Table 4

Coefficients for the DV – Openness

Model	Unstand. Coeff.		Stand. Coeff.	t	Sig
	B	SE	β		
(Constanr)	51.761	0.298		173.459	0
Political	-4.203	0.443	-0.495	-9.497	0

Finally, the regression with the last DV, the rate of the government programs implementation (Table 5): the group of Career executives produces about 89 % of government programs success, while other group has a smaller return on efforts.

Table 5

Coefficients for the DV – Min_effect

Model	Unstand. Coeff.		Stand. Coeff.	t	Sig
	B	SE	β		
(Constanr)	88.796	1.673		53.071	0
Political	-4.724	2.482	-0.103	-1.904	0

Patrimonial and meritocratic recruitment can coexist in the national civil service [22]. Scholars have provided arguments for the civil service politicization or political neutrality. On the one hand, the mechanism of political appointments allows parties to control higher bureaucrats and include them in ruling coalition,

making them follow the ideology that citizens supported in elections [5]. The party affiliation of senior civil servants is considered an effective tool for political control over the bureaucracy [4]; however, it is difficult to separate party patronage from the situation when ministers appoint employees independently [20]. On the other hand, meritorious selection increases legitimacy and public recognition, and the lifetime employment model enriches career officials with knowledge and experience [23]. Based on these arguments, we wondered whether the Russian higher bureaucracy belong to a patrimonial or meritocratic recruitment model (Table 6).

Thus, protectionist recruitment is typical for most higher bureaucrats — 76 % were born in large cities. The conclusion [12] about the gender asymmetry at this level was also confirmed. 70 % had worked at the ministry from 2 to 6 years at the time of the study, that is, less than the period between two presidential elections, and more than 18 % had served at the ministry less than a year. 33 % held only one (current) position, while 17 % — four or more. Top bureaucrats are not very young people, since the shares of those aged 30–39, 40–49 and 50–59 are about the same. There is no correlation between age and job level. Although 62 % of officials graduated from universities in Moscow or Siant Petersburg, and 41 % are graduates of elite universities, there is no educational profile or single university as “career forge”. The share of ex-militaries is insignificant (less 10 %), which contradicts the previous argument about the “militarization” of Putin’s elite [21].

Table 6

Higher bureaucrats’ compliance with the criteria of recruitment models

Criteria	Protectionist recruitment (H.1.1)	Criteria	Meritorious recruitment (H.1.2)
Natives of large cities’	2	Education profile is compliant with the ministry specialty	1
Youngsters	1	Work in the past is compliant with the ministry specialty	2
Little professional tenure	0	Long professional tenure	2
Lack of civil service experience	1	Long civil service experience	1
Lack of tenure at the ministry	2	Long tenure at the ministry	0
Representatives of one university	1	State awards	2
One education profile prevails	0	Academic degrees	1

Note: 2 — full compliance, 1 — partial compliance, 0 — non-compliance

On the contrary, the following facts support meritocratic recruitment: half of higher bureaucrats (54 %) have an educational profile corresponding to the ministry specialty; 34 % have academic degrees, i.e., they are highly educated technocrats with competencies in the sphere they lead. Half of them (49 %) got state awards. 33 % had not previously worked anywhere else except the ministry, and another 27 % had previously worked in another federal ministry, i.e., they are career bureaucrats. Thus, in most cases civil servants are promoted within one professional institution — executive authorities [12], which proves the trends of internal recruitment and professionalization of senior officials [21]. In addition, they have extensive professional experience: 32 % — from 20 to 29 years, 43 % — more 30 than years.

The data does not allow us to unambiguously identify a single recruitment model as prevailing in Russia. Other studies provide contradictory arguments: education and experience provide additional advantages for candidates with personal connections with the future boss [9]; problem-solving officials have the strongest presence [7], and so on. We are aware that some criteria are ambiguous, and the sample is insufficient for final conclusions, so qualitative survey (interviews) with current or former officials is needed in addition to an increase in the sample size in future. A long-term survey can also improve the results' accuracy.

Our second hypothesis suggested a relationship between the prevailing recruitment models and the ministry efficiency, based on previous research showing that programs managed by political appointees systematically receive lower scores [10]. Our regression models confirmed these findings: the state programs' results in ministries dominated by career (meritorious) bureaucrats turned out to be better than in those led by political (protectionist) appointees. We expanded the heuristic models by adding such factors of ministerial efficiency as information openness and contribution to economic growth. The first track is based on the view that state bureaucracies have integrated into global markets, so new participatory mechanisms have become more important for governance as ruling agencies have lost their information monopoly for effective policy making, and now even authoritarian regimes apply the dual logic of openness and control [17]. By constructing the appropriate regressions, we were convinced that the Weberian bureaucracy was more effective than political appointees in openness. This confirms the finding that politicized senior civil servants do not act more responsively than their non-politicized colleagues [4]. Another result was the comparison of the higher bureaucrats' recruitment with the ministries' contribution to the national GDP dynamics, based on the idea that the Weberian bureaucracy promotes economic growth [3]. The regression analysis showed a significantly more successful development in sectors where line ministries were headed by professional officials.

In general, ministries led primarily by career bureaucrats (meritorious recruitment) demonstrate greater efficiency than those led by political appointees

(patrimonial recruitment). This can be explained by various reasons such as political appointees' ignorance of civil service internal rules, or their being unfamiliar with ministry personnel and their capabilities, or their incompetence in some legal issues [10]. In any case, bureaucratic promotion criteria create powerful incentives that shape bureaucratic behavior, governance, and regime legitimacy [9].

The Russian civil service has a long history, and its senior servants had been involved in policies implementation. In the Imperial period, appointments to the first five classes of the Table of Ranks (1722–1917) depended on the emperor's office. In the Soviet period, the so-called nomenclature of the ruling Communist Party's employees and government servants became the senior employees of all industrial, agricultural, scientific, cultural, military, and diplomatic organizations. Appointments to the nomenklatura positions were made centrally based on political and individual qualities [13].

After the collapse of the USSR in 1991, employees of privatized companies fell out of the scope of state personnel policy. Appointments of managers in the public sector, with some exceptions, were made at the departmental rather than the national level. The Presidential Administration currently controls the higher bureaucracy, while the Ministry of Labor develops general regulations for the civil service. There are no specific criteria for selection, appointment, evaluation, promotion, payment and resignation of senior civil servants. This creates space for patrimonial appointments without any law violations. As a result, many top rank ministerial employees become ministers' "teamsters" leading their policy implementation. This problem is not unique to Russia, which is why in the second half of the 20th century, many countries legally established the Senior Executive/Civil Service (the USA in 1979, Australia in 1984, the Netherlands in 1995, and so on. These functions may be performed by such bodies as the Ministry of the Interior (Germany, the Netherlands), the Cabinet Office (UK) or the Office of Personnel Management (USA). Until 2005, 65 % of the OECD country-members had adopted laws on the senior civil service, and in 2010 ten more countries joined the trend [14]. Senior civil service in most countries is regulated by laws, which define selection and recruitment, duties, responsibilities, remuneration and dismissals.

Higher bureaucrats take leading decision-making positions and have lower legal protection than other civil servants. Senior civil servants work at the junction of administrative and political management and engage in strategic leadership. Their personal characteristics and management skills are evaluated at the selection stage of recruitment. Therefore, they are evaluated more frequently and are remunerated more generously. National higher bureaucrats' models differ in the following: level of formalization — either regulation by special laws (Chili, New

Zealand, USA) or ad hoc (France and Sweden); level of centralization — either regulation by the central office (Belgium, Poland and Portugal) or by several disconnected offices (Austria, Germany and Spain); (c) career-based (in Germany or Japan, higher bureaucrats are selected from career administrative servants through exams) vs position-based (in the USA, senior civil servants are appointed based on political affiliation).

For Russia, the main task is the create a senior civil service and provide a legal formalization for the higher bureaucracy. Citizens want officials to be accountable, and politicians want to have less ineffective managers in ministries. Our research allows to assess the situation with the Russian higher bureaucrats in terms of a more efficient recruitment model. We need specific federal regulations for the higher bureaucrats to protect them from the mood swings of political appointees and ensure stable rules of recruitment, promotion, payment, and dismissal. Since the Weberian style of meritorious bureaucracy shows the best performance, regulations should be brought closer to this model. Such measures will protect both officials and citizens from incompetent appointees and self-interested politicians.

References

1. Belloir A., van den Berg C. Functional politicization in the Dutch senior civil service: Evidence from longitudinal surveys and qualitative research (2007–2019). *Journal of Public Administration and Policy*. 2020; 13 (2).
2. Besley T.J., Burgess R., Khan A., Xu G. Bureaucracy and development. *Annual Review of Economics*. 2022; 14.
3. Cornell A., Knutsen C.H., Teorell J. Bureaucracy and growth. *Comparative Political Studies*. 2020; 53 (14).
4. Ebinger F., Veit S., Fromm N. The partisan-professional dichotomy revisited: Politicization and decision-making of senior civil servants. *Public Administration*. 2019; 97 (4).
5. Ennser-Jedenastik L. The party politicization of administrative elites in the Netherlands. *Acta Politica*. 2016; 51 (4).
6. Evans P., Rauch J.E. Bureaucracy and growth: A cross-national analysis of the effects of “Weberian” state structures on economic growth. *American Sociological Review*. 1999; 64.
7. Fortescue S. Russia’s civil service: Professional or patrimonial? Executive-level officials in five federal ministries. *Post-Soviet Affairs*. 2020; 36 (4).
8. Gally N. Senior bureaucrats across organizations, professions and politicians. A comparative sociology of administrative labor markets. *Revue française de science politique*. 2020; 70 (1).
9. Garifullina G. The best among the connected (men): Promotion in the Russian state apparatus. *Post-Soviet Affairs*. 2023; 39 (5).
10. Gilmour J.B., Lewis D.E. Political appointees and the competence of federal program management. *American Politics Research*. 2006; 34 (1).
11. Hood C., Lodge M. *The Politics of Public Service Bargains: Reward, Competency, Loyalty — and Blame*. Oxford; 2006.
12. Kolesnik N. “Fragile representation” or women in big politics: The case of the administrative elite. *RUDN Journal of Political Science*. 2022; 24 (1).
13. Kryshchanovskaya O., White S. From Soviet nomenklatura to the Russian Elite. S. White, D. Nelson (Eds.). *The Politics of the Post-Communist World*. London; 2019.

14. Lowe R., Pemberton H. The Thatcher and major revolutions, 1982–97. *The Official History of the British Civil Service: Reforming the Civil Service*. London; 2020.
15. Makarenko V.P. On the development of a theory of Russian bureaucracy. *Russian Studies in Philosophy*. 2022; 60 (5).
16. McDonnell E.M. *Patchwork Leviathan: Pockets of Bureaucratic Effectiveness in Developing States*. Princeton; 2020.
17. Owen C. Participatory authoritarianism: From bureaucratic transformation to civic participation in Russia and China. *Review of International Studies*. 2020; 46 (4).
18. Peters B.G., Pierre J. Populism and public administration: Confronting the administrative state. *Administration & Society*. 2019; 51 (10).
19. Silitonga M.S., Van Duijn M.A.J., Heyse L., Wittek R. Setting a good example? The effect of leader and peer behavior on corruption among Indonesian senior civil servants. *Public Administration Review*. 2019; 79 (4).
20. Staronova K., Rybář M. Personal or party roots of civil service patronage? Ministerial change effects on the appointments of top civil servants. *Administration & Society*. 2021; 53 (5).
21. Tev D.V. Federal administrative elite of Russia: Career paths and channels of recruitment. *Political Studies*. 2016; (4). (In Russ.).
22. Vaskin I.A. Recruitment of elites to the cabinets of Iran: A biographical analysis (1979–1989). *East*. 2023; (1). (In Russ.).
23. Zulkarnain Z.P., Prasajo E. Understanding Japan's civil service system: Norms, meritocracy, and institutional change. *Policy & Governance Review*. 2020; 5 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1068-1083

EDN: PTIRUV

Социологический портрет высшей бюрократии в России*

Г.А. Борщевский

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

(e-mail: borshchevskiy-ga@ranepa.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены социологические аспекты назначения высших чиновников в федеральных министерствах России за последние пять лет. Цель исследования — определение преобладающей модели набора кадров и оценка их эффективности в реализации политики. Актуальность исследования обусловлена высоким влиянием бюрократии в российском обществе и негативной репутацией государственной службы. Теоретическая основа исследования — теории бюрократии Макса Вебера, Карла Маркса и Мишеля Крозье. Выбранные автором переменные-предикторы описывают личные характеристики руководителей высшего звена и способ их найма. В ходе исследования проверялись гипотезы о преобладании одной из двух моделей найма высших бюрократов: патримониальной (партийной, патронажной) и меритократической. Было выявлено определенное преобладание второй модели и проверена связь между моделью подбора высокопоставленных чиновников и эффек-

*© Борщевский Г.А., 2024

Статья поступила в редакцию 14.10.2023. Статья принята к публикации 20.10.2024.

тивностью министерств в реализации государственных программ, обеспечении информационной открытости и обеспечении экономического роста. Во всех трех случаях министерства, возглавляемые преимущественно карьерными бюрократами, оказались более эффективными. В ходе исследования были собраны первичные данные — биографии 381 высокопоставленного государственного служащего с личных страниц официальных сайтов министерств — и был использован метод контент-анализа. Данные об эффективности министерств были получены из годовых отчетов, а также из общедоступных показателей информационной открытости, реализации государственных программ и экономического вклада каждого министерства в секторальный ВВП. Для интерпретации данных использовались количественные методы — регрессионный и статистический анализ. В заключение автор отмечает отсутствие в российском законодательстве оснований для создания специального органа управления высшими чиновниками с точки зрения порядка их найма, вознаграждения, оплаты, увольнения и т.д. Предлагается создать такую структуру, используя практику служб высших руководителей в странах ОЭСР.

Ключевые слова: бюрократия; государственная служба; меритократия; Макс Вебер; новое государственное управление; высшие государственные служащие; подбор кадров; карьерная траектория

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1084-1095

EDN: PRFSZP

Автомобилизация в восприятии населения крупного города*

М.Ю. Попов¹, Э.Н. Тужба²

¹Научный журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки»,
Народный пер., 2/1, Краснодар, 350005, Россия

²Кубанский государственный технологический университет,
ул. Московская, 2, Краснодар, 350000, Россия

(e-mail: popov-52@mail.ru; emirtu@yandex.ru)

Аннотация. Прогрессивный процесс автомобилизации, обеспечивающий комфортную жизнь, влечет за собой немало негативных последствий, которые выражаются в рисках безопасности для окружающей среды и людей, ограничении пространства физического движения в городе и автомобильных пробках, масштабы которых постоянно увеличиваются. Этот круг проблем определяет повышенный интерес социально-гуманитарных наук к культуре автомобилизации, которая выступает важным элементом современных социальных реалий. Соответственно, возникает и потребность в обращении к социологическому инструментарию, чтобы выявить проблемы участников дорожного движения, их субъективные оценки возможностей минимизации негативных последствий растущей автомобилизации и повысить эффективность практических решений, направленных на совершенствование функционирования городской среды. Проведенное авторами исследование направлено на анализ отношения населения крупного российского города (Краснодара) к рискам автомобилизации и выявление зависимости социальных рисков автомобилизации от своего рода «иррациональных» компонентов устойчивых социальных представлений участников дорожного движения. В частности, в статье представлена попытка классификации акторов автомобильного движения в городской среде крупного регионального центра по субъективным и объективным признакам. Показано, что автомобиль, являясь, по сути, материальной частью социально-экономических отношений, существенно влияет на культуру общества в целом, способствуя формированию определенных ценностей и норм, смыслов и символов и выступая средством демонстрации социального статуса и самовыражения через потребительское поведение.

Ключевые слова: автомобилизация; крупный город; транспортная инфраструктура; культура потребления; культура поведения; идентичность; социальный статус; потребительское поведение

*© Попов М.Ю., Тужба Э.Н., 2024

Статья поступила в редакцию 24.04.2024. Статья принята к публикации 14.10.2024.

Характер автомобильного потребления детерминируется целым комплексом объективных и субъективных факторов, хотя преобладают здесь финансовые возможности [9]: количество российских домохозяйств, в которых имеется автомобиль, с каждым годом увеличивается; покупка автомобиля занимает третье место в иерархии потребительских желаний после покупки квартиры; лидирующие позиции по наличию автомобилей занимают люди в возрасте 25–30 лет (особенно в сравнении со старшими возрастными группами); субъективный показатель «удовлетворенность жизнью» связан с наличием автомобиля (его обладатели более оптимистичны в оценках собственной жизни); владеющие автомобилями на 20 % реже видят себя на нижней ступени социальной иерархии; покупка автомобиля предполагает практическое его использование и демонстрацию статуса. Культура и стиль потребления связаны с идентичностью, которую человек обретает, стремясь занять нишу в структуре общественных отношений: более обеспеченные группы в этом смысле оказывают культурное давление на менее обеспеченные, провоцируя и вынуждая их увеличивать уровень потребления (в том числе автомобильного). Относительный, а не абсолютный уровень дохода определяет стиль потребления, поскольку менее обеспеченные слои, сравнивая свои возможности с более обеспеченными, стремятся быть похожими на них [17]. Многие владельцы автомобилей участвуют в «гонке престижа», и эмоциональное давление, вызванное ею, влияет на общую оценку удовлетворенности жизнью.

На потребительское поведение индивида оказывает давление социальная среда: с одной стороны, люди покупают вещи, ощущая себя частью большинства, поскольку их приобретают другие люди; с другой стороны, не желая быть похожими на других, индивид отказывается покупать тот товар, который приобретают другие; для некоторых привлекательность вещи увеличивается с ростом ее цены, что определяет выбор более дорогого продукта (эффект демонстративного потребления по Т. Веблену) [10]. Потребление становится инструментом конструирования социальной идентичности и самопозиционирования: состоятельные люди значительно чаще, чем менее обеспеченные и ресурсные, утверждают, что лучше выделяться и быть не похожими на других, чем быть и жить как другие [4].

Посредством автомобиля индивид обретает новое качество в социальных отношениях, демонстрирует социальную принадлежность и выражает идентичность в коллективно ориентированных практиках, укорененных в коммуникациях [9]. Владение автомобилем определенной цены и марки предполагает соответствующий тип поведения, соблюдение некоторых статусно-ролевых предписаний в обыденной жизни. Цель статьи — определение социальных рисков автомобилизации городской среды и выявление отношения населения к ним. В 2022 году (до существенного подорожания автомобилей) мы про-

вели опрос методом анкетирования в городе Краснодаре [24]: его население на тот момент составляло примерно 1,1 млн человек, объектом исследования выступили участники дорожного движения, объем выборки — 628 человек в возрасте от 18 до 70 лет, постоянно проживающих в Краснодаре. Поскольку, по данным агентства «АВТОСТАТ» (2021) о российских автовладельцах, мужчины составляют их большинство (68 %) [7], в структуре нашей выборки доля мужчин — 70 %. Исследование носит разведывательный характер и в дальнейшем будет расширено в количественном отношении и содержательно (методом экспертных интервью).

Респонденты были условно разделены на следующие группы: с негативным социальным самочувствием (низкие оценки материального положения и пессимизм в оценке жизненной ситуации и своих перспектив — порядка 26 %); со стабильными, удовлетворительными оценками жизни в целом, без ожидания значительных изменений в будущем (59 %); с положительными оценками собственной жизни и своего материального положения, хорошим социальным самоощущением, ожиданием улучшений и стабильности (7 %). Распределение респондентов по стоимости их автомобилей выглядит несколько иначе: 21 % — автомобили до 300 тысяч рублей; 48 % — от 300 до 800 тысяч рублей; 27 % — от 800 до 1,5 млн; 4 % — от 1,5 до 3 млн. На обслуживание и содержание автомобиля отводится существенная часть семейного бюджета — в среднем 15 %: 28 % расходуют на содержание автомобиля порядка 20 % семейного бюджета; 27 % — 10 %; 22 % — от 5 % до 7 %; у 12 % — 15 %; у 8 % — 25 %.

Зоны проживания Краснодара были спланированы в первой половине XX века без учета многократного увеличения количества автотранспорта, начавшегося с 1990-х годов. В 2023 году в Краснодаре было зарегистрировано самое большое в России количество автомобилей на душу населения (в Москве — 417 автомобилей на 1000 человек, в Краснодаре — 437). Примерно каждый третий житель имеет свой автомобиль, кроме того, в Краснодар ежедневно въезжает около 150 тысяч автомобилей. Практически каждая семья имеет автомобиль, а некоторые и два, что подтверждается как статистическими данными, так и результатами нашего опроса: на наличие одного автомобиля в семье указало 67 %, двух — 29 %, трех — 4 %, что позволяет говорить о высоком уровне автомобилизации населения.

Массовая автомобилизация, разрешив одни проблемы, спровоцировала другие, среди которых следует особенно выделить «борьбу за жизненное пространство» между участниками дорожного движения. В сложившихся условиях нередко предполагается компромисс в виде разграничения городского пространства для человека и автомобиля. Однако в Краснодаре, как и в других крупных городах, этот принцип пока реализуется в недостаточной мере, а придомовые территории становятся полем столкновения индивидуальных интересов. В частности, наличие автомобиля и водительского удостове-

ния важны в некоторых случаях при трудоустройстве. На предприятиях, обслуживающих автотранспорт, занято большое количество людей, в городах создана огромная сеть автосалонов, магазинов автозапчастей, станций техобслуживания и т.д. Общественную значимость автомобиля невозможно преувеличить, его следует рассматривать не только с технико-экономической стороны, но и с социокультурной (символической).

Потребители автомобилей очень четко распознают их по маркам, которые вызывают определенные ассоциации. Например, автомобили марки «Мерседес» — это высокий уровень безопасности, комфорта, престижность; «Тойота» — качество и т.д. Эти автомобильные бренды следует рассматривать как знак, символ, несущий сконструированную информацию, в том числе об идентичности владельца, его месте в социальном пространстве. Наибольшую симпатию у краснодарских автолюбителей вызывают следующие марки: Мерседес и Тойота (17 % и 22 % соответственно), БМВ (12 %), Ауди (6 %) и Хонда (5 %). Европейские автомобили вызывают положительные эмоции одновременно с признанием их дороговизны, в том числе в обслуживании. Кубанские поклонники японских марок чаще всего называют Тойоту. Владение автомобилями перечисленных марок соответствует главному принципу «качество–цена–комфорт». Предпочитают отечественные автомобили лишь 6 %, антипатию они вызывают у 22 %; далее следуют французские производители (17 %) и китайский автопром (5 %).

При выборе автомобиля 66 % руководствуются качеством, 61 % — также ценой, затраты на эксплуатацию важны для 43 %, чуть менее значимы комфорт (34 %), безопасность (31 %), многофункциональность (21 %) и престиж (18 %). Большинство (73 %) предпочитают автомобили средних размеров, 22 % — большие. Социальная дифференциация по обладанию определенной маркой автомобиля связана с демонстрацией успешности и статуса, символом включенности в определенную социальную группу. Ощущают свою принадлежность или идентифицируют себя с группой, обладающей автомобилями их уровня, 40 % (не ощущают 47 %). Что касается оценки другого человека по престижности его автомобиля, то для 20 % это важный показатель, для подавляющего большинства (80 %) он не имеет особого значения.

Большинство автолюбителей в перспективе планирует приобретение другого автомобиля, в связи с чем нам было интересно знать, о каких марках люди мечтают в ситуации отсутствия финансовых ограничений. Мерседес различных модификаций хотели бы приобрести в будущем 30 % автолюбителей, Тойоту — 17 %, Ауди — 9 %, БМВ — 6 %. Желающих приобрести российские автомобили последних моделей оказалось 6 %, в основном это респонденты старшей возрастной группы. В структуре предпочтений доминируют европейские автомобили, затем следует продукция японского автопрома.

Жителю Краснодара со средним уровнем достатка накопить на покупку престижного автомобиля невозможно, но амбиции респондентов высоки — многие хотят стать владельцами автомобиля премиум класса. В этом случае готовы взять средства в долг 37 % (преимущественно мужчины), 56 % категорически не допускают для себя подобной возможности.

Основной проблемой для водителей (что их больше всего не устраивает в организации дорожного движения) являются автомобильные пробки. Ежедневно и повсеместно пробки приводят к огромным экономическим, временным, психологическим, экологическим и иным издержкам, которые ложатся на плечи водителей, транспортных предприятий, городских и национальных экономик. Оформились два противоположных взгляда на автомобилизацию как причину пробок: одни авторы считают, что решение проблемы возможно только при полном отказе от личного автотранспорта, другие уверены, что право человека на пользование автомобилем должно быть главной предпосылкой решения проблемы пробок [2; 19]. В качестве причин транспортных проблем российские авторы называют: изначальную планировку городов, не учитывавшую рост числа личного автотранспорта; отсутствие полос разгона на многих двухуровневых развязках; неудовлетворительное программирование светофоров; долгое ожидание ГИБДД при дорожно-транспортных происшествиях; качество дорожного покрытия; перекрытие дорог для проезда чиновников; низкий уровень культуры отдельных пешеходов и водителей [1]; рост числа индивидуального автотранспорта; точечное строительство зданий высокой этажности на месте малоэтажных зданий [2]; движение общественного транспорта в общем потоке; стоянки автомобилей на обочине; чрезмерно мягкие санкции за нарушение правил; недостаточное количество подземных паркингов; наличие промышленных предприятий в центральной части города [3]; плотность населения в городских агломерациях; архитектурно-градостроительный тип городов и рельеф городской местности [18].

Что касается причин пробок, то таковыми в порядке убывания значимости считаются: плотность населения в городских агломерациях и культура труда (обусловленные ею паттерны вождения и управления движением); численность населения; количество автомобилей, хотя рост числа автомобилей способствует пробкам в меньшей степени, чем другие причины [18], а скорее даже их специфические комбинации. Из предложенного респондентам перечня причин автомобильных пробок были выделены следующие основные группы: 19 % назвали неразвитость дорожной инфраструктуры (недостаточное количество развязок, малая пропускная способность дорог, недостаточное количество подземных переходов и т.п.); 17 % — качество и постоянный ремонт дорог на отдельных участках; 16 % — загруженность в связи с огромным количеством автотранспорта,

в том числе иногороднего; 13 % — несоблюдение правил дорожного движения (неопытность, незнание правил, невнимательность); 9 % — низкая культура вождения; 8 % — дорожно-транспортные происшествия; 7 % — некорректная настройка работы светофоров, отсутствие «умных» светофоров и т.д. Наше предположение, что большинство респондентов назовет проблемы в работе ГИБДД, отсутствие парковок и автомобили, припаркованные на обочине, не подтвердилось.

Вопросы стихийных парковок на дорогах и во дворах домов в ближайшей перспективе нерешаемы, так как требуют огромных финансовых затрат. В сформированную инфраструктуру городского пространства сложно вписать необходимые многоэтажные или подземные парковки, которые могли бы изменить ситуацию. В ряде стран в определенные дни ограничено движение в центральной части города или за это необходимо платить (например, в Пекине). Мы спросили у респондентов, возможны ли такие ограничения хотя бы для иногороднего транспорта и готовы ли к этому респонденты. Полностью согласны с этой инициативой 14 %, 20 % согласны при наличии хороших парковок на въезде в город и отлаженной работе общественного транспорта, 9 % согласны частично при условии нераспространения ограничений на жителей Краснодарского края, 54 % не согласны с этой мерой как нарушающей права граждан и настаивают на других решениях проблемы. Большинство (77 %) высказалось против взимания платы с иногороднего транспорта при въезде в город, 11 % поддержали бы подобную инициативу, 12 % затруднились с ответом. Основные проблемы, по мнению респондентов, связаны с неразвитостью дорожной инфраструктуры, качеством и постоянным ремонтом дорог, хотя в Краснодаре сделано немало для улучшения дорожной инфраструктуры, реконструкции мостов, ремонту дорожного полотна и т.д. Видимо, принципиальное решение проблемы пробок возможно только при условии преодоления парадигмы транспортного индивидуализма, основанной на превращении каждого человека в обособленную моторизованную транспортную единицу.

Нас интересовала категория людей, раздражающих участников дорожного движения. На первом месте оказались «хамы, наглые, мажоры, агрессивные» (33 %), далее идут женщины за рулем (22 %, реже, чем мужчины, но их называли и женщины), нарушители правил дорожного движения (18 %), люди пожилого возраста (8 %) и «заторможенные» (7 %), замыкают список водители в нетрезвом состоянии. Особенности владения автомобилем, стиль вождения, культура поведения на дороге демонстрируют характер владельца, его отношение к другим участникам движения и окружающему пространству. Стиль вождения — это устоявшиеся особенности дорожного поведения водителя, в которых проявляется его отношение к другим участникам дорожного движения и уровень транспортной культуры в целом [11; 12]. В массовом

сознании существует стереотип, что вежливость краснодарских водителей и стиль их вождения далеки от идеала: 30 % дали низкую оценку культуре вождения краснодарских водителей, как среднюю ее оценили 52 %, как высокую или скорее высокую — лишь 11 %, т.е. стереотип вполне объясняется результатами опроса.

В то же время собственный стиль вождения респонденты оценивают значительно более положительно: как осторожный — 49 %, как безупречный — 20 %, как ситуативный — 15 %, как агрессивный — 3 %. В пункте «другое» 9 % разными эпитетами описывали свой стиль вождения как агрессивно-умеренный, между агрессивным и безупречным, как нормальный или по настроению. Причем, несмотря на все проблемы, связанные с вождением и эксплуатацией автомобиля, большинство (71 %) испытывают большое удовольствие от вождения, «не очень большое» — 16 %, никакого удовольствия — 5 % (мужчины чаще говорят об удовольствии от вождения автомобиля).

В ряде западных стран многие отказываются от автомобиля, когда в этом нет особой необходимости, и перемещаются на общественном транспорте. Готовы ли жители Краснодара к подобному выбору? Предпочитают передвигаться по городу только на личном автомобиле 49 % и 11 % тех, чья профессия этого требует. Предпочли бы ездить на автомобиле в качестве пассажира, имея такую возможность, 15 %, лишь 7 % предпочли бы общественный транспорт, еще 12 % — в зависимости от времени суток. Мы предположили, что столь малый процент готовых отказаться от личного автомобиля обусловлен проблемами в функционировании общественного транспорта. Оценивая культуру обслуживания в общественном транспорте, лишь 25 % считают ее хорошей, 46 % — удовлетворительной, 8 % — неудовлетворительной, каждый пятый затруднился с ответом. Отказ от общественного транспорта, даже когда это выгоднее и быстрее, 35 % объясняют отсутствием комфорта (по сравнению со своим автомобилем), 26 % раздражает большое количество людей, 15 % не позволяет их статус, престиж и личные принципы, 10 % — привычка. Для большинства респондентов проблемы — не повод для отказа от автомобиля: высказывая недовольство сложившейся обстановкой с пробками, парковками и т.д., они, тем не менее, не желают жертвовать собственными интересами ради решения этих проблем. Получается, что автомобиль — это средство самоутверждения, обозначения собственной позиции, образ жизни конструируется при его участии и немислим без него.

Поскольку с каждым годом увеличивается количество женщин за рулем (сегодня женщин среди водителей порядка 20 %–30 %), мы решили рассмотреть проблемы автомобилизации в гендерном отношении [6; 13]. Социальный стереотип можно определить, как устойчивый, эмоционально насыщенный, ценностно определенный образ [8; 14; 20], а гендерный

стереотип — это стандартизированное представление о человеке противоположного пола, связанное с оценкой его возможностей, качеств, особенностей поведения и т.д. К стереотипным характеристикам женщин-водителей можно отнести отсутствие привязки к чужому мнению, осторожность, инициативность/активность, высокую самооценку, компетентность, эмпатию, общение с помощью знаков и намеков, сомнение в доверительном отношении к другим, ответственное отношение за происходящее и др. [5]. У женщин-водителей сосуществуют негативный стереотип, закрепляющий второстепенное положение и общую несостоятельность водителей-женщин в дорожном движении, и позитивный стереотип, к которому они иногда обращаются в зависимости от ситуации (удача/неудача) для поддержания позитивного образа себя. Общие характеристики, вписывающиеся в стереотипы водителей женщин и мужчин, — соотнесенность/несоотнесенность со своей группой и отрицательное отношение к другому водителю. Оба гендера поддерживают положительную групповую идентичность путем приписывания представителю другой группы отрицательных характеристик, например модели поведения мужчины за рулем — неуважение к другим, нетерпимость, нескромность; модели поведения женщины за рулем — неспособность к вождению автомобиля в принципе [22].

Наличие негативных стереотипов о логике женского вождения характерно для 47 % опрошенных, 31 % существенных отличий в вождении мужчин и женщин не наблюдают, 15 % затруднились с ответом; отрицательно к женщинам за рулем относятся 33 %, нейтрально — 42 %, положительно — 25 %. Отрицательные эпитеты мужчин в отношении женщин за рулем можно условно разделить на несколько групп в порядке убывания частоты упоминаний: невнимательность, плохая реакция, растерянность, неуверенность (путают педали); безответственность и незнание правил дорожного движения; эмоциональная неустойчивость. По мнению опрошенных, чаще всего создают аварийные ситуации на дорогах нарушители правил дорожного движения и не соблюдающие скоростной режим (32 %), неопытные с маленьким стажем вождения (19 %), женщины (11 %), автохамы (9 %), невнимательные (8 %), пожилые и молодежь (6 %), агрессивные (5 %), нетрезвые (3 %) и мажоры (2 %).

Среди предложенных причин дорожно-транспортных происшествий наиболее актуальными и важными оказались: недисциплинированные водители и пешеходы, не соблюдающие правила дорожного движения (47 %), неразвитая дорожная инфраструктура и плохие дороги (18 %), нетрезвые водители (10 %), невнимательные водители (8 %), отсутствие культуры вождения (7 %), слабая система наказаний (5 %) и плохая подготовка в автошколах (3 %). Что касается опрошенных, то 68 % заявили, что стараются соблюдать правила дорожного движения, всегда соблюдают (это их принцип) 21 %,

причем 5 % соблюдают правила из-за страха наказания, а 6 % действуют как им удобно.

Большинство (68 %) считают, что водители престижных и дорогих автомобилей совершают больше правонарушений; 24 % не согласны с этим, полагая, что все зависит от личностных качеств владельца. Самыми недисциплинированными признаны водители маршруток и такси (62 %), дорогих и престижных авто (55 %), молодежь (49 %), водители автомобилей с особенными номерными знаками (34 %) и специальными сигналами (14 %), мотоциклисты (14 %) и водители грузовых автомобилей (9 %). В ситуациях, связанных с хамством по отношению к ним, респонденты в основном реагируют адекватно: если нарушены правила, то порядка 80 % разозлятся, но не станут реагировать, чтобы не создавать аварийную ситуацию; 14 % постараются догнать и ответить тем же либо как-то иначе. Ни при каких условиях не сядут за руль в нетрезвом состоянии 80 %, иногда могут себе это позволить 2 %, допускают для себя подобное поведение в случае угрозы чей-то жизни и здоровью 18 %. Полагают, что общественность способна изменить ситуацию на дорогах в лучшую сторону, 52 %; 30 % считают, что от населения ничего не зависит; 18 % затруднились с ответом.

Таким образом, выступая важным элементом социальных отношений, автомобилизация способствует формированию определенных норм и ценностей, смыслов и символов, является средством демонстрации социального статуса и самовыражения. В ходе исследования было выявлено следующее противоречие: с одной стороны, в мировой практике накоплен значительный опыт противодействия социальным рискам автомобилизации; с другой стороны, во многих случаях он неприменим к российской действительности в силу ее специфики, особенностей социальных представлений россиян и ряда иных факторов (например, вопросами минимизации негативных последствий автомобилизации занимаются соответствующие государственные службы, деятельность которых нередко сводится к ежегодному освоению выделяемых средств по отработанному плану без учета мнения участников дорожного движения). В дальнейшем мы планируем расширить методику исследования за счет экспертных интервью с компетентными специалистами (ГИБДД, руководство предприятий, обеспечивающих функционирование транспортной инфраструктуры, и т.д.) и профессионалами (водители такси, общественного транспорта и т.д.), что позволит выявить специфические проблемы автомобилизации применительно к крупному региональному центру. В целом использование социологического инструментария в анализе проблем автомобилизации позволит повысить эффективность управленческих решений в совершенствовании функционирования городской среды.

Библиографический список

1. Бахтизин А.Р., Макаров В.Л. Автомобильные пробки Москвы: анализ и пути решения // Бюджет. 2011. № 2.
2. Блинкин М.Я. Дорожное движение и городской транспорт в Москве и других российских городах. 14.10.2010 // URL: https://www.nn.ru/community/gorod/main/?do=read&thead=978533&topic_id=19693653.
3. Блинкин М.Я., Сарычев А.В. Городской транспорт: либеральный взгляд на проблему. 7.12.2005 // URL: <https://polit.ru/article/2005/12/07/transport>.
4. Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. № 2.
5. Кабалева А.И. Гендерные стереотипы участников дорожного движения: Автореф. дис. к.п.н. М., 2012.
6. Кабалева А.И., Донцов А.И. Особенности гендерного поведения водителей // Вопросы психологии. 2013. № 4.
7. Кого больше за рулем // URL: https://vk.com/wall-79902538_155404.
8. Кон И. Социология личности. М., 1967.
9. Кононенко Р.В. Стилевые особенности потребления: объективные и субъективные аспекты // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 1.
10. Лейбенштейн Х. Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательского спроса // Вехи экономической мысли. СПб., 2000. Т. 1.
11. Лобанова Ю.И. Вождение — как деятельность, поведение и стилевая характеристика // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 5. № 4.
12. Лобанова Ю.И. Опросник «Стиль вождения» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 4–1.
13. Лобанова Ю.И., Боровская И.В. Гендер как фактор формирования стиля вождения // Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3 № 1.
14. Мурадян С.А. Гносеологический анализ проблем стереотипа: Автореф. дис. к.ф.н. Ереван, 1977.
15. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2.
16. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Ценностные ориентации и социальное самочувствие студенчества (результаты исследовательского проекта). М., 2017.
17. Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. 2005. № 1.
18. Рахманов А.Б. Четыре колеса апокалипсиса: причины автомобильных пробок в крупных городах мира // Вестник Томского университета. 2020. № 58.
19. Родоман Б.Б. Автомобильный тупик России и мира. 10.01.2008 // URL: https://scepsis.net/library/id_2101.html.
20. Российская социологическая энциклопедия // Под ред. Г.В. Осипова. М., 1998.
21. Сажина Л.В., Ковалев В.В., Петрова М.В. Гендерный анализ современных моделей поведения студенческой молодежи: прикладное исследование // Инженерный вестник Дона. 2015. № 4.
22. Троцук И.В. Социальные аспекты российской географии: новый виток наблюдений за трансформациями межстоличного пространства // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 4.
23. Троцук И.В., Савельева Е.А. Сравнительные исследования ценностных ориентаций: возможности, ограничения, логика развития // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 4.
24. Чуриков А. Случайные и неслучайные выборки в социологических исследованиях // Социальная реальность. 2007. № 4.

Automobilization in the perception of the population of a large city*

M.Yu. Popov¹, E.N. Tuzhba²

Scientific journal *Humanities, Social-Economic and Social Sciences,*
Narodny Per., 2/1, Krasnodar, 350005, Russia

Kuban State Technological University,
Moskovskaya St., 2, Krasnodar, 350000, Russia

(e-mail: popov-52@mail.ru; emirtu@yandex.ru)

Abstract. The progressive process of automobilization providing a comfortable life entails many negative consequences such as safety risks for the environment and people, limited space for physical movement in the city and traffic jams, the scale of which is constantly increasing. This range of problems determines the growing interest of social sciences and humanities in the culture of automobilization as an important element of contemporary social realities. Accordingly, there is a need for sociological tools to identify the problems of road users, their subjective assessments of the possibilities of minimizing the negative consequences of growing automobilization and of increasing the efficiency of practical solutions for improving the functioning of the urban environment. The authors' study aimed at analyzing the attitudes of the population of a large Russian city (Krasnodar) to the risks of automobilization and at identifying the dependence of such social risks on a kind of "irrational" components of stable social representations of road users. In particular, the article presents an attempt to classify the actors of automobile traffic in the urban environment of a large regional center according to their subjective and objective features. The authors argue that today the automobile, being in essence a material part of social-economic relations, significantly influences the culture of society as a whole, contributing to the formation of certain values and norms, meanings and symbols and acting as a means of demonstrating social status and self-expression through consumer behavior.

Key words: automobilization; large city; transport infrastructure; consumer culture; behavior culture; identity; social status; consumer behavior

References

1. Bakhtizin A.R., Makarov V.L. Avtomobilnye probki Moskvy: analiz i puti resheniya [Traffic jams in Moscow: Analysis and solutions]. *Byudzhnet*. 2011; 2. (In Russ.).
2. Blinkin M.Ya. Dorozhnoe dvizhenie i gorodskoy transport v Moskve i drugih ros-siyskikh gorodah [Road traffic and urban transport in Moscow and other Russian cities]. 14.10.2010. URL: https://www.nn.ru/community/gorod/main/?do=read&thread=978533&topic_id=19693653. (In Russ.).
3. Blinkin M.Ya., Sarychev A.V. Gorodskoy transport: liberalny vzglyad na problem [Urban transport: A liberal view]. 7.12.2005. URL: <https://polit.ru/article/2005/12/07/transport>. (In Russ.).
4. Il'in V.I. Obshchestvo potrebleniya: teoreticheskaya model i rossiyskaya realnost [Consumer society: Theoretical model and Russian reality]. *Mir Rossii*. 2005; 2. (In Russ.).

*© M.Yu. Popov, E.N. Tuzhba, 2024

The article was submitted on 24.04.2024. The article was accepted on 14.10.2024.

5. Kabalevskaya A.I. *Gendernye stereotipy uchastnikov dorozhnogo dvizheniya* [Gender Stereotypes of Road Users]: Avtoref. dis. k.p.n. Moscow; 2012. (In Russ.).
6. Kabalevskaya A.I., Dontsov A.I. Osobennosti gendernogo povedeniya voditeley [Features of drivers' gender behavior]. *Voprosy Psikhologii*. 2013; 4. (In Russ.).
7. Kogo bolshe za rulem [Which drivers prevail]. URL: https://vk.com/wall-79902538_155404. (In Russ.).
8. Kon I. *Sotsiologiya lichnosti* [Sociology of Personality]. Moscow; 1967. (In Russ.).
9. Kononenko R.V. Stilevye osobennosti potrebleniya: ob'ektivnye i sub'ektivnye aspekty [Stylistic features of consumption: Objective and subjective aspects]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Gumanitarnye Nauki*. 2010; 1. (In Russ.).
10. Leybensteyn Kh. Effekt prisoedineniya k bolshinstvu, effekt snoba i effekt Veblena v teorii pokupatelskogo sprosa [Bandwagon effect, snob effect, and Veblen effect in the consumer demand theory]. *Vekhi ekonomicheskoy mysli*. Saint Petersburg; 2000. Vol. 1. (In Russ.).
11. Lobanova Yu.I. Vozhdenie — kak deyatelnost, povedenie i stilevaya kharakteristika [Driving as an activity, behavior and style characteristic]. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. A.S. Pushkina*. 2014; 5 (4). (In Russ.).
12. Lobanova Yu.I. Oprosnik “Sti” vozhdeniya [Questionnaire “Driving Style”]. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. A.S. Pushkina*. 2016; 4–1. (In Russ.).
13. Lobanova Yu.I., Borovskaya I.V. Gender kak faktor formirovaniya stilya vozhdeniya [Gender as a factor in the formation of driving style]. *Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda*. 2018; 3 (1). (In Russ.).
14. Muradyan S.A. *Gnoseologichesky analiz problem stereotipa* [Gnoseological Analysis of the Stereotype]: Avtoref. dis. k.f.n. Yerevan; 1977. (In Russ.).
15. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Strakhi i opaseniya rossiyskogo studenchestva: vozmozhnosti empiricheskoy fiksatsii [Fears and concerns of Russian students: Possibilities of empirical analysis]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2014; 2. (In Russ.).
16. Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Tsennostnye oriyentatsii i sotsialnoe samochuvstvie studenchestva (rezultaty issledovatel'skogo proekta)* [Value Orientations and Social Well-Being of Students (Results of the Research Project)]. Moscow; 2017. (In Russ.).
17. Radaev V.V. *Sotsiologiya potrebleniya: osnovnye podkhody* [Sociology of consumption: Main approaches]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2005; 1. (In Russ.).
18. Rakhmanov A.B. Chetyre kolesa apokalipsisa: prichiny avtomobilnyh probok v krupnykh gorodakh mira [Four wheels of the apocalypse: Causes of traffic jams in major cities of the world]. *Vestnik Tomskogo Universiteta*. 2020; 58. (In Russ.).
19. Rodoman B.B. Avtomobilny tupik Rossii i mira [Automobile dead end of Russia and the world]. 10.01.2008. URL: https://scepis.net/library/id_2101.html. (In Russ.).
20. *Rossiyskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya* [Russian Sociological Encyclopedia]. Ed. by G.V. Osipova. Moscow; 1998. (In Russ.).
21. Sazhina L.V., Kovalev V.V., Petrova M.V. Genderny analiz sovremennykh modeley povedeniya studencheskoy molodezhi: prikladnoe issledovanie [Gender analysis of contemporary behavior models of the student youth: An applied study]. *Inzhenerny Vestnik Dona*. 2015; 4. (In Russ.).
22. Trotsuk I.V. Sotsialnye aspekty rossiyskoy geografii: novy vitok nablyudeniya za transformatsiyami mezhsotolichnogo prostranstva [Social aspects of Russian geography: A new round of observations of the transformations of the inter-capital space]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (4). (In Russ.).
23. Trotsuk I.V., Savelyeva E.A. Sravnitelnye issledovaniya tsennostnykh oriyentatsiy: vozmozhnosti, ogranicheniya, logika razvitiya [Comparative studies of value orientations: Possibilities, limitations, logic of development]. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 4. (In Russ.).
24. Churikov A. Sluchaynye i nesluchaynye vyborki v sotsiologicheskikh issledovaniyakh [Random and non-random samples in sociological research]. *Sotsialnaya Realnost*. 2007; 4. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1096-1103

EDN: PPCPTP

Gaming as a potential source of conflict with real life: The youth's assessments*

A.K. Mamedov, G.V. Denissova, O.V. Smirnova, O.V. Sapunova

Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1, Moscow, 119234, Russia

(e-mail: akmnauka@yandex.ru; denissovagv@my.msu.ru; smirnova.olga.msu@yandex.ru;
sapunovaov@my.msu.ru)

Abstract. Today, gaming practices seem to be at the forefront of the formation of a future society. In the current era of global digital transformations, the moment of total public involvement in the new digital reality was recorded in 2016, when an augmented digital reality was widely introduced and adopted. Thus, the period of post-post-modernity started with the situation, in which a person is at a loss facing an elusive old world with new features rather than a “brave new world”. However, some grounds for forecasting future trends have been accumulated, which allows the authors to argue that behind the most striking manifestations of digitalization affecting social reality, there is the totality of their influence on many aspects of everyday life. The hidden restructuring of social practices that comes with every new multiplayer game is determined by both the gameplay of players involved and business structures that use psychological and digital tactical and strategic achievements for their own commercial purposes. The total gamification of social practices will become a new “bottleneck” for the contemporary civilization, if we do not manage to integrate a humanitarian approach and humanistic expertise into the strategic control centers for the development of digital technologies. The article presents the results of the survey conducted to reveal the general tendency in the youth's attitude towards the key aspects of life under the increasing digitalization (socializing, communication and learning) and to find out whether gaming might positively contribute to them or, on the contrary, should be considered a potential threat. The results of the survey show that the youth define both offline and online communication as equally important parts of their life and tend to restrain from total gamification but only in the field of education. The danger of getting addicted seems to be the most notable disadvantage of gaming, although in general it is viewed rather as an entertaining pastime provided the ability to keep it under control.

Key words: gamification; social practices; game industry; business; leisure; gamization (gamification); streaming; gameplay; virtualization; digitalization; socialization, communication; education

* © A.K. Mamedov, G.V. Denissova, O.V. Smirnova, O.V. Sapunova, 2024

Статья поступила в редакцию 07.06.2024. Статья принята к публикации 01.11.2024.

The recent three decades have shown a steady trend of introducing gaming practices in various spheres such as research and education, marketing and HR management, economics and politics, which encourages and boosts the transition to the digital society [22]. Among the most topical changes altering the society the following ones stand out: communication and sharing one's emotions in social networks and on online platforms at the expense of live interaction [15; 17]; increasing popularity of online gaming especially among the youth [4; 13]; financial sector's reliance on gaming industry when it comes to leisure activities [2; 6; 19; 20] especially for children and teenagers.

The main factor contributing to the widescale gamification is that games' plot and structure are determined by the post-modern paradigm of *Homo Confusus* characterized by ontological indeterminacy and decentration [22]. F. Jünger emphasizes the influence of three types of games: based on a lucky chance, based on well-developed skills, and those imitating some activities [3]. Within the contemporary social paradigm, the first type of games gave rise to such social problems as gambling addiction, the second type transformed into cybersports, while the third type is expected to generate long-term changes in social reality. Since imitation-based games offer an opportunity to take upon new roles (which is its inherent characteristic [3]), the phenomenon of gaming has gained increasing popularity among the youth attracted by both active games and initiative involvement, i.e., the chance to act as a driving force that both induces and alters the course of events [18]. However, an obvious downside of total gamification is that the gaming experience differs completely from the one obtained through non-gaming activities [18], which is especially important for socializing, communication and education as implying the most complex cognitive processes that can be interrupted and deformed by over-digitalization [10].

Psychologists argue that games of different kinds allow the child to understand better the external world [11]. However, wrong behavior patterns acquired through games (which happens in online and computer games) can lead to incorrect performance of social roles [9]. Virtual communication also demonstrates several differences compared to real interpersonal interactions, the main of which is eliminating socially significant characteristics of interlocutors such as gender, age, social status and belonging to a particular social group. Online anonymity, on the one hand, quickly expands one's circle of communication, but, on the other, promotes the concealment of personal information and creates an illusion of escaping the real-world problems [16]. Learning (both getting education and professional training) has proven to benefit from gaming techniques applied [1]. When introducing gaming elements into education, we should remember that in such cases attention management becomes thinking management in systemic interaction, while the improvement of learning implies adapting rules and standards to the efficient knowledge transfer tools [12; 21].

Thus, the penetration of gaming models and practices into various spheres of life seem to have become irreversible despite producing serious shocks for traditional social patterns. To find out whether gaming is considered by the youth as a potential obstacle to their real life, we conducted an online survey using the Google Forms platform. Respondents (undergraduates and postgraduates of Russian universities) received a link to the questionnaire about different aspects of digitalization in September 2024. The questionnaire consisted of six sections: the first was intended to provide the essential social-demographical information about respondents (birth year, native language and gender), while other sections aimed at identifying the influence of gaming on key aspects of the young respondents' upbringing: socialization, communication and learning.

The second section was based on the psycholinguistic method of targeted associative experiment in its two variations. Respondents were offered 23 stimulus words, among which 10 were experimental lexical units referring to the key spheres of life — socializing, communication, learning (In order of presentation: *game, sport, gamer, learning, communication/socializing, social network, competition, chat, message, addiction*), while others (*December, weather, paint, aluminum, tram, water, fish, beauty, spruce, myth, bee, time, oil*) worked as distractors. The experimental items were presented in alternation with the distractors; the list of items started with a distractor and ended with three distractors to avoid respondent's preparing for the next task. Each stimulus word was presented on a separate page. Respondents were asked to put down the very first word that comes to their mind when they see the given word (i.e., their first association); the instruction mentioned that associations were not limited by any specific part of speech.

The third section aimed at revealing whether the participant might get addicted to gaming and/or knows someone with such an addiction. The section included 10 questions with several options to choose: for example, “Do you play online games?” — “never”, “infrequently”, “sometimes”, “quite often”, “constantly”. The fourth section aimed at identifying the meaning of gaming in the participant's life along the above-mentioned key lines — socialization, communication and learning. In particular, the offered statements focused on reasons the participant plays online/computer/video games; on whether gaming in any way prevents the participant's real communication (including the possibility that virtual reality substitutes real life); on whether gaming addiction can be revealed (namely, the ability of the participant to control time spent on gaming, mood dependence on gaming, determination to spend money on gaming); on whether respondents would like to introduce more gamification in their studies. There were 30 statements, and the instruction asked to evaluate how true each statement was related to the participant on the scale “never”, “rarely”, “sometimes”, “often”, and “always”. The fifth section was based on the method of completing sentences: we asked the participants to finish 12 offered sentences so that they reflected their real situation (for instance, “For me gaming is ...”). And the final section was intended to show how strong myths and prejudices

about gaming might be. Respondents were asked to evaluate 10 intentionally biased statements on the scale “I suppose it’s a myth”, “I suppose it’s true”, “I know cases that confirm it”, “I know cases that refute it”.

The third section provided us with detailed information about gaming practices: every second respondent (49 %) infrequently plays online games in addition to games on a smartphone or tablet (45 %); video games are unpopular (66 % claimed not to play this type of games). In general, the cohort showed quite a moderate interest to gaming: 38 % play online/smartphone/video games several times a month spending on gaming less than one hour a day (81 %). 36 % mentioned as their largest duration of gaming over 6 hours in a single day. The revealed tendency shows a sporadic but noticeable interest to gaming. 91 % know someone interested in gaming, namely online and console games (43 % each), and such a person plays every day (45 %) or several times a week (34 %) spending from 1 to 3 hours a day (59 %).

If respondents are moderately interested in gaming, it means that games neither substitute the real world (events of real life are more interesting than gaming for 74 %; the virtual world has never seemed real to 74 %) nor replaces real communication (74 %). Likewise, gaming never affects negatively respondents’ relationships with family and friends (93 %) as respondents claim to be able to control time while gaming (45 %) and to stop playing easily (60 %). Neither distraction from problems nor entertainment appear strong reasons for playing online/computer/video games: respondents only sometimes play games to refocus (32 %) or relax (34 %); the majority never prefer gaming to other hobbies (51 %) or do this infrequently (34 %). Gaming does not seem to influence mood or to demand much money. Correspondingly, such a restrained interest to gaming reveals a cautious attitude to gamification of education: 34 % and 51 % of respondents respectively “never” and “infrequently” would like their learning to be based on interactive tasks or include more interactive tasks (the self-monitoring question whether respondents better learn in an interactive form got answers “infrequently” in 34 % cases and “sometimes” in 45 %). 34 % and 38 % of the cohort respectively “never” and “infrequently” would prefer different spheres of life to be more gamified.

In the fifth section (with unfinished sentences), respondents said to play games to have fun or because they like this type of pastime. Among the reasons not to play games respondents mentioned lack of time and wish to avoid addiction; some respondents find gaming boring; others prefer real world to the virtual one. For respondents gaming is a pastime (19 %), a way of self-entertainment (20 %), a way to forget about problems for a short time or to flee from reality (9 %); 9 % of respondents do not understand gaming and another 9 % find them unimportant and uninteresting. Thereby, gamers are viewed predominantly as “common people, just like everyone else” (26 %) or quite positively (23 %); only 13 % consider gamers to be addicted people. Among the negative sides of gaming respondents mentioned a danger of getting addicted (26 %), the fact that gaming is time-consuming (25 %) and might make the gamer forget about real life (13 %); 47 % consider the potential

threat of getting addicted the greatest danger of gaming. Among recommendations for the gamer, watching health, controlling time and maintaining the balance between games and real life prevail.

When it comes to the advantages of gaming, entertaining comes to the fore for 21 % together with boosting imagination (19 %), less frequently developing a reaction is mentioned (13 %). Every second respondent (49 %) claims not to be influenced by gaming; 6 % believe that gaming makes them consider the world in some other perspective, negatively influences them (also 6 %) or makes them more relaxed (6 %). 55 % prefer real world as more engaging, while only 9 % would definitely prefer the virtual world of gaming. Since respondents showed a moderate interest in gamification in the third section, quite predictably 38 % do not consider gamification of different spheres of life a necessary or engaging idea; 9 % would accept this idea provided it is well-measured and well-balanced; another 9 % find gamification of different aspects of life quite interesting and would welcome it. The leading option offered for gamification or partial gamification is education (28 %).

The survey revealed quite strong prejudices against gamers: 51 % support the myth that gamers are introverted (“I know cases that prove it” — 32 %, “I suppose it’s true” — 19 %); 54 % — that gamers have troubles with live communication (28 % and 26 % respectively); 57 % — that aggression is an inevitable consequence of gaming (19 % and 18 %). The negative influence of gaming on studies and/or career is believed to be true by 55 %. However, at the same time, 45 % disagree with the statement that gaming might make a person infantile: 45 % suppose it to be a myth, although some respondents know cases that disprove (15 %) or prove (17 %) it. 51 % consider it only a myth that gaming might affect appearance. On the contrary, 47 % believe that gaming negatively affects health or know cases that prove it (25 %). It is worth mentioning that respondents unanimously consider gamers to be many-sided: 40 % do not believe that gamers are not interested in anything except for gaming, and 34 % know cases disproving this prejudice. At the same time, 45 % of respondents claim to know cases that disprove that gaming is a hobby for children and teenagers; another 30 % suppose it to be a myth. Likewise, 49 % suppose it to be a myth that only men are interested in gaming, and another 40 % know cases that disprove it.

Such a description of the youth’s perception of gaming practices should be supplemented by the analysis of immediate associations. Quite predictably, this technique revealed that participants consider the key spheres of their life (socializing, communication, learning) to be “filled” with both live and virtual means. The stimulus *communication* (or *socializing* depending on the context) proved the importance of the counterpart (*friends* — 17 %, *friend* — 8 %, *University friend* — 2 %) and evoked a synonymic notion (*communication* — 8 %) together with associations denoting the corresponding process (*dialogue* and *conversation* — 6 % each). Moreover, both modes of communication were mentioned: *live* and *face-*

to-face (6%); *messaging, social networks, Telegram* (8%). The stimulus *social network* evoked associations of the following categories: the name of a particular *social network* (57%), the purpose of using social networks (*communication* — 9%; *photo, posting, messaging, friends, songs, gossiping, laughing* — 2% each), the means ensuring an access to social networks (*smartphone* — 4%, *Internet, media* — 2% each), subjective characteristics of such communication (*timing, contented, addiction, inconvenient* — 2% each).

Quite predictably, the stimuli *chat* and *message* were associated mainly with virtual communication; the leading association to *chat* is *bot* (17%), for *message* — *news, information, notification* — 6% each. The leading associations to *learning* are *school* and *university* (8% each). Only 9% have a gaming-based immediate association to *game* (*Roblox, computer* as an adjective, *joystick*); other associations relate to emotions (*joy*), the names of real games (*ball, football, hide-and-seek, whirligig*) or philosophical reflections (*my, life, loss*). The stimulus *gamer* got a wide range of associations, which can be combines in several categories: derivatives of the word *player* as a synonymous to the word *gamer* (*a game, addicted to gaming, plays* as a plural noun and a verb, *video games*); most general associations (*human being, hobby, teenager, a boy sitting in front of a computer, gamble, baby*); equipment for gaming (*computer, mouse, gamepad, joystick, console, earplugs; Youtube*); names of games (*Minecraft, Jingga, Dota*); people involved in gaming (*blogger, doter, streamer*); slang of gamers (*GameDev, booster*); a particular person that plays games (*brother, boyfriend, friend, ex-boyfriend*); negative associations (*addiction, degradation, nerd, goof, laziness*). The leading associations are semantically neutral: *computer* (15%), *computer mouse* and *gamer* (6% each), *gamepad, a play, Minecraft, brother* (4% each).

Thus, the youth consider live and online communication as equally important parts of their life. A counterpart in communication and the necessity of both parties to contribute to communication appear to be more important than the mode of interaction. At the same time, these findings do not contradict the previous studies' conclusions that the youth prefer to avoid reality by surfing the Internet [9]. Noteworthy, recent surveys have shown that, despite the departure of foreign companies from the Russian gaming market, the industry continues to develop — gaming and video blogging are still powerful phenomena in the Russian society [7]. Moreover, new Russian platforms have become popular [7], which proves the need for further intensive research in this field [see, e.g.: 8]. Interestingly, the survey revealed that education is considered the only sphere that could be gamified at least partially, which seems to be an expected consequence of distant learning under the covid-19 pandemics [10]. Due to the limitations of the research presented, its results do not follow the identified general trend [5; 14]. Nevertheless, even the youth moderately interested in gaming admits possible addiction to it as its most notable disadvantage, although generally, it is viewed as an entertaining pastime.

Funding

The research was supported by the Interdisciplinary Scientific-Educational School of the Moscow State University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

References

1. Aleksandrova E.G., Krivov M.V., Badenikov V.Ya. Highly effective cybernetic systems of the technological control development methodology. *New Technologies. System Analysis. Modeling*. 2016; 2. (In Russ.).
2. Anderton K. The impact of gaming: A benefit to society. 2018. URL: <https://www.forbes.com/sites/kevinanderton/2018/06/25/the-impact-of-gaming-a-benefit-to-society-infographic>.
3. Average annual hours actually worked per worker. URL: https://stats-oecd-org.translate.goog/Index.aspx?DataSetCode=ANHRS&_x_tr_sl=auto&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru.
4. Gaming in 2022: How much time and money do Russians spend on video games? URL: <https://nafi.ru/analytics/geyming-2022-skolko-vremeni-i-deneg-rossiyanc-tratyat-na-videogry>. (In Russ.).
5. Gao Y.X., Wang J.Y., Dong G.H. The prevalence and possible risk factors of Internet gaming disorder among adolescents and young adults: Systematic reviews and meta-analyses. *Journal of Psychiatric Research*. 2022; 154.
6. Global Games Market Report. URL: <https://newzoo.com/products/reports/global-games-market-report>.
7. Lapin D.A., Kalimulin B.B., Khomich D.A. Mediatization of gaming experience on the example of the Russian video blogging. *Medi@lmanax*. 2023; 5. (In Russ.).
8. Lapin D.A., Malushenko V.A. On the video game research: Foreign approaches and methods. *Mediascope*. 2024; 2. (In Russ.).
9. Lebedeva T.V., Subbotin A.A. Digital generation. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (4). (In Russ.).
10. Narbut N.P., Aleshkovski I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V. Forced shift to distance learning as an impetus to technological changes in the Russian higher education. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (3). (In Russ.).
11. Osorina M. *Children's Secret World Within Adults' Space*. Saint-Petersburg; 2008. (In Russ.).
12. Parr B. *Captivology. The Science of Capturing People's Attention*. Moscow; 2015. (In Russ.).
13. Risks and threats related to the development of cybersports and gaming. 2021. URL: <https://rdc.grfc.ru/2021/05/cybersport-and-gaming>. (In Russ.).
14. Rosendo-Rios V., Trott S., Shukla P. Systematic literature review of online gaming addiction among children and young adults: A framework and research agenda. *Addictive Behaviors*. 2022; 129.
15. Russian teenagers' leisure activities: Trends of the recent 10 years. URL: https://www.isras.ru/analytical_report_Youth_7_2.html. (In Russ.).
16. Ryumshina L. Communications in massively multiplayer online role-playing games as an issue of information and psychological safety. *Social Dynamics*. 2016; 8. (In Russ.).
17. Sakhnov K., Utochkin V. Game industry 2015. URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/igrovaya-industriya-geymdev>. (In Russ.).
18. Shalaev V., Emelyanov F. Game in the space of self-identification and human identity in the post-modern society. *BSTU Publications. History, Philosophy and Philology*. 2015; 5. (In Russ.).
19. Tsaryova A. Experience construction features of the computer game's players in the sociological perspective. *Discussion*. 2016; 8. (In Russ.).
20. Twitch.tv. URL: <https://www.similarweb.com/ru/website/twitch.tv/#geography>.
21. What are NPC and how to treat them... URL: https://aminoapps.com/c/rolevikam/page/item/chto-takoe-nps-i-s-chem-ikh-ediat/D8X4_ejpHNI2lGLq0W3wZM24JIWk01M84YQ. (In Russ.).
22. Yakovleva E. Game as motivation and action in social corruption. *Current Issues of Economics and Law*. 2015; 9 (4). (In Russ.).

Гейминг как потенциальный источник конфликта с реальной жизнью: оценки молодежи*

А.К. Мамедов, Г.В. Денисова, О.В. Смирнова, О.В. Сапунова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, Москва, 19991, Россия

(e-mail: akmnauka@yandex.ru; denissovagv@my.msu.ru; smirnova.olga.msu@yandex.ru; sapunovaov@my.msu.ru)

Аннотация. Сегодня игровые практики оказались на переднем крае становления будущего общества. В нынешнюю эпоху глобальных цифровых трансформаций момент тотального вовлечения общества в новую цифровую реальность был зафиксирован в 2016 году, когда была широко внедрена и принята как неотъемлемая часть нашей современной жизни дополненная цифровая реальность. Оказалось, что период пост-постмодерна начался с ситуации, когда человек растерянно сталкивается не с «дивным новым миром», а с неуловимым старым миром, но наполненным новыми технологическими и информационными возможностями. Тем не менее, сегодня накоплены исследовательские данные, позволяющие прогнозировать некоторые будущие тенденции: в частности, ряд авторов утверждает, что за наиболее яркими проявлениями цифровизации, влияющими на социальную реальность в целом, стоит их совокупное воздействие на самые разные аспекты нашей повседневной жизни. Скрытая перестройка социальных практик, имплицитно встроенная в каждую новую многопользовательскую игру, обусловлена как особенностями игрового процесса, куда вовлечены игроки, так и деятельностью бизнес-структур, использующих психологические и цифровые, тактические и стратегические достижения цифровизации в собственных коммерческих целях. Тотальная геймификация социальных практик может стать новым вызовом для современной цивилизации, если не удастся интегрировать гуманистический подход и экспертизу в стратегические центры управления развитием цифровых технологий. В статье представлены результаты опроса, призванного обозначить общие тенденции в восприятии молодежью ключевых аспектов своей жизни в условиях нарастающей цифровизации (эти аспекты — социализация, общение и обучение) и оценить, могут ли игры внести в эти аспекты своей позитивный вклад или, напротив, должны рассматриваться как потенциальная угроза. Согласно результатам опроса молодежь считает офлайн- и онлайн-общение одинаково важными аспектами своей жизни, но отказывается от идеи тотальной геймификации в сфере образования. Опасность возникновения игровой зависимости воспринимается как наиболее значимый недостаток игр, хотя в целом они рассматриваются как развлекательное времяпрепровождение при условии способности его контролировать.

Ключевые слова: геймификация; социальные практики; игровая индустрия; бизнес; досуг; геймификация; стриминг; игровой процесс; виртуализация; цифровизация; социализация, коммуникация; образование

*© Мамедов А.К., Денисова Г.В., Смирнова О.В., Сапунова О.В., 2024

Статья поступила в редакцию 07.06.2024. Статья принята к публикации 01.11.2024.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1104-1116

EDN: PIXUWC

Особенности восприятия миротворческой деятельности в Африке местным населением (на примере Мали)*

С.А. Бокерия, А.Р. Андропова

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: bokeria-sa@rudn.ru; andronova-ar@rudn.ru)

Аннотация. Статья посвящена оценке восприятия местным населением миротворческой деятельности в Африке на примере Мали. В последние годы миротворцы подвергаются все большей критике со стороны гражданского населения, несмотря на реформы ООН и региональных организаций. Основными причинами, как правило, становятся: нехватка финансового обеспечения, неспособность миротворцев достичь целей мандата, а также злоупотребление полномочиями. Однако социологические исследования в странах развертывания миссий показывают более глубокие причины критики миротворческих миссий. В Мали недовольство гражданского общества деятельностью миротворческой миссии ООН привело к протестам и требованию правительства о выводе миротворческого контингента из Мали. Данный прецедент актуализирует вопрос о причинах сложившейся ситуации и восприятии миротворцев населением стран, в которых они дислоцируются. Цель исследования — изучение динамики доверия населения к миротворцам, а также причин недоверия миротворческим миссиям. На основе сравнительного анализа данных, полученных в ходе социологических опросов в формате анкетирования, фокус-групп и личных бесед (интервьюирования), проведенных среди местного населения двумя международными исследовательскими центрами — Фондом Фридриха Эберта (FES) в период с 2012 по 2024 годы и Стокгольмским международным институтом исследования проблем мира (SIPRI) с 2019 по 2022 годы, был сделан вывод, что малийцы в большинстве своем удовлетворены решением правительства о свертывании миротворческой операции Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА) и больше доверяют национальной армии и полиции. Причины такого отношения — ряд объективных (например, привилегии и иммунитет, которыми обладали миротворцы на территории Мали; участие миротворцев в коррупционных схемах; несанкционированное применение миротворцами силы) и субъективных (невмешательство МИНУСМА в решение проблем населения; незнание мандата миссии) факторов.

Ключевые слова: МИНУСМА; местное восприятие; доверие населения; миротворческий контингент; Мали; малийцы; социологический опрос

*© Бокерия С.А., Андропова А.Р., 2024

Статья поступила в редакцию 24.04.2024. Статья принята к публикации 14.10.2024.

Тенденции миротворческой деятельности в политическом контексте

Конфликты на африканском континенте, как правило, носят затяжной характер и нуждаются в посреднической деятельности со стороны третьих государств и/или международных межправительственных организаций. Помимо вопросов политического регулирования речь идет и о необходимости установления мира и безопасности, прекращении и сдерживании военных действий. В этом случае наиболее эффективным инструментом считается развертывание отдельными организациями, в том числе регионального уровня, миротворческих миссий. Еще в 1990-е годы ганейский экономист в рамках постколониального дискурса разработал концепцию «African Solutions to African Problems» («африканские решения для африканских проблем»), продемонстрировавшую перспективы и преимущества устранения проблем безопасности региональными усилиями [3. С. 451–465]. Согласно учрежденной в 2003 году системе африканской архитектуры мира и безопасности, координирующую роль в развертывании региональных миротворческих миссий между Африканским Союзом (АС) и субрегиональными организациями выполняет Совет мира и безопасности АС [1. С. 189–207]. Подобное решение значительно эффективнее с точки зрения скорости, ресурсов, а также понимания местного культурного и религиозного контекста. Активное участие в миротворческих миссиях ООН принимают и африканские военные, однако зачастую критике подвергаются и те, и другие. В этой связи представляется актуальным изучение образа миротворческих миссий — для понимания их проблем и успехов.

Современное миротворчество претерпело значительные изменения в последние десятилетия и продолжает переживать трансформации по сей день. Оно представляет собой одновременно и быстро меняющуюся систему, целью которой является становление мира и безопасности [4], и внешнеполитический инструмент того или иного государства на мировой политической арене [11]. В этой связи цели миротворческой миссии значительно расширяются: кроме основной задачи по восстановлению мира и безопасности, появляются задачи более частного характера, отвечающие национальным интересам суверенных государств. Посредством участия и/или инициирования миротворческой деятельности в том или ином регионе государства способны не только решать затрагивающие их вопросы безопасности, но и в определенной степени расширять свое влияние на систему международных отношений. Ряд ученых подчеркивает стремление государств повысить свой престиж в мире благодаря миротворческой деятельности [10. С. 56–76], что приводит к дополнительным сложностям на пути достижения цели мандата миссии [7. С. 204–220].

Важным направлением становится расширение и углубление концепции А4Р посредством внедрения механизма ускорения (А4Р+) реализации до-

рожной карты, представленной в «Декларации о совместных обязательствах в отношении операций ООН по поддержанию мира» (2018). Ее текст был одобрен в том числе Российской Федерацией, однако с четырьмя оговорками, раскрывающими принципиальное несогласие российской стороны с ориентацией организации на прямое вовлечение большого числа гражданских институтов, а не правительств, и со смещением фокуса на проблемы и нарушения прав человека, решением которых должны заниматься иные институты ООН [6. С. 129–149]. Кроме того, не так давно возник тренд цифровизации миссий, обусловленный использованием новых технологий в миротворческих операциях [5. С. 16–26]. В условиях пандемии коронавирусной инфекции была разработана Стратегия цифровой трансформации миротворческой деятельности ООН, позволившая оценить вызовы и возможности, связанные с возникновением, развитием и использованием новых технологий в рамках миротворческих операций (1). Угрозы правам человека и безопасности, вызванные растущим влиянием искусственного интеллекта и других технологий, приводят к появлению целого ряда комплексных проблем, связанных с преодолением разрыва между ранним предупреждением и реагированием и с необходимостью повышения уровня безопасности персонала ООН и гражданского населения [8].

В контексте расширения состава контингента миротворческих миссий ООН активно внедряет повестку «феминизации». Ее первым основанием стала Резолюция 1325 «Женщины, мир и безопасность», принятая Советом Безопасности (СБ) ООН еще в 2000 году. Несмотря на более чем двадцатилетний срок продвижения данной концепции и проведение специальных тренингов, говорить о ее успешности пока не приходится. Регулярные отчеты ООН о гендерном составе миссий говорят о сложности достижения поставленных количественных целей (30 % в полевых миссиях и 35 % в штабквартире к 2028 году среди военного контингента). Ряд авторов полагает, что причиной, по которой не все государства готовы предоставлять женский миротворческий персонал, связаны не только с культурными и религиозными традициями, но и с сохранившимся мнением об опасности таких миссий, подтверждение чему — оценка гендерного состава миссий по времени дислокации и мандату (например, с точки зрения снижения уровня сексуального насилия [9]). Тем не менее, ввиду комплексного характера изучаемой проблемы и многогранности политических интересов акторов, принимающих решения, определить единственную верную причину подобных показателей не представляется возможным [2].

Текущая ситуация в контексте миротворчества в Африке

Несмотря на усилия многочисленных акторов, на Африку приходится наибольшее число разных по целям и составу миссий и операций: это не только классические миротворческие миссии ООН, но и специальные политиче-

ские миссии ООН, полевые операции ОБСЕ, миссии и операции, проводимые в рамках общей политики безопасности и обороны (ОПБО) ЕС, а также военные операции, санкционированные АС, которые не подпадают под определение многосторонней миротворческой операции, применяемое SIPRI (Рис. 1).

Рис. 1. Число многосторонних миротворческих операций в мире по типу проведения (2015–2024) (составлено авторами по данным SIPRI)

Более семидесяти тысяч военнослужащих развернуты в рамках операций ООН в Африке и еще десятки тысяч в рамках региональных миссий в странах, где гражданские войны и мятежи привели к гибели мирных жителей и угрожали дестабилизацией соседних стран. Интересно наблюдать за трансформацией миротворческих процессов на континенте: снижается число миссий ООН, укрепляют свои позиции региональные объединения, функционирующие под эгидой АС [1] (Рис. 2). С одной стороны, миротворческие миссии региональных организаций зачастую рассматриваются как более эффективные в связи с их более быстрым развертыванием, пониманием специфики конфликта и в некоторых случаях наличием непосредственного интереса к разрешению кризиса в соседней или партнерской стране. С другой стороны, необходимость АС сохранять нейтралитет и реагировать на разворачивающиеся кризисы, а также значительный разрыв в ресурсах стран Африки ограничивают успех таких миссий [3]. Более того, миротворческие операции, осуществляемые под эгидой региональных организаций в Африке, отличаются широким кругом мандатов, в числе которых: поддержание режима прекращения огня (например, ECOMIL); поддержание мира во время организации мирного процесса или подписания мирного соглашения (AMIS); поддержка избирательного демократического процесса (FOMUC, MAES); обеспечение безопасности в условиях внутренних беспорядков (SAPMIL, ECOMIG); обе-

спечение безопасности в рамках противодействия экстремистским и террористическим группировкам (AMISOM, SAMIM); решение разных вопросов здравоохранения (ASEDCO).

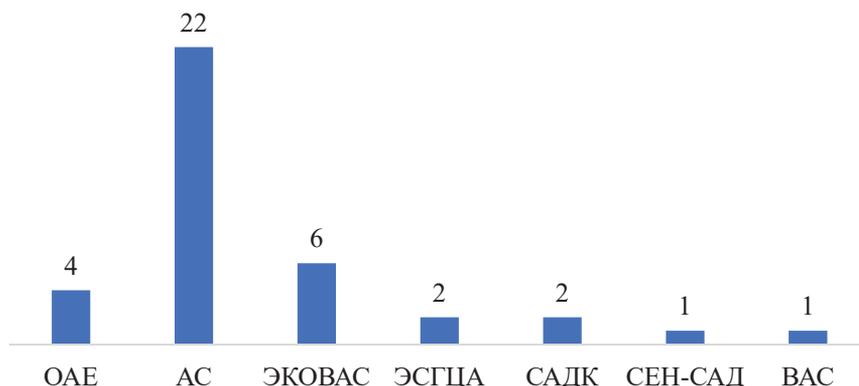

Рис. 2. Общее число миссий, санкционированных региональными организациями и сообществами в Африке (2000–2023)

Источник: составлено авторами по общедоступным источникам.

Согласно статистике развертывания миротворческих операций региональными и субрегиональными организациями в Африке, с 2000 года на территории континента было санкционировано и проведено 38 миссий, что обуславливает тенденцию к локализации ответственности за урегулирование конфликтов и к сокращению числа многоплановых миссий, спонсируемых ООН. Более того, возникают прецеденты прекращения мандата миссий ООН ранее установленного срока ввиду неспособности достичь поставленной цели или участия миротворцев в незаконной деятельности. Один из наиболее ярких примеров потери «легитимности» мандата — ситуация в Мали. Развернутая в Мали с 2013 года МИНУСМА распространила свой мандат на центральную часть Мали после принятия Резолюции 2295 (2016). Несколько контингентов были развернуты в районе Мопти (в Севаре и Дуэнце) и в районе Сегу (Диабали). В центральной части Мали мандат МИНУСМА был сосредоточен на стабилизации и восстановлении государственной власти, поддержке передислокации малийских сил безопасности и защите гражданского населения. Большинство контингентов, развернутых в центральной части Мали, были представлены гражданами из стран Западной Африки, в частности, Сенегала, Того и Буркина-Фасо (буркинийские подразделения были отозваны в 2019 году одновременно с сокращением взносов Буркина-Фасо в МИНУСМА). В июне 2023 года правительство Мали потребовало вывести миротворческий контингент МИНУСМА с территории страны по причине неспособности «голубых касок» обеспечить безопасность на протяжении десяти лет существования миссии. Кроме того, миротворцы были замечены

ны в преступной деятельности, в том числе в контрабанде рогов носорогов. Повлияли на решение о выводе миротворческого контингента и протесты, неоднократно проходившие в Бамако с требованием о выводе контингента ООН из страны.

Ряд независимых исследовательских центров провели социологические опросы в странах Африки, в рамках которых были заданы вопросы и об отношении местного населения к миротворческим миссиям. В статье были рассмотрены и сопоставлены данных двух крупных международных аналитических центров: FES и SIPRI. Исследование SIPRI было проведено в период с 2019 по 2022 годы: в опросах приняли участие 1800 респондентов из пяти регионов Мали (Сегу, Сан, Мопти, Бандиагара, Дуэнца). Опрос проводился методами анкетирования, фокус-групп и личных бесед, основная целевая аудитория — люди, проживающие в сельской местности (82 %) (2), что необходимо учитывать в анализе результатов исследования (Рис. 3–4).

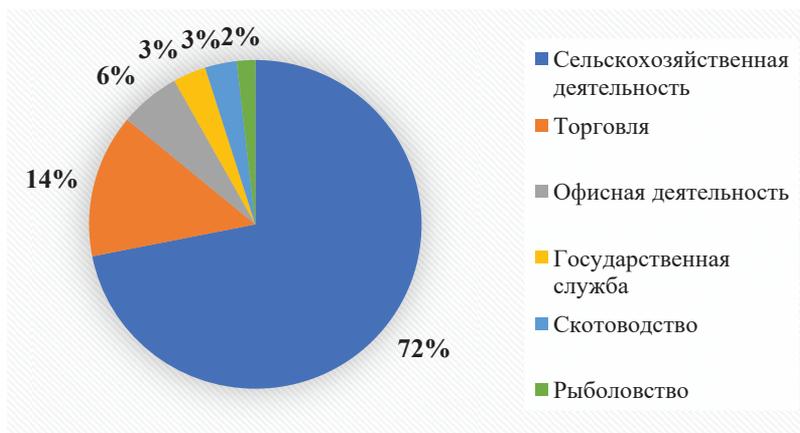

Рис. 3. Сферы занятости опрошенных в исследовании SIPRI (составлено авторами)

Источник: составлено авторами по общедоступным источникам.

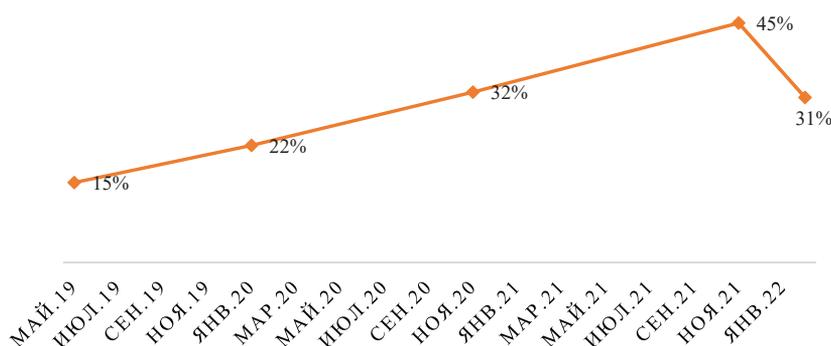

Рис. 4. Изменение уровня доверия населения к операции МИНУСМА

Источник: составлено авторами по общедоступным источникам.

Mali-Mètre — исследование политического мнения, которое Фонд Фридриха Эберта (FES) проводит в Мали с конца 2012 года (3). Его основная цель — выяснить мнение малийцев по ряду вопросов, имеющих важное и/или решающее значение для настоящего и будущего страны в напряженном политическом контексте и с точки зрения безопасности. В исследовании приняли участие 2055 человек в возрасте старше 18 лет, распределенных между округом Бамако и девятью региональными столицами (за исключением региона Кидал по соображениям безопасности). В целом население Мали испытывало умеренное доверие к МИНУСМА, и со временем оно снижается, преимущественно по причине невмешательства или игнорирования призывов населения о помощи (Рис. 5).

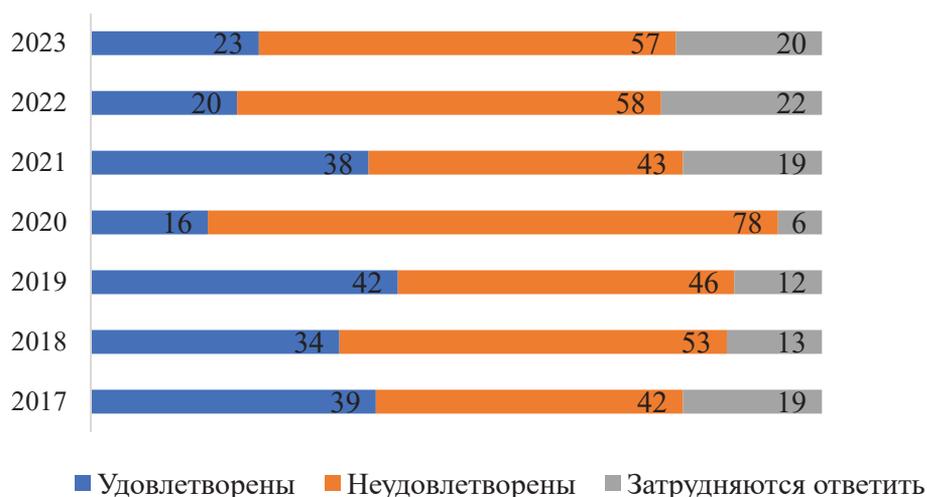

Рис. 5. Уровни удовлетворенности населения работой МИНУСМА в период с 2017 по 2023, %

Источник: составлено авторами по общедоступным источникам.

Несмотря на то, что доверие населения к операции сначала возросло, а затем начало снижаться, график удовлетворенности населения работой МИНУСМА в период с 2017 по 2023 годы был стабильно отрицательным (4). В числе основных причин недовольства миссией были названы: нахождение миротворческого персонала МИНУСМА вне малийской юрисдикции (согласно «Типовому соглашению о статусе сил между ООН и странами, в которых проводятся операции», миротворцы ООН обладают иммунитетом, а ответственность за их поведение несет СБ ООН); коррупция и несанкционированное насилие со стороны миротворцев (Рис. 6). Вывод миротворческого контингента МИНУСМА из Мали в 2023 году, после десяти лет работы, был воспринят большинством опрошенных позитивно (Рис. 7).

Рис. 6. Причины небезопасности МИНУСМА с точки зрения граждан Мали

Источник: составлено авторами по общедоступным источникам.

Рис. 7. Оценка ухода МИНУСМА из страны

Источник: составлено авторами по общедоступным источникам.

Более девяти из десяти малийцев выступили за уход МИНУСМА, 68 % считают, что уход МИНУСМА оказал положительное влияние на жизнь в стране, каждый пятый (19 %) полагает, что вывод МИНУСМА не окажет никакого влияния (Рис. 8). Интересно, что высокие показатели удовлетворенности уходом МИНУСМА из Мали характерны для большинства регионов — Кайес (91 %), Куликоро (97 %), Сикассо (92 %), Сегу (94 %), Томбукту (98 %) и Бамако (93 %), но не для региона Таудени (54 %), что требует дальнейшего изучения. Малийцы, для которых уход МИНУСМА оказал положительное влияние на ситуацию в стране, в основном отмечают: улучшение ситуации

в сфере безопасности (37%); восстановление территориальной целостности (15%); возвращение мира и стабильности (15%). Основные аргументы тех, кто считает, что уход МИНУСМА, напротив, оказал негативное влияние, таковы: потеря рабочих мест (79%) и рост небезопасности (13%). Основными акторами, которым малийцы доверяют обеспечение безопасности в своем регионе, оказались военные/малийская армия (75%), включая национальную гвардию, и полиция (74%) (за исключением региона Бамако, а также региона Менаки, где большинство населения в качестве акторов безопасности назвали российских военных и инструкторов) (Рис. 9).

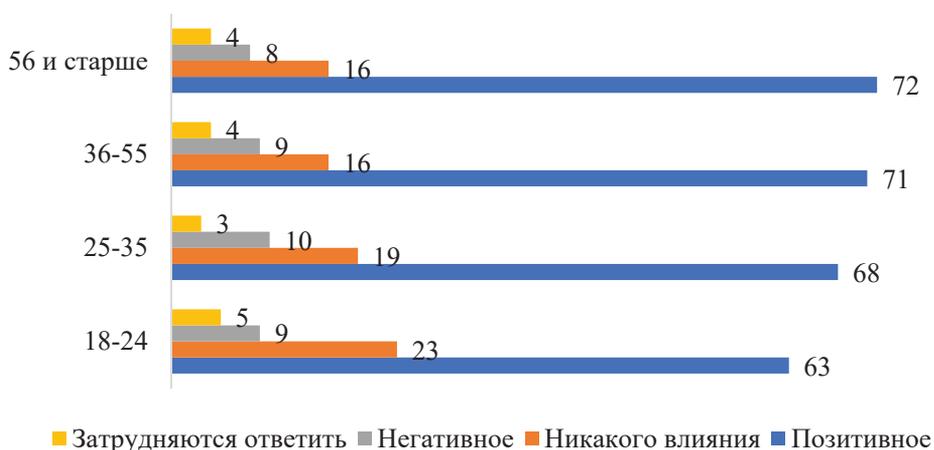

Рис. 8. Оценка свертывания операции МИНУСМА по возрастам, в %

Источник: составлено авторами по общедоступным источникам.

Рис. 9. Доверие к акторам, обеспечивающим безопасность, в %

Источник: составлено авторами по общедоступным источникам.

Таким образом, результаты опросов показывают постепенное изменение восприятия респондентами персонала МИНУСМА: в период с 2017 по 2023 годы доверие населения снижается, а неудовлетворенность работой миссии возрастает. С одной стороны, опрошенные критикуют привилегии и иммунитет, которыми обладают миротворцы на территории Мали: миротворческий контингент находится вне малийской юрисдикции, подчиняясь только СБ ООН, поэтому в случае незаконных действий миротворец не может быть осужден местными властями, хотя миротворцы иногда оказываются вовлечены в коррупционные схемы и несанкционированное применение силы. С другой стороны, критику населения вызывает нежелание МИНУСМА вмешиваться в решение местных проблем: миротворцы не приходят на помощь, и населению приходится обращаться в мэрию и/или больницы напрямую. В данном случае речь идет не о бездействии персонала, а скорее о незнании мандата миссии населением. Зачастую респонденты, не работающие напрямую с миссией, не представляют, какие задачи перед ней поставлены, что порождает обвинения в бездействии. В подобных ситуациях целесообразно, во-первых, повышать осведомленность местного населения о мандатах миссии и зонах их ответственности, а во-вторых, корректировать и/или разрабатывать мандат миссии более тщательно, учитывая потребности на местах.

Уровень доверия может существенно различаться и в зависимости от контекста миротворческой деятельности. Так, люди, которые непосредственно взаимодействуют с миротворцами ООН или живут рядом с местами их расположения, воспринимают их более позитивно, чем те, кто практически не взаимодействует с ними, т.е. взаимодействие с миссиями позволяет увидеть их позитивный вклад, а более близкое знакомство с методами и инструментами работы миссии показывает зоны ее ответственности. В ходе интервью респонденты-активисты разных общественных движений отмечали более тесную и продуктивную работу с миротворческим контингентом, например, посредством проведения регулярных встреч для обсуждения проблем в сфере безопасности с местной мэрией, представителями миссии и неправительственных организаций. Респонденты, проживающие в более отдаленных районах, напротив, жаловались на равнодушие представителей миссии к конфликтным ситуациям и природным катастрофам. Данные выводы подтверждают результаты опросов, проведенных в 2023 году (5) в городских районах и показавших, что удовлетворенность МИНУСМА была значительно выше на севере страны, где было сосредоточено больше миротворческого контингента.

Тем не менее, значительная часть опрошенных приветствовала вывод миссии и ожидала улучшения ситуации после ее прекращения, особенно для рынка труда. К сожалению, базы данных не содержат гендерные вариации, но показывают поколенческие различия в восприятии миротворческой миссии: чем старше респонденты, тем выше их уровень удовлетворенности от вы-

вода миротворческого контингента, однако поколенческие различия здесь не существенны. В то же время МИНУСМА занимает предпоследнее место в рейтинге доверия местного населения к акторам безопасности в Мали: первое место занимает малийская армия, второе — полиция. Вероятно, данное различие обусловлено в первую очередь большим персоналом и более обширной географией присутствия внутренних силовых структур на местах. Например, ни один респондент из Бамако не назвал МИНУСМА в качестве актора безопасности, так как данный регион не входит в зону ответственности миссии, и ее контингент не уполномочен обеспечивать безопасность в этом регионе. В то же время малийское население очень позитивно воспринимает российское присутствие в регионе Менаки, что вновь обусловлено количественным и качественным составом присутствия.

В целом опросы подтверждают рост недоверия малийского населения к миротворческому контингенту ООН, однако необходимо провести аналогичные исследования и в странах развертывания других миссий ООН и Африканского Союза для проведения сравнительного анализа, поскольку результаты Мали не могут быть обобщены на все миротворческие миссии ООН или же все страны Африки. Тем не менее, эти результаты выглядят довольно убедительно в отношении затяжных миссий.

Информация о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда. Проект № 23-28-01195.

Примечания

- (1) Esberg J., Mikulaschek C. *Digital Technologies, Peace and Security: Challenges and Opportunities for United Nations Peace Operations*. UN, 2021.
- (2) Trithart A. *Local Perceptions of UN Peacekeeping*. International Peace Institute, 2023.
- (3) Mali-Mètre. Friedrich Ebert Stiftung. 2024.
- (4) Mali-Mètre. Friedrich Ebert Stiftung. 2017–2023.
- (5) Le projet “Mali-Centre pour la sécurité et le développement”. SIPRI, 2023.

Библиографический список

1. Бокерия С.А. Партнерство ООН и АС в области миротворчества: тенденции и проблемы // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 2.
2. Бокерия С.А., Андропова А.Р. Логика международного ответа на повестку дня по борьбе с сексуальным насилием в условиях вооруженного конфликта на примере МИНУСКА // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2023. № 1.
3. Денисова Т.С., Костелянец С.В. «Африканским проблемам — африканские решения»: миротворчество в деятельности Африканского союза и африканских региональных организаций // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 3.
4. Загорский А.В. Миротворчество и международное управление региональной безопасностью. М., 2015.
5. Никитин А.И. Миротворчество ООН: обновление принципов, реформирование практики // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 3.
6. Худайкулова А.В., Неклюдов Н.Я. Концепция онтологической безопасности в международно-политическом дискурсе // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12. № 6.

7. *Albrecht P., Cold-Ravnkilde S.* National interests as friction: Peacekeeping in Somalia and Mali // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2020. Vol. 14. No. 2.
8. *Hansen A.S.* Peacekeeping in the Digital Age: Future Threats and Capability Requirements in the EU, Irish Defense Forces and Contemporary Security. Cham, 2023.
9. *Karim S., Beardsley K.* Equal Opportunity Peacekeeping. Oxford, 2019.
10. *Krishnasamy K.* Recognition for Third World peacekeepers: India and Pakistan // *International Peacekeeping*. 2001. Vol. 8. No. 4.
11. *Meiske M., Ruggeri A.* Peacekeeping as a Tool of Foreign Policy. Oxford, 2017.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1104-1116

EDN: PIXUWC

Perception of peacekeeping activities in Africa by the local population (on the example of Mali)*

S.A. Bokeriya, A.R. Andronova

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 10/2, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: bokeria-sa@rudn.ru; andronova-ar@rudn.ru)

Abstract. The article considers the perception of peacekeeping activities by the local population in Africa on the example of Mali. In recent years, peacekeepers have been increasingly criticized by the civilian population, despite reforms of the UN and regional organizations. The main reasons, as a rule, are as follows: lack of financial support, inability of peacekeepers to achieve the goals of the mandate, and their abuse of authority. However, sociological surveys show deeper reasons for criticism of peacekeeping missions. In Mali, the public dissatisfaction with the activities of the UN peacekeeping mission led to protests and the government's demand to withdraw the peacekeeping contingent from Mali. This precedent actualizes the issues of the reasons for the current situation and of the perception of peacekeepers by the local population. This study aims at examining the dynamics of public trust in peacekeepers and the reasons for distrust in peacekeeping missions. Based on the comparative analysis of sociological surveys (questionnaires, focus groups and interviews) conducted among the local population by two international research centers — the Friedrich Ebert Foundation (FES) from 2012 to 2024 and the Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) from 2019 to 2022, the authors argue that the majority of Malians are satisfied with the government's decision to stop the peacekeeping operation of the United Nations Multidimensional Integrated Stabilization Mission in Mali (MINUSMA), since they trust the national army and police much more. The research for this attitude are both objective (for example, the privileges and immunity enjoyed by peacekeepers on the territory of Mali; participation of peacekeepers in corruption schemes; their unauthorized use of force) and subjective (MINUSMA's ignorance of local problems and of the mission's mandate).

Key words: MINUSMA; local perception; public confidence; peacekeeping contingent; Mali; Malians; sociological survey

*© S.A. Bokeriya, A.R. Andronova, 2024

The article was submitted on 24.04.2024. The article was accepted on 14.10.2024.

Funding

The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation. Project No. 23-28-01195

References

1. Bokeriya S.A. Partnerstvo OON i AS v oblasti mirotvorchestva: tendentsii i problemy [The UN–AU partnership in peacekeeping: Tendencies and challenges]. *Vestnik Mezhdunarodnyh Organizatsiy*. 2022; 17 (2). (In Russ.).
2. Bokeriya S.A., Andronova A.R. Logika mezhdunarodnogo otveta na povestku dnja po borbe s seksualnym nasiliem v uslovijah vooruzhennogo konflikta na primere MINUSKA [The logic of the international response to the agenda for combating sexual violence in the armed conflict on the example of MINUSKA]. *RUDN Journal of International Relations*. 2023; 23 (1). (In Russ.).
3. Denisova T.S., Kostelyanets S.V. “Afrikanskim problemam — afrikanskije reshenija”: mirotvorchestvo v dejatelnosti Afrikanskogo sojuza i afrikanskijh regionalnyh organizatsij [African solutions to African problems: Peacekeeping efforts of the African Union and African regional organizations]. *RUDN Journal of International Relations*. 2023; 23 (3). (In Russ.).
4. Zagorsky A.V. *Mirotvorchestvo i mezhdunarodnoe upravlenie regionalnoj bezopasnostiju* [Peacekeeping and International Governance of Regional Security]. Moscow; 2015. (In Russ.).
5. Nikitin A.I. Mirotvorchestvo OON: obnovlenie printsipov, reformirovanie praktiki [UN peacekeeping: Updating principles, reforming practices]. *Mirovaja Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnoshenija*. 2016; 60 (3). (In Russ.).
6. Khudaykulova A.V., Neklyudov N.Ya. Kontseptsija ontologicheskij bezopasnosti v mezhdunarodno-politicheskom diskurse [The concept of ontological security in the international political discourse]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2019; 12 (6). (In Russ.).
7. Albrecht P., Cold-Ravnkilde S. National interests as friction: Peacekeeping in Somalia and Mali. *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2020; 14 (2).
8. Hansen A.S. *Peacekeeping in the Digital Age: Future Threats and Capability Requirements in the EU, Irish Defense Forces and Contemporary Security*. Cham; 2023.
9. Karim S., Beardsley K. *Equal Opportunity Peacekeeping*. Oxford; 2019.
10. Krishnasamy K. Recognition for Third World peacekeepers: India and Pakistan. *International Peacekeeping*. 2001; 8 (4).
11. Meiske M., Ruggeri A. *Peacekeeping as a Tool of Foreign Policy*. Oxford; 2017.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

SOCIOLOGICAL LECTURES

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1117-1132

EDN: PIMMLG

Эмоциональное здоровье: понимание и определение*

И.Б. Назарова^{1,2}, С.В. Ляликова¹

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН,
Нахимовский проспект, 32, Москва, 117218, Россия

²Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: inna-nazarova@mail.ru; lyalikova.sociology@yandex.ru)

Аннотация. Понятие «эмоциональное здоровье» активно обсуждается в научном сообществе и подвергается разнообразным трактовкам: отсутствие четкого определения приводит к использованию таких синонимов, как «эмоциональное благополучие» или «психическое здоровье», которые не в полной мере отражают особенности изучаемого феномена. Сложность определения эмоционального здоровья заключается в его связи с психологическим состоянием индивида и его социальным благополучием. Эмоциональное здоровье оценивается с помощью разных индикаторов (уровень стресса и депрессии, степень удовлетворенности жизнью, индексы счастья и т.п.), но авторы подчеркивают значение эмоциональной компетентности для достижения стабильного эмоционально-положительного самочувствия и успешного функционирования индивида в обществе. В статье приведены результаты качественного исследования разных аспектов эмоционального здоровья у представителей различных социально-демографических групп: респонденты высказывали свои представления об эмоциональном здоровье через иные типы здоровья — связывая его с психологическим, психическим или физическим здоровьем. Эмоциональное здоровье отражает общее эмоциональное состояние индивида и связано с умением испытывать разные эмоции, управлять ими, корректно реагировать на происходящие события и переживать их. Эмоциональное здоровье обусловлено субъективно ценностным восприятием человеком своего состояния, трактуется через понятие состояния или процесса, активности или пассивности, может экстраполироваться на себя или других. Эмоциональное здоровье имеет тонкую организацию и связано с чувствами, настроением, эмоциями, ощущениями, переживаниями, это не одномоментное состояние индивида, а совокупность его состояний в прошлом, на-

*© Назарова И.Б., Ляликова С.В., 2024

Статья поступила в редакцию 22.05.2024. Статья принята к публикации 15.10.2024.

стоящем и будущем. Исследования в области эмоционального здоровья показывают сложность и многогранность данного понятия и требуют интегративного подхода для его тщательной эмпирической проработки и полноценного осознания его роли в жизни человека.

Ключевые слова: здоровье; эмоциональное здоровье; психологическое здоровье; самооценка здоровья; самосохранительное поведение, социология здоровья

Здоровье является безусловной ценностью для современных россиян, выходящей за пределы индивидуального уровня и оказывающей влияние на общество и государство. В условиях социально-экономических и политических кризисов вопросы, связанные со здоровьем, особенно с эмоционально-психологическим самочувствием, становятся особенно актуальными. Масштабное исследование, проведенное более чем в 30 странах мира, определило психическое здоровье и стресс как ключевые проблемы здоровья наряду с пандемией коронавируса и раковыми заболеваниями [19]. Длительное стрессогенное воздействие, распространенное в современном мире, дестабилизирует социальные процессы. Для выявления причин дестабилизации и минимизации ее последствий необходимо обращать внимание не только на социальные механизмы взаимодействия, но и на эмоциональное здоровье индивидов, которое лежит в основе взаимодействия. Необходимо комплексно и научно-обоснованно изучать психологическое и эмоциональное здоровье для повышения общего уровня здоровья населения, степени удовлетворенности жизнью и эмоционального самочувствия граждан в условиях интенсивного воздействия внешних факторов.

Цель статьи — выявить характеристики концепта эмоционального здоровья посредством анализа определений, прямо и косвенно связанных с исследуемым феноменом и сформулированных специалистами и обывателями. Сегодня изучение здоровья в качестве триединства физического, душевного и социального благополучия кажется наиболее релевантным и обоснованным, поскольку распространяется на все сферы здоровья индивида и населения. Логика анализа эмоционального здоровья основана на предположении, что оно находится прежде всего в рамках психологической сферы и соотносится с социальной жизнью. В статье использован принцип анализа здоровья с учетом его определения в терминах структуралистской дихотомии: негативных (через болезнь или признаки заболевания) и позитивных (болезнь не упоминается) [16].

Мы рассматривали общее понимание эмоционального здоровья, а также те сферы жизни, с которыми его связывают: личная жизнь, ближайшее окружение, различного уровня проблемы, которые оказывают воздействие на эмоциональное самочувствие. Поскольку нас интересовал относительно новый концепт эмоционального здоровья, в качестве метода иссле-

дования было выбрано глубинное интервью. При обосновании выборки качественного исследования была использована схема, включающая несколько этапов: изучение материала и подбор информантов с разным опытом и представлениями об изучаемом концепте; обсуждение промежуточных результатов (в том числе с привлечением экспертов — специалистов по психическому и психологическому здоровью) и «добор» респондентов [14]. Информанты имели разные социально-демографические характеристики, цикл интервью был завершен после того, как прекратилось приращение новой информации, необходимой для углубленной экспертизы. Подобное конструирование выборки и дизайн исследования позволили выявить широкий спектр представлений [33], которые в дальнейшем могут быть подвергнуты дополнительной верификации посредством количественных методов.

Полуструктурированные интервью проводились в третьем квартале 2023 года с использованием дистанционных технологий (Яндекс.Телемост и т.п.), велась видео- и аудиозапись бесед, их содержание было затранскрибировано, проведена перекрестная кодировка, полученные материалы проанализированы с применением специального программного обеспечения ATLAS.ti. Количественно-качественные характеристики опрошенных были учтены посредством экспресс-анкеты, которая предлагалась к заполнению непосредственно перед интервью. В исследовании приняли участие 32 информанта (в равной пропорции мужчины и женщины), средний возраст опрошенных — 43,1 года (15 респондентов моложе 35 лет, 10 участников — от 36 лет до 60 лет, 7 — старше 61 года). Информанты имели разный брачный и семейный статус, уровень образования. Примерно половина информантов были из Москвы и Московской области, остальные представляют разные регионы (Алтайский край, Кировская область, Краснодарский край и др.).

Эмоциональное здоровье в научном дискурсе

В научной литературе все чаще поднимается тема эмоционального здоровья, однако ученые не дают четкого определения данному термину, а иногда и вовсе этого избегают, используя как его синонимы «эмоциональное благополучие» и «психическое здоровье» [21]. Продолжаются споры о значении терминов и специфике их использования: например, непрофессионалы лояльно относятся к эквивалентным терминам «психологическое» и «эмоциональное благополучие» вместо «психического здоровья», поскольку последнее приравнивается ими к психическому заболеванию [32]. В исследованиях одно и то же состояние человека может в одном случае обозначаться как психическое здоровье, в другом — как эмоциональное, т.е. понятия отождествляются [35]. В то же время существует мнение, что эмоциональное здоровье, наряду с психологическим

и социальным, включает в себя психическое здоровье [25] — в наиболее общем виде это «состояние благополучия, при котором индивид материализует собственные способности, может справляться с нормальными жизненными стрессами, продуктивно и плодотворно работать, приносить пользу своему окружению» [5]. Психическое личностное благополучие состоит из разных эмоциональных и когнитивных аспектов, в том числе положительного и отрицательного аффективного счастья, удовлетворенности жизнью, согласия между ожидаемыми и достигнутыми жизненными целями, психосоматических симптомов, настроения и т.д. [26. С. 189].

Эмоциональное здоровье рассматривается как способ управления своими мыслями и эмоциями в течение определенного периода времени в ходе ежедневного взаимодействия [31]. «Образ эмоционально-здорового человека является инструментом эмоциональной регуляции» [9], эмоционально-здоровый человек — зрелый, уравновешенный, способный к самостоятельному поиску творческих решений во взаимодействии с окружающей средой [36]. В этом случае эмоциональное здоровье пересекается с психологическим, поскольку подразумевает самость индивида. Психологическое здоровье характеризует личность в целом, в тесной связи с высшими проявлениями человеческого духа [1]. Ключевая проблема психологического здоровья сосредоточена в вопросе о норме и патологии в духовном развитии человека и его субъективности, в актуализации человеческого в человеке, т.е. психологическое здоровье, по сути, выступает научным эквивалентом здоровья духовного [15].

В рамках структурно-уровневого подхода психосоматическое, психическое и психологическое здоровье рассматриваются как иерархические уровни психологического благополучия. Большинство современных исследований концентрируются на выявлении не только внутренних (субъективных) факторов психологического благополучия и ментального здоровья (все больше отдаляясь от сугубо медицинских трактовок данных понятий), но и связей с объективными, прежде всего социально-экономическими, факторами [2]. Психологическое благополучие описывается как наиболее общее (комплексное) понятие — «системное качество человека, обретаемое им в процессе жизнедеятельности на основе психофизиологической сохранности функций, которое проявляется у субъекта в переживании содержательной наполненности и ценности жизни в целом как средства достижения внутренних, социально-ориентированных целей и является условием реализации его потенциальных возможностей и способностей» [2].

Эмоциональное здоровье оценивается посредством разных индикаторов: негативных (например, уровнем стресса [22; 34]) или позитивных (счастье, интерес к жизни или общая удовлетворенность ею) [23]. Последняя —

основной субъективный компонент личного благополучия, поскольку рассматривается как осознанная оценка своей жизни в целом [11]. Счастье, в свою очередь, трактуется как преобладание положительных эмоций над отрицательными. Наиболее счастливыми считают себя молодые люди, состоящие в браке, лица с хорошим здоровьем и образованием, с высоким уровнем интеллекта и трудовой этикой, имеющие высокооплачиваемую работу и более оптимистичные, уверенные в себе, характеризующиеся адекватными устремлениями [38]. Счастье — это и эмоциональный, и творческий подъем, когда человек постоянно находится в процессе освоения чего-то нового, увлечен любимым делом [13].

Счастье, положительные и отрицательные эмоциональные состояния (их частота и интенсивность) — составляющие личного благополучия, которое обладает и когнитивным, и эмоциональным компонентом. Когнитивный компонент представляет собой осознанную оценку своей жизни, эмоциональный включает в себя настроения, аффекты и эмоции, причем люди испытывают определенную степень удовлетворения, независимо от того, задумываются об этом или нет [6]. Эмоционально здоровые люди стремятся к устойчивому эмоционально-положительному самочувствию, основу которого составляют удовлетворение возрастных и социальных потребностей и общение с другими. Таковые обусловлены эмоциональной компетентностью, которая базируется на адекватной интегральной оценке своего опыта взаимодействия со средой [10]. Психология рассматривает взаимосвязь самочувствия с эмоциями, анализируя реакции на те или иные жизненные события (эмоции возникают под влиянием внешних объектов и мгновенно подвергаются осознанию) [4]. На эмоциональное здоровье влияет информация и символы, например, визуальная среда (благоустройство города, в частности озеленение, отождествляется с качеством жизни населения) [12]. Исследователи косвенно фиксируют, что для изменения эмоционального состояния порой требуется совершить действие (например, заняться спортом) [8]. Таким образом, стабилизация эмоционального состояния требует определенных действий, но неизвестно, какие именно действия позволяют улучшить или восстановить эмоциональное здоровье, хотя самыми эмоционально здоровыми считаются наиболее адаптивные люди (например, студенты, получающие высокие оценки и способные адаптироваться к среде обучения) [20].

Что касается эмпирических исследований эмоционального здоровья, то одно из направлений — определение факторов, под воздействием которых формируется эмоциональное здоровье. Доказано, что оно зависит от социального капитала (гражданское участие, доверие) [37], т.е. от определенных видов деятельности индивида и от того, как он относится к людям, институтам и окружающей действительности. В изучении проблем педагогов и ме-

дицинских работников использовались тесты для определения уровня их социального и эмоционального здоровья: в частности, эмоциональное здоровье учителей анализировалось в связи с профессиональным выгоранием в период пандемии и отмечалось, что нарушения эмоционального здоровья связаны с отсутствием возможности контролировать учеников во время дистанционных занятий [22; 34].

В некоторых исследованиях респондентам задаются прямые вопросы в отношении эмоционального здоровья: например, «Как насчет вашего эмоционального здоровья — насколько хорошо вы себя чувствуете? Или насколько сильный стресс, тревогу или депрессию ощущаете?» (предлагается пятибалльная шкала ответов — превосходно, очень хорошо, хорошо, удовлетворительно и плохо) [17]. Здесь под плохим эмоциональным здоровьем подразумевался некий уровень стресса. Так, во время пандемии изучалось эмоциональное здоровье пожилых людей (отношение к коронавирусу: страх, тревога, беспокойство и общая депрессия в течение последних двух недель, предшествующих опросу) [30], и их плохое эмоциональное здоровье определялось уровнем депрессии как более проблемным состоянием по сравнению со стрессом [28]: человеку задавался вопрос, чувствовал ли он себя несчастным, одиноким, скучающим, подавленным или был уверен, что все идет своим чередом в течение последних нескольких недель [27]. Несмотря на активное использование шкал в эмпирических исследованиях, четкое представление о том, что респонденты понимают под плохим или хорошим самочувствием или даже депрессией, до сих пор не сформировано.

Исследователи указывают на взаимосвязь разных типов здоровья: эмоциональное заболевание объясняется причиной (нервные перегрузки, тяжелые условия труда, несчастные случаи) с учетом последствий (потеря трудоспособности, хронические заболевания); физическое заболевание может быть результатом эмоционального расстройства [32]. Эмоциональное здоровье влияет на образ жизни и — как следствие — на физическое здоровье: так, стресс ведет к злоупотреблению вредными привычками (курение, употребление алкоголя, потребление продуктов с высоким содержанием жиров) [18]. И наоборот, эмоциональное расстройство может быть результатом физической травмы в настоящем или прошлом. Эмоциональный стресс может возникнуть и при переживании о возможном получении травмы. Сегодня наравне с физическим здоровьем предлагается страховать эмоциональное и психическое здоровье, причем работодатели также должны нести ответственность за эмоциональное и психологическое здоровье сотрудников, поскольку некоторые риски возникают вследствие условий труда и приводят к эмоциональной дезадаптации [35].

В отношении психически нездорового человека нельзя говорить о психологическом и эмоциональном здоровье — это характеристика пси-

хически здорового человека. Вместе последний может иметь отклонения в психологическом здоровье, т.е. быть не вполне духовным или самостоятельным, и в эмоциональном — испытывать трудности в общении или эмоциональной саморегуляции, с трудом переживать проблемы и иметь ограниченные возможности для восстановления стабильного состояния. Эмоциональное состояние социума продуктивно рассматривать во взаимосвязи с социальным действием. Бихевиористское объяснение действий и их рекурсивного характера связывает их с чувствами индивида: например, эмоции возникают при исполнении (или неисполнении) ожиданий в результате социального действия и, в свою очередь, могут вызвать действие или бездействие. Действие также возникает на основе положительного примера или повторяется при поощрении (в том числе эмоциональном) [24]. Несмотря на исследования эмоциональной сферы в различных науках, вопрос определения эмоционального здоровья и его связи с поведением остается открытым: важно понять, как эмоции влияют на готовность человека совершать определенные действия и как связать эмоциональное здоровье не только с состоянием и самочувствием, но и с поведением индивидов и групп.

Результаты эмпирического исследования

Наш опрос показал, что респонденты в целом знакомы с термином «эмоциональное здоровье»: две трети встречались с ним в повседневной жизни, но четкого и однозначного определения сформулировать не смогли. Информация о данном типе здоровья исходит из научной среды (высказано представителем науки), обывательской (обсуждалось) или было озвучено в средствах массовой информации представителем любой сферы — от научной до обывательской. Типичные источники информации об эмоциональном здоровье — Интернет, телевидение, университетская среда: *«где-то в Интернете видела какие-то статьи, также информация по этому поводу попадалась в пабликах»; «я сталкивался с этим понятием в университете, нам на каких-то занятиях рассказывали»; «сталкивался в рамках разговоров со своими знакомыми и при просмотре научно-популярных видеороликов».*

Респонденты пытались дать определение эмоциональному здоровью, рассуждая о том, чем оно является и с чем связано, используя в том числе метафоричный язык: *«состояние души человека»; «то, как хорошо ты спишь, насколько спокоен».* Объясняя суть эмоционального здоровья, респонденты экстраполировали определенную ситуацию или состояние на себя (*«выражение своих эмоций, как я отношусь ко всему в окружающем мире»*) или на других, предъявляя к ним определенные требования соответствия (*«здоровый — человек, который эмоционально не реагирует на разные события»*).

Система здоровья: эмоциональное здоровье определяется путем сравнения с другими типами здоровья или в качестве элемента более масштабной системы. В некоторых случаях подразумевается, что эмоциональное здоровье — не самостоятельное понятие, а часть какой-то системы или ее свойство: «часть психики», «устойчивость психики».

Нередко эмоциональное здоровье отождествляется с иными типами здоровья:

- психологическое здоровье — «думаю, это психологическое здоровье, скорее всего»; «эмоциональное здоровье имеет тонкую организацию и связано с душой, чувствами, настроением, эмоциями, ощущениями, переживаниями: как он себя чувствует, какие мысли, эмоции, переживания он испытывает в повседневности и в целом по жизни»; «настроение, состояние нервной системы... как я себя ощущаю в этом мире»;
- психическое здоровье — «психическое состояние»; «депрессия какая-то, непонятно, что дальше»; «отсутствие эмоциональных болезней по типу тревоги, депрессии, биполярности»; «мое спокойствие, отсутствие или наличие депрессии, каких-то стрессовых факторов»; «внутреннее состояние нервной системы»;
- физическое здоровье — «очень тяжелое состояние и даже головная боль, может подниматься давление». Респонденты объясняют эмоциональное здоровье через иные, привычные для них понятия, связывая его с состоянием не только души, эмоций, но и физической боли — она вызывает эмоциональные переживания, а прекращение боли приводит к позитивным эмоциям. Напротив, эмоциональные переживания и проблемы могут стать причиной физической боли. Очевидна конвертация здоровья эмоционального и физического как по мнению экспертов, так и по мнению респондентов: физическая боль и проблемы с физическим здоровьем ведут к ухудшению эмоционального здоровья, и, наоборот, эмоциональные переживания ведут к физической боли. В целом проблемы, вызывающие стресс (например, дискриминация на рабочем месте), одновременно влияют на физическое и эмоциональное здоровье [29].

Эмоциональное здоровье: состояние, статика, бездействие. Эмоциональное здоровье рассматривается респондентами сразу в нескольких «измерениях»: некоторое состояние (статика), процесс смены состояний или активность (определенное поведение или деятельность). Анализ определений эмоционального здоровья в нарративах показывает, что трактуется оно прежде всего в терминах состояний — как проявление эмоций, которые считываются даже в ситуации отсутствия активности (грусть, растерянность, обида, злость, радость, безразличие). Эмоциональное здоровье — «эмоциональное состояние человека»; «то, как он себя чувствует прежде всего внутри»; «состояние спокойствия, наверное, хотя, оно может быть разным — позитивным и негативным». Респонденты считают, что плохое

или хорошее эмоциональное здоровье можно распознать по внешнему виду: *«у эмоционально здоровых... светятся глаза, спокойное выражение лица, возможно, даже какая-то легкая улыбка, у них нет внезапных сокращений мышц... Эмоционально нездоровые... выглядят угрюмо, глаза потухшие, могут сутулиться».*

Эмоциональное здоровье информанты оценивают в трех категориях: позитивной, негативной и синтетической. Последнее определение аналогично положению ВОЗ, зафиксированному в преамбуле Устава ВОЗ в 1948 году: здоровье — это состояние человека, которому свойственно не только отсутствие болезней или физических дефектов, но и полное физическое, душевное и социальное благополучие. Здоровый человек — благополучный, с хорошим здоровьем любого типа — физическим, психическим, душевным, эмоциональным [5]. Негативное определение акцентирует не только отсутствие болезней, но и противопоставление им: предполагается, что люди, склонные к использованию негативной терминологии, более пессимистичны и имеют слабое здоровье [16].

Интерпретация здоровья жителями России на основе качественной методологии была реконструирована в 2014 году, когда физическое здоровье определялось как в негативной интерпретации (несчастье, усталость, вялость, *«если человек нездоров, то у него вообще ничего нет в жизни, никакой радости»*), так и в позитивной (успех, счастье, бодрость, комфорт, сила, работоспособность, норма, уверенность, активность, энергия, любовь, движение) [7]. Аналогичные объяснения респонденты дают и в отношении эмоционального здоровья: хорошее эмоциональное здоровье — это стабильное состояние, исключающее ухудшения — *«непосредственно связано с понятием... стабильности»*; *«внутреннее состояние нервной системы, когда хорошо спишь — насколько спокоен»*; плохое эмоциональное здоровье — это *«опустошение в душе, очень тяжелое состояние и даже головная боль, может подниматься давление»*; *«нет настроения»*; или же сложное состояние (синтетическое) — *«когда себя человек чувствует морально спокойным или не спокойным, беспокоится за что-то или не беспокоится»*; *«когда все хорошо в твоей жизни, в семье, нет каких-то нервных потрясений»*; *«мое спокойствие, отсутствие или наличие депрессии, каких-то стрессовых факторов».*

Эмоциональное здоровье: активность, деятельность. Актор может быть активным, деятельным, способным что-то предпринять или пассивным. Эмоциональное здоровье аналогичным образом проявляется в двух направлениях: пассивно — *«внутреннее состояние нервной системы, когда хорошо спишь — насколько спокоен»*; активно — эмоционально здоровый человек *«старается каким-то образом улучшить свою жизнь, исходя из возможностей — интеллектуальных, физических, материальных».* Эмоционально здоровый индивид должен уметь управлять своими эмо-

циями и соответствующим образом отвечать на воздействия извне: *«способность считывать эмоции собеседников и проявлять соответствующие эмоции со своей стороны»; «контроль своих эмоций»*. Управление, контроль — субъективные характеристики, в этом смысле эмоциональное здоровье максимально приближено к понятию психологического, поскольку рассматривается с точки зрения самости индивида [15].

Эмоциональное здоровье — это умение корректно реагировать на внешнюю среду, играть определенную социальную роль, действовать в соответствии с социальными нормами и ожиданиями. Как эмоции, так и действия в ответ на внешние стимулы (другому, группе, условиям) могут вызывать новую реакцию среды и объясняться с точки зрения бихевиоризма [24]. В ситуациях, когда индивид прибегает к социально неодобряемому поведению, его можно считать нездоровым эмоционально: *«как человек реагирует на какие-то определенные ситуации... спокойно ли их переносит или взрывается эмоционально»; «человек, который эмоционально не реагирует на разные события, но говорить о том, что он здоров, тоже нельзя... это ненормально, когда он не реагирует на события вокруг себя»*.

В рамках концепта эмоционального здоровья исследователей интересует общее эмоциональное состояние человека в разных его проявлениях — не следует ограничиваться описанием конкретных навыков эффективного управления эмоциями и выстраивания отношений с другими людьми, что свойственно концепции «эмоционального интеллекта» [3]. Акцентируя внимание на субъектности, информанты говорят о необходимости управлять эмоциями и правильно реагировать на события: *«эмоционально здоровый человек, как правило, спокоен, сосредоточен... понимает, куда движется, к чему стремится»*. Информанты подчеркивают, что эмоционально здоровый человек не должен проявлять девиации: *«достаточно спокойно реагирует на разные события... не устраивает трагедию... не пытается решать свои проблемы с помощью каких-то замен и суррогатов типа алкоголя»*. Эмоционально нездоровые люди, напротив, демонстрируют «неправильное» поведение, отличаются от окружающих и перестают владеть своими эмоциями: *«неустойчивая психика, быстрый выход на скандал, попытка решить свои проблемы с помощью алкоголя, это конфликтные люди»; «человек, который может быть заиклен внутри себя, как-то странно реагирует на повседневные вещи, очень замкнут, иногда, наоборот, супер раскрепощен, сильно как-то отличается, у него есть какие-то проявления девиантного поведения»*.

Информанты определяют эмоциональное здоровье прежде всего через взаимодействие с близкими людьми и связывают его с их благополучием: *«когда все хорошо в твоей жизни, в семье, когда нет каких-то нервных потрясений»*. Не последнее место в формировании и поддержании определенного уровня эмоционального здоровья играют разные социальные группы

и институты. Хорошее состояние может быть достигнуто благодаря кому-то, чему-то, а плохое возникнуть из-за тех же причин: *«на работе выносят мозг»*. Эмоциональное здоровье можно поддерживать и сохранять, помочь чему могут близкие люди, семья. Эмоционально здоровая семья – та, в которой царит взаимоуважение, все ее члены способны на эмпатию, внимательны к себе и другим. *«Когда вы много знаете друг о друге, понимаете тонкие моменты. Семья является одновременно и опорой, и поддержкой... Конечно, бывают ссоры, конфликты в любой нормальной семье... без них не обойтись. Но я говорю именно про поддержку и взаимопонимание, которые являются у нас основополагающими»*.

Эмоциональное здоровье: временная перспектива. Эмоциональное здоровье оценивается людьми не только одномоментно, но и с учетом прошлого опыта и ожиданий будущего: *«человек хочет быть эмоционально здоровым и не волноваться о будущем, повседневности и в целом о жизни»; «непосредственно насколько ты... уверен в себе и своем будущем, настолько комфортно ты себя чувствуешь»*. Быть эмоционально нездоровым — это *«депрессия какая-то, непонятно, что дальше»*. Респонденты полагают, что разница между эмоционально здоровым и нездоровым человеком сокрыта в уверенности: *«Эмоционально здоровый человек... уверен в своем будущем и настоящем. Это человек, который успешен или считает себя таковым, в отличие от того, кто считает себя неудачником, страдает, имеет маленькую зарплату или нелюбимую работу..., человек, у которого жизнь не удалась. Наверное, его можно назвать эмоционально нестабильным»*. Интересно, что эмоционально здорового человека информанты считают счастливым, однако несчастный человек не отождествляется с эмоционально нездоровым, а характеризуется лишь как эмоционально нестабильный: несчастье может быть временным, а эмоционально здоровый человек должен уметь решать проблемы всегда.

Таким образом, эмоциональное здоровье определяется по аналогии с общим здоровьем — включающим благополучие в разных сферах жизни (физическое, психологическое и психическое, способность индивида испытывать широкий спектр эмоций — от негативных до позитивных — и эффективно ими управлять, реагируя на события в соответствии с обстоятельствами и ожиданиями других). Эмоциональное здоровье характеризуется отсутствием психических расстройств, чаще всего связанных с эмоциональным угнетением (депрессия, биполярное расстройство, неврозы, панические атаки и т.д.). Эмоциональное здоровье — это одновременно и состояние (уверенность и стабильность), и активность в процессе управления эмоциями (связана с позитивным опытом взаимодействия с внешней средой). Эмоционально здоровый человек — счастливый, уверенный

в себе, умеет переживать трудности, характеризуется низким уровнем тревожности и стресса, быстро восстанавливается, верит в лучшее и не боится перемен. Это деятельный человек — он занимает активную жизненную позицию, характеризуется адекватным восприятием реальности, имеет цель в жизни, обдумывает свои действия прежде, чем что-то совершить. Очевидно, что особенности эмоционального здоровья индивида следует «измерять» в сочетании с анализом его самочувствия, поведения и реакций на внешние раздражители: с помощью измерительных шкал от бездействия до высокой активности и от позитивной до негативной реакции. Анализ интервью показал, что наибольшее влияние на эмоциональное здоровье оказывают в первую очередь личные проблемы (глобальные проблемы важны, но напрямую на здоровье индивида не влияют). Глобальные проблемы затрагивают большое число людей и могут отразиться на эмоциональном состоянии и здоровье целых социальных групп и общностей.

Информация о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда. Проект № 23-28-00942, <https://rscf.ru/project/23-28-00942>.

Библиографический список

1. *Андреева А.Д., Гуткина Н.И.* и др. Практическая психология образования / Под ред. И.В. Дубровина. М., 1997.
2. *Воронина А.В.* Проблема психического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21.
3. *Гоулман Д., Брегман П., Галло Э., Ачор Ш.* Эмоциональный интеллект. М., 2021.
4. *Изард К.* Эмоции человека. М., 2008.
5. Комплексный план действий в области психического здоровья на 2013–2030 годы. Женева, 2022.
6. *Меренкова В.С., Солодкова О.Е.* Исследование феномена удовлетворенность жизнью // Комплексные исследования детства. 2020. № 1.
7. *Назарова И.Б.* Здоровье в представлении жителей России // Общественные науки и современность. 2009. № 2.
8. Спортивная Россия. 5.04.2021 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sportivnaja-rossija>.
9. *Тарабакина Л.В.* Эмоциональное здоровье как предмет социально-психологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8.
10. *Федоренко Е.Ю.* Эмоциональное здоровье и успешность обучения в школе // Народное образование. 2010. Т. 2. № 1395.
11. *Фесенко П.П.* Имеет ли понятие психологического благополучия социально-культурную специфику? // Психология. 2005. № 4.
12. *Чалая А.И., Анисимов Н.В.* Влияние визуально воспринимаемых показателей городской среды на физическое и эмоциональное здоровье горожан (на примере южного мегаполиса) // Культурная жизнь Юга России. 2018. № 4.
13. *Чиксентмихайи М.* Поток: Психология оптимального переживания. М., 2011.
14. *Штейнберг И.Е.* Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиокопная» модель // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 38.

15. Шувалов А.В. Психологическое здоровье человека // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2009. Т. 4. № 15.
16. Aggleton P. Health. N.Y., 1990.
17. Angel J.L., Buckley C.J., Finch B.K. Nativity and self-assessed health among pre-retirement age Hispanics and non-Hispanic whites // International Migration Review. 2001. Vol. 3. No. 35.
18. Cameron D., Jones I.D. An epidemiological and sociological analysis of alcohol, tobacco, and other drugs of solace // Community Medicine. 1985. No. 7.
19. Elfein J. Leading health problems worldwide–2023 // URL: <https://www.statista.com/statistics/917148/leading-health-problems-worldwide>.
20. Epstein N.B., Westley W.A. Parental interaction as related to the emotional health of children // Social Problems. 1960. Vol. 8. No. 1.
21. Furlong M.J., Sukkyung Y., Renshaw T.L., Smith D.C., O'Malley M.D. Preliminary development and validation of the social and emotional health survey for secondary school students // Social Indicators Research. 2014. Vol. 3. No. 117.
22. Furlong M.J., Gajdosova E. Presentation and not published materials for project team Social Emotional Health for teachers. 2019 // URL: <https://doi.org/10.33225/ppc/21.15.26>
23. Galderisi S., Heinz A., Kastrup M., Beezhold J., Sartorius N. Toward a new definition of mental health // World Psychiatry. 2015. Vol. 14. No. 2.
24. Homans G.C. Elementary Forms of Social Behavior. N.Y., 1974.
25. Keyes C.L.M. Happiness, flourishing and life satisfaction // W.C. Cockerham, R. Dingwall, S. Quah (Eds.). The Wiley Blackwell Encyclopedia of Health, Illness, Behavior, and Society. Oxford, 2014.
26. Levin J.S., Chatters L.M. Research on religion and mental health: An overview of empirical findings and theoretical issues // *Handbook of Religion and Mental Health* / Ed. by H.G. Koenig. San Diego, 1998.
27. Pavalko E.K., Mossakowski K.N., Hamilton V.J. Does perceived discrimination affect health? Longitudinal relationships between work discrimination and women's physical and emotional health // Journal of Health and Social Behavior. 2003. Vol. 1. No. 44.
28. Radloff L.S. The CES-D Scale: A self-report depression // Applied Psychological Measurement. 1977. Vol. 1. No. 3.
29. Ren X.S., Amick B.C., Williams D.R. Racial/ethnic disparities in health: The interplay between discrimination and socioeconomic status // Ethnicity and Disease. 1999. No. 9.
30. Romero-Albino Z., Soto-Becerra P., Huarcaya-Victoria J., Runzer-Colmenares F.M., Romani-Huacani E., Villarreal-Zegarra D., Maguina J.L., Apolaya-Segura M., Cuba-Fuentes S. Effects of vaccination against covid-19 on the emotional health of older adults // Field Research. 2022. Vol. 11.
31. Simion A. Children's emotional health in the context of eLearning. Parents' and teachers' perspective // European Proceedings of Educational Sciences (EpES), 1998.
32. Stewart-Brown S. Emotional well-being and its relation to health: Physical disease may well result from emotional distress // British Medical Journal. 1998. Vol. 7173. No. 317.
33. Strauss A., Corbin J. Grounded theory methodology: An overview // Handbook of Qualitative Research / Ed. by N. Denzin, Y. Lincoln. Sage, 1994.
34. Svence G., Gajdasova E., Petrulyte A., Kalnina L., Legzdina L., Pakse I. Teachers' social and emotional health indicators in the distance learning situation during the covid-19 pandemic // Problems of Psychology in the 21st Century. 2021. Vol. 15. No. 1.
35. Trice H. Emotional health and employer responsibility // Journal of Occupational Medicine. 1967. Vol. 5. No. 9.
36. Vogel S.H., Vogel E.F. Family security, personal immaturity, and emotional health in a Japanese sample // Marriage and Family Living. 1961. Vol. 2. No. 23.
37. Wilkinson R.G. Unhealthy Societies: The Afflictions of Inequality. L., 1996.
38. Wilson W. Correlates of avowed happiness // Psychological Bulletin. 1967. Vol. 4. No. 67.

Emotional health: Understanding and definition*

I.B. Nazarova^{1,2}, S.V. Lyalikova¹

¹Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS,
Nakhimovsky Prosp., 32, Moscow, 117218, Russia

²RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: inna-nazarova@mail.ru; lyalikova.sociology@yandex.ru)

Abstract. The concept of “emotional health” is actively discussed in the scientific community and is subject to various interpretations; the lack of its clear definition leads to the use of synonyms such as “emotional well-being” or “mental health” which do not fully reflect the features of the phenomenon. The difficulty in defining emotional health is determined by its connection with the individual mental, psychological and social well-being. Thus, emotional health is assessed with such indicators as stress levels, depression, life satisfaction, happiness indices, etc. The authors emphasize the importance of emotional competence for achieving stable emotional-positive well-being and successful functioning in society. The article presents the results of the qualitative study of various aspects of emotional health as interpreted by representatives of different social-demographic groups: respondents expressed their understanding of emotional health through other types of health, often linking it to psychological, mental or physical health. Emotional health reflects the general emotional state and is related to the ability to experience and manage various emotions, to correctly respond to current events. Emotional health is determined by subjective value perception of one’s condition, is interpreted as a state or a process, activity or passivity, and can be extrapolated to oneself or others. Emotional health is complexly organized and associated with feelings, mood, emotions, experiences; it is not a single fleeting state but rather a combination of one’s states in the past, present and future. Studies of emotional health indicate its complexity and multi-faceted nature, which means the need for an integrative approach for its thorough empirical study and full understanding of its role in human life.

Key words: health; emotional health; psychological health; self-rated health; self-preservation behavior; sociology of health

Funding

The study was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 23-28-00942, <https://rscf.ru/project/23-28-00942>.

References

1. Andreeva A.D., Gutkina N.I., et al. *Prakticheskaya psikhologiya obrazovaniya* [Practical Psychology of Education]. Moscow; 1997. (In Russ.).
2. Voronina A.V. Problema psikhicheskogo zdoroviya i blagopoluchiya cheloveka: obzor kontseptsiy i opyt strukturno-urovnevogo analiza [Personal mental health and well-

*© I.B. Nazarova, S.V. Lyalikova, 2024

The article was submitted on 22.05.2024. The article was accepted on 15.10.2024.

- being: A review of concepts and a structural-level analysis]. *Sibirsky Psikhologicheskyy Zhurnal*. 2005; 21. (In Russ.).
3. Goleman D., Bregman P., Gallo E., Achor Sh. *Emotsionalny intellekt* [Emotional Intelligence]. Moscow; 2021. (In Russ.).
 4. Izard C. *Emotsii cheloveka* [Human Emotions]. Moscow; 2008. (In Russ.).
 5. Kompleksny plan deystviy v oblasti psikhicheskogo zdoroviya na 2013–2030 gody [Comprehensive Mental Health Action Plan 2013–2030]. Geneva; 2022. (In Russ.).
 6. Merenkova V.S., Solodkova O.E. Issledovanie fenomena udovletvorennosti zhizniyu [Study of the phenomenon of life satisfaction]. *Kompleksnye Issledovaniya Detstva*. 2020; 1. (In Russ.).
 7. Nazarova I.B. Zdorovie v predstavlenii zhiteley Rossii [Health as perceived by Russians]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 2009; 2. (In Russ.).
 8. Sportivnaya Rossiya [Sports Russia]. April 5, 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sportivnaja-rossija>. (In Russ.).
 9. Tarabakina L.V. Emotsionalnoe zdorovie kak predmet sotsialno-psikhologicheskogo issledovaniya [Emotional health as an object of social-psychological research]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2015; 8. (In Russ.).
 10. Fedorenko E.Yu. Emotsionalnoe zdorovie i uspehnost obucheniya v shkole [Emotional health and successful studies at school]. *Narodnoe Obrazovanie*. 2010; 2 (1395). (In Russ.).
 11. Fesenko P.P. Imeet li ponyatie psikhologicheskogo blagopoluchiya sotsialno-kulturnuyu spetsifiku? [Does the concept of psychological well-being have social-cultural specificity?]. *Psikhologiya*. 2005; 4. (In Russ.).
 12. Chalaya A.I., Anisimov N.V. Vliyanie vizualno vosprinimaemykh pokazateley gorodskoy sredy na fizicheskoe i emotsionalnoe zdorovie gorozhan (na primere yuzhnogo megapolisa) [The influence of visually perceived indicators of the urban environment on city dwellers' physical and emotional health (on the example of the southern metropolis)]. *Kulturnaya Zhizn Yuga Rossii*. 2018; 4 (71). (In Russ.).
 13. Csikszentmihalyi M. *Potok: Psikhologiya optimalnogo perezhivaniya* [Flow: The Psychology of Optimal Experience]. Moscow; 2011. (In Russ.).
 14. Shteinberg I.E. Logicheskie skhemy obosnovaniya vyborki dlya kachestvennykh intervyyu: "vosmiokonnaya" model [Logical schemes for sampling in qualitative interviews: The "eight-window" model]. *Sotsiologiya: Metodologiya, Metody, Matematicheskoe Modelirovanie*. 2014; 38. (In Russ.).
 15. Shuvalov A.V. Psikhologicheskoe zdorovie cheloveka [Personal psychological health]. *Vestnik PSTGU IV: Pedagogika. Psikhologiya*. 2009; 4 (15). (In Russ.).
 16. Aggleton P. *Health*. New York; 1990.
 17. Angel J.L., Buckley C.J., Finch B.K. Nativity and self-assessed health among pre-retirement age Hispanics and non-Hispanic whites. *International Migration Review*. 2001; 3 (35).
 18. Cameron D., Jones I.D. An epidemiological and sociological analysis of alcohol, tobacco, and other drugs of solace. *Community Medicine*. 1985; 7.
 19. Elflein J. Leading health problems worldwide–2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/917148/leading-health-problems-worldwide>.
 20. Epstein N.B., Westley W.A. Parental interaction as related to the emotional health of children. *Social Problems*. 1960; 8 (1).
 21. Furlong M.J., Sukkyung Y., Renshaw T.L., Smith D.C., O'Malley M.D. Preliminary development and validation of the social and emotional health survey for secondary school students. *Social Indicators Research*. 2014; 3 (117).
 22. Furlong M.J., Gajdosova E. Presentation and not published materials for project team Social Emotional Health for teachers. 2019. URL: <https://doi.org/10.33225/ppc/21.15.26>
 23. Galderisi S., Heinz A., Kastrup M., Beezhold J., Sartorius N. Toward a new definition of mental health. *World Psychiatry*. 2015; 14 (2).
 24. Homans G.C. *Elementary Forms of Social Behavior*. New York; 1974.

25. Keyes C.L.M. Happiness, flourishing and life satisfaction. W.C. Cockerham, R. Dingwall, S. Quah (Eds.). *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Health, Illness, Behavior, and Society*. Oxford; 2014.
26. Levin J.S., Chatters L.M. Research on religion and mental health: An overview of empirical findings and theoretical issues. H.G. Koenig (Ed.). *Handbook of Religion and Mental Health*. San Diego; 1998.
27. Pavalko E.K., Mossakowski K.N., Hamilton V.J. Does perceived discrimination affect health? Longitudinal relationships between work discrimination and women's physical and emotional health. *Journal of Health and Social Behavior*. 2003; 1 (44).
28. Radloff L.S. The CES-D Scale: A self-report depression. *Applied Psychological Measurement*. 1977; 1 (3).
29. Ren X.S., Amick B.C., Williams D.R. Racial/ethnic disparities in health: The interplay between discrimination and socioeconomic status. *Ethnicity and Disease*. 1999; 9.
30. Romero-Albino Z., Soto-Becerra P., Huarcaya-Victoria J., Runzer-Colmenares F.M., Romani-Huacani E., Villarreal-Zegarra D., Maguina J.L., Apolaya-Segura M., Cuba-Fuentes S. Effects of vaccination against covid-19 on the emotional health of older adults. *Field Research*. 2022; 11.
31. Simion A. Children's emotional health in the context of eLearning. Parents' and teachers' perspective. *European Proceedings of Educational Sciences (EpES)*; 1998.
32. Stewart-Brown S. Emotional well-being and its relation to health: Physical disease may well result from emotional distress. *British Medical Journal*. 1998; 7173 (317).
33. Strauss A., Corbin J. Grounded theory methodology: An overview. N. Denzin, Y. Lincoln (Eds.). *Handbook of Qualitative Research*. Sage; 1994.
34. Svence G., Gajdasova E., Petrulyte A., Kalnina L., Legzdina L., Pakse I. Teachers' social and emotional health indicators in the distance learning situation during the covid-19 pandemic. *Problems of Psychology in the 21st Century*. 2021; 15 (1).
35. Trice H. Emotional health and employer responsibility. *Journal of Occupational Medicine*. 1967; 5 (9).
36. Vogel S.H., Vogel E.F. Family security, personal immaturity, and emotional health in a Japanese sample. *Marriage and Family Living*. 1961; 2 (23).
37. Wilkinson R.G. *Unhealthy Societies: The Afflictions of Inequality*. London; 1996.
38. Wilson W. Correlates of avowed happiness. *Psychological Bulletin*. 1967; 4 (67).

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1133-1147

EDN: PIGXSQ

Политико-правовые основания взаимодействия России и Монголии как государств-цивилизаций*

А.С. Железняков^{1,2}, С.В. Никифоров^{1,2}, С. Чулуун³

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия

²МГИМО МИД России,
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия

³Национальный Музей Чингисхана,
ул. Ж. Самбуу, район Чингэлтэй, Улан-Батор, 15160, Монголия

(e-mail: zhelezniakovas@yahoo.com; ursus-arktos@yandex.ru; samchuluun@gmail.com)

Аннотация. В условиях формирования полицентричного миропорядка актуальным становится анализ существующих социокультурных и политико-правовых оснований развития межкультурного диалога. Для России на первое место выходит задача поиска новых начал в повороте на Восток для интенсификации отношений со странами Глобального Юга и приграничными государствами. В статье с помощью инструментария цивилизационной политологии рассмотрены политико-правовые основания взаимодействия России и Монголии как государств-цивилизаций — договорная база и политический дискурс, определяющие ключевые направления развития отношений России и Монголии в контексте поворота России на Восток. Дана оценка представленности цивилизационного фактора в исторических и ныне действующих политико-правовых документах. Выдвинуты предложения по его усилению посредством консолидации тех положений, что затрагивают цивилизационное измерение двусторонних отношений, в интересах конкретизации и интенсификации российско-монгольского сотрудничества. По материалам экспозиции Национального музея Чингисхана (Монголия, Улан-Батор) авторы представили краткую характеристику этапов развития монгольской цивилизации и ее историко-культурного наследия в качестве платформы для межкультурного и межгосударственного сотрудничества как в формате двусторонних отношений России и Монголии, так и треугольника Россия-Монголия-Китай и более глобальных форматов взаимодействия с участием государств-цивилизаций Евразии и БРИКС. В результате проведенной исследовательской работы, с одной стороны, показана недостаточность и фрагментарность регулирования российско-монгольских отношений на уровне двусторонних договоров; с другой стороны, установлены знаковые положения «цивилизационного» характера в основополагающих внешнеполитических документах обеих стран, что вкупе с потребностью в формализации межкультурного сотрудничества на международном уровне и исторической ролью монгольской и российской цивилизаций в Евразии позволяет сделать вывод о перспективах развития

*© Железняков А.С., Никифоров С.В., Чулуун С., 2024

Статья поступила в редакцию 24.06.2024. Статья принята к публикации 14.10.2024.

имеющихся и введения новых положений «цивилизационного» характера» в международном нормативном регулировании со стороны России и Монголии с целью создания прочного ценностно-идеологического, социокультурного и политико-правового фундамента полицентричного мира.

Ключевые слова: цивилизационная политология; государства-цивилизации; межцивилизационное взаимодействие; российско-монгольские отношения и международные договоры; монгольская цивилизация; российская цивилизация

Сегодня Россия разворачивается на Восток: хотя в нашей истории подобное уже происходило [11], на современном этапе этот поворот стал явлением особого порядка и в этом качестве имеет свою небольшую историю. Переломным моментом, сформировавшим новое направление внешней политики России, исследователи, как правило, считают 2014 год, когда резкая реакция стран коллективного Запада на воссоединение Крыма с Россией вынудила нашу страну значительно активизировать сотрудничество с регионами Глобального Юга, в то же время уделяя больше внимания развитию восточных регионов России, прежде всего Дальнего Востока [8; 10]. Вместе с тем процесс этот не был спонтанным и развивался еще до указанной реперной точки [6], что подтверждает тезис о том, что разворот России на Восток вызван не столько ее разладом с Западом, сколько тем, что Восточная Азия становится драйвером мировой политики, сюда перемещается центр международной жизни. Как отметил В.В. Путин, «центр мирового развития сегодня смещается в Азию, это без всяких сомнений. И, конечно, надо быть ближе к этим центрам развития» [14]. В развитии положений Концепций внешней политики России можно также отметить поступательное и последовательное усиление постулируемого поворота [7] — «смещение мирового потенциала силы и развития на Восток, в первую очередь, в Азиатско-Тихоокеанский регион» [9].

В резолюции X Санкт-Петербургского международного форума объединенных культур, прошедшего в сентябре 2024 года, была отражена роль культурной дипломатии в повороте России на Восток и построении полицентричного мироустройства. На форуме были затронуты вопросы социокультурного характера — де факто вопросы обеспечения цивилизационной безопасности. В частности, в резолюции была «подчеркнута необходимость активно участвовать в реализации конкретных инициатив международного культурно-гуманитарного сотрудничества, создавать безопасную информационную среду в СМИ и Интернете для подрастающего поколения и способствовать объективному культурно-историческому освещению», и был сделан акцент на «безальтернативности выстраивания взаимодействия между народами на основе взаимоуважения и представления о культуре каждого из них как о неотъемлемой части мировой культуры и многополярного мироустройства» [1]. Такой подход согласу-

ется с действующими политико-правовыми актами ряда незападных государств, в том числе с Концепцией национальной безопасности Монголии, провозглашающей одной из целей государства обеспечение цивилизационной безопасности страны.

Поворот России на Восток знаменует открытие новых возможностей укрепления положения в мироустройстве — как державы-цивилизации. Одновременно с приходом в Восточную Азию России в таком «статусе» новые возможности для раскрытия в диалоге с ней своих потенциалов как государств-цивилизаций могут получить Китай и Монголия. Дело в том, что ключевым звеном Восточной Азии как динамично развивающегося мирового региона является абсолютно нейтральное к государственным границам переплетенное цивилизационное пространство Центральной Евразии, которое дифференцировано по центрам в трех государствах-цивилизациях — их объединяет протянувшаяся из древности до наших дней общая история и общий путь Большой исторической России, Большого исторического Китая и Большой исторической Монголии. Эта общая история целиком и фрагментарно прослеживается в многовековых границах империй, имевших центры в трех странах, в границах возникшего в XX веке социалистического лагеря и в границах нынешнего экономического коридора Россия — Монголия — Китай. Несмотря на резкое отставание Монголии от своих соседей — от России на севере и от Китая на юге, по показателям, характеризующим ее политический вес и экономический и военный потенциал (Рис. 1), Монголия является таким же, как ее соседи, ядром отдельной цивилизации.

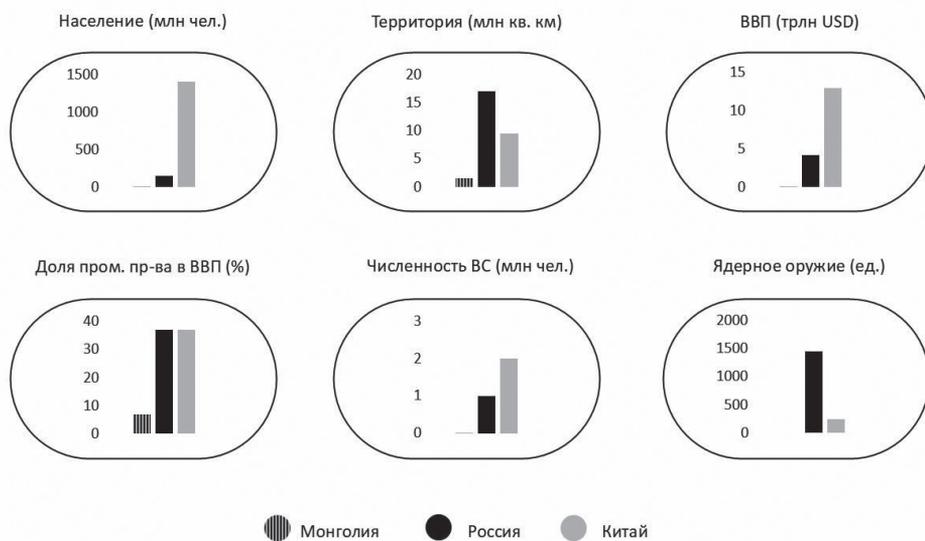

Рис. 1. Сравнение потенциалов Монголии, России и Китая

Символом актуализации цивилизационного содержания истории Монголии может служить недавно открывшийся в Улан-Баторе крупнейший в мире Музей Чингисхана — культурно-научный центр, чьи выставочные залы представляют посетителям этапы долгой цивилизационной истории Внутренней Азии — всех возникавших на территории Монголии государств и империй. Посредством экспозиций музей показывает политические процессы и геополитическое положение рождавшихся государств, мощные внутренние и внешние влияния в истории Внутренней Азии. По результатам археологических изысканий в Монголии были пополнены экспозиции древних кочевых государств — Империи Хунну, Сяньби, Тюркского и Уйгурского каганатов. Самое мощное историко-культурное и политико-экономическое влияние оказало Великое Монгольское государство, поэтому музей и назван в честь Чингисхана. Он показывает, какую роль монголы сыграли в истории Евразии в XIII–XIV веках, включая Империю Юань, Чагатайское государство и Золотую Орду, располагавшихся во Внутренней, Восточной и Средней Азии, а также в мировой истории в целом.

Посетители музея могут увидеть, как монголы жили начиная с XVIII века, находившись между Цинской и Российской империями, и как монголам, потомкам Чингисхана, в начале XX века удалось восстановить независимость, основав свое государство между двумя империями. Музейные экспонаты показывают, что Монголия как государство-цивилизация представляет собой политически оформленное ядро цивилизации народов Внутренней Азии, поскольку сохраняла статус независимого государства, территория которого еще с домонгольских времен (с III века до н.э.) служила метрополией объединявших огромные территории Евразии империй. Более того, великие империи кочевых народов, начиная с государств, каганатов и ханств хунну, сяньби, жужаней, тюрков, киданей и заканчивая Великой монгольской империей, Джунгарским ханством и Маньчжурской империей Цин, послужили изначальным связующим узлом в общем для трех цивилизаций (Монголии, России и Китая) пространстве Центральной Евразии с центром в Монголии и окружающей ее Внутренней Азии.

Таким образом, название «монгольская цивилизация» свидетельствует не о признании заслуг монголов в создании особой локальной цивилизации, а о признании Монголии центром пространства, в котором развивалось и концентрировалось творчество народов огромного региона Внутренней Азии, на чем и сделан акцент в распределении экспозиции музея по этажам [15] — по этапам кочевой (монгольской) цивилизации. В первых выставочных залах находятся экспонаты, рассказывающие об истории самых древних из известных исторической науке племен и народов, населявших территорию современной Монголии. Так, в зале третьего этажа собраны редкие и ценные археологические памятники Хунну — первого государства кочевников, зародившегося на территории Монголии и охватившего обширные пространства

Евразийских степей: артефакты бронзового века, украшения знати, первые предметы искусства и колесницы, редкие находки времен Сяньби, артефакты из захоронений Жужаньского каганата, а также самый ранний письменный памятник монгольского языка Хуйс толгой.

На четвертом этаже находится экспозиция, посвященная истории, культуре и обычаям древних кочевых государств. Их народы, населявшие территорию современной Монголии, оставили после себя богатое историко-культурное наследие. В зале древних кочевых государств представлены каменные изваяния, стелы, артефакты из погребальных комплексов Тюркского каганата, Уйгурского каганата и Киданьского государства. Среди них особого внимания заслуживают находки из погребального комплекса Шороон бумбагар — полный комплект одежды кочевницы раннего средневековья, найденный в пещерном захоронении, артефакты из киданьских городищ, зубная щетка тысячелетней давности и др. Через изображения, археологические находки и реконструкции представлен быт кочевников Монголии того периода: убранства храмов, покои ханов и князей, одеяния слуг. Фактически эти этажи демонстрируют периоды, предшествовавшие появлению монголов как этнокультурной общности, и тот исторический этап, когда эта общность зародилась. Однако можно сказать, что все они являются отдельными фазами в истории кочевой цивилизационной общности Внутренней Азии, а упадок и возвышение ряда этнокультурных и государственных систем характеризует надломы и подъем при транзите из одной фазы в другую (Рис. 2).

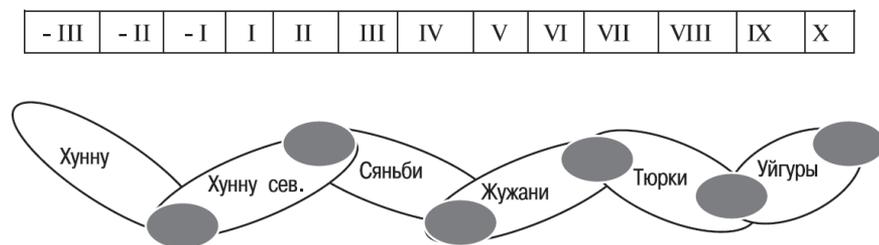

Рис. 2. Цивилизационные надломы в истории общности Внутренней Азии (III век до н.э. — X века н.э.)

Фактически представленные экспозиции освещают шесть с половиной периодов в истории монгольской цивилизации. Первый период (III век до н.э. — I до век н.э.) связан с «универсальным» государством хунну, которое имело свою правовую традицию, письменное делопроизводство, культуру и даже полноценные города и на долгое время заложило единую религиозную основу у кочевников Евразии в виде культа поклонения небу. Второй период (I век до н.э. — II век н.э.) — исход основной части хунну на юг и запад, появление на исторической сцене сяньби, возвысившихся уже в третий

период (II–IV века): пережив значительные этнокультурные трансформации, де факто интегрировав в свое общество оставшихся и вернувшихся в родной регион хунну, сяньби смогли овладеть территориями, которые ранее находились под контролем империи хунну. Четвертый период (IV–VI века) отмечен появлением жуаньжуанского каганата и его противостоянием с Северной Вэй. Пятый период (VI–VIII века) связан с тюрками, которые строят высоко развитые для того исторического периода города, способствуют синкретизму шаманизма, тенгрианства и буддизма. В шестой период (VIII–X века) возвышаются пестрые культурно и этнически ханства уйгуров и киргизов, а наряду с тенгрианством и шаманизмом в религиозной жизни евразийских степей начинают распространяться манихейство и христианство. Седьмой период кочевой цивилизации охватывает X–XII века — кризис империи киданей, во главе которой стояли конфуцианско-буддийские правители и возвышение многочисленных монгольских династий, которые в силу значительной этнокультурной и религиозной пестроты не стали устойчивыми государственными системами. Конфуцианская модель киданей также не получила признания среди степняков и не была продолжена: кочевники в основном исповедовали тенгрианство, несторианство или буддизм. XII век ознаменовывает конец периода и начало нового — Чингисхан создает монгольское государство на иных принципах организации, что позволило ему стать сильнейшей державой в регионе.

Пятый этаж связан с концом седьмого периода — посвящен Великому Монгольскому государству, роду Чингисхана и самому хану, построившему одну из самых протяженных континентальных, многонациональных и веротерпимых империй в истории. С него началась та историческая эпоха, которая характеризуется наиболее активным межцивилизационным взаимодействием в Центральной Евразии. В залах представлены экспонаты, связанные с историей Великого Монгольского государства, в частности рукопись генеалогического дерева Чингисхана, петроглифы Рашаан-хада, в которых выгравированы родовые тамги монгольских племен, восковая фигура Хабул-хана, печать Гуюг-хана, стела хана Мункэ, копия письма монгольского хана Папе Римскому, а также многочисленные украшения и предметы быта монгольских ханов и знати.

Шестой этаж занимает выставка, демонстрирующая масштаб того цивилизационного пространства, которое часто именуется Монгольским миром, Большой или исторической Монголией и охватывает земли от России до Китая. Экспозиции посвящены Монгольской империи и ее улусам, государствам-продолжателям: Золотой Орде, Ильханату, Чагатайскому улусу и Империи Юань. Выставленные артефакты (шелка, предметы гардероба и рукописи) несут в себе признаки взаимного влияния монгольской цивилизации и цивилизаций, с которыми она переплелась при расширении границ Великого монгольского государства. Данный зал отражает два периода

монгольской цивилизации: восьмой период (XII–XIV века) характеризуется новым балансом сил и формированием общества, основанного на сочетании кочевого образа жизни и городского хозяйства, военной мобилизации и попытки установить имперскую власть над Евразией. Немаловажными атрибутами нового государственно-социального устройства стали сакрализация правителя, укрепление тенгрианства и политика веротерпимости. Распад империи обусловил возвращение значительной части монгольской правящей элиты на место зарождения цивилизации. Девятый период (XIV–XVI века) ознаменовался поиском способа воссоединения вернувшихся монголов с теми, кто не покидал изначального ландшафта: политическая и культурная разобщенность была характерным признаком монгольского общества того времени. Разразившиеся к концу периода братоубийственные войны указывают на углубляющийся кризис, который потребовал нового ответа на исторический вызов. Им стало создание нового религиозного направления — северного буддизма, превратившегося в мировое религиозное течение благодаря продуманной политике монгольских духовных и светских лидеров.

Седьмой этаж украшают экспозиции, посвященные аристократам и ханам-чингизидам и представляющие длительный исторический период от распада империи Чингисхана до начала XX века. Исторические документы, печати халхаских хошунных нойонов, государственная печать Богдо-хана, старинные картины, знамена, доспехи и оружия, шахматы, тысяча статуй Будд работы первого Богдо-гэгэна Монголии, правителя Халхи, Дзанабадзара украшают зал и, наряду с одеждой и драгоценностями, принадлежавшими не только монгольской знати, но и аристократам маньчжурской династии Цин, повествуют о новом историческом периоде в истории Монголии, когда государство на длительное время утратило суверенитет, но монголы смогли сохранить цивилизационную идентичность, в том числе посредством северного буддизма. Он связан с десятым периодом (XVI–XVIII века), когда Внешняя Монголия находилась в самоизоляции, гарантом которой и стремились стать маньчжуры. Отношения между монголами и маньчжурами были сложными, усугублялись внутренними раздорами между монгольскими князьями, часто обращавшимися за помощью к Цинским императорам. Маньчжуры стремились сохранить традиционные привилегии степной аристократии, долгое время не стремясь радикально изменить образ жизни кочевников. Однако по мере развития нового религиозного монгольского общества происходили изменения в общественной структуре: вокруг кочевых монастырей возникали временные поселения, и монастыри становились центрами мирской жизни. Также к северным границам Монголии подошли границы России, близкие на этнокультурном уровне монголам буряты вошли в состав державы Белого царя. Таким образом, изоляция была нарушена и наступил новый переходный и кризисный период в истории монгольской цивилизации.

В этой связи особенно символичны экспонаты, представленные подарками русского царя монгольскому премьер-министру из династии Чингисхана, которые подчеркивают историческую преемственность роли великой континентальной евразийской державы (Российской империи после Монголии) и будущую поддержку России в обретении монгольским государством независимости. Такой сменой ролей характеризуется одиннадцатый период цивилизационного развития Внутренней Азии (XVIII–XX века) — активное вовлечение Внешней Монголии в сферы влияния Российской и Цинской империй. При этом на Внешнюю Монголию власть маньчжурского Пекина распространялась преимущественно в бюрократическом виде и посредством политических рычагов давления, без попыток культурной ассимиляции и резкого изменения кочевого образа жизни или религиозной идентичности проживавших там монголов, в отличие от Внутренней Монголии, испытывавшей значительно большее влияние маньчжурских властей. За века раздельного существования две части региона диверсифицировались как в политическом, так и в культурном плане. Россия стала для западных и северных монголов культурным ориентиром и опорой в отстаивании своей идентичности в расколоте Внутренней Азии, что, вероятно, с исторической точки зрения и предопределило в дальнейшем развитие национально-освободительного движения и суверенитет Внешней Монголии от Китая, но не Внутренней.

Восьмой этаж подводит итог представленным в музее историческим эпохам. Он посвящен монгольскому наследию, в том числе памятникам, вошедшим в список всемирного наследия ЮНЕСКО. Среди экспонатов зала «Мир и монголы: зал монгольской гордости» — артефакты из Каракорума, монеты монгольских ханов, многочисленные доспехи и оружие, копии свитка японского императорского дворца со сценой монгольского вторжения и письма монгольским ханам, иные произведения и скульптуры Дзанабадзара, юрта монгольского аристократа. Девятый этаж музея — символическое изображение огромной монгольской юрты, церемониальный купольный зал в честь Чингисхана и других великих правителей Монголии. Напротив входа в «Зал почета великого Чингисхана», в самом почетном по обычаю монгольского народа месте, установлена золотая статуя Чингисхана. Купол здания символизируют верхнюю часть юрты монгольской знати, а интерьер зала напоминает ее войлочные стены.

Единственные периоды в развитии монгольской цивилизации, не представленные в Национальном музее Чингисхана, относятся к Монгольской Народной Республике и современной Монголии, что соответствует двенадцатому периоду развития кочевой цивилизации. Однако музей подробно иллюстрирует предыдущие исторические этапы, наглядно показывая, что монгольская (кочевая) цивилизация выходит далеко за рамки только Монгольской империи, которая сама была наследницей гегемонов евразийских степей. Апогеями могущественного политического воздействия оби-

тавших в Монголии народов на окружающий мир были создаваемые ими на протяжении почти двух тысячелетий великие кочевые империи.

В XXI веке обращение к исторической роли Внутренней Азии как колыбели периодически возникавших империй, как своеобразному «пульсирующему Риму» Центральной Евразии может обрести особую форму политического творчества. Выступая как государства-цивилизации, Монголия и Россия могут подтолкнуть друг друга к совместной выработке общего политического курса, а возникающая при этом синергия поведет страны по привычному вектору с образованием во Внутренней Азии общего центра. Вероятно, к ним присоединится и Китай, и тогда можно будет выстраивать на обширной части евразийского пространства новую политическую архитектуру с включением в нее государств, некогда входивших в состав России/СССР, Великой Монгольской и Маньчжурской империй и Джунгарского ханства. Начальным этапом станет развитие российско-монгольских отношений на новой основе — как государств-цивилизаций, для чего необходимы соответствующие политико-правовые основания.

В Статье 4 Концепции внешней политики Российской Федерации (2023) страна провозглашена «государством-цивилизацией». В Концепции национальной безопасности Монголии в 1994 году была заявлена необходимость защиты «безопасности монгольской цивилизации» (Статья 3.1.4. «Цивилизационная безопасность») [12], а в Статье 24 Концепции внешней политики Монголии (2011) отмечено, что цель ее культурной внешней политики и гуманитарного сотрудничества — развитие как общих «достижений мировой культуры», так и «национальной цивилизации», ее «уникального наследия» [13]. Таким образом, основополагающие внешнеполитические юридические акты двух держав придают политике цивилизационное измерение, которое должно учитываться и в развитии российско-монгольских отношений в рамках многостороннего взаимодействия на международной арене с иными странами.

Вместе с тем в двусторонних договорах России и Монголии цивилизационный фактор обозначен не так явно. Например, в Статье 9 Договора о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве двух государств (2019) содействие межцивилизационному диалогу России и Монголии упоминается наряду с межкультурным и межконфессиональным сотрудничеством внутри Азиатско-Тихоокеанского региона [4]. При этом в договорах, закладывавших юридические основания российско-монгольских отношений в прошлом (Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией (1993) [5] и Соглашение о принципах сотрудничества между органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и местными администрациями Монголии (2000) [17]), не содержатся формулировки, хоть как-то обозначающие межцивилизационное взаимодействие двух стран.

В «мягко-правовых» (не накладывающих жестких международных юридических обязательств, но остающихся политическими нормативными «регуляторами») Улан-Баторской Декларации о развитии стратегического партнерства (2009) и Московской Декларации (2006) цивилизационный фактор упоминается редко. В Улан-Баторской декларации лишь один раз провозглашается, что «Российская Федерация и Монголия подтвердили необходимость... развития межцивилизационного, межкультурного и межконфессионального диалогов как эффективных инструментов пресечения террористической идеологии» [3], а в Московской декларации единожды упоминается, что «Россия и Монголия подчеркивают необходимость уважения культурно-цивилизационного многообразия современного мира» [16]. В то же время в Улан-Баторской Декларации 2000 года цивилизационное измерение двусторонних отношений вообще не упоминалось [18]. Таким образом, сформулированные в основополагающих внешнеполитических документах положения, затрагивающие цивилизационное пространство двух государств, отходят на второй план в документах двусторонних, регулирующих российско-монгольские отношения в области межцивилизационного взаимодействия.

Тем не менее, отдельные пункты российско-монгольских договоров и деклараций затрагивают проблематику, позиционируемую в основополагающих внешнеполитических актах как цивилизационную. Прежде всего они касаются российско-монгольского сотрудничества в области культуры и гуманитарных отношений, в частности в сфере науки и образования, выстраивания межконфессионального, межэтнического и межкультурного диалога, но охватывают и более конкретные вопросы сотрудничества приграничных регионов. На индивидуальном уровне активно и в чуть меньшей степени на двустороннем уровне Россия и Монголия заявляют стремление к защите родных языков, культур, исторической памяти и уникального наследия народов, представляющих русскую и монгольскую цивилизации, пусть и не всегда в прямой привязке к цивилизационному дискурсу.

Также к проблематике межцивилизационного взаимодействия можно отнести вопросы строительства многополярного мира для России и защиты цивилизационной безопасности для Монголии, поскольку они вытекают из тех же исторических оснований, что и цивилизационный дискурс, развиваемый в фундаментальных внешнеполитических актах двух государств-цивилизаций. На региональном уровне межцивилизационное взаимодействие было обозначено Россией и Монголией в Статье 9 Договора о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве двух государств (2019), причем географические границы «межцивилизационного, межкультурного и межконфессионального диалогов между государствами региона» были обозначены весьма широко: «пространство Евразии» и «Азиатско-Тихоокеанский регион» [4]. Для развития данного направления

следует интенсифицировать межцивилизационное взаимодействие России и Монголии на региональном и межрегиональном уровне, в том числе в рамках крупных международных организаций и объединений, таких как ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и БРИКС (или взаимодействия с ними).

У Монголии для интенсификации данного направления внешней политики совместно с Россией оснований не меньше, чем у России с Монголией. С практической точки зрения укрепление взаимодействия с региональными организациями, стремящимися совместными усилиями поддерживать мир и бороться с преступностью в Евразии, будет гарантировать Монголии национальную и цивилизационную безопасность, что выгодно и России ввиду снижения потенциальных рисков безопасности в ближнем зарубежье. Опыт Казахстана, прибегшего к помощи ОДКБ в 2022 году, показал, что региональные организации безопасности могут содействовать поддержанию мира внутри евразийских стран без рисков для государственного суверенитета, а вступление в ШОС Индии и Пакистана продемонстрировало готовность «третьих соседей» Монголии (Индия признана таковым МИДом Монголии [2]) к сотрудничеству с Россией, Китаем и друг с другом в области обеспечения безопасности на континенте, несмотря на политические противоречия между ними и пестрый цивилизационный состав ШОС. Активизация сотрудничества Монголии с данными организациями будет способствовать обеспечению ее внутренней и внешней национальной и цивилизационной безопасности при сохранении ею внеблокового статуса, международного нейтралитета и возможности выстраивать продуктивную политику совместно с историческими соседями в лице России и Китая и странами коллективного Третьего соседа.

Соглашение о свободной торговле с ЕАЭС, несомненно, будет выгодно как для Монголии, так и для стран экономического союза. Причем Монголия таким образом сможет сгладить те диспропорции, которые существуют в ее торговле, прежде всего ориентированной на КНР, и продолжит традицию выстраивания независимой и нейтральной внешней экономической и торговой политики, как уже заключившие подобные соглашения с ЕАЭС Вьетнам, Сербия, Иран, Сингапур и КНР и планирующие их заключить Израиль, Индонезия, ОАЭ, Египет и Индия [19]. БРИКС также представляется главным объединением для независимых стран в среднесрочной стратегической перспективе. Создаваемые им новые международные институты гарантируют суверенитет и безопасность государств, формируют новый многополярный мир и обеспечивают участником значимое место в системе международных отношений. Не менее важно и цивилизационное измерение БРИКС, который многие эксперты называют союзом государств-цивилизаций. Однако может ли он обладать полной исторической и цивилизационной легитимностью без должного участия страны, одной из первых обозначивших цивилизационную концепцию в своей внешней политике и являющейся исторической

наследницей одной из крупнейших держав в истории человечества, объединившей многие народы под крылом монгольской цивилизации? С цивилизационной и исторической точки зрения участие во всех указанных выше организациях и объединениях страны, представляющей цивилизацию, которая определила ход истории всей Евразии, закономерно и почетно как для Монголии, так и для государств-членов, причем, как и ее участие в глобальном процессе построения полицентричного мира, основывающегося на демократичных международных отношениях и защите своей идентичности, наследия и будущего.

Подытоживая сказанное, необходимо отметить, что конкретизация, консолидация и развитие «цивилизационных» положений основополагающих российско-монгольских политико-правовых актов будет способствовать как кристаллизации путей дальнейшего развития двусторонних отношений, так и интенсификации межцивилизационного взаимодействия на международной арене, инспирируемого Россией и Монголией, а потому представляется перспективным и значимым как для развития российско-монгольского сотрудничества, так и для построения полицентричного регионального и глобального миропорядка, основанного на сотрудничестве государств-цивилизаций.

Информация о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Министерства образования и науки Монголии (MES). Проект № 24-48-03030 «Этнический фактор в развитии межцивилизационного диалога России и Монголии на современном этапе».

Библиографический список

1. В Петербурге на Форуме объединенных культур провозгласили итоговую резолюцию 13.09.2024 // URL: <https://rg.ru/2024/09/13/reg-szfo/v-peterburge-na-forume-obedinennyh-kultur-provozglasili-itogovuiu-rezoliuciiu.html>.
2. Гуравдагч хөршийн бодлого. [Политика Третьего соседа] // URL: <https://mfa.gov.mn/mongolian-foreign-policy/%D0%B4%D0%B8%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82-%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BB%D1%86%D0%B0%D0%B0/third-neighbors>.
3. Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией (Улан-Батор, 25.08.2009) // URL: <https://base.garant.ru/2569669/?ysclid=luqpd3525p817620587>.
4. Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Монголией // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58600.
5. Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией. 20.01.1993 // Бюллетень международных договоров. 1998. № 6.
6. Интервью заместителя Министра иностранных дел РФ А.Ю. Руденко МИЦ «Известия». 10.01.2023 // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1846674.
7. Как менялась Концепция внешней политики России. 31.03.2023 // URL: <https://tass.ru/info/17418381>.
8. *Караганов С.А., Макаров И.А.* Поворот на Восток: итоги и задачи // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2015. Приложение. .
9. Концепция внешней политики Российской Федерации (12.02.2013) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094>.

10. Korolev A. Russia's reorientation to Asia: Causes and strategic implications // Pacific Affairs. 2016. Vol. 89.
11. Кортунов А.В. Сергей Витте и первый поворот России на Восток // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sergey-vitte-i-pervyy-povorot-rossii-na-vostok/?sphrase_id=152465888.
12. Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал. Тав. Соёл, хүмүүнлэгийн гадаад харилцааны бодлого [Концепция внешней политики Монголии. Часть 5: Внешняя политика в области культуры и гуманитарного сотрудничества] // URL: <https://mfa.gov.mn/documentation/55655>.
13. Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Концепция национальной безопасности Монголии] // URL: <https://mfa.gov.mn/монгол-улсын-үндэсний-аюулгүй-байдлы>.
14. Московская декларация от 8.12.2006 // URL: https://mongolia.mid.ru/k-95-letiu-ustanovlenia-diplomaticeskikh-otnosenij/-/asset_publisher/xut60ysypd60/content/moskovskaa-deklaracia-ot-8-dekabra-2006-g-.
15. Путин заявил о смещении центра развития в Азию. 7.06.2024 // URL: <https://tass.ru/politika/21039559>.
16. Сайт Национального музея Чингисхана // URL: <https://chinggismuseum.com>.
17. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о принципах сотрудничества между органами исполнительной власти субъектов РФ и местными администрациями Монголии. 14.11.2000 // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46796.
18. Торговые соглашения Евразийского экономического союза // URL: <https://eec.eaunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya>.
19. Улан-Баторская Декларация. 15.11.2000 // URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1709886&lang=ru>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1133-1147

EDN: PIGXSQ

Political-legal foundations of interaction between Russia and Mongolia as states-civilizations*

A.S. Zhelezniakov^{1,2}, S.V. Nikiforov^{1,2}, S. Chuluun³

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

²Moscow State Institute of International Relations,
Prosp. Vernadskogo, 76, Moscow, 119454, Russia

³Chinggis Khaan National Museum,
J. Sambuu St., Chingeltei district, Ulaanbaatar, 15160, Mongolia

(e-mail: zhelezniakovas@yahoo.com; ursus-arktos@yandex.ru; samchuluun@gmail.com)

Abstract. Under the formation of a polycentric world order, the analysis of the existing social-cultural and political-legal foundations for the development of inter-civilizational dialogue becomes especially relevant. For Russia, the priority task is to find new grounds in the turn

*© A.S. Zhelezniakov, S.V. Nikiforov, S. Chuluun, 2024

The article was submitted on 24.06.2024. The article was accepted on 14.10.2024.

to the East to intensify relations with the countries of the Global South and border states. The authors use the tools of civilizational political science to consider the political-legal foundations of interaction between Russia and Mongolia as states-civilizations — the contractual basis and political discourse that determine the key directions of development of relations between Russia and Mongolia under Russia's turn to the East. The authors assess the representation of the civilizational factor in the historical and currently valid political-legal documents; propose ways for its strengthening through the consolidation of those provisions that affect the civilizational dimension of bilateral relations in the interests of specifying and intensifying Russian Mongolian cooperation. Based on the materials of the exposition in the National Museum of Chinggis Khaan (Mongolia, Ulaanbaatar), the article provides a brief description of the stages of development of the Mongolian civilization and its historical-cultural heritage as a platform for intercivilizational and interstate cooperation in the form of bilateral relations between Russia and Mongolia, the Russia-Mongolia-China triangle and more global forms of interaction with the participation of the states-civilizations of Eurasia and BRICS. As a result of the conducted research, the authors show, on the one hand, the insufficiency and fragmentation of the regulation of Russian-Mongolian relations at the level of bilateral agreements; on the other hand, significant provisions of a “civilizational” nature in the fundamental foreign policy documents of both countries. Together with the need to formalize inter-civilizational cooperation at the international level and the historical role of the Mongolian and Russian civilizations in Eurasia, this allows to identify some prospects for developing such provisions and introducing new ones in the international regulatory frameworks by both Russia and Mongolia in order to ensure a solid value-ideological, social-cultural and political-legal foundation for a polycentric world.

Key words: civilizational political science; states-civilizations; intercivilizational interaction; Russian Mongolian relations and international treaties; Mongolian civilization; Russian civilization

Funding

The study is funded by the grant of the Russian Science Foundation and the Ministry of Education and Science of Mongolia (MES). Project No. 24-48-03030 “Ethnic factor in the development of intercivilizational dialogue between Russia and Mongolia at the present stage”.

References

1. In Saint Petersburg, at the Forum of United Cultures, the final resolution was announced on September 13, 2024. URL: <https://rg.ru/2024/09/13/reg-szfo/v-peterburge-na-forume-obedinennyh-kultur-provozglasili-itogovuiu-rezoliuciiu.html>. (In Russ.).
2. The policy of the Third Neighbor. URL: <https://mfa.gov.mn/mongolian-foreign-policy/%D0%B4%D0%B8%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82-%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BB%D1%86%D0%B0%D0%B0/third-neighbors>. (In Mongolian).
3. Declaration on the Development of the Strategic Partnership between the Russian Federation and Mongolia (Ulaanbaatar, August 25, 2009). URL: <https://base.garant.ru/2569669/?ysclid=luqpd3525p817620587>. (In Russ.).
4. Treaty on Friendly Relations and Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and Mongolia. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58600. (In Russ.).
5. Agreement on Friendly Relations and Cooperation between the Russian Federation and Mongolia on January 1, 1993. *Bulletin of International Treaties*. 1998; 6. (In Russ.).
6. Interview with Deputy Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation A.Yu. Rudenko. January 10, 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1846674. (In Russ.).
7. How the concept of Russia's foreign policy has changed. March 31, 2023. URL: <https://tass.ru/info/17418381>. (In Russ.).
8. Karaganov S.A., Makarov I.A. Turn to the East: Results and tasks. *Journal of the Siberian Federal University. Humanities*. 2015; Supplement. (In Russ.).

9. Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. February 12, 2013. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094>. (In Russ.).
10. Korolev A. Russia's reorientation to Asia: Causes and strategic implications. *Pacific Affairs*. 2016; 89.
11. Kortunov A.V. Sergey Witte and Russia's first turn to the East. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sergey-vitte-i-pervyy-povorot-rossii-na-vostok/?sphrase_id=152465888. (In Russ.).
12. Foreign Policy Concept of Mongolia. Part 5. Cultural and Humanitarian Foreign Policy. URL: <https://mfa.gov.mn/documentation/55655>. (In Mongolian).
13. Concept of National Security of Mongolia. URL: <https://mfa.gov.mn/монгол-улсын-үндэсний-аюулгүй-байдлы>. (In Mongolian).
14. Moscow Declaration. December 8, 2006. URL: https://mongolia.mid.ru/k-95-letiu-ustanovlenia-diplomaticeskih-otnosenij/-/asset_publisher/xut60ysypd60/content/moskovskaa-deklaracia-ot-8-dekabra-2006-g-. (In Russ.).
15. Putin announced the shift of the center of development to Asia. June 7, 2024. URL: <https://tass.ru/politika/2103955916>. (In Russ.).
16. Website of the Chinggis Khaan National Museum. URL: <https://chinggismuseum.com>.
17. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of Mongolia on the Principles of Cooperation between the Executive Authorities of the Subjects of the Russian Federation and Local Administrations of Mongolia. November 11, 2000. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46796. (In Russ.).
18. Trade Agreements of the Eurasian Economic Union. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dotp/torgovye-soglasheniya>. (In Russ.).
19. Ulaanbaatar Declaration. November 15, 2000. URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1709886&lang=ru>. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1148-1157

EDN: OVZBJL

Sociological approach to the study of Russia's image in the Indonesian media*

V.L. Muzykant, Panca Syurkani

RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: vmouzyka@mail.ru; pancasyurkani@gmail.com)

Abstract. The concept of a multipolar world is based on the idea of balance and equal rights for every country in the international world, and this concept was outlined in the Russian Foreign Policy Concept already in 2000. On several occasions, the President of Russia campaigned for a multipolar world order, which can be seen in some news reports in the Indonesian media. The sociological interpretation of the image is based on the descriptive qualitative framing analysis aimed at identifying how an event is understood and framed by the media. The authors collected the media data and conducted an analysis that allowed to make the following conclusions: first, a multipolar world is a concept that based on the idea of balance and equality; thereby, the geopolitical model of a multipolar world order is to replace the existing paradigm dominated by one civilization which extends throughout the world under the slogans of globalization, Westernization, Americanization, universalization, standardization and liberalization. Second, the image of Russia in the Indonesian media in relation to the multipolar world order creates the representation of the country as the one that encourages other states experiencing rapid growth to assert their sovereignty and defend their national interests, traditions and culture. Another image of Russia implies the same accent on the presence of countries experiencing free rapid development as confirming that the contemporary world is no longer under the influence of just one country or one pole, because every country has the same sovereign rights. Thus, Russia's position as presented in the Indonesian media certainly finds the approval and support of the Indonesian society.

Key words: image of Russia; multipolar world; BRICS; Indonesian media; national interests; framing analysis

The model of the world order has changed dramatically in the postwar era — from the bipolarity (the US and Soviet Russia) that characterized the Cold War to the unipolarity following the fall of Soviet Union in 1989, when America became the sole superpower in a complex multipolar world following the Global Financial Crisis in 2008. Some reseachers argue that the world economic order consists of three dominant poles: the United States, China, and the European Union even

*© V.L. Muzykant, Panca Syurkani, 2024

The article was submitted on 20.06.2024. The article was accepted on 14.10.2024.

though politically the world structure is more complex due to the emergent Sino-American bipolarity [15]. In the present era, relations between countries are no longer dominated by the struggle between two superpowers (the United States and the Soviet Union — now the Russian Federation), which was the situation in the Cold War era, but develop in the direction of a multipolar world consisting of new centers of power [19]. Many scholars believe that “because the world order is supported by a system of socio-political interaction between countries that still exists, the world order must benefit both parties. Therefore, states that are able to influence interactive discourse in the society of states that are considered sovereign will have a privileged position in establishing rules of conduct for other states. This essentially violated the principles of the Westphalian system, which considered all sovereign states to be equal. Multipolar world theories propagate ideas that advocate the civilizational integration of countries based on their cultural and political similarities... Such integration... will help weaker countries gain a more productive voice in the process of formulating world order discourse. This can also explain the weakening of state sovereignty and its replacement by civilizational (or alliance) sovereignty” [6].

Image of Russia in the multipolar world attracts attention of many countries, including Indonesia as participating in the birth of a multipolar world together with Russia, China, India and Brazil [3]. The concept of multipolarity was introduced in the 1960s as a response of Western scholars to changes in the bipolar system, characterized by the emergence of the third world — countries with a fairly independent stance towards one of the blocs and even more independent foreign policy ambitions. K. Deutsch and J. Singer were the first to discuss multipolarity by summarizing weaknesses of the bipolar system and its possible changes. The possibility of transformation to a multipolar system is justified by the increasing potential of different countries to stabilize the world political power [2]. In addition, Ch. Krauthammer predicted that “multipolarity will come in time ... perhaps in the next generation, there will be great powers equal to the United States, and the structure of the world will resemble the era before the World War I” [10]. The transformation of the bipolar system seems very possible, because it is far from perfect and has clear limitations. Therefore, multipolarity is considered a possible future option — with an increasing number of poles, which would minimize the risk of confrontation between two different poles and international politics from a zero-sum game. Since international politics is not a zero-sum game, states’ actions do not require a countervailing response from their opponents. R.N. Rosecrance’s thesis can be summarized as follows: multipolarity is better than bipolarity, but unpredictable actions of all poles is quite challenging for the whole system [7].

There are three main factors that determine the development of the multipolar world theory. First, the unipolar order experienced significant difficulties while strengthening. Recent turmoil in the Middle East, refugee crises and political challenges in other parts of the world have demonstrated that one power cannot

manage world affairs successfully and that the participation of other countries is necessary to ensure lasting peace and stability. Second, the unipolar world order has not yet been framed institutionally, giving rise to further difficulties in terms of legitimacy. Indeed, over the last quarter century the United States created a series of precedents — such as “humanitarian intervention”, “regime change” and “disarmament” — that could consolidate its global leadership and frame the main dimensions of the unipolar world. Third, there are regional alliances in various parts of the world, for instance, BRICS, integration processes in Latin America, the post-Soviet region, Asia and Africa [6].

Discussions about multipolarity often contain a bias regarding how society wants the world to develop compared to how the world does work. Supporters of the multipolar world consider events as determined not by the actions or interests of a global hegemon but by the competing interests of various centers of power. Such supporters often argue that a multipolar world implies that countries with equal power work together to realize their interests, which makes this world more peaceful and desirable for everyone [24]. The concept of a multipolar world was born from the idea of balance and equal rights of every country in the international world. At the Munich Conference on Security Policy on February 10, 2007, V. Putin stated: “I consider the unipolar model not only unacceptable but also impossible in today’s world” [7]. At the 11th Moscow International Security Conference, Putin added that a multipolar world order would ultimately contribute to a stable and sustainable global development and would help solve pressing social, economic, technological and environmental problems. According to the Russian Defense Doctrine declared by D. Medvedev, the world must be multipolar; a single pole (power, domination) is not acceptable, no country should have the right to make all decisions, even as influential as the United States, since this makes the world unstable and threatened by conflicts. Moreover, to prove its readiness to create a multipolar world, Russia focuses on the development of BRICS (the term was introduced by US economist J. O’Neal in 2001 as an acronym for Brazil, Russia, India, China and later South Africa). The strategic goal of the BRICS group is to ensure a democratic world balance in a multipolar world system, an equitable development and the UN’s central role in all world affairs [17].

Today the media is “a guided market system” driven by profit and guided by the government to follow some agenda — whether political or financial, which determines the importance of emphasizing propaganda in the media as a common means to convince the public [20]. The term “mass media” refers to its use for and by public [5], and the development of information technology has encouraged mass media to transfer from print to online forms [1]. Online media implies that a computerized media system is connected directly to the network [13]. Online media is very different from conventional media (radio, television and print media), because on online media sites communicators can interact directly through channels

or networks, and the news of the online media are updated and disseminated instantly [27].

There are many reports in the Indonesian online media on Russia and the multipolar world, presenting a specific image of Russia. We will consider five such essential news stories from the most popular Indonesian online media: Koran-jakarta.com, Kompas.com, Sindonews.com, Antaranews.com, and kompas.tv. Our study was conducted with the framing analysis method that allows to identify how an event is framed by the media: to frame means to select some aspects of a perceived reality and make them more salient in a text in such a way as to promote a particular problem definition, causal interpretation, moral evaluation, and/or treatment recommendation [8]. We chose a case study approach supplemented by a review of various relevant works and the following main terms: country image — a sum of beliefs, attitudes and impressions that a person or a group has of an object (In this case of a country) [4]; multipolar world concept [8]; mass media (its history in Indonesia began during the Dutch colonial period and witnessed a significant development after the reform at the end of the 1990s [14]). We considered the following reports in the online Indonesian media on Russia and the multipolar world:

- On Jakarta.com — “Multipolar World Vision: Civilization Factors and Russia’s Position in the New World Order”: civilization platform in each country has a unique structure and characteristics, which can be developed by networks or cooperation with other countries to make a pathway to a fundamentally new system which will replace the existing paradigm dominated by one civilization. In this report, Russia is defined as a country that supports the idea and movement to a multipolar world [9].
- On Kompas.com — “Russia Calls Indonesia a Strong Candidate to Join BRICS”: Indonesia has not officially applied, although its President Joko Widodo attended the last BRICS conference. The BRICS group has gone through two waves of expansion since its founding in 2006: in 2011, South Africa joined the founding members — Brazil, Russia, India and China; in 2024, five new members (Egypt, Ethiopia, Iran, Egypt, Saudi Arabia and the United Arab Emirates) started working as BRICS member countries [21].
- On Dindonews.com — “Putin: the Multipolar Campaign and Indonesia”: the Russian President considers the world as developing towards many central poles of power or multipolarity. This change is driven by the rapid growth of such countries as China, Russia and Brazil. Putin called Indonesia a country supporting the world multipolarity due to the strong hegemony of the United States and its allies. Putin reminded that the development of the Indo-Pacific strategy basically aims at creating a military-political association controlled by Washington, and that the US steps to integrate NATO and AUKUS aim at building a neo-colonial West and at delaying the formation of a multipolar world by destabilizing and triggering tensions in various regions. According to Putin, most countries were ready to defend their national sovereignty and interests, traditions, culture and

way of life, which is why they developed new economic and political centers for a stable and progressive global development of multipolarity [22].

- On *Antaraneews.com* — “Putin Discusses the Stable Development of a Multipolar World Order”: at the 11th Moscow International Security Conference, Putin mentioned the stable revival of a new multipolar world. When discussing the global shift towards multipolarity, Putin said that most countries were ready to assert their sovereignty and defend their national interests, traditions and culture; thereby, a multipolar world order would contribute to a sustainable global development [29].
- On *Kompas.tv* — “Putin: Indonesia as a Driver for the Birth of a Multipolar World Together with Russia, China, India and Brazil”. According to Putin, “a multipolar world is being formed and already exists due to the growing potential of many countries, including China... India is developing in Asia just as Indonesia. In Latin America, Brazil is developing. Russia is rising and getting stronger. And I repeat once again that this is a manifestation of the objective development of a multipolar world... And today a global approach to human history... has become even more relevant” [28].

Framing analysis aims at identifying how the media constructs reality [25] by using special frames that limit the selected information and determine the focus of attention (what perspectives journalists use when selecting issues and writing reports) [20]. It is technically impossible for a journalist to present the entire picture, i.e., only parts of important events (happenings) in a story (news) become objects of journalists’ framing [26]. There are four key ways to frame news: (1) identification of the problem (how the event is seen, its positive or negative value); (2) identification of a cause of the problem (causal interpretation); (3) moral evaluation (an assessment of these causes); (4) suggestions for dealing with the problems (recommendations on how to handle the problem and/or to predict its result; thus, framing basically refers to providing definitions, explanations, evaluations and recommendations to emphasize a certain frame (a particular definition, causal interpretation, moral evaluation, etc.) for discussing an event [8] (Table 1).

Table 1

Framing Analysis

Define a problem	How is an event/issue considered?
Identify its causes	What is the cause of this incident?
Make a moral judgment	What moral values are presented to explain the problem?
Make recommendations	What is offered for solving the problem?

The findings and analysis of the 1st news report from *Jakarta.com* “Multipolar World Vision: Civilization Factors and Russia’s Position in the New World Order” [9] are presented in Table 2.

News matrix

Define a problem	<p>Shared future will require a dialogue between the West and new centers of the multipolar international order</p> <p>Civilizational methodological basis for understanding, describing and building multipolar systems</p> <p>The West lost its potential but strives to hinder the development of other civilizations</p> <p>A multipolar system will replace the existing paradigm dominated by one civilization under the slogan of globalization, Westernization, Americanization, universalization, liberalization and elimination of national boundaries</p> <p>Multipolarity unlocks every potential for the benefit of the whole world, so everyone wins</p> <p>Russia aims at restoring historical justice: there is an “opportunity to establish effective patterns of interaction and development not against the West, but in circumvention of the West and without its involvement”</p>
Identify its causes	<p>Western dominance started in the 1960s under decolonization</p> <p>The system of international agreements and foreign exchange reserves is based on the US dollar, the Bretton Woods institutions, the cross-border movement of capital by Western transnational corporations, and represents a new, more sophisticated and legally (but not morally) defensible form of colonial domination. Neo-colonialism is designed to ensure the continuous extraction of resources from developing countries to meet the needs of the “Golden Billion”</p> <p>Western ruling elites sought to restore the “unipolarity” of the early 1990s by force and divided the commonwealth of civilization into segments suitable for absorption in line with the principle “divide and control”</p> <p>Western ideology is always ready to fight against “poles” independent from it</p> <p>Rules-Based Order (RBO) goes against the aspirations of developing countries and the world’s majority does not support it</p> <p>Liberal globalization means depersonalization and imposes the Western model on the entire world</p>
Make a moral judgment	<p>Multipolarity will replace the existing paradigm dominated by one civilization under the slogan of globalization, Westernization, Americanization, universalization, liberalization and elimination of national boundaries.</p> <p>Multipolarity is not against the West, it is against its control and involvement</p>
Make recommendations	<p>The world should not be dominated by a particular pole because the equality of sovereignties is guaranteed and secured by the UN Charter</p>
Framing conclusions	<p>The civilization factor in international affairs is a characteristic feature of the time — the transition to a new historical era, the struggle of ideas and notions about the future. This collision does not occur in the abstract world or in a vacuum of power. Its framework is determined by the geopolitical and civilizational vision of a multipolar world, which is being formed today.</p>

The findings and analysis of the 2nd news report from Kompas.com “Russia Calls Indonesia a Strong Candidate to Join BRICS” is presented in Table 3, of the 3rd report from Sindonews.com “Putin: the Multipolar Campaign and Indonesia” — In Table 4, of the 4th report from Antaranews.com “Putin Discusses the Stable Development of a Multipolar World Order” — in Table 5, of the 5th report from Kompas.tv “Putin: Indonesia as a Driver for the Birth of a Multipolar World Together with Russia, China, India and Brazil” — in Table 6.

Table 3

News Matrix

Define a problem	Indonesia is a strong candidate to join BRICS Russia hopes that Indonesia can apply to join BRICS
Identify its causes	Indonesia has not officially applied, although the Indonesian President Joko Widodo attended the last BRICS conference
Make a moral judgment	Russia respects Indonesia's decision to join BRICS
Make recommendations	Let's wait for the results of the Indonesian presidential election
Framing conclusions	Indonesia is a strong candidate to join BRICS, but the decision is in its hands

Table 4

News Matrix

Define a problem	Putin believes that the world as developing towards many central poles of power, or multipolarity Putin calls Indonesia a driver of multipolarity Putin emphasized his commitment to reducing confrontation at the global and regional levels, striving for a multipolar world order
Identify its causes	Putin's support to multipolarity is determined by the strong hegemony of the United States and its allies, and its actions in relation to other countries The US and its allies have clear goals, namely profiting from humanitarian tragedies and conflicts by forcing countries to submit to neo-colonial systems, and from exploiting resources To achieve the above-mentioned goals, the US and NATO continue to develop their offensive capabilities to spread military confrontation into space and information domain with both military and non-military means [18] Together with its allies, the US strengthens its hegemony in political, economic, military, ideological and other spheres by various means ranging from the most subtle such as proxy wars to the most aggressive such as attacks on other countries, among which Iraq was the victim Although the US and its allies still look very strong, their hegemony has recently shown a downward trend, which is confirmed by the strengthening position of China on the global stage
Make a moral judgment	Basically, humans have a pessimistic, greedy and power-hungry nature, which explains the lack of morality in political behavior Humans are wolves for each other, which can be seen in various ways the US strengthens its hegemony
Make recommendations	If Indonesia is truly one of the global multipolar powers, it should defend its national interests without ignoring the fate of other countries
Framing conclusions	Indonesia needs to strengthen the Non-Aligned Movement, ASEAN, and organizations outside the alliance-oriented coalition blocs. South-South collaboration, Archipelagic and Island States need to strengthen in order not to get trapped in polarization and to work together for peace, justice and prosperity.

Table 5

News Matrix

Define a problem	Putin: the world is witnessing the steady rise of a new multipolar order Putin: most countries are ready to assert their sovereignty and defend their national interests, traditions and culture, to which a multipolar world order will certainly contribute
Identify its causes	The US intends to reformat the existing system of international relations in the Asian Pacific region according to its wishes Washington's Indo-Pacific strategy aims at creating a US-led military and political association. NATO member states actively increase their offensive potential to control other states with military and non-military means
Make a moral judgment	In a multipolar system, countries assert their sovereignty and defend their national interests, traditions and culture, which contributes to a stable and sustainable global development
Make recommendations	The world must not be controlled by one country or one pole, because every country has the right to assert their sovereignty and defend its national interests
Framing conclusions	The world is witnessing the rise of a new multipolar order as a fair system of international relations

Table 6

News Matrix

Define a problem	Putin: there are many centers of power in the contemporary world, which is determined by the rapid growth of China, Russia, India, Indonesia and Brazil
Identify its causes	Rapid growth in China, Russia, India, Indonesia and Brazil
Make a moral judgment	This growth drives the world towards a multipolar order
Make recommendations	This growth should be used to develop many power centers
Framing conclusions	A multipolar world is a result of the rapid growth in several countries

Based on these news matrixes, we can define the multipolar world presented in the Indonesian media as a concept emphasizing the idea of balance and equal rights for every country in the system of international relations. This multipolar world develops due to the rapid growth in several countries, which contributes to the global transition from the existing paradigm dominated by one civilization under the slogan of globalization, Westernization, Americanization, universalization and liberalization to the state of multipolarity as not opposed to but rather ignoring the West. To make such conclusions from the framing analysis, we took the following steps: defined the problem by identifying its causal agents with their costs and benefits, found moral judgments to evaluate causal agents and their effects, proposed treatments for the problem and their possible effects. The image of Russia in Indonesia in relation to the multipolar world order is that Russia encourages countries experiencing rapid growth to assert their sovereignty, to defend their national interests, traditions and culture, and to give up the idea of unipolarity.

In other words, today's news framework is determined by geopolitical and civilizational presentations of a multipolar world as being born today, and Russia supports this birth, arguing that the world must not be ruled by any one or two poles, since every state has the right to assert its sovereignty, defend its national interests and strengthen its regional cooperation.

References

1. Andhita P.R. Assistance in writing online media opinions on PC IMM Banyumas using a group achievement approach. *LPM Newsletter*. 2021; 24 (2).
2. Andreevich D.D. Concept of multipolarity in the Western, Russian and Chinese academic discourse. *Sententia*. 2020; 2 (2).
3. Anholt S. The media and national image. *Place Branding and Public Diplomacy*. 2009; 5 (3).
4. Buhmann A. *Measuring Country Image*. Wiesbaden; 2016.
5. Canggara H. *Communication Dimensions*. Jakarta; 2003.
6. Chebankova E. Russia's idea of the multipolar world order: Origins and main dimensions. *Post-Soviet Affairs*. 2017; 33 (3).
7. Degtarev D.A. Multipolar world order: Old myths and new realities. *RUDN Journal of International Relations*. 2019; 19 (3).
8. Entman R.M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*. 1993; 43 (4).
9. Kaban K. Multipolar world vision: Civilization factors and Russia's position in the new world order. URL: <https://koran-jakarta.com>.
10. Krauthammer C. The unipolar moment. *Foreign Affairs*. 1991; 70 (1).
11. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Neighboring countries' images: Persistent stereotypes of the Russian student youth. *RUDN Journal of Sociology*. 2017; 17 (3).
12. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sociological evaluation of neighbor countries' images: Methodological issues. V.A. Mansurov (Ed.). *Russian Sociology in the Period of Crisis, Critique and Changes*. Moscow; 2013.
13. Nur E. The role of mass media in facing the invasion of online media. *Journal Mass Communication*. 2021; 52 (2).
14. Nurudin N. *Development of Communication Technology*. Jakarta; 2017.
15. Peters M.A. The emerging multipolar world order: A preliminary analysis. *Educational Philosophy and Theory*. 2023; 55 (14).
16. Pinontoan N.A., Wahid U. Analysis of the framing of Jakarta flood reports in January 2020 in the daily Kompas.com and Jawapos.com. *Community: Journal of Communication and Information Technology*. 2020; 12 (1).
17. Priangani A. Development of Brics (Brazil, Russia, India, China and South Africa) in the global political economy. *National Journal*. 2015; 4 (7).
18. Putri R.M. Russia's interest in collaborating with Indonesia in the field of space technology. *Jom Fisip*. 2016; 3 (2).
19. Rosmawandi H. Indonesia's geopolitical position in the rivalry between China and the United States. *Changing Thinking*. 2022; 1 (2).
20. Santosa R. Framing analysis of ethnic Chinese reporting in the online media in February 2016. *E-Communication*. 2016; 4 (1).
21. Sapto A.I. Russia Calls Indonesia a Strong Candidate to Join BRICS. URL: <https://www.kompas.com>.
22. Saputra A.A. Putin: the Multipolar Campaign and Indonesia. URL: Sindonews.com.
23. Saragih M.Y. Mass media and journalism: A study of the meaning between the print mass media and journalism. *Community Empowerment*. 2019; 6 (1).
24. Shapiro J. Is a multipolar world forming? URL: <https://geopoliticalfutures-com>.

25. Sinaga K.C.S. Analysis of the framing of Sarinah bomb reporting on Kompas.com and Merdeka.com. *Jom Fisip*. 2016; 3 (2).
26. Sobur A. *Media Text Analysis*. Bandung; 2012.
27. Warouw D.M.D., Rembang M. The importance of websites as tourism information media for Minahasa regency. *Acta Diurna Communications*. 2020; 2.
28. Shri Bimo E. Putin: Indonesia as a driver for the birth of a multipolar world together with Russia, China, India and Brazil. URL: <https://www.kompas.tv>.
29. Xinhua: Putin discusses the stable development of a multipolar world order. URL: <https://www.antaranews.com>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1148-1157

EDN: OVZBJL

Социологический подход к изучению имиджа России в индонезийских средствах массовой информации*

В.Л. Музыкант, Панча Сюркани

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: vmouzyka@mail.ru; pancasyurkani@gmail.com)

Аннотация. Концепция многополярного мира основана на идее баланса и равных прав каждой страны на международной арене, и эта идея была подробно изложена в Концепции внешней политики России еще в 2000 году. Президент России неоднократно выступал за многополярный мировой порядок, что отчетливо прослеживается в целом ряде новостных сообщений в индонезийских средствах массовой информации. Социологическая интерпретация любого образа основана на описательном качественном анализе фрейминга, направленном на выявление того, как событие понимается и фреймируется средствами массовой информации. Авторы отобрали релевантные информационные сообщения в индонезийских онлайн-медиа и провели анализ, который позволил сделать следующие выводы: во-первых, многополярный мир — это концепция, которая основана на идее баланса и равенства; таким образом, геополитическая модель многополярного мирового порядка должна заменить существующую парадигму, в которой доминирует одна цивилизация, распространяемая по всему миру под лозунгами глобализации, вестернизации, американизации, универсализации, стандартизации и либерализации. Во-вторых, образ России в индонезийских СМИ, конструируемый в связи с идеей многополярного мирового порядка, создает представление о России как стране, которая призывает другие государства, переживающие быстрый рост, утверждать свой суверенитет и защищать свои национальные интересы, традиции и культуру. Схожий образ России конструируется в тех новостных сообщениях, где делается тот же акцент на объективном наличии стран, переживающих быстрое развитие благодаря независимой политике, но здесь цитируются высказывания Президента России о том, что современный мир больше не находится под влиянием только одной страны или одного полюса, поскольку все государства сегодня имеют одинаковые суверенные права. Таким образом, позиция России, представленная в индонезийских СМИ, безусловно, находит одобрение и поддержку у индонезийского общества.

Ключевые слова: образ России; многополярный мир; БРИКС; индонезийские СМИ; национальные интересы; анализ фрейма/фрейминга

*© Музыкант В.Л., Сюркани Панча, 2024

Статья поступила в редакцию 20.06.2024. Статья принята к публикации 14.10.2024.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1158-1162

EDN: OVFYOC

VI Международная научно-практическая конференция «Социальная динамика населения и человеческий потенциал»*

Т.А. Игнатова

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН,
Нахимовский просп., 32, Москва, 117218, Россия

(e-mail: ignatova0304@mail.ru)

Аннотация. В статье представлен обзор VI Международной научно-практической конференции «Социальная динамика населения и человеческий потенциал», проведенной 20–21 июня 2024 года Институтом социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) при поддержке Отделения общественных наук РАН, НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения Москвы, НИИ статистики Росстата, Вологодского научного центра РАН и кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. На пленарном заседании был представлен широкий круг вопросов и проанализированы различные аспекты человеческого потенциала и социальных проблем, включая мобильность граждан в городах разного типа, национальные цели развития, бедность, сокращение населения и социальное расслоение, а также влияние государственной поддержки на деторождение. В ходе конференции с докладами выступили студенты и сотрудники РУДН. На тематических секциях и круглом столе была рассмотрена роль религиозных ценностей в современном российском обществе и национальной идентичности, отмечен феномен джентрификации и многоаспектность здорового образа жизни, освещены актуальные вопросы социологии управления, например значение «менделевского руководителя» в организационной адаптации. На круглом столе был обсужден потенциал искусственного интеллекта и его риски, особенно в сфере образования. По итогам конференции был сделан ряд выводов, включая низкий уровень приверженности здоровому образу жизни у россиян, необходимость создания равных условий для всех горожан и нарастание негативного воздействия искусственного интеллекта на критическое мышление.

*© Игнатова Т.А., 2024

Статья поступила в редакцию 16.07.2024. Статья принята к публикации 15.10.2024.

Ключевые слова: человеческий потенциал; здоровье; социальная мобильность; семья; деторождение; традиционные ценности; искусственный интеллект

VI Международная научно-практическая конференция «Социальная динамика населения и человеческий потенциал» была проведена 20–21 июня 2024 года. Ее организатором выступил Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской (ИСЭПН ФНИСЦ РАН). Пленарное заседание открыл директор ИСЭПН ФНИСЦ РАН, член-корреспондент РАН В.В. Локосов, с докладом выступил и М.Ф. Черныш (директор ФНИСЦ РАН, член-корреспондент РАН), отметив серьезные изменения в численности населения крупных и малых городов. По результатам авторского исследования Черныш назвал большой город и малодетную нуклеарную семью в качестве приоритетов будущих поколений. А.Р. Бахтизин (директор ЦЭМИ РАН, член-корреспондент РАН) обозначил негативные тенденции перераспределения материнского капитала на первого ребенка, отметив перспективы «атомизации» общества, т.е. сокращения числа родственников. Р.И. Нигматуллин (научный руководитель Института океанологии РАН, академик РАН) сосредоточился на аномально сильном социальном расслоении российского общества (в бедности живет три четверти населения). На проблему депопуляции и негативное влияние перераспределения материнского капитала на первого ребенка также обратили внимание Р.А. Хамзин (директор НИИ статистики Росстата) и О.А. Золотарева (директор Центра демографии и статистики Института экономических стратегий РАН, главный научный сотрудник НИИ статистики Росстата), отметив отсутствие весомого влияния государственной поддержки на очередность деторождения. А.И. Антонов (заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ) зафиксировал тенденцию перехода от «фамилистического» общества к обществу «бессемейному» в массовом сознании граждан.

Обсуждение социальных проблем, связанных с развитием человеческого потенциала, было продолжено в рамках секций «Семейно-детный образ жизни: результаты исследований, проблемы и перспективы», «Здоровье населения и его обеспечение», «Формирование и воспроизводство демографического потенциала», «Жилищная политика и рынок жилья: социально-экономические проблемы», «Кадровое обеспечение отраслей экономики и социальной сферы: риски и возможности», «Социально-экономические проблемы человеческого развития и человеческий потенциал» и круглого стола «Молодежь за перемены: новые подходы к решению социально-демографических и экономических проблем».

Во всех обсуждениях принимали участие сотрудники и учащиеся РУДН. Так, И.Б. Назарова в докладе «Элементы здорового образа жизни» обратила внимание на низкий уровень приверженности здоровому образу жизни: тако-

вая прослеживается у 7 % российских мужчин и 11 % женщин. В целом поведение населения в сфере профилактики здоровья показывает позитивную динамику, но остается на слишком низком уровне, чтобы внести существенный вклад в улучшение здоровья. В это же время активность населения и в период заболевания также остается на низком уровне, здесь позитивная динамика отсутствует: более половины россиян в период болезни не обращаются к врачу, занимаясь самолечением. Р.С. Нестеров в докладе «Взаимное влияние образа жизни и эмоционального здоровья» рассказал о важности эмоционального здоровья и его взаимосвязи с разными факторами (взаимодействие с близкими людьми, физическое здоровье и другие составляющие образа жизни).

Я.А. Гудкова в докладе «Темная сторона здоровых городов: последствия джентрификации» отметила, что сохранение здоровья стало одним из приоритетов как для граждан, так и для государств. Обустроенная городская среда оказывает значительное влияние на образ жизни и здоровье людей, отражаясь на их самочувствии и ощущении счастья. Граждане признают важность социальной инфраструктуры, которая позволяет большинству россиян чувствовать оптимизм и уверенность в завтрашнем дне: объекты городской инфраструктуры влияют на психическое здоровье, самооценку и распространенность хронических заболеваний, а социальная инфраструктура воздействует на формирование практик здоровья, предоставляя доступ к необходимым ресурсам и услугам. Однако проект «Здоровые города» и аналогичные инициативы могут иметь двойственный эффект: с одной стороны, способны улучшить самооценку здоровья и предотвратить возникновение заболеваний; с другой стороны, могут усугубить социальное и медицинское неравенство, усиливая разрыв между группами по критерию доступа к качественным услугам здравоохранения. Таким образом, при разработке и реализации проектов, направленных на улучшение городской среды и здоровья граждан, необходимо учитывать возможные негативные последствия джентрификации и стремиться обеспечивать инклюзивные и равноправные условия для всех жителей города.

М.А. Кунаев в докладе «Менделевский руководитель: понятие и его роль в организационной адаптации» пришел к выводу, что организация становится адаптивной благодаря гибким формам, которые может обеспечить модель «менделевского руководителя» — это лидер, находящийся в центре адаптационного процесса, который поощряет сотрудников к поиску самостоятельных решений и не вмешивается в этот процесс напрямую, обеспечивает коэволюцию организации и ее окружения, включая рыночную нишу и взаимодействие с партнерами. Основа модели — опора на существующие у членов организации представления, цели и стратегии поведения, включая идеи о своей роли и о том, как должна действовать компания в разных ситуациях.

Студентки У.С. Перевалова и М.А. Бушуева подготовили выступление для круглого стола на тему «Внедрение искусственного интеллекта в сферу

образования: возможности и риски». Перспективным направлением использования искусственного интеллекта (далее — ИИ) в образовательной сфере выступает разработка интеллектуальных систем-ассистентов — этим роботы помогут с выполнением заданий, разясняя сложные моменты. Однако очевидны и проблемы, связанные с внедрением ИИ в образовании, в частности конфиденциальности и защиты персональных данных: люди обеспокоены защитой частной жизни, так как перемещение информации и ее использование в недобросовестных целях угрожают их безопасности. Активное использование ИИ может привести к росту неравенства и дискриминации. Сохраняется вопрос о качестве знаний, которые воспринимают технологии ИИ. Компьютеризация образования может негативно сказаться на самостоятельных когнитивных операциях обучающихся (существует риск, что учащиеся будут меньше развивать критическое мышление и самостоятельно решать задачи, полагаясь на помощь ИИ).

В.А. Тупикова в докладе «Аспекты формирования национальной идентичности» показала, что национальные государства гордятся своим разнообразным прошлым, традициями и историческим наследием, используя их для утверждения и легитимизации государственности, поэтому национальная идентичность не возникает спонтанно или локально, а формируется и усваивается всем населением территории, что требует масштабной институциональной поддержки. Такие «инструменты», как система образования в геллнеровской традиции, электронные средства массовой информации и учебники играют решающую роль в формировании и передаче национальной идентичности, внедряя и укрепляя современную культуру и национальное сознание через практику повторения. Таким образом, граждане, обладающие общей национальной идентичностью, имеют четкое представление о своей географии, истории, культуре и ресурсах, что помогает им ценить и защищать суверенитет и самоуправление своего государства и народа.

Т.А. Игнатова в выступлении «Религиозные ценности в российском общественном дискурсе» провела сравнительный анализ «трансляции» ценностей христианства в религиозных догматах, государством и общественным мнением. 40% россиян отводят религии важное место в жизни, 57% не приверженцы религии, но знают традиционные религиозные ценности, соглашаются с ними и придерживаются их в своей жизни. В России наблюдается значительное соответствие между христианскими ценностями, декларируемыми государством и разделяемыми обществом, что говорит о глубоком влиянии христианского наследия. Государство опирается на религиозную традицию при формировании своей политики, а общество воспринимает ценности как через религию, так и через государственные институты. Более того, семья считается основополагающей ценностью всеми тремя «субъектами»: ее значение не уменьшается, но ее модель становится более гибкой, адаптируясь к современным реалиям.

В заключение следует отметить, что взаимодействие участников конференции было организовано в разных форматах — пленарное и секционные заседания, круглый стол; очное и дистанционное участие.

По итогам конференции был сделан ряд выводов, включая низкий уровень приверженности здоровому образу у россиян, необходимость создания равных условий для всех горожан и нарастание негативного воздействия искусственного интеллекта на критическое мышление.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1158-1162

EDN: OVFYOC

VI International Scientific-Practical Conference “Social dynamics of population and human potential”*

T.A. Ignatova

RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS,

Nakhimovsky Prosp., 32, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: eignatova0304@mail.ru)

Abstract. The article presents an overview of the VI International Scientific-Practical Conference “Social dynamics of population and human potential” held on June 20–21 by the Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS with the support of the Department of Social Sciences of the RAS, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management, Research Institute on Issues of Socio-Economic Statistics of the Federal State Statistics Service, Vologda Scientific Centre of the RAS, and the Department of Sociology of Family and Demography of the Moscow State University. The plenary session covered a wide range of issues and various aspects of human potential and social problems, including mobility in different types of cities, national development goals, poverty, population decline and stratification, and the impact of state support on childbirth. Students and teachers of the RUDN University made presentations at the conference: at the thematic sections, they considered religious values in the contemporary Russian society and issues of national identity; the role of gentrification and its different aspects, and healthy lifestyle components; the urgent issues of sociology of management such as the role of Mendelian manager in organizational adaptation. The round table focused on the potential of artificial intelligence and its risks, especially in education, and some conclusions were made, including the low level of commitment to healthy lifestyles, the need to create equal conditions for all city dwellers, and negative effects of artificial intelligence on critical thinking.

Key words: human potential; health; social mobility; family; childbirth; traditional values; artificial intelligence

*© T.A. Ignatova, 2024

The article was submitted on 16.07.2024. The article was accepted on 15.10.2024.

НАШИ АВТОРЫ

Андропова Анастасия Романовна — соискатель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: andronova-ar@rudn.ru).

Бабинцев Валентин Павлович — доктор философских наук, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (e-mail: babintsev@bsuedu.ru).

Бабич Николай Сергеевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: sociolog@mail.ru).

Бокерия Светлана Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: bokeria-sa@rudn.ru).

Борщевский Георгий Александрович — доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: borshchevskiy-ga@ranepa.ru).

Бессчетнова Оксана Владимировна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра общественного здоровья и социальной инклюзии Государственного университета управления; профессор кафедры социальной работы Института клинической психологии и социальной работы Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова (e-mail: oksanabesschetnova@yandex.ru).

Габдрахманова Гульнара Фаатовна — доктор социологических наук, заведующая отделом этнологических исследований Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (e-mail: medi54375@mail.ru).

Гайдукова Галина Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (e-mail: gaydukova-gn@ranepa.ru).

Галиуллин Рашит Дамирович — бакалавр кафедры системного анализа и управления Санкт-Петербургского горного университета имени императрицы Екатерины II (e-mail: rd.galiullin@gmail.com).

Губанова Александра Юрьевна — кандидат социологических наук, заместитель председателя исследовательского комитета «Социология детства» по информационному развитию Российского общества социологов (e-mail: alexandra.gubanova@gmail.com).

Денисова Галина Валерьевна — доктор культурологии, заместитель декана по научной работе и развитию факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: denissovagv@my.msu.ru).

Железняков Александр Сергеевич — доктор политических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; исполнитель проекта РФФИ № 24-48-03030 Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: zhelezniakovas@yahoo.com).

Игнатова Татьяна Андреевна — аспирант кафедры социологии Российского университета дружбы народов; младший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: eignatova0304@mail.ru).

Капишин Александр Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: kapishin-ae@rudn.ru).

Коленникова Нина Дмитриевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: kolennikova-nina@mail.ru).

Кравченко Сергей Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: sociol7@yandex.ru).

Ляликова Софья Викторовна — научный сотрудник Лаборатории исследования здоровья населения и системы здравоохранения Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: lyalikova.sociology@yandex.ru).

Майорова-Щеглова Светлана Николаевна — доктор социологических наук, профессор Московского государственного психолого-педагогического университета (e-mail: sheglova-s@yandex.ru).

Мамедов Агамали Куламович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии и социальных коммуникаций Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: akmnauka@yandex.ru).

Мартыненко Татьяна Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры гуманитарных дисциплин факультета рыночных технологий Института отраслевого менеджмента Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: ts.martynenko@gmail.com).

Музыкант Валерий Леонидович — доктор социологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов (e-mail: muzykant-vl@rudn.ru).

Назарова Инна Борисовна — доктор экономических наук, заведующая Лабораторией исследования здоровья населения и системы здравоохранения Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: inna-nazarova@mail.ru).

Никифоров Святослав Вадимович — кандидат педагогических и юридических наук, старший научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; исполнитель проекта РНФ № 24-48-03030 Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: ursus-arktos@yandex.ru).

Панча Сюркани — аспирант кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов (e-mail: panchnn@yandex.ru).

Попов Михаил Юрьевич — доктор социологических наук, шеф-редактор научного журнала «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» (e-mail: popov-52@mail.ru).

Самун Мохаммад Харун — аспирант кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: 1032195969@rudn.ru).

Сапунова Ольга Валерьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры словесных искусств факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: sapunovaov@my.msu.ru).

Смирнова Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой цифровой журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: smirnova.olga.msu@yandex.ru).

Старостина Дарья Антоновна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры маркетинга и рекламы факультета рыночных технологий Института отраслевого менеджмента Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; ассистент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: dasha-sta@yandex.ru).

Стирманова Раиса Станиславовна — аспирант Высшей школы информационных технологий и автоматизированных систем Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: r.s.stirmanova@gmail.com).

Тужба Эмир Нодариевич — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом Кубанского государственного технологического университета (e-mail: emirtu@yandex.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru).

Тутыгин Андрей Геннадьевич — кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории проблем развития территорий Института социально-экономических и биоресурсных исследований Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук (e-mail: andgt64@yandex.ru).

Цимбал Мария Владимировна — младший научный сотрудник Лаборатории гендерных проблем Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: marya.tsimbal@yandex.ru).

Чижова Людмила Александровна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории проблем развития территорий Института социально-экономических и биоресурсных исследований Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук (e-mail: chijova.mila@yandex.ru).

Чулуун Сампилдондовын — доктор истории, академик Монгольской академии наук, директор Национального музея Чингисхана (e-mail: samchuluun@gmail.com).

Шаповал Жанна Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (e-mail: shapoval@bsuedu.ru).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 20 до 30 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. **Все таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии АМА. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
 - ♦ **аннотация** (резюме) объемом 250–300 слов на русском и английском языках;

- ◆ **список 7–8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
- ◆ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; **в статье допускается не более четырех соавторов.**

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее **шести** месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 20 to 30 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ◆ **abstract (summary)** of 250–300 words in Russian and English;
 - ◆ **a list of 7–8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as the **author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four.**

The decision as to publication is made no less than within **six** months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.

ДЛЯ ЗАМЕТОК
